

A painting of a woman with blonde hair, wearing a white dress, sitting in a field of pink and red flowers. She is looking down with her hands clasped near her face. In the background, there is a rainbow arching over a landscape with trees and more flowers. The overall style is soft and romantic.

Галерея
Александров

Олексеvна

G

Annotation

Встреча, которая изменила всю ее жизнь, внесла в нее яркие краски, закружила в вихре страсти. Страсти такой силы, которая могла свести с ума и лишить рассудка.

Сегодня в галерее царило небывалое оживление, еще бы! Ведь сегодня первый день открытой выставки молодого, но уже хорошо известного художника, пишущего в популярном стиле фотореализм. Мой взгляд снова останавливается на одном полотне, которое мне особенно понравилось. На нем изображена обнаженная женщина, стоящая спиной к зрителю. Ее пропорции тела идеальны, у нее приятные для взгляда округлые ягодицы, тонкая талия и стройные ноги. Голова чуть повернута вбок, но ее лица все равно не видно, а ее волосы волнистым каскадом спускаются вниз по спине, доходя почти до середины талии. Ее руки, такие тонкие и изящные, прямо на картине выполняют эротический танец по своему телу, и пусть зрителю не видно, что происходит впереди, но по положению рук и, благодаря прекрасно переданной динамике, можно быть уверенным, что эта женщина ласкает себя. Одна рука находится на уровне груди, а вторая покоится в области между ног. Казалось бы, картина вполне могла получиться пошлой, но благодаря тому, что самой пикантной части действия не видно, эта картина буквально пышет чувственной эротикой. «Да, пожалуй, эта работа самая удачная», — решаю я и делаю глоток шампанского. Отрываю взгляд от нее и снова смотрю в сторону привлекательного мужчины, которого я заметила еще в самом начале. Он весьма хорош собой, высокий и подтянутый. Тёмно-русые волосы и светлые глаза — мое любимое сочетание. Он стоит боком ко мне и довольно далеко, благодаря чему я могу смело его разглядывать. Незнакомец о чем-то увлеченно разговаривает с пожилым мужчиной и его спутницей, вид у всех троих очень заинтересованный. Делаю еще глоток и уже решаю, что пора уходить, как, наконец, пожилая пара отходит от красавца и он, провожая их взглядом, замечает меня. Я довольно смелым жестом приподнимаю над головой бокал с шампанским в знак приветствия ему. А он кивает мне головой. Да, сегодня я смелая, спасибо алкоголю. Отворачиваюсь от него и снова смотрю на обнаженную девушку. Делаю еще глоток, шампанское на удивление вкусное, что редкость на подобных мероприятиях, поэтому решаю сначала допить его, прежде чем уйти. Бросаю взгляд в сторону красавца, его уже нет на том месте. Ищу его взглядом, но вот же он! Теперь у него в руках тоже шампанское и он смотрит на меня, а я улыбаюсь и снова отворачиваюсь. Щеки немного покраснелись, это от шампанского или от взгляда незнакомца? Смотрю на часы, которые мне не так давно подарил папа, и вижу, что уже нахожусь здесь больше часа. Думаю, задание я выполнила, пора и домой.

— Прекрасное творение, правда? — говорит мне тихий и хриплый голос. Я вздрагиваю от неожиданности, поворачиваю голову и снова встречаюсь взглядом со своим незнакомцем, хотя, почему собственно моим? Теперь он так близко, что у меня вдруг перехватывает дыхание.

— Да, оно очень красивое, — соглашаюсь я.

— И сексуальное, — продолжает он и смотрит прямо мне в глаза.

— Да.

В горле пересыхает, и я снова делаю глоток шампанского. Его взгляд перемещается на мои губы, я невольно облизываю их, и его глаза вспыхивают, словно он видит в этом личное приглашение. И я тоже опускаю глаза на его губы. Кажется, что в жизни не было более эротичного момента, чем этот, когда я смотрю на мужские губы, а мужчина смотрит на мои.

Они такие чувственные, что у меня возникает желание прикусить нижнюю, засосать ее в рот и облизать языком. Я несколько раз моргаю, чтобы прогнать подобные мысли из головы. Уверена, сейчас мое лицо пылает от смущения за подобные мысли и от огня, который разбушевался внутри из-за них.

— Вы здесь одна?

— Да, одна.

— Как же такое могло случиться? Такая привлекательная молодая женщина и совсем одна. Вы поклонница фотореализма? — с удивлением спрашивает он, его голос действительно очень хриплый, словно у него надорваны связки. Но звучит это очень сексуально.

— Так уж вышло, — просто отвечаю, надеясь, что разговор о моем одиночестве будет закрыт. Я и так слишком его часто ощущаю, чтобы мне о нем кто-то напоминал. — И я не особо знакома с данным видом творчества, можно сказать, сегодня познакомилась с ним впервые. А вы?

— Я знаком с ним довольно хорошо, — он широко улыбается, обнажая свои белые зубы. Он чем-то напоминает мне хищника. Опасного и жестокого. Такие вещи чувствуешь на уровне интуиции. И это притягивает, а в совокупности с его хриплым голосом, просто взрывная смесь. — Вы тут одна и я один, может, продолжим знакомство?

— А вы быстрый, — замечаю я, одновременно польщённая и удивленная.

— Медленно я тоже могу, лишь бы было приятно, — улыбка такая коварная, что нет сомнений, о чем он сейчас говорит. — Так вам нравится больше?

— Хм, сначала медленно, потом можно быстрее, — я соблазнительно улыбаюсь, принимая его правила игры. Возможно, уходить мне еще рано. — Вариантов может быть много, как вы и сказали, главное, чтобы было приятно. Я провожу кончиком языка по верхней губе, теперь это действительно приглашение. Я возбуждена, алкоголь окончательно ударил мне в голову, и тело в таком напряженном томлении, словно натянутая струна.

— Здесь довольно шумно, — его голос я слышу, словно сквозь вату. Он медленно переводит взгляд с моих губ на глаза. — Вы согласны?

— Да, согласна, — не совсем понимая, с чем именно я соглашаюсь.

— В конце малого зала есть коридор, там довольно тихо.... Через пять минут, — говорит он уверенным голосом, словно мой положительный ответ будет чем — то само собой разумеющимся, разворачивается и уходит. А я так и стою с открытым от удивления ртом, и не могу понять, какое чувство во мне преобладает сильнее: желание пойти за ним, или возмущение от того тона, с которым он это говорил. Его уверенность, что я пойду за ним, поражает. Ему вряд ли часто приходилось слышать слово «нет». Я стою в нерешительности. Если я соглашусь на это, изменит ли такой безрассудный поступок что-то во мне? Или же он пройдет, как еще один эпизод в моей жизни? К черту, я решаюсь. Допиваю шампанское одним глотком, избавляюсь от бокала. И медленно иду в том направлении, которое он мне указал. Мои коленки немного трясутся. Я еще не до конца осознаю, на что решилась, но отступить уже не намерена. Вот и малый зал, и коридор в конце, заворачиваю за угол. Здесь довольно темно, вижу очертания двух дверей, наверное, здесь подсобные помещения или что-то вроде этого. Но где же... я даже не знаю его имени! Тут кто-то неожиданно обхватывает меня за талию, прижимая к себе. Я знаю, что это он, но все равно хочу развернуться, чтобы убедиться в этом. Но он мне этого не позволяет. Он склоняет голову к моей шее, утыкается в нее носом, щекочет кожу своим дыханием.

Проводит по ней языком. Ощущения невероятные! Мои колени подгибаются, и он еще плотнее прижимает меня к себе. Я чувствую его эрекцию, это дико меня возбуждает, дыхание учащается, становится прерывистым. Он целует мою шею, его руки ласкают мое тело, мою грудь, живот. Я чувствую, как ткань платья медленно ползет вверх, обнажая мои бедра. А между ног уже все пульсирует от возбуждения и сильного желания, в безумстве я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне именно там. Но он не торопится. Очевидно, решив начать делать это медленно. Поглаживает мои бедра, продолжая языком ласкать шею, доходит до моего уха, слегка прикусывает его, и проводит по этому месту языком. Он заставляет меня дойти до стены и упереться в нее руками. И тут до меня, наконец, доходит, что там, за этой самой стеной, куча народу. Что, если нас увидят или услышат? Осознание, что могу быть поймана здесь с задранной одеждой, прижатая к стене, доводит возбуждение до самого пика.

— Пожалуйста, — шепчу я, умоляя. У меня нет сил, сказать что-то еще. Он спускает с меня трусики, проводит рукой между ног, убеждаясь, что я уже мокрая. Я слышу, как звякает застежка его ремня, затем шорох приспущенных штанов, и звук разрывающейся упаковки — презерватив! Вот черт, об этом я даже не думала. Прислоняюсь щекой к прохладной поверхности стены. А мужчина обхватывает мои волосы, сжимая их в кулак, и оттягивает голову назад, снова утыкается в мою шею. Я прогибаюсь сильнее, подставляю себя ему, хочу его немедленно. Он быстро входит, легко находя нужный темп, сводящий меня с ума. Я тихо постанываю, мои ногти начинают царапать шершавую поверхность стены. Я бы позволили себе стонать громче, но боюсь потерять контроль и быть услышанной. Толчки становятся еще сильнее, быстрее. Одной рукой он придерживает меня за бедро, а другой продолжает тянуть за волосы. Я закрываю глаза, и мне уже плевать услышат меня сейчас или нет. А тем временем его рука отпускает мои волосы, перемещаясь к самой чувствительной точке у меня между ног, начиная массировать ее, от чего я уже думаю, что упаду, так как мои ноги уже совсем перестают меня держать. Еще один раз, толчок, второй. Я теряюсь в ощущениях, меня накрывает теплой волной удовольствия, теряю связь с реальностью. О, Боже! Из горла доносится последний сладкий стон освобождения, и я слышу удовлетворенное рычание мужчины сзади меня, он достигает кульминации следом за мной.

Мы стоим, пытаюсь привести дыхание в порядок. Я, прижатая к стене, и он, навалившийся на меня сзади. Мне приятна тяжесть его тела. Проходит какое-то время, он отстраняется и поправляет на мне одежду. Какая любезность! А я все еще стою, прислонившись к стене. Слышу, как он надевает брюки. Я отталкиваюсь от стены, только когда чувствую, что ноги снова в состоянии справиться с силой моего веса. Вот все и закончилось, дыхание нормализовалось, легкая дымка алкоголя выветрилась, и теперь на меня нападает оцепенение. Я боюсь повернуться назад и встретиться с ним взглядом. С мужчиной, с которым у меня только что был потрясающий секс. Глупо теперь чувствовать смущение. Снова вспоминаю, что не знаю его имени и уже хочу спросить его об этом. Но он заговаривает первым:

— Ты — это что-то с чем-то, — шепчет он мне на ухо и целует в шею. — Ресторан «Ренессанс», в субботу в восемь вечера. — Все таким же само собой разумеющимся тоном говорит он. Сама не знаю почему, но я согласно киваю. Хотя сомневаюсь, что ему нужно мое подтверждение. Чувствую, как он отстраняется от меня, а затем я слышу его удаляющиеся шаги. Я разворачиваюсь и вижу, что он и вправду ушел. Невероятно! Я прислоняюсь спиной к стене, меня только что отымили, пригласили в ресторан и оставили

одну в темном закутке одного из самых больших музеев города.

* * *

На улице идет морозящий дождик, он немного остужает все еще разгоряченное тело. Я даже специально медлю, прежде чем открыть машину, желая постоять под ним подольше. Я не знаю, куда подевался этот самоуверенный любитель быстрого переписа в общественных местах и не хочу знать. Как только я вышла из темного закутка, то сразу направилась к выходу. Стоит ли говорить, что я нарочно старалась смотреть в пол, лишь бы не встретиться с ним снова. Встретиться с ним еще раз? Нет уж, я пас. Пускай ждет меня в этом «Ренессансе» сколько душе угодно. Если я правильно поняла, то он имел в виду итальянский ресторан, который находится при отеле с аналогичным названием. Пускай ведет в номер другую дурочку, а мне было достаточно. Сажусь в машину и еду домой. Дворники медленно скользят по ветровому стеклу, убирая мелкие капли дождя, навевая тоску. Их монотонные движения начинают клонить меня ко сну. Я уже почти успокоилась, первые бушующие эмоции после незапланированного секса проходят, а постоянное недосыпание берет верх над телом, торопя разум поскорее отключиться и погрузиться в мир снов. Вот и моя улица, наконец-то! Я уже тороплюсь поскорее очутиться в своей маленькой квартирке, которую снимает для меня папа, зарыться в одеяло и отключиться до завтрашнего утра, чтобы выкинуть из головы все лишнее. Собравшись с силами, принимаю душ, а в голове назойливо мелькают воспоминаия о прикосновениях этого странного мужчины. Ха! А я-то не странная? Да, думаю, со своими тараканами я могу дать фору любому. Это до сих пор странно для меня, не бояться секса после всего, что случилось. Я отношусь к нему вполне нормально, ведь это я решаю с кем и где. Наверное, это своего рода освобождение. Не знаю, я так и не ходила на прием к психологу, как бы не настаивали родители. Думаю, я и так вполне себе справилась. Случившееся со мной происходит сплошь и рядом, уж я-то знаю, статистику смотрела. Мне нужно скорее уснуть, я совсем без сил, а еще, наивная, думала успеть написать заданное эссе по выставке. Да уж, мне будет о чем написать. Эмоции вылились через край. Успею дописать перед парой, с этими мыслями ложусь в кровать и погружаюсь в беспокойный сон.

Университет, в котором я учусь на кафедре дизайна, имеет несколько корпусов. Многие из них до сих пор для меня, что-то вроде лабиринта, такими запутанными они все кажутся. Мой внутренний навигатор совсем не работает, я плохо ориентируюсь на местности, даже на хорошо знакомой, папа говорит — это у меня от мамы. Она может потеряться даже в обычном магазине, если он превышает сто квадратных метров. А сегодня, как назло, занятия по композиции перенесли в соседний корпус. В нашем корпусе делают ремонт, директор университета ждет важных гостей из Министерства образования, вот и стараются всюду навести блеск. Я нахожу нужный кабинет всего за несколько минут до начала пары. Сажусь на свободное место, киваю головой в знак приветствия знакомым студентам, сидящим рядом, и быстро достаю из сумки блокнот с ручками с карандашами. И, не теряя времени, начинаю быстро писать эссе, вспоминая все ощущения и эмоции от вчерашней выставки. Я всегда пишу очень быстро, для меня писать подобные эссе одно удовольствие. Но сегодня, в виду того, что слишком много времени было потеряно на поиск кабинета, не успеваю написать и половины. В класс заходит наш преподаватель, Эльмира Вениаминовна, невысокая и довольно энергичная женщина. Все студенты зовут ее просто Эльмира. Мне она нравится, она всегда умеет найти подход к каждому студенту, помогает и мотивирует. Громкий гул голосов прекращается, начинается урок, слышно только шептание с соседних парт, но и они вскоре утихают. Я все еще сижу, склонившись над блокнотом, попутно вслушиваясь в тему урока. Сегодня нам предлагают представить себя каким-либо представителем флоры или фауны в начале пути нашей жизни и с помощью стилизации и трансформации закончить тем, кем бы мы хотели себя видеть. Для наглядного пособия нам показывают картинку, на которой изображены рыбки, постепенно превращающиеся в птиц. В самом низу этой картинке белые рыбки на черном фоне, постепенно поднимаются вверх, теряют свои плавники, которые вытягиваются в расправленные крылья, и вот уже вверху, на белом фоне, словно вынырнув из темной воды, в белом небе порхают черные птицы. Выглядит очень красиво. Все начинают шуршать бумагой, возиться с сумками, доставая кто перья с чернилами, а кто обычные гелиевые ручки. Жаль, что сегодня я забыла свои перья, с ними работать куда интереснее и проще. Всю первую пару мы рисуем, работаем. Кто-то вперемешку с этим пытается подтянуть свои хвосты. Кто-то тяжело вздыхает, не имея понятия, кого изобразить на рисунке. Все как обычно. Я точно знаю, кем я себя вижу в прошлом, а вот кем хочу стать несколько проблематично. Я еще сама не знаю, чего ждать от будущего, поэтому не представляю, кем могу быть. В самом начале рисунка у меня резвятся в темной мути медузы, распластав свои щупальца, вот только эти щупальца никак не хотят трансформироваться во что-то другое. Я исписываю вот уже четвертый лист, а дело так и не движется. Облегчение приносит то, что задание можно сдать в конце недели. Вздохнув, решаю, что попробую еще раз дома, и снова пытаюсь дописать эссе.

Кто-нибудь был вчера на открытии выставки? — спрашивает Эльмира Вениаминовна.

Я, не отрываясь от своего эссе, тяну руку.

— Как всегда первая у нас Оксана Валевская, — притворно восторженным голосом восклицает Лариса, одна из студенток, с которой у меня не складываются отношения. Я

окидываю зал взглядом, поняв, что руку подняла только я одна. Да уж! И снова выделилась, сама того не желая. Мило.

— И как впечатления? — игнорируя полный сарказма комментарий Ларисы, спрашивает Эльмира.

— Довольно смешанные, — немного запнувшись, произношу я. — Много работ, и все имеют свой смысл.

— Но у каждой выставки есть своя общая идея, какова идея этой выставки? — Эльмира всегда просит развернутые ответы. Она не из тех, от кого можно легко отделаться.

— Думаю — это идея показать то, как душа обнажается одновременно с телом, становится более открытой и уязвимой.

— Оксана, ты считаешь, что обнажая душу, человек становится уязвимым? — удивленно спрашивает Эльмира

— Конечно, а разве нет? — теперь удивляюсь я.

— Хорошо, это твоя точка зрения, но разве художники не обнажают свою душу, выплескивая свои эмоции на картины? Что, если художник будет эмоционально закрыт, как это отразится на его творчестве? Отличная тема для дополнительного эссе! Как всегда формат тот же, размер от одной до полутора страниц. Срок сдачи конец следующей недели. Думаю, этого более чем достаточно. — Эльмира явно довольна собой, что придумала новую тему для размышления. — А теперь все свободны. Хороших выходных.

По аудитории проносятся вздохи и тихие возмущения, мало кто рад новому заданию

— Из нас что, журналистов готовят? — злобно шепчет Лариса, — спасибо тебе, Валевская.

— Почему ты всегда такая стерва? — не остаюсь я в долгу на ее выпад.

— Да потому...

— Это был риторический вопрос! — не даю ей договорить и быстро покидаю кабинет.

* * *

Все еще чувствуя раздражение после короткой стычки с Ларисой, спешу в класс живописи. Там я собираюсь провести весь остаток дня, работая над копией Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем». Когда нам сказали, что на протяжении последнего полугодия экзаменационной работой будет копия художников эпохи Возрождения, я сразу знала какую работу возьму. От одного взгляда на картину Мадонны я погружаюсь в состояние спокойной радости, в котором пребывает молодая прекрасная женщина, кормящая грудью ребенка. Снова, едва не заблудившись в лабиринтах огромного корпуса, наконец, захожу в класс, где, расставив мольберты, занимаются еще несколько студентов во главе с Вероникой Викторовной, нашей самой прозорливой и требовательной преподавательницы. Тихо поздоровавшись с присутствующими, и, чтобы не нарушать рабочую атмосферу, быстро устанавливаю мольберт в нужном положении, чтобы на него хорошо падал свет, и приступаю к работе. Тихо играет музыка из проигрывателя. Здесь постоянно включено радио, музыка служит приятным фоном, она помогает добавить чувства в работы во время их написания. Сегодня народу совсем мало, очевидно многие студенты решили начало выходных провести на солнышке где-нибудь в парке. Я бы тоже раньше так поступила, но теперь большее наслаждение я получаю от работы с красками, чем за веселым щебетанием с подругами. А может я просто бегу от воспоминаний? Возможно, хотя какая разница, я делаю то, что хочу делать, и делаю это по своему желанию.

— Вчера было открытие выставки фотореализма, — Вероника Викторовна, лениво

проверяющая контрольные, сидя за своим столом, вдруг отложила работы и окинула взглядом аудиторию. — Никто еще не был? Оксана?

Ну что же это такое? Опять? Что такого в этой выставке, что все о ней сегодня говорят?

— Да я была там, — стараюсь не смотреть на учителя, и делать вид, что полностью погружена в работу. Я даже немного нахмурила лоб, чтобы придать лицу более напряженное выражение, которое должно было просто кричать о том, что отвлекать меня не стоит.

— И как тебе? — этого вопроса следовало ожидать. А что, если я скажу, что некоторые посетители выставки потрясающе трахаются, она отстанет? Я смотрю на учителя, которая поправляет свои огромные круглые очки. На ее узкое худое лицо, всегда убранные назад волосы в низкий хвост, и серьезные такие внимательные глаза. Нет, пожалуй, она не поймет.

— Очень интересно. Впечатляюще и необычно, — все, что я могу пока сказать. — Много экспрессии, думаю автор и сам довольно экспрессивный и страстный человек.

— А вот тут ты угадала, действительно о Максиме Агапове говорят именно так. Кто не знает, это автор работ. Сама я лично с ним не знакома, но знаю, что люди, которым довелось с ним работать, говорят о нем именно это. — Она снова поправляет очки и продолжает — А знаете ли вы, что это его первая персональная выставка, для человека которому нет и тридцати — это большой успех. До этого он представлял свои работы только в совокупности с другими художниками.

— Да, наверное, — бормочу я, а перед глазами всплывают картинки тихого, темного помещения. Стоны, тяжелое дыхание, руки, скользящие по телу, и я, прижатая к стене таинственным незнакомцем.

— Говорят он еще и симпатичный, — весело сказала девушка с копной непокорных черных волос. Кажется, она учится курсом младше, вроде ее зовут то ли Марина, то ли Карина.

— Кристина! — Вероника Викторовна шутливо машет указательным пальцем, — Вам ли сейчас говорить о мальчиках.

— Да я просто так, я вот сегодня на выставку пойду, нам задание дали, — немного скривившись при слове «задание» сказала Кристина, так вот как ее зовут! — Хотела фотографии найти его вчера в интернете и не смогла.

— Думаю, он еще недостаточно известный, чтобы его можно было легко найти, — пожалав плечами, ответила Вероника Викторовна. — Но, кстати я слышала, что с ним обсуждали возможность провести у нас лекцию. Думаю, конечно, он вряд ли согласится в связи с плотным графиком. Но, если все же согласится, то рекомендую всем вам на нее сходить. Должно быть очень интересно.

— Да, посмотреть на красавчиков всегда интересно! — захихикала Кристина, а вместе с ней и остальные девчонки. Я же только закатила глаза.

— Кристина, — со вздохом недовольства сказала Вероника Викторовна, — я имела в виду, что он сможет подробно ответить на вопросы, которые могут у вас возникнуть при знакомстве с его работами, и о самом стиле фотореализма в целом. Вам, как будущим дизайнерам, это будет очень полезно. И убери белила с красной драпировки, видишь, она стала светлее, чем на репродукции. Я это даже отсюда хорошо вижу.

И снова тишина, время на часах медленно двигается вперед. И с каждым движением стрелок, хоть я и стараюсь не смотреть на часы, которые висят в центре стены класса, оно неумолимо приближается к вечеру. «Ресторан «Ренессанс», в субботу в восемь вечера». Сегодня суббота, время доходит до шести, у меня начинает то сосать под ложечкой, то

подташнивать. Стоило ожидать, что все это всплывет, хотя я и старалась не думать об этом, не думать о хриплом голосе и горячем дыхании у себя на шее. И особенно о назначенной встрече. В коридоре раздаются голоса и шум приближающихся шагов, похоже, они направляются прямо к нам. Интересно, кто это? Обычно в это время в художественном корпусе почти никого не бывает. Дверь открывается и входит наш зав. кафедрой, а следом за ним...я просто не могу в это поверить! Он, любитель быстрого перепахивания общественных мест! Что он здесь делает?!

— Вот смотрите, наша самая большая аудитория. Здравствуйте, Вероника Викторовна, учащиеся — он кивает головой в нашу сторону, а я чувствую, как усиливается тошнота, и мне отчаянно хочется провалиться сквозь землю, пока он меня не заметил. Наклоняю голову над мольбертом, поспешно перекидывая волосы так, чтобы они закрывали мое лицо. К счастью я стою к ним боком, и, если повезет, он меня не увидит. — Познакомьтесь, — это Максим Агапов, он согласился провести у нас лекцию в конце следующей недели. Думаю как раз здесь и проведем, достаточно места и света. Как вам, Максим?

— Думаю, подойдет, — его хриплый голос отдается в моем теле, отдавая пульсацией внизу живота. Это плохо, очень плохо. — Всем добрый вечер.

Все здороваются, а я даже боюсь поднять голову и только украдкой бросаю взгляды в их сторону. Рассматриваю Максима Агапова. Кто же мог подумать, что я так вляпаюсь? Хотя, учитывая мое прошлое, все вполне закономерно. Слышится нервное хихиканье со стороны, где стоят Кристина с подругами. С одной стороны я их понимаю, он очень привлекателен. Максим и Вероника Викторовна обмениваются, какими-то репликами, но их смысл до меня не доходит. Я смотрю прямо на свою работу, бесполезно водя кистью по уже отработанному участку. Скорее бы они ушли, только бы он не узнал, только бы не заметил! Кто же мог подумать, что мой таинственный незнакомец окажется ни кем иным, как тем самым художником, чью выставку я вчера посещала?

— Валевская! — моя фамилия, словно громом проносится по классу, это Вероника Викторовна, — покажись нам.

«Ну, все! Теперь вы у меня в списке любимых преподавателей, Вероника Викторовна»- зло думаю я.

— Да, Вероника Викторовна, — я стараюсь встать за мольбертом так, чтобы меня было плохо видно.

— Максим, вот наша Оксана Валевская. Она уже успела побывать на вашей выставке, была очень впечатлена, — от этих слов мои щеки вспыхивают румянцем, что-что, а впечатлена я была действительно очень сильно.

— Да, мне все понравилось, — с трудом выдавливаю из себя слова и отворачиваюсь спиной, делая вид, что мне что-то срочно понадобилось в сумке. Знаю, выглядит невежливо. Я надеюсь, он даже не посмотрел на меня. Он ведь мог меня не узнать?

— Да, я ее припоминаю, — хриплый голос Максима обрывает все мои надежды на возможность остаться неузнанной, по моей спине бежит холодный пот, — прекрасное сочетание красоты и ответственности и надо полагать таланта?

— Да, Оксана, очень старательная студентка и талантливая, несомненно, — с гордостью в голосе отвечает Вероника Викторовна, — вы ее запомнили?

— У меня хорошая память на лица, — просто объясняет Максим, а я все еще роюсь в сумке, — тем более у Оксаны довольно запоминающаяся внешность.

Все молчат, а я замираю. Мои ладони так вспотели, что сумка того и гляди выскользнет

из них.

— Хм, да конечно, — зав. кафедрой быстро переводит разговор в другое русло, на что я мысленно говорю ему спасибо, и когда они, попрощавшись, выходят, я облегченно вздыхаю, и наконец, оставляю сумку в покое.

— А почему лекция будет здесь, а не в актовом зале? — спрашивает Кристина, — как-то не презентабельно.

— Там сейчас ремонт, и во время лекции, скорее всего еще будет пахнуть краской, — объясняет Вероника Викторовна, — но мы здесь наведем порядок. Мольберты уберем в подсобку, расставим стулья. И все будет отлично. Явка всем обязательна, и предлагаю каждому заранее составить конкретные вопросы, чтобы лекция прошла более плодотворно.

Все согласно кивают, а я делаю дыхательные упражнения, пока не чувствую, что тошнота постепенно начинает отступать.

* * *

Спустя полчаса непрерывного возбужденного жужжания студенток, аудитория постепенно пустеет. Остаемся только мы с Вероникой Викторовной, я всегда остаюсь до последнего. Когда начинаешь разгоняться в творчестве, трудно прерывать процесс. Как только последние девушки уходят, я чувствую облегчение. После того как Максим Агапов ушел, меня буквально забросали вопросами. Как мы познакомились, знала ли я, кто он такой, когда с ним разговаривала. О чем мы говорили, что сказал он, что сказала я. Какой же все это девичий бред! Стоило появиться симпатичному мужскому лицу, как девчонки словно слетели с катушек. Вот он объявился тут, весь такой важный, нарушил мой спокойный и тихий мирок. И кто его тянул сказать, что он меня помнит? Вот зачем ему это было нужно?! И что это за фраза: «Прекрасное сочетание красоты и ответственности и надо полагать таланта»? Он хотел поставить меня в неловкое положение? Ему это удалось. Мне было непросто отвечать на расспросы после его триумфального появления. Встреть я его прямо сейчас, начистила бы ему его идеальный нос. Мне не нравится быть в центре внимания, только не теперь. Не после того, как мою прошлую историю мусолили в течение почти целого года. И вот, когда страсти поутихли, я снова в центре внимания. Конечно, я преувеличиваю. О моем знакомстве с талантливым художником уже завтра забудут. Но все равно не очень приятно. И эта, как же ее, Кристина или Карина, снова забыла, как зовут ту девушку с гривой темный волос, не переставала щебетать о том, какие у него красивые глаза. Постеснялась бы хоть преподавателя, но нет, ее не остановишь! Глаза-то у него красивые, не спорю, и он умело ими стреляет. Мне надо выбросить его из головы. Он прочтет лекцию у нас, а я, возможно, в этот день заболею. На мой прогул внимания особо никто не обратит. Я никогда не прогуливаю специально. Я вообще не прогуливаю занятия. И все. Можно забыть о нем, будто и не было.

— Оксана, ты домой собираешься? — спросила Вероника Викторовна, начиная собирать вещи в свой коричневый поношенный портфель.

— Да, еще немного и уйду, — отзываюсь я, стараясь понять, почему взгляд у младенца получается таким напряженным, вместо абсолютного спокойствия. Неужели мое напряжение передалось и ему?

— Я оставлю ключи на столе, сдашь на вахту, хорошо? — она кладет ключи, накидывает зеленую вязаную кофту, подходит ко мне, осматривает то, что я успела сделать за отпущенное время, и говорит — Может, хватит на сегодня, Оксан? Нужно уметь вовремя остановиться.

— Да, знаю, — со вздохом окидываю взглядом свою копию, — сейчас помою кисти и тоже буду собираться.

— Вот и хорошо. Неплохо получилось, только вот с глазами нужно еще поработать, видишь?

— Да, я поняла.

— Ну, все, хороших выходных, — она забирает свою сумку со стола и выходит. Я остаюсь одна.

Пожалуй, на сегодня действительно хватит, хотя руки так и чешутся продолжить. Но Вероника Викторовна права, нужно уметь остановиться. Беру кисти и банку с водой и иду к умывальнику. Тщательно промываю кисти, выливаю воду. Собрав вещи, я уже хотела убрать мольберт, как снова задержалась на лице Мадонны. Как бы мне тоже хотелось иметь то же спокойствие и мудрость, что есть в ее глазах.

— Вы не только талантливая, красивая, но еще и самая трудолюбивая студентка? — я замираю, почему я не могу зажмуриться и сказать, что меня здесь нет? В детстве это работало. Я медленно оборачиваюсь. Максим Агапов собственной персоной второй раз за вечер, слишком много для меня. Он стоит, небрежно облокотившись о косяк двери, в его глазах куча эмоций, там бушуют страсти. Он внимательно смотрит на меня, его оценивающий взгляд скользит по моему телу, словно хочет запомнить каждый его изгиб. Это нервирует, делает меня незащищенной, только черта с два я ему это покажу. Так же медленно и оценивающе окидываю его взглядом. Не торопясь и с некоторой ленивой грацией, Максим отталкивается от стены, делает пару шагов ко мне, теперь он смотрит прямо мне в глаза. Воздух наэлектризовался или мне это только кажется? И почему вдруг стало так жарко?

— Скоро восемь, а вы еще здесь, — говорит он своим хриплым голосом. Он такой сексуальный, что у меня сами по себе подкашиваются коленки. Да что же это такое? Хочу, что бы он ушел! Или... не хочу?

— Вы тоже здесь, — замечаю я, стараясь не отводить от него взгляда, словно мы играем в гляделки, и тот, кто проиграет.... Тот проиграет, а я не люблю проигрывать.

— Как идет ваша работа? — не обращая внимания на мои слова, продолжает он, — все получается?

В его словах, словно скрыт какой-то тайный подтекст, смысла которого я не могу понять. Он делает еще один шаг ко мне. Хищник на охоте, а я его жертва. По телу проносятся электрические разряды, отдаваясь в самых чувствительных местах.

— А как ваша выставка? Все хорошо? — спрашиваю я, и тут же себя одергиваю, зачем только ее упомянула!

Его губы складываются в коварную ухмылку, и еще шаг в мою сторону. Теперь он так близко! Я могу дотронуться до него, стоит только протянуть руку. И я хочу, но не буду. Все в прошлом, зачем он здесь?

— Вы были очень удивлены, увидев меня здесь, верно? — снова спрашивает он.

— А вы?

— Всегда отвечаете вопросом на вопрос? Это немного нервирует, — он хмурится, преодолевая оставшееся расстояние между нами. И теперь мне приходится смотреть на него снизу вверх. Не очень-то удобно, но я упрямо не отвожу глаз.

— Что вы здесь делаете? — задаю вопрос, который меня крайне интересует. Максим опускает взгляд, останавливаясь на моих губах. Сердце бьется чаще, мне хочется накрыть его

руками, что бы он его не услышал, спрятать от него. Но я только стою и продолжаю ждать ответа.

— Я кое-что забыл сделать тем вечером, хотелось это исправить, — его голос, становится тише. Медленно он наклоняется, а я выпаливаю первое, что приходит на ум:

— Забыли представиться? — Он быстро поднимает на меня глаза, в них я вижу искорки смеха, он улыбается.

— Нет, я забыл поцелуй, — и мои губы тот час же попадают в жаркий плен. И он чертовски хорош в поцелуях. В моей голове сигналист огонек с предупреждением, что запретная зона нарушена, и я должна его оттолкнуть. Но я этого не делаю, я отвечаю ему, жадно прижавшись к нему всем телом. Я чувствую его жар, его похоть. И это так сладко. Я совсем теряю голову, из горла вырываются стоны, когда его руки ласкают мои изгибы, так же страстно, как и в прошлый вечер. И я так же не упускаю возможности исследовать его тело. Оно великолепно. Он заставляет меня сдвинуться с места, доводит до стены, прижимая к себе. Приподнимает мою ногу, обхватывая ею свое бедро. Поцелуй обрывается от нехватки воздуха, мы тяжело дышим. Максим покрывает мое лицо поцелуями, такими жаркими, что мое тело горит как в огне. Он опускается ниже к моей шее, сдергивает кофту в сторону, чтобы добраться до плеча. А я пытаюсь сфокусировать свой взгляд, все еще не в состоянии прийти в себя. Мольберты, огромные окна, сквозь которые пробиваются лучи заходящего солнца. Что я делаю?! Я не могу ему позволить снова так поступить. Я отталкиваю его. Благодаря тому, что он этого не ожидал, мне это удаётся довольно легко. Быстро поправив вырез кофты, вернув его на нужное место, я смотрю, как Максим непонимающе смотрит на меня, тяжело дыша. Я молча обхожу его, беру сумку и выхожу из кабинета.

Стоило только переступить порог, и я побежала. Добравшись до конца коридора, я заворачиваю в уборную, где бросив сумку на пол, останавливаюсь у умывальника, включаю мощный напор холодной воды и ополаскиваю ею лицо, которое горит, точно побывало в пекле. Я взглянула в зеркало на свое отражение. Лицо и правда горит, губы немного припухли от сумасшедших поцелуев, светлые волосы спутались, обрамляя мокрыми прядями мое лицо. В серых глазах лихорадочный блеск, а сердце стучит так, словно хочет выпрыгнуть из груди. Не знаю точно, зачем я завернула сюда. Возможно потому, что боялась преследования со стороны Максима, а может просто хотела немного охладить свой пыл? Каков наглец! Он, правда, решил взять меня прямо там? В том месте, где я так легко могу найти покой и быть в ладах со своими чувствами, стоя за мольбертом. Боюсь, теперь я это потеряла. Теперь я всякий раз буду вспоминать, как он прижимал меня к стене, как терзал мои губы. Что же я натворила, зачем я тогда пошла за ним? Сколько мне еще придется платить за свою ошибку? Пора отсюда уходить. Я еще раз ополоснула лицо, поправила кофту и убрала волосы в хвост. Одно жаль, куртку свою я забыла там, в кабинете. Благо на улице сегодня тепло, хотя уже и вечер, к тому же я на машине, куртку заберу в понедельник, прямо с утра. Поднимаю сумку с пола и вспоминаю, что я забыла ключ! Я должна была запереть кабинет и отнести его на вахту. Я готова ударить саму себя за такую глупую ситуацию, в которой оказалась. Но быть может Максим уже ушел, и я могу спокойно запереть кабинет? Осмелюсь ли я вернуться и проверить? Это навряд ли. Делаю глубокий вдох и выдох, подношу руку к дверной ручке и застываю. Пытаясь прислушаться, не слышно ли чьих-то шагов. Вроде бы все тихо, медленно, крадучись, точно вор, выхожу из своего убежища. Все спокойно, я смотрю в ту сторону, где оставила мистера "люблю трахать все, что движется", но не осмеливаюсь проверить там ли он еще. Вместо этого я, стараясь не шуметь, иду по

направлению к выходу. Черт с этой дверью, самое худшее, что может быть, это нагоняй от Вероники Викторовны. Я могу сказать ей, что так заработалась, что оставила дверь открытой. А может мне повезет и дверь закроет охрана, и никто ничего не узнает. Но как же, я уже мысленно представляю разочарованное лицо учителя, когда выяснится, что я такая пустоголовая, и не смогла закрыть кабинет. И снова мне хочется себя чем-нибудь стукнуть. Пусть все будет так, как будет, это лучше, чем снова встречаться нос к носу с этим самовлюбленным и наглым типом.

До машины я добралась без приключений, на парковке было пусто, и лишь впереди меня стояла красная мазератти, кричащая и яркая модель, привлекающая к себе внимание. Я, почему-то уверена, что это его машина. Такому, как он, она отлично подходит. С трудом преодолеваю желание пнуть эту машину по колесам, завожу двигатель и уезжаю прочь от университета. Если я права на счет машины, то отлично, что я все же ушла и не стала заходить в кабинет. Мне нужна встряска, нужно отвлечение. Добравшись до дома, первым делом снимаю с себя всю одежду и переодеваюсь в старые спортивные штаны и растянутую майку, беру пастель и бумагу, начинаю выплескивать все, что у меня на душе...

Не знаю, как долго я безостановочно рисовала, но, когда очнулась, то за окном было уже темно. В голове мелькнула только одна мысль: «Как хорошо, что завтра выходной!». Я заваливаюсь на кровать, даже не удосужившись умыться и смыть следы пастели на руках.

Громкий звон прямо в моей голове, снова и снова. С трудом разлепляю глаза, пытаюсь понять, что это за шум. До меня не сразу доходит, что звонят в дверь. Медленно плетусь к ней только для того, чтобы вырубить звонок. Сделав это, с облегчением выдыхаю, благодарная возникшей тишине. Плетусь обратно к кровати, но тут слышу, как в сумке, брошенной в коридоре, начинает вибрировать телефон. Пару секунд стою в нерешительности, посмотреть, кто звонит, или снова пойти завалиться в постель? И тут тот, кто за дверью видно понял, что звонок отключен и решил теперь барабанить в мою дверь. И до меня сразу доходит, кто мой ранний визитер. Придется открыть.

— Опять снова до поздней ночи сидела? — вместо приветствия сказала мама, как только я открыла ей дверь.

— Что-то случилось, ты соскучилась? — спрашиваю ее в ответ.

Она проходит по маленькому коридору в мою комнату, которую я использую вместо мастерской, и садится на диван.

— Ты забыла, да? — со вздохом полного разочарования говорит мама, — сегодня фотосессия для журнала «Бизнес леди».

Я и правда забыла, и лучше бы, и не вспоминала. Мама собралась тащить меня на фотосессию в журнал, где должны были написать статью о ее салоне красоты, который она подняла, как она сама утверждает, абсолютно одна без чьей-либо помощи. И для пущего блеска ее деловых способностей, она решила, что стоит еще и показать, что она смогла параллельно вырастить дочь. То есть меня.

— Я немного потерялась в числах, — точно не знаю, хочу ли я оправдаться или просто говорю то, что первое приходит на ум. — Почему ты ходишь в обуви по квартире? Нельзя было разуться? — раздраженно бросаю ей я. Нет, похоже, я не хочу оправдываться.

— У тебя всегда грязно, ты же все время занята своими рисунками, — она элегантно закидывает ногу на ногу и откидывается на спинку дивана, — тебе нужно в душ, нам нужно быть в студии в одиннадцать часов.

— Напомни мне, пожалуйста, для чего я должна это делать? — скрестив руки, спрашиваю я.

— Потому что ты моя дочь, все просто.

— Ладно, я в душ, — спорить бесполезно, моя мама умеет вцепиться мертвой хваткой, чтобы добиться желаемого. Наверное, для бизнес-леди это хорошо, но хорошо ли это для матери? И чтобы она не успела применить эту самую хватку на мне, вызывая чувство дочернего долга, я просто ухожу и напоследок кидаю ей в ответ:

— И я совсем недавно мыла полы, так что сними туфли.

И хотя я, уже отвернувшись, прекрасно знаю, что сейчас мама недоверчиво осматривает комнату. И точно знаю, что она морщит нос, при виде грязных, заляпанных краской тряпок возле мольберта, которые я вчера оставила.

Мы с мамой внешне похожи. Почти одинаковый рост, волосы пшеничного цвета, серые глаза, похожие фигуры. И даже, как и я, мама тяготеет к прекрасному, только это прекрасное она сама. А я же пытаюсь создать это прекрасное вокруг себя.

Приняв теплый душ, я, наконец, окончательно проснулась. Обмотавшись в большое

полотенце, я вышла из ванной и прошла на кухню, где мама уже пила свежесваренный кофе. Она разулась, сняла свои элегантные туфли на высоком каблуке и теперь стояла посреди моей кухни, босая и с чашкой кофе в руках.

— Твой кофе готов, быстрее выпивай и одевайся, — командным голосом говорит она.

— Спасибо, — все, что я могу сказать. Мысленно готовлюсь провести половину дня моего выходного перед фотокамерой, которая будет стараться сделать меня прекрасной... Но как же я ошибалась! Я провела в студии почти весь день. Вместо того, чтобы валяться на диване перед телевизором или же просто нежиться в постели, меня то и дело причесывали, красили, переодевали. В самой студии царила ужасная суматоха. Как оказалось, не только у нас была назначена фотосессия для выпуска нового номера журнала «Бизнес леди». Пока подходила наша очередь на съемки, я разглядывала всех других собравшихся здесь, смотрела на чужих матерей и их дочерей весело переговаривающихся, пока им создают прически и макияж, на то, как они вместе смеются. В груди кольнуло неприятное чувство, что мы с мамой никогда не были так близки. Моя мать Валентина Валевская, стопроцентная деловая женщина. Умная, с железной хваткой и сильным характером. Главным в ее жизни всегда был ее бизнес. И все свое детство я была предоставлена на попечение нянь, менявшихся со скоростью звука. Мама никогда не была до конца ими довольна. То ей казалось, что мы слишком много гуляем, то слишком много смотрим телевизор, или же вообще они недостаточно со мной занимаются. Теперь их лица для меня, как размытое пятно, такое смутное и неясное. Да, признаться по честному, мой отец Андрей Валевский уделял мне внимания куда больше, пусть и был генеральным директором финансовой компании. Но будучи на высокой должности и имея кучу обязанностей, не мог заниматься мною в полной мере. Нет, я себя не жалею, другой жизни ведь я не знала. Но вот все равно, что-то да кольнет внутри, когда вижу, какие отношения бывают у других дочерей с их матерями.

* * *

Как только фотограф громко крикнул «Стоп. Снято!», и моя мама быстро собрала свои вещи и, едва попрощавшись со мной, обещая перезвонить на днях, умчалась на работу к своему настоящему любимому детищу, салону красоты, лозунг которого гласил: «Красота женщины вне времени». А я осталась одна в студии, смывать яркий, такой непривычный для меня макияж. Сюда я приехала вместе с мамой на машине, так что обратно добираться только на такси. И снова это неприятное чувство одиночества. Но я привыкла, так что это мое нормальное состояние.

Переодевшись в свои родные джинсы и голубую кофту, накинув пальто, не по погоде теплое, я, наконец, вышла на улицу из этой душной студии, пропахшей духами, лаками и прочими химическим веществами.

А что, если мне проехать до учебного корпуса? Меня ведь могут впустить в кабинет? По крайней мере, я узнаю, закрыт он или нет. «Ну конечно закрыт, — успокаивала я себя, охрана наверняка спохватилась, что не хватает ключа, и нашла его на столе, где его и оставила Вероника Викторовна». Но я могу забрать свою куртку. В пальто действительно было немного жарко, несмотря на пасмурную погоду, больше напоминавшую осень, чем весну. Решено, проедусь до института, охрана меня уже хорошо знает, они не первый раз выгоняли меня из мастерской перед самым закрытием.

Когда я подъехала к нужному корпусу, первое, что сразу бросилось в глаза, это абсолютная тишина вокруг. А еще пустота. Никаких машин на парковке, людей спешащих на лекции, что выглядело очень не привычно.

Я уже вся взмокла в своем пальто — в салоне такси как назло не работал кондиционер, и теперь моя спина была вся мокрая, а кофта неприятно прилипла к телу. Снять пальто я все же не решалась, боясь простудиться, все же конец учебного года. Расплатившись с таксистом, я решительно вошла внутрь здания. Охранник чинно восседал на своем посту, отгороженном деревянной стенкой, разгадывая кроссворды. Его лицо мне не знакомо, наверное, новенький. Завидев меня, он нахмурился, и уже было открыл рот, чтобы сказать, что в выходные здесь делать нечего, как я его опережаю, объясняя, что забыла в одном из кабинетов куртку, которая мне очень нужна.

— Так вы та самая! — многозначительно протянул он. Если честно, я совсем не поняла какая я та самая, но очень вежливо попросила его пропустить меня в кабинет, в глубине души надеясь, что Максим додумался найти ключ и отнести его на вахту.

— Так ваша куртка у вашего куратора по диплому, — спокойно отвечает он.

— У какого куратора? — не понимаю я, и какой диплом, если мне предстоит учиться здесь еще целый год?

— У того самого Максима Агапова, он и ключ принес, и поскольку он свой телефон потерял, то вы ему не дозвонитесь, он оставил вам свой новый номер. Вот держите.

Он протягивает тетрадный лист, на котором написан номер сотового. Вот это уже слишком. Я забираю лист с номером у охранника, сминая его в кулаке. Цежу сквозь зубы: «Спасибо» и пулей вылетаю на улицу.

Оказавшись на свежем воздухе, так сильно прогретом, что я в конце концов не выдерживаю и снимаю пальто. На данный момент проблема возможной простуды меня волнует меньше всего. Вытерев вспотевший лоб рукой с зажатым в ней листком номера телефона, я с благодарностью почувствовала, как ветер обдувает мое взмокшее тело. И сразу на смену облегчения, от отошедшей на второй план мучившей меня жары, пришло чувство негодования. Каков нахал! Да что он о себе возомнил! Разжимаю руку, разглаживаю смятый листок, попутно стараясь не уронить пальто в другой руке. Сразу отмечаю, что у него тот же оператор, что и у меня. «По крайней мере, звонок будет бесплатным», — ворчу я. Шумно выдыхаю воздух, набираю номер его телефона на своем мобильнике, и палец висит над значком зеленой трубки. Делаю еще один выдох. «Ну же, Оксана, — мысленно уговариваю саму себя, — так и будешь тут дышать как паровоз, или, наконец, позвонишь?» Закрыв глаза, быстро провожу пальцем по экрану и, когда снова их открываю, вижу, как идет дозвон. Внутри начинает нарастать странное чувство томления, признаться, к своему стыду, но я хочу его увидеть. И сейчас, пока гудки медленно идут в ожидании ответа, я начинаю чувствовать, как снова покрываюсь тонкой пленкой пота. Но это уже не от жары. Тот жар совсем другого плана, одна только вероятность увидеть снова этого нахального, чересчур сексуального и самоуверенного мужчину, как во мне странным фейерверком взрываются такие различные эмоции, что я с трудом понимаю, как они могут помещаться в моей груди, не разорвав ее. Наконец на экране телефона появляются секунды, отсчитывающие длительность разговора. Я быстро подношу трубку к уху, уже приготовившись к гневной тираде потребовать свою куртку назад, как слышу щелчок отмены вызова. А вот это было совсем неожиданно! Я-то думала, он с нетерпением ждет моего звонка, а он его просто сбросил! Внутри снова вскипает негодование, мало того, что он утащил мою куртку, наврал охране, а теперь еще сбрасывает звонок! Я снова набираю его номер, снова гудки, и наконец, я достаиваюсь его ответа:

— Занят, перезвоните! — грубый хриплый голос будоражит кровь, я выпаливаю слова

так быстро, чтобы он не успел положить трубку.

— Верните куртку!

— Оксана! — его голос резко смягчается, когда он понимает, кто ему звонит, — рад слышать. Я даже отсюда чувствую, как его губы растягиваются в довольной ухмылке.

— Верните мою куртку, Максим! — уже более спокойно произношу я.

— Я сейчас в мастерской, адрес перешлю. Давай через час. Жду тебя, — и он снова отключается.

Я в растерянности, что же делать, ехать или нет? Мне нужно забрать куртку, она довольно дорогая, и мне очень нравится, и у меня совершенно нет никакого желания, оставлять ее у него. Но и снова оставаться с Максимом наедине для меня довольно чревато. То, как мое тело начинает реагировать на его присутствие, пугает. Но и оставить все вот так я тоже не могу. Не могу позволить ему оставаться и дальше таким самодовольным, я утру ему нос! Пока я стою в раздумьях, приходит смс сообщение. Я вижу адрес, это где-то на окраине города. Выход только один — снова вызывать такси, ехать домой, и хоть немного привести себя в порядок. И это вовсе не для того чтобы предстать перед ним в лучшем виде, совсем нет. Просто когда человек выглядит опрятно, он чувствует себя более уверенно, нежели когда к его вспотевшему телу прилипает одежда.

Быстро добравшись до дома, я на скорую приняла душ, смыв с себя всю уличную пыль. Натянула узкие джинсы, майку с длинным рукавом и накинула теплый жакет. Глянув на свои часы, вижу, что времени у меня до встречи всего минут десять — пятнадцать от силы. Ничего страшного, подождет. Гордо вздернула нос и спустилась к своей машине. Вбив в навигатор название дома и улицы, понимаю, что ехать мне еще дольше, чем я предполагала. Не понимаю, от чего я так нервничаю, из-за того что могу опоздать? Или от того, что снова его увижу? Ну и пусть опоздаю, от его наглого тона, и от того, как он, даже не попрощавшись, скинул трубку, меня просто корёжит. Он так уверен, что я прибегу к нему! И ведь он прав, я действительно это делаю, еду к нему прямо в ловко расставленные им сети. Чего он добивается? Хочет снова перепихнуться? Закончить то, что произошло в аудитории? Ну нет, красавчик, здесь тебе обломится по полной программе! Я старательно прокручиваю в голове то, как он разговаривал, и то, как нагло вел себя в галерее, и потом еще при нашей случайной встрече, хочу, чтобы во мне преобладали чувства раздражения и злости, а не эта странная тягучая и ноющая боль в теле. Я что хочу все повторить? Неужели снова хочу оказаться прижатой к стене, терзаемая его ласками? Тело определенно говорит: «Да», а вот разум кричит: «Нет и нет, не делай этого!» Морщю лоб от раздражения, я всегда была чрезмерно импульсивной, и в тот вечер в галерее я поступила очень глупо и совершенно не задумывалась о последствиях. И теперь, когда эти последствия настигли меня, я жалею, что вовремя не ушла из галереи. Жалею, что поддалась соблазну, пошла на поводу у желаний своего тела. Хотя, какой смысл теперь жалеть? Что сделано, то сделано, и прошлого не воротить. «Держись, Оксана, тебе предстоит тяжелый раунд с самым самоуверенным и в тоже время самым сексуальным типом, какого ты когда-либо встречала».

Подъехав к нужному зданию, являвшимся домом студийного типа, я медленно вылезла из своей машины и, свернув номер квартиры, набрала ее код. Пискнул противным звуком домофон, затем щелчок и дверь была открыта. Я вошла в просторное помещение подъезда, которое было довольно светлым, как и все здание. Поднявшись на нужный мне последний этаж, я сразу увидела открытую дверь. Но в дверях никто меня не встречал. «Умно, — подумала я, — хочет, что бы я непременно вошла внутрь? Что ж хорошо». Я в

нерешительности заглянула внутрь студии. Она была очень просторной, представляя собой светлый зал, у стен которой стояли картины, два мольберта накрытых белой тканью и несколько удобных столиков, где хранились краски. Так же я сразу отметила широкий белый диван в углу комнаты, куда очень выгодно падал свет из широких окон. Его студия была просто мечтой. Но где же сам Максим?

— Проходи не стесняйся. Хотя ты ведь у нас нестеснительная, верно? — я чуть не подпрыгиваю на месте, когда слышу его хриплый голос совсем рядом. Он стоит справа от меня, по пояс обнаженный. На нем одни только джинсы, выгодно подчеркивающие его сильные ноги. Волосы еще влажные, очевидно он недавно принимал душ. Я невольно сглотнула, когда пробежалась взглядом по его торсу, тогда в галерее он не показался мне настолько потрясающе атлетически сложенным. Сильные руки, плоский живот, точно гладильная доска, как вообще какой-то художник может выглядеть точно Бог секса? С трудом заставив себя отвести взгляд от его тела, я поднимаю глаза, и, уставившись в его довольное лицо, протянула руку со словами:

— Моя куртка.

— Не хочешь выпить? — не обращая внимания на мою просьбу, спросил Максим, — я только что закончил одну работу и теперь очень хочу расслабиться.

Он медленно прошел мимо меня дальше по коридору, заворачивая куда-то за угол.

— Максим, верните мою куртку! — кричу ему вслед, — я в ваши игры играть не собираюсь! Понимаете?

— Может перейдем на «ты»? Думаю, нам уже можно, — его веселый голос меня раздражает и завораживает одновременно. Он возвращается, а в руках несет два высоких бокала, наполненных водой. Один протягивает мне, и я с опаской смотрю на него. В голове мелькает мысль, а мог он что-нибудь мне туда подмешать? В воду вообще что-нибудь можно подмешать наркотическое? Словно прочитав мои мысли, Максим отвечает:

— Не переживай, это только вода, сегодня довольно жарко, не находишь? Выпей, уверен, что ты этого хочешь.

Последняя фраза явно с подтекстом, недаром в его глазах так весело скачут озорные огоньки.

— Максим, почему бы вам просто не отдать мою куртку и все? К чему весь этот спектакль? — я раздраженно развожу руками в стороны. Мне не нравится то, что он так привлекателен, мне не нравится то, что даже его нахальное поведение тоже мне нравится. Сейчас у него такой милый вид, совсем не такой, каким он был в галерее, в темном костюме, такой серьезный и важный. Сейчас он выглядит, как обычный парень, довольно самоуверенный и с потрясающей внешностью, о чем прекрасно знает.

— Значит воды ты не хочешь, — он отставляет один стакан в сторону на высокий стол, который стоит рядом с ним, опирается об него спиной, и, глядя прямо на меня, пьет воду из другого. То, как он запрокидывает голову во время питья, и то, как двигается при этом его кадык, действует на меня почти гипнотически. Я облизываю губы, в горле у меня совсем пересохло, и я уже жалею, что отказалась от воды. Максим, пристально следивший за движением моего языка по губе, отталкивается от стола и медленно начинает сокращать между нами расстояние, а я в защитном жесте вытягиваю вперед руку.

— Не надо, не подходите, — почти с мольбой в голосе прошу я. — Почему вы просто не отдадите мне мою куртку?

— А почему ты сопротивляешься такому очевидному притяжению? — еще более

хриплым голосом спрашивает он, берет мою руку и прижимает к своей груди. И это соприкосновение к его коже восхитительно и волнительно одновременно.

— Почему вы все время отвечаете вопросом на вопрос, это, знаете ли, раздражает, — бормочу я, чувствуя как защитные барьеры вот-вот рухнут.

— Что-то такое я уже слышал, — со смешком в голосе говорит он, вот только в его глазах я вижу столько обжигающей страсти, что у меня подкашиваются ноги. — У меня к тебе есть предложение, Оксана. И я снова настаиваю, чтобы мы перешли на «ты». Проходи в комнату и присядь, я не кусаюсь, — его голос переходит на шепот, — только если ты этого не попросишь.

В голове всплывают воспоминания о том, как он прикусывает мочку моего уха, а потом нежно проводит по нему языком. Я вздрагиваю, а Максим тянет меня за руку по направлению к дивану, и я, словно загипнотизированная, иду следом за ним.

Он усаживает меня на диван, сам садится рядом, и я благодарна за то, что он садится достаточно далеко от меня, это дает мне немного свободного личного пространства. А вот руки моей он не отпускает, отчего кожу в этом месте начинает покалывать электрическими разрядами.

— Чего ты... То есть вы, Максим, хотите? — спрашиваю его, надеясь поскорей покончить с этим, уехать и как можно быстрее очутиться в безопасности в своей квартире.

— Это так очевидно, Оксана, я хочу тебя, — его слова мгновенно пронзают меня напряженной пульсацией внизу живота. Я снова облизываю губы, слишком жарко здесь, в этой студии, где от наплыва сексуального напряжения воздух точно пропитался запахом желаний. — И прекрати оближивать губы, это слишком эротично, а я не хочу набрасываться на тебя. Не сейчас.

— Между нами ничего не будет, — ругаю себя за то, что слова звучат не убедительно даже для меня самой. — То, что произошло в первый раз, было просто ошибкой, это все шампанское и ваши слишком откровенно эротические картины. Я сама не понимаю, что на меня нашло, я так никогда раньше не поступала.

— О, я тебе верю, — он нежно проводит рукой по моим волосам, придвигается чуть ближе, его губы изогнутые в нахальной улыбке буквально завораживают меня, приковывают к себе взгляд, — но ведь то, что было, тебе доставило удовольствие, верно? И ты не представляешь, какое удовольствие получил я сам.

— Все прекратите! Этот разговор ни к чему не приведет! — я пытаюсь встать, но Максим меня удерживает.

— Подожди, Оксана. Ты должна понять. То, что произошло между нами, весь этот спонтанный секс, в нем нет ничего такого ужасного, как ты себе рисуешь в воображении. Мы оба свободны, так ведь? И то, что происходит между двумя взрослыми людьми, касается только их, верно?

— Откуда вы знаете, что у меня никого нет? — немного воинственно спрашиваю я.

— Потому что иначе, тебя бы сейчас здесь не было, потому что, если бы у тебя кто-то был, ты не была бы одна на выставке, только конечно если твой парень не полный идиот, чтобы отпускать тебя одну.

Его слова, как ни странно, отдаются во мне теплом и одновременно приоткрывают дверь в воспоминания о неприятном прошлом, дверь, которую я закрыла и не хотела открывать.

— Ну, так я прав? — он заглядывает в мои глаза, абсолютно уверенный в своей правоте.

— Так что у вас за предложение? — игнорируя вопрос, спрашиваю я, прекрасно понимая, что пока он мне его не выдаст, я просто не смогу уйти.

— Оксана, давай уже прекращай мне выкать, тебе самой то, это удобно?

Пусть мне это и неудобно, но, по крайней мере, хоть как-то держит между нами дистанцию, но вслух я этого не произношу, а просто продолжаю его дальше слушать.

— Я предлагаю тебе уникальные отношения, которые могут принести нам много приятных минут. — Я снова пытаюсь вырваться, начиная понимать, куда он клонит, но его руки все еще настойчивой лаской продолжают меня удерживать, — Между нами сильное сексуальное притяжение, ты не можешь этого отрицать. А секс это отличный способ снятия стресса. Только представь себе, как это может быть приятно, для нас обоих.

— Полагаешь, что меня так отлично будут устраивать отношения, основанные на одном только сексе?

— Если ты хочешь, мы можем время от времени посещать выставки, ходить в кафе, ты даже можешь иногда приходить в мою студию, чтобы рисовать, мы можем работать вместе. Я не говорю, что мы будем влюбленной до безумия парой, мы будем людьми со схожими интересами, связанные интимными отношениями. По-моему довольно честно, не находишь?

Да уж, в честности ему не откажешь, все просто и понятно, а главное довольно привлекательно в плане получения удовольствия, но это так не правильно. Я так не смогу, я знаю.

— Максим, верни мою куртку и на том расстанемся. Уверена, ты можешь получить любую, а меня оставь в покое, — я, наконец, вырываюсь из его рук, и встаю с дивана. Максим поднимается следом за мной.

— Я верну твою куртку, но обещаю подумать над моим предложением, — он уже не выглядит таким самоуверенным как в начале, скорее более сосредоточенным, — подобные отношения, это то, что нужно сейчас нам обоим в виду нашей занятости — максимум удовольствия и минимум обязательств перед партнером, все честно и прозрачно. Я прекрасно знаю, какая плотная и насыщенная программа у студентов. Подумай, Оксана, хорошо подумай.

Он уходит из комнаты, оставляя меня одну, но тут же возвращается, неся в руках мою куртку. Я быстро ее забираю, Максим хмурится, пока я ее быстро надеваю, торопясь к выходу. К облегчению или к сожалению, он не предпринимает попыток меня остановить.

— Спасибо за интересный разговор, Максим, но на этом все. — Надеюсь, он не заметил, что мой голос слегка дрожит. Я покидаю студию в полном смятении чувств. Но прежде чем переступить порог слышу его слова, которые отдаются в моей голове на протяжении всей дороги домой: «Это еще не все».

* * *

Остаток вечера я не могу ни на чем сосредоточиться. Разговор с Максимом выбил меня из колеи, его предложение могло бы и даже должно было меня оскорбить. Но ничего такого я не чувствую, все действительно просто и прозрачно. Но как быть с тем, что подобные отношения считаются не самыми приемлемыми? По крайней мере, меня так учили: отношения между мужчиной и женщиной не могут строиться на одном только сексе, в результате кто-то все равно рано или поздно проникнется чувствами к другому, что повлечет за собой не самые приятные последствия. И я, почему-то уверена, что этим человеком может быть кто угодно, но точно не такой человек, как Максим.

Я пытаюсь привести в порядок рабочий стол, разбираю рисунки, складываю пастель и

карандаши в коробочки. Мой взгляд падает на наброски, которые я делала накануне, когда как ошпаренная вылетела из университета. Почти на каждом из них изображены обнаженные тела, сплетенные между собой в эротическом танце. Подобное я точно не стану выставлять во время смотра работ. Я даже думаю, не выбросить ли мне их, но что-то удерживает меня от этого поступка. В конце концов, я потратила на них не один час, я считаю большим кощунством отправлять в мусорное ведро так удачно переданные эмоции на бумаге. Пусть даже эти самые работы я не собираюсь показывать ни одной живой душе, ведь в них слишком много откровенного от меня самой. Решив, что с уборкой я вполне справилась, иду на кухню, желая перекусить, потому что мой желудок уже жалобно начинает урчать, напоминая о себе. Что не удивительно, за сегодняшний день все, что в нем было — это чашка кофе от моей заботливой мамочки. Которая, кстати говоря, даже толком не пожелала узнать, как поживала ее дочь на протяжении тех дней, что мы с ней не виделись.

Поставив греться воду на плиту, я решаю отварить макароны — быстро и вполне отлично забивает желудок. Но, даже находясь сейчас здесь, в своей квартире, далеко от Максима, где обычно я чувствую себя защищенной и закрытой от всего, что приносит в мою жизнь разлад и негатив, я ощущаю, что мои эмоции и чувства обнажены, как никогда ранее. Особенно с тех пор, как сама добровольно захлопнула доступ к ним, даже для себя самой. И теперь все мои эмоции вырываются наружу, вспыхивая в сознании, рисуя насыщенные сюжеты возможного другого поворота событий сегодняшней встречи с Максом. Я села на удобную кухонную лавку, подтянув к подбородку колени, обхватив их руками. Он предложил мне свободные отношения, ничем не обременённые. Значило ли это, что у нас могли быть помимо друг друга и другие партнеры? Об этом он ничего не говорил, а я и не спрашивала, о чем теперь жалею. Хотя, какая разница? Я ведь не собираюсь соглашаться! А еще Максим предложил иногда работать в его студии. От одних только мыслей такой перспективы у меня даже пальцы на ногах сворачиваются от досады, что мне это не грозит. А как было бы здорово там поработать! Столько простора и света, комната буквально пропитана вдохновением, желанием творить и...еще она пропитана сексуальным желанием к его хозяину. Опустив ноги на пол, я чуть сжала бедра и простонала от силы неудовлетворенного желания. Я уже готова начать заниматься самоудовлетворением. А почему бы и нет? Я откидываю голову назад, слегка раздвигаю ноги и рукой скольжу между ними. Закрываю глаза, поддаваясь соблазну... Но вдруг слышу громкое шипение воды, которая от силы кипения вырывается из-под крышки кастрюли, и я вскакиваю со своего места, чтобы успеть ослабить огонь, пока капли воды не забрызгали все вокруг. Пока второпях снимаю крышку, сильно обжигаюсь от пара, вскрикиваю, роняю крышку на плиту и произношу громкие проклятия. В раздражении отставляю кастрюлю совсем и выключаю плиту, мой аппетит пропал. Выпиваю стакан воды, чтобы заглушить урчание желудка и решаюсь завалиться спать. Мой организм достаточно перенес на сегодня — фотосессия с мамой, разговор с Максимом, все это ужасно вымотало меня. Заваливаюсь на кровать и зарываюсь под одеяло, надеясь уснуть как можно скорее. И пускай все идет к черту, я так устала, вымотана эмоционально, возможно Максим и прав, секс мог бы стать отличным способом для снятия стресса. Вот только после него, что будет дальше?

Новая неделя встретила ярким солнцем, все сильнее прогревая землю, которую уже нежным зеленым цветом покрывала первая сочная трава. Казалось бы, мне удалось на время выкинуть из головы Максима, полностью сосредоточившись на учебе. От него самого вестей не было, да я и не ждала, прекрасно понимая, что теперь он ждет ответного шага от меня. Несколько раз я хотела удалить его номер из списка контактов в своем телефоне, но каждый раз останавливалась. Почему я этого не делала? Пожалуй, вразумительный ответ я не могла дать даже самой себе. Возможно, я действительно обдумывала его предложение? Да, меня привлекала возможность снова окунуться в пучину страстного жаркого секса, меня привлекала та сторона отношений, где не нужно было работать над ними, подстраиваясь под партнера, переживать, если не можешь уделять ему достаточно внимания. Единственное, что меня останавливало — это ощущение неправильности таких свободных отношений в целом. Я не представляла, как они работают. Встретились, перепихнулись и разъехались? Или после возможен совместный перекус в кафе или прямо в постели? Где грань между обычным трахом и полноценными отношениями? Что, если я окунусь в них так сильно и не замечу, как жду чего-то большего? Максим очень привлекателен внешне, его лицо прекрасно, тело сложено, как у настоящего атлета. Ко всему прочему он очень умен, и он разделяет мою главную жизненную страсть к искусству. У такого человека можно многому научиться. Но что меня привлекало особенно, так это его полная открытость действий, то, как он легко и просто излагал желания, ничего не приукрашивая. Открыто и честно признался, чего ждет от меня и чего он хочет сам. С ним не нужно гадать, что подразумевают его слова и действия. Все просто и прозрачно... но в тоже время слишком туманно и неопределенно.

Сегодня была среда, и я планировала заехать вечером в гости к отцу. Я соскучилась по нему, мне не хватало наших тихих разговоров за чашкой чая, сидя на диване. Весь день во время лекций я мучилась над заданием преобразования медузы во что-то иное, но снова и снова терпела поражение. Отбросив эту затею до лучшего времени, я решила не дожидаться вечера и сразу после университета отправилась к отцу.

Мой папа жил не так далеко от меня, всего в двух кварталах. Когда они с матерью развелись, я, конечно, испытала что-то наподобие шока, но быстро смогла все принять, насколько это вообще возможно. Развод — обычное дело в наше время. К тому же было видно, что у родителей никогда особо большой любви друг к другу не было, для меня до сих пор оставалось загадкой, почему они вообще сошлись. Я бы еще могла понять, что причиной стала случайная беременность, но я родилась спустя только полтора года после их свадьбы. А развелись они, когда мне исполнилось восемнадцать, видимо посчитали что я уже достаточно взрослая и сформированная личность, чтобы без истерик и лишних мучений принять факт их расставания. Папа быстро съехал в двухкомнатную квартиру, которая досталась по наследству от бабушки, и в которой до его переезда я даже никогда не бывала, потому что ее постоянно сдавали. А мама осталась в нашей старой квартире в центре города вместе со мной. Позже от туда съехала и я, когда папа предложил снимать для меня квартиру рядом с учебой, мотивируя тем, что так мне будет проще добираться, и что я уже вполне самостоятельная, и я сразу на это согласилась. Втайне я подозревала, что сделано это было для того, чтобы в очередной раз показать моей маме, что он лучше и более отчетливее

понимает, что для меня нужно. Мама моему переезду сначала воспротивилась, но опять же скорее не из-за того что могла по мне скучать, а от того, что решение было принято без ее участия. Но я все равно переехала, как только мы нашли подходящую квартиру. Это давало мне не только чувство свободы и полной самостоятельности, но еще и возможность видаться с отцом без отягощения маминых упреков в его сторону. Она всегда считала, что он слишком мало уделял ей внимания, не считался с ее мнением, сам принимал решения по важным вопросам. А я считала маму обычной эгоисткой, которую волнует, прежде всего, желание быть в центре внимания, а не возможность участия в семейных делах. Ее не волновали такие вопросы, как мое поступление в университет, сдача экзаменов или первые свидания. Для нее всегда главным и любимым детищем был ее бизнес. Печально, но факт.

Подъехав к дому, в котором жил мой отец, я глянула в зеркало дальнего вида, подправила блеск на губах и вышла из машины. По домофону мне ответили не сразу, я уже стала переживать, что приехала слишком рано и отца еще нет дома, как услышала сигнал, что дверь открыта.

На пороге квартиры меня встретил папа, переодетый из офисного костюма в домашние штаны и футболку. В свои сорок пять он был таким привлекательным, что, глядя на него, меня всегда пронизывало чувство гордости. Стройный и привлекательный с легкой сединой на висках, он оставался завидным холостяком. Мой отец, Андрей Вячеславович Валевский был весьма обаятельным, и всегда привлекал внимание женщин. Я радостно обняла его, и мы вошли в квартиру.

— Ты долго не открывал, — говорю ему, — я уж подумала, что тебя нет дома.

— Нет, я дома как видишь. Но я думал, что ты сначала мне позвонишь, как будешь ехать. Я не успел даже что-то прикупить к чаю, сама знаешь, у меня вечно в доме шаром покати.

— Да уж, это я знаю... — я поворачиваю в комнату, где мы с ним обычно сидим за чашкой чая с каким-нибудь вкусным печеньем, и натыкаюсь взглядом на хрупкую рыжую девушку, которая сидит в моем любимом кресле, поджав ноги. Я сразу отмечаю, что ей не намного больше лет, чем мне. Ее взгляд немного смущенный и встревоженный. А еще я замечаю, что пуговицы на ее блузке застегнуты неправильно, да и выглядит она немного помятой. Я перевожу взгляд с нее на отца, ожидая объяснений.

— Оксана, познакомься, это Алина, мы вместе работаем, — отец смущен не меньше своей рыжеволосой красотки. Та быстро поднимается с кресла и даже протягивает мне руку в знак приветствия. Она старается улыбаться непринужденно, но у нее это плохо получается:

— Оксана, рада познакомиться с тобой, твой папа о тебе так много рассказывал.

Я смотрю на ее протянутую руку и потом снова на саму девушку.

— Интересно, — медленно произношу я, нарочно растягивая слова, — а вот я о тебе ничего не слышала, Арина.

— Ее зовут Алина, Оксана, — с рассерженными нотками в голосе говорит отец, — а не говорил я тебе о ней, потому что мы редко видимся.

— Ну да, — безразлично пожимаю плечами, — это все объясняет, — Алина, у тебя кофточка неправильно застегнута. Уборная в конце коридора, хотя ты, наверное, это уже знаешь.

Лицо Алины вспыхивает и полыхает таким же ярким огнем, как и ее волосы. Она бормочет извинения и быстро покидает комнату.

— Оксана, прекрати! — отец хватает меня за руку. — Зачем ты так с ней поступаешь?

— Сколько ей лет, папа? — с вызовом спрашиваю я.

— Разве это имеет значение?

— Еще как имеет! — мое лицо горит, я ужасно зла на него, за то, что у него любовница в два раза младше него, за то, что она сидит в моем любимом кресле. За то, что, в конце концов, я и понятия не имела, что у моего отца есть личная жизнь, а я даже не подозревала об этом.

— Большее значение имеет то, что ты ведёшь себя сейчас, как маленькая избалованная девчонка!

— Ну, уж ей я точно никогда не была, вниманием своим вы меня не баловали! — мои слова, как пощечина для отца, я вижу это по тому, как дернулось его лицо, точно от удара.

Расстроенная я разворачиваюсь на каблуках и ухожу прочь из его квартиры. Хорошо, что я не успела разуться, иначе такого эффектного ухода бы не получилось. Отец не стал меня догонять. Ну конечно, ему теперь первым делом нужно успокоить свою подстилочку! Как он мог?! У меня просто в голове не укладывается! Приехала, называется, в гости к отцу и застала его с любовницей практически тёпленьким, прямо из постели. Вот почему он так долго не открывал мне дверь, ему нужно было прежде натянуть штаны!

Вернувшись домой и забросив сумку куда-то в угол, я плюхнулась на диван. На протяжении всей дороги сюда я слышала, как телефон надрывается от звонков, но я была слишком расстроена, даже для того, чтобы отключить его. Сейчас, когда эмоции немного поутихли, во мне зарождается чувство вины из-за своего стервозного поведения. Эта Алина, похоже, девушка довольно скромная и стеснительная и не привыкла к подобному обращению, а я так грубо с ней обошлась. Ну и к черту все! Отец сам виноват, мог бы и рассказать дочери о своем романе.

Желая немного отвлечься от мрачных мыслей, я выхожу на балкон, предварительно накинув толстую кофту, чтобы не замерзнуть, беру в руки карандаш и начинаю быстро делать наброски всего, что попадает на глаза. Я рисую крыши домов и пролетающих над ними птиц, рисую прохожих и проезжающие внизу машины. Хочу выкинуть те образы, что предстают передо мной, когда я вспоминаю, как увидела в квартире отца его новую пассию. Вместо этого я вспоминаю о Максиме, похоже, сегодняшнее знакомство с папиной любовницей прорвало дыру у меня в том месте, где я держу мысли, выхода которым не хочу давать. Что бы подумал Максим, узнай, что один из его родителей имеет любовницу или любовника его возраста? Скорее всего, он бы даже не парился, с его-то отношением к сексу. И почему я вспомнила его именно сейчас?

Когда начинает темнеть, я ухожу с балкона и решаюсь выпить чаю, который так и не получила в гостях у папы. По дороге на кухню достаю из сумки телефон. Как я и ожидала, все пропущенные звонки были от папы. Со вздохом набираю его, и он почти сразу отвечает.

— Оксана, знаю, ты расстроена, но давай поговорим как взрослые люди, — начинает он.

— Хорошо, папа, давай поговорим, только без присутствия Алины.

— Я сейчас приеду к тебе, хорошо? Ты ведь не сильно занята? Ты дома? — с надеждой спрашивает он.

— Приезжай, — просто отвечаю ему и кладу трубку.

Папа приехал очень быстро, спустя пятнадцать минут после звонка, и теперь мы сидели на моей кухне и ждали когда закипит вода в чайнике.

— Послушай, Оксана, я хочу, что бы ты поняла, Алина не просто какая-то девушка, она

мне правда очень нравится, — решается начать разговор отец. — И то, как ты себя с ней повела сегодня, меня очень расстроило.

— Скажи, ты ведь не планировал нас с ней знакомить, верно? Ты хотел выпроводить ее до того, как я приду? — я слегка подаюсь вперед, настойчиво глядя отцу в глаза.

— Она не была готова с тобой знакомиться. Пойми, Алина очень переживает от того, что ты можешь о ней подумать. Хотя, я всегда говорил, что ты у меня девочка понятливая и с добрым сердцем. Я был уверен, что ты желаешь для своего отца только хорошего. Ведь я прав? — его взгляд тверд, как скала, и теперь я точно понимаю, что эта Алина явно занимает важную часть в его жизни, она не просто любовница, она его возлюбленная. — Я хотел для начала подготовить почву, поговорить с тобой одной. А потом уже знакомить с Алиной. Эта девушка важна для меня.

— Так у вас все серьезно? — с трудом выговариваю я.

— Да, — просто отвечает он.

И вот сейчас мне становится стыдно, ужасно стыдно за свое поведение. Я всегда считала свою мать эгоисткой, заботящуюся только о себе самой, а сегодня точно так же поступила я сама. Совершенно не думая о чувствах отца, я оскорбила женщину, которая, похоже, делает его счастливым. Но все равно ее юный возраст меня немного корбит.

— Пойми Оксана, я люблю Алину, и она любит меня. И мне будет очень неприятно знать, что ты не разделяешь моего счастья. Ведь я заслуживаю счастья? Как ты думаешь?

— После стольких лет жизни с мамой? Конечно, заслуживаешь! — я обнимаю его, а он крепко прижимает меня к себе. — Прости меня, я ужасная дочь!

— Ты — моя любимая дочь! — возражает он, слова о заслуженном счастье после жизни с моей матерью, похоже, несколько сгладили острые углы, — и я тебя понимаю, у тебя был шок. Я должен был сразу все рассказать. Здесь целиком моя вина. Но и ты, конечно, пообещай вести себя более уважительно. Алина очень расстроена, ее обидели твои слова и манера поведения.

— Я постараюсь, — и это было правдой, если уж папа хочет счастья с молоденькой девочкой, я не имею права ему мешать.

— Уверен, вы еще подружитесь, — и когда на моем лице мелькает тень сомнения, отец говорит, — вот увидишь, у вас с ней гораздо больше общего, чем ты себе представляешь. Мы можем все вместе провести выходные.

Я приподнимаю одну бровь, удивляясь тому, как теперь папа хочет быстрее записать ко мне в подруги свою любовницу. Даже само словосочетание папа и его любовница отдаёт чем-то странно непривычным у меня внутри.

— Хотя, пожалуй, для первого раза будет достаточно просто вместе провести вечер, — заметив мою реакцию, говорит он, — можем поужинать, где-нибудь все вместе, согласна?

— Идет, только давай в воскресенье и пусть это будет ранний ужин, мне еще предстоит от него отойти перед рабочей неделей.

— Оксана! — отец строго смотрит на меня. — Вот об этом я и говорю, не каждый понимает твою манеру общения. Будь мягче и поменьше сарказма, я понимаю — это твоя форма защиты...

— Нет никакой формы защиты, я такая, какая есть. Принимайте или не принимайте! — я снова начинаю злиться, — я обещаю быть помягче, раз уж ты так переживаешь!

— Хорошо, спасибо за понимание, — быстро соглашается отец. Думаю, он понимает, что большего от меня все равно не добьется. — И раз уж мы обо всем договорились, я,

пожалуй, поеду домой, там Алина ждет.

— Она все еще у тебя? — это новость меня немного шокирует.

— Не мог же я отпустить ее в таком состоянии, она была очень расстроена, Оксана!

— И теперь ты даже чаю со мной не выпьешь? — я уже чувствую, что теряю его. Вот что меня больше всего разозлило в этой Алине, она могла стать причиной того, что отец может от меня отдалиться, и это происходило прямо сейчас.

— Прости, мне надо бежать, но тебе большое спасибо за понимание, — прежде чем встать он снова меня обнимает, а затем целует в щеку. Я молча провожаю его, а на вопрос, все ли со мной в порядке, просто киваю головой и говорю, что очень устала и скоро пойду спать. Закрыв за отцом дверь, я медленно прощупываю все чувства, что скопились у меня внутри. Обида, что кто-то теперь будет отнимать у меня те маленькие крохи общения с отцом, которых и так не всегда мне было достаточно. Злость, что он совсем не понимает, как нужен мне сейчас и как нужен был всегда. Смятение, из-за того что я точно маленькая девочка не хочу выпускать отца, терять его внимание. Иду в ванную ополаскиваю лицо, распускаю волосы, причесываю и оставляю свободной волной спадать мне на плечи. Крашу ресницы, затем губы, одеваю красивое черное белье. Затем в комнате открываю шкаф и сразу понимаю, что именно хочу надеть.

Когда я выехала из дома, на улице было уже совсем темно. Я не включала музыку в машине, ехала, полностью сосредоточившись на дороге, которую мне заново указывал навигатор. Доехав до места назначения, я чувствую, как мой пульс учащается, а по телу бьет мелкая дрожь. Сейчас все мысли вылетели из моей головы. Незаконченная работа, папа и его новоявленная возлюбленная Алина, мама со своим безразличием — все это куда-то ушло. И мне это нравится. Из подъезда дома выходит пожилой мужчина, чтобы выгулять собаку перед сном, и я быстро прохожу мимо него в еще открытую дверь. Поднявшись на этаж, я начинаю сильно нервничать, я могла приехать и столкнуться с закрытой студией. Его могло там и не быть. И если это так, я буду считать это знаком свыше. У двери нет никакого звонка. Значит, мне придется стучать. Я делаю три громких стука, тишина меня буквально оглушает. Все, что сейчас слышно — это мое дыхание и биение сердца, которое стучит быстрее, чем обычно. Я стучу еще раз, и снова мне никто не открывает. В голову приходит мысль, а что если он там не один, и, как и мой папа ранее, сейчас натягивает штаны после жаркого секса, а его подружка нервно застегивает свою блузку? Да, Оксана, ты просто молодец! Можно поплодировать себе стоя! Он мог вообще уже выкинуть тебя из головы, это во-первых, а во-вторых можно было бы для начала хотя бы позвонить и не стоять сейчас под его дверью, как круглая идиотка, ну а в-третьих снова эти образы отца, поспешно выскакивающего из постели любовницы, просто ужасны. Я уже разворачиваюсь и собираюсь уходить, как дверной замок щелкает и дверь открывается. И я вижу Максима, и он удивлен. После удивления на лице мелькает довольная улыбка, но и она исчезает довольно быстро. Он молча отходит в сторону, и я захожу внутрь. Пока я была в пути, то представляла себе, как Максим сразу накинется на меня, точно изголодавшийся зверь, и возьмет прямо возле порога не в силах добраться даже до дивана. Вместо этого мы просто молча стоим и смотрим друг на друга. Сейчас при ярком свете ламп, горящих в маленькой прихожей, я замечаю, что вид у Максима довольно усталый, руки заляпаны краской, как и его серая футболка, а еще на нем отлично сидят темно синие джинсы. Ах да, и он босой. Выглядит сексуально и как-то странно невинно. Я облегченно понимаю, что если я что и прервала, то точно не жаркий секс. Максим берет меня за руку, прямо как тогда, в первый раз, когда я была здесь, снова ведет меня к белому дивану. Его мольберты опять накрыты тканью, у меня возникает желание скинуть их и посмотреть над чем сейчас работает Макс. Но вместо этого мы садимся, и Максим берет одну мою ногу, кладет ее к себе на колени и расстегивает молнию на моем ботинке с высоким каблуком. То же самое он проделывает со второй ногой. Это действие кажется таким интимным, и в тоже время таким обыденным, словно Макс только тем и занимается, что помогает мне снимать обувь. Я смотрю на него в упор и понимаю, что безумно хочу его, и он так же хочет меня, я это ощущаю. Это витает в воздухе, который электризуется вокруг нас, сгущаясь плотным сексуальным напряжением. И абсолютная тишина. Максим отставляет мою обувь в сторону и смотрит в мои глаза. Он чертовски красив, это какое-то преступление быть таким красивым! Все его лицо, все его тело буквально пышет греховной красотой. Я нервно сглатываю, в горле стало совсем сухо, и конечно, Максим это замечает:

— Воды? — спрашивает он своим сексуальным хриплым голосом.

Я хочу сказать, что приехала получить обещанный секс, как средство снятия стресса, потому что у меня его было предостаточно. Хочу, что бы он взял меня прямо здесь на диване, и еще хочу увидеть его, наконец, обнаженным полностью. Но вместо этого таким же хриплым голосом отвечаю:

— Да.

— Хорошо, — его хищная улыбка возвращается, он поднимается с дивана и выходит из комнаты, а я не отрываю от него глаз, до тех пор, пока он не исчезает и не появляется снова с уже знакомым мне стаканом воды. Я быстро делаю несколько глотков, как только получаю стакан в свои руки, и протягиваю его назад. Он его забирает и тоже ставит на пол рядом с диваном. Затем проводит по моему лицу рукой, попутно откидывая волосы назад. Он гладит мою шею, медленно опускаясь к плечу. Эта прелюдия будоражит кровь во мне, заставляя желать большего. Когда он доходит до моей руки, потом до бедра, опускаясь туда, где заканчивается платье, из меня вырывается слабый едва различимый стон, и если бы в комнате не стояла такая пронзительная тишина, Максим мог бы его не услышать. Но он слышит, и его лицо украшает самодовольная ухмылка. Все это время он неотрывно следит за своими действиями, а я смотрю на него. Я чувствую, как платье медленно приподнимается, совсем как там, в темном закутке галереи, и тут его рука останавливается. И теперь он смотрит прямо на меня, выжидаяще. Его глаза становятся совсем темными, а зрачки расширились от возбуждения. Он медленно наклоняется ко мне, а я сижу, не шелохнувшись. Я чувствую, как его дыхание щекочет ухо, а внизу живота все сжимается в сладком томлении.

— Оксана, это платье тебе очень идет. Но без него ты будешь выглядеть еще лучше.

Я судорожно выдыхаю, я хочу крикнуть ему, что бы он уже, черт возьми, снял его с меня. То самое платье, что было на мне в галерее. Или он хочет, чтобы я сама это сделала? Я кладу свою руку поверх его и веду ее туда, куда мне больше всего хочется. Вверх под подол, где от моей обнаженной кожи и его разделяет только тонкая нить чулок.

— Ты так сексуальна, Оксана, ты сводишь с ума. — Его губы легкими движениями ласкают шею, подбородок. Своей рукой я подвожу его к самому сокровенному месту у себя между ног. Там, где уже чувствую невыносимую пульсацию, которая требует прикосновений. Его пальцы нежно поглаживают, аккуратно пододвигаясь через край трусиков к заветной плоти. Теперь его рука не нуждается в наставлении, и я могу свободно прикасаться к нему сама, везде, где только захочу. А я хочу так много и хочу так быстро, но размеренный неторопливый темп Максима легко подстраивает меня под его игру. И я сама действую медленно, не спеша, ощупывая бицепсы сильных рук, лаская мощный торс. Никогда бы не подумала, что столь обычные прикосновения могут нести в себе столько сексуального подтекста. Каждое мое прикосновение к его телу в совокупности с его ласками действуют на меня так, что я уже не соображаю, где сейчас нахожусь. Голова, как в легком тумане, слегка кружится, я закрываю глаза и полностью отдаюсь ощущениям. Максим упирается коленями в диван, мое платье уже задрано вверх до самой талии, ноги раздвинуты, приглашая устроиться прямо между ними. Я открываю глаза, чтобы притянуть его за плечи, и он целует меня в губы также медленно, смакуя, наслаждаясь их вкусом. Его пальцы уже добрались до обнаженной плоти, сдвинув трусики в сторону, и теперь, нежно массируя клитор, он вводит в меня палец. Я впиваюсь ногтями в его плечи, с шумом выдыхаю воздух. Следом за первым пальцем медленно проскальзывает второй, растягивая меня изнутри, наполняя. Я двигаю бедрами ему навстречу, насаживаясь на них, стону и всхлипываю от

удовольствия. Максим переходит от моих губ к левой щеке, двигаясь к уху, лаская его. А я, как замороженная, смотрю, как два его пальца входят в меня, увеличивая темп, его большой ласкает чувствительную точку, сводя с ума. Я уже не могу сдержаться. Чувствую, как во мне нарастает приближение мощного оргазма. Мои стоны превращаются в жалобное лепетание с просьбой не останавливаться, только не останавливаться! Еще один раз, резко, глубоко, еще один нажим на сладкую точку и меня накрывает мощным потоком удовольствия. Перед глазами мелькают темные точки, и какое-то время я не могу прийти в себя.

— Ты так хороша, когда кончаешь! — Максим смачно целует меня в губы, затем поправляет на мне платье, и я не совсем понимаю его действий. Затуманенный мозг недоумевает, он так и не кончил, он полностью ублажил меня, а сам остался ни с чем. — Если хочешь принять ванную, она в твоём распоряжении, — шепчет он прямо мне в губы.

— А как же ты? — удивленно бормочу я.

— Оксана, так мило с твоей стороны думать и обо мне тоже. Но сейчас я жду гостей, а мной ты можешь заняться позже.

А вот теперь я совсем сбита с толку, какие могут быть гости в такое время? Неужели после всего, что было, он ждет другую женщину?

— И пока ты там чего-то себе не навыдумывала, скажу сразу, что это мой друг. Иди в ванную, Оксана. — Максим поднимается с дивана, и протягивает мне руку. Я ее принимаю, и он помогает мне подняться с дивана и сразу притягивает к себе, снова целует.

— Так просто я тебя не отпущу, — от его слов я смущенно улыбаюсь, и Максим ведет меня в ванную комнату, совмещенную с санузлом, довольно маленькую, но зато чистую и опрятную. Максим протягивает мне два больших полотенца и оставляет одну. Как только дверь ванной за ним закрывается, я слышу, как звенит звонок домофона, пришел ожидаемый гость.

Полностью раздевшись, я встаю под теплые струи душа. Сказать, что одного раза мне было мало, это еще ничего не сказать. Он так мало прикасался ко мне, что стало даже обидно. Да, Оксана, какая ты молодец, ты вроде бы получила то, что хотела? Вроде бы и получила, но не совсем до конца. Может уехать сразу домой? Хотя Максим сам сказал, что не отпустит так просто. Я глупо улыбаюсь и выхожу из ванной. Вытираюсь насухо одним полотенцем и обматываюсь другим, открываю дверь в коридор и прислушиваюсь к голосам.

— Я на твоём месте не был бы так уверен, что все прошло гладко. Ты задел его, неужели совсем не переживаешь за последствия? — слышится приглушенный мужской голос.

— Все было честно, не я предлагал это пари, — голос Максима уверенный и совершенно спокойный. — В любом случае она уже у меня.

— Как знаешь, но все же будь осторожен.

— Как и всегда.

Я слышу, как открывается дверь, похоже, гость уже уходит, затем шаги и все затихают, снова тишина. Приоткрываю дверь еще шире, чтобы выпустить влажный воздух. Я не знаю, что теперь делать, даже если незнакомец ушел, выходить в одном полотенце я не намерена, мне нужно одеться. Скидываю полотенце и быстро натягиваю платье. Интересно о чем они говорили? Кто теперь у Максима? Неужели увел чью-то подружку, и тем самым кого-то разозлил? И еще они говорили о каком-то пари. Интересно, что это все значит... Из услышанного разговора мало что можно понять. Хотя, это не мое дело, но все равно любопытно. Я возвращаюсь через коридор в комнату, к белому дивану, жалея, что не взяла сумку, где у меня лежат резинки для волос, во время душа я их немного намочила, и теперь

мокрые пряди неприятно прилипали к шее. Заметив на одном из столов простые карандаши, беру один и закалываю им волосы. Так-то будет лучше. Дверь снова открывается, и появляется Максим. Я оборачиваюсь к нему, и снова воздух словно наполняется особой энергетикой. Он медленно подходит ко мне, останавливается рядом и начинает поглаживать мою руку. По его лицу трудно понять, о чем именно он думает, возможно, считает меня ненормальной или вообще шлюхой. И я бы его за такие мысли не винила, но осознание того, что мои поступки могли его привести к таким заключениям, все равно кажутся мне неприятными.

— Садись, Оксана, — его тон не предлагает, скорее не оставляет выбора, и я послушно сажусь. Максим садится следом за мной. Понятия не имею, чего теперь от него ожидать: продолжения, или он вежливо попросит меня удалиться? Нет, это вряд ли. — Полагаю, ты не просто так приехала, верно?

— Это имеет значение? — меня удивляет его вопрос, ведь он получил, то чего хотел, я здесь. — Не особо.

Я киваю, и решаю задать свой вопрос:

— Что за гость у тебя был?

— Это имеет значение? — спрашивает он, ухмыляясь.

— Не особо, — повторяю его собственный ответ. И похоже эта игра в кошки-мышки доставляет ему удовольствие.

— Хочешь вина? — и, не дождавшись ответа, поднимается. — Сейчас принесу бокалы.

То, как он все решает, мне даже нравится, я чувствую себя расслабленно. Похоже, рядом с ним все мои инстинкты самосохранения притупляются, и я просто начинаю плыть по течению. Я так легко поддаюсь эмоциям, что это должно бы меня напугать, но этого не происходит. Обычно я начинаю жалеть о своих необдуманных поступках, но только не сейчас. И вот это меня удивляет, но опять же совершенно не пугает. Может все дело в том, как Максим себя ведет? Уверенно, и спокойно, никаких лишних вопросов. С ним, в общем-то все просто и ясно. Не считая того, что теперь у меня возникает желание узнать о том какие мысли у него в голове. Максим возвращается, в одной руке держит два бокала в другой открытую бутылку вина.

— Я надеюсь, ты не против красного сухого? — Он ставит вино на стол, наполняет бокалы и протягивает один мне, и снова усаживается рядом. Я делаю глоток, вино очень приятное и мягкое, и оставляет после себя приятное сухое послевкусие на языке. Мы сидим друг напротив друга и снова молчим, тишина не угнетает, никакой скованности, просто тишина и наслаждение вкусом вина.

— Мне нравится, когда твои волосы убраны наверх, — прерывает тишину Максим, — у тебя красивая шея. Ее нужно показывать чаще.

— Спасибо, — а вот это слышать приятно.

— Это не просто комплимент, это то, что я думаю.

— Для приличия мог и промолчать и позволить мне наслаждаться неведением, — а вот эти слова, пожалуй, немного задевают.

— О каких приличиях можно говорить между нами, Оксана? — голос Максима понижается, он слегка наклоняется ко мне и уже почти шепотом продолжает так, словно выдает мне секрет. — Только неудержимая похоть, страстное желание прижать тебя к дивану и трахать. Входить в тебя так глубоко, как только это возможно. — Я ощущаю его желание так остро, что оно полностью проходит через меня, наполняя ответной страстью. —

Ты хочешь комплиментов, Оксана? Это будет легко, потому что ты чертовски привлекательна и сексуальна. В тебе скрыта такая чувственность, стоит к тебе только прикоснуться, как ты начинаешь воспламеняться. Для меня.

Понятия не имею, куда и как подевались наши бокалы, я просто не помню, как оказалась лежащей под ним, не помню, как мои руки стали судорожно и безостановочно исследовать его тело, а его руки мое. Это было похоже на безумие, и оно мне нравилось. Было так легко и просто взять и отдаться ему прямо здесь на диване, чего я так страстно хотела. Это было то, ради чего я приехала. Только это сейчас имело значение. Я стягиваю с него футболку, заляпанную краской, провожу руками по его торсу, наслаждаясь силой и мощью, исходящей от его тела. Припадаю губами к его соску, теперь мне хочется довести его до сумасшедшего оргазма. Я хочу, чтобы теперь он был опьянен моими прикосновениями и ласками, как я была опьянена его совсем недавно. И когда я слышу, как Максим начинает стонать от моих действий, это возбуждает меня еще сильнее. Я дразню его языком, прикусываю, снова облизываю и просто наслаждаюсь вкусом его тела.

— Оксана, — голос Максима прерывистый. Он тяжело дышит, похоже контроль теперь на моей стороне, не без удовольствия замечаю я. Тянусь к молнии на его джинсах, провожу рукой, чувствую, как сильно он возбужден. Как приятно прикоснуться к его выпирающей выпуклости, предвкушая, когда он сможет заполнить меня. Раздвигаю ноги, чтобы он смог устроиться между ними, а платье снова задирается вверх. Все чего я сейчас хочу — это чувствовать его, прижиматься к нему, снова ощутить его толчки во мне.

— Остановись... — его слова не сразу доходят до моего перевозбужденного разума. И только когда он мягко отстраняет меня от себя, снова повторяет. — Остановись, — я удивленно смотрю на него, не понимая в чем дело. — У меня нет защиты.

— Защиты? — Я еще не совсем понимаю, о чем он говорит, мое дыхание такое же сбившееся, как и у него, и когда до меня, наконец, доходит, о чем идет речь, то я непроизвольно краснею от собственной глупости.

— Ты смутилась, — ему это кажется забавным, на губах хищная улыбка, — краснеешь от слова защита, но при этом так искусно работаешь своим ротиком. — Он впивается в мои губы, лаская изнутри мой рот своим языком. А я все еще не до конца воспринимаю, что он только что сейчас остановил меня. Я могу только принимать то, что он мне дает, чувствовать его, пребывать в странном непередаваемом состоянии чувственной неги, окутанной неудовлетворенным желанием. Он слегка отстраняется и шепчет мне в губы, — от тебя трудно оторваться, ты такая сладкая. Я не могу войти в тебя сейчас, но я могу попробовать тебя, всю.

И он снова стягивает с меня платье, а я помогаю ему в этом, поднимая руки вверх. Я догадываюсь, что он хочет делать, и это слишком ново для меня. Теперь, когда я полностью перед ним обнажена, и мне нравится то, как он смотрит на меня. И мне нравится видеть, как его одолевает желание обладать моим телом не меньше, чем мое желание обладать им. Кровь шумит в ушах, я вся в предвкушении, так хочу это испытать, что у меня даже не возникает мысли, чтобы его остановить. Сейчас мне плевать, что он может обо мне подумать, пускай даже считает меня шлюхой, именно так я себя сейчас и хочу чувствовать. Порочной, развратной шлюхой. И когда он начинает ласкать мою грудь, я закрываю глаза, запускаю руки в его волосы, прижимая к себе, чувствуя, как хочу его еще сильнее. И когда он медленно опускается вниз, послушно раздвигаю ноги, готовясь ощутить его губы, ласкающие меня там, где никто еще меня так не ласкал. Я чувствую первое легкое прикосновение его

языка и вздрагиваю всем телом, ноги хотят сжаться, слишком сильны ощущения, но Максим крепко держит их, не давая мне пошевелиться. Я приподнимаю голову, чтобы посмотреть на него и замороженно наблюдаю, как Максим, устроившись между моих бедер, начинает сводить меня с ума, посасывая, втягивая нежную и такую чувствительную плоть. Он проводит языком вверх и теперь смотрит прямо на меня.

— Ты очень сладкая, — шепчет он, и его хриплый голос болью отдается во мне, заставляя тело изнывать от желания долгожданной разрядки. Я откидываю голову назад не в силах справиться с теми чувствами, что бушуют во мне, вырываясь наружу через мои стоны. Мои руки то впиваются в прохладную ткань дивана, то снова возвращаются к волосам Максима, прижимая его голову, требуя еще и еще. Я что-то бессвязно шепчу, прося большего, пока волна наслаждения не накрывает меня такой оглушительной волной, что на долю секунду я ощущаю себя полностью оторванной от земли, парящей где-то в небе. С трудом перевожу дыхание, по моему такому чувствительному телу проносится сладкая дрожь. Максим целует внутреннюю сторону моего бедра, затем живот, медленно поднимаясь вверх, пока не находит мои губы и мягко их целует, точно успокаивая, постепенно приводя мои мысли в порядок. Я обессилена и в тоже время чувствую такое спокойствие и полное удовлетворение.

Сейчас я будто в мыльном пузыре, словно ничего другого кроме этой комнаты не существует. Только чувство умиротворения на душе и еще разгоряченное тело, как последствие мощного оргазма, этакая дикая смесь. Поглаживая тело Максима, хочу выразить ему благодарность за свое состояние, мои руки опускаются ниже, теперь он позволяет мне расстегнуть ему джинсы, которые довольно быстро вместе с его бельем оказываются на полу. Его член впечатляющих размеров, полностью готовый, оказывается в моих ладонях, и я начинаю поглаживать его, лаская, постепенно увеличивая темп. Максим тяжело дышит, теперь его очередь получать удовольствие. Его ласки нежные, и в тоже время требовательны. Поцелуями, покрывая мои губы, щеки и шею, он шепчет мне продолжать. Я наблюдаю, как его лицо меняется, а тело напрягается в ожидании освобождения. В этот момент я чувствую его уязвимость, чувствую какое-то странное единение с ним, и это глубоко трогает меня. А когда на него накатывает наслаждение и теплая струя семени орошает мои руки и живот, и он, обессиленный, наваливается на меня всем телом не в состоянии больше держаться надо мной на руках, я слышу шепот его хриплого голоса, в котором читаются и нотки благодарности, и благоговения одновременно:

— Оксана, — он крепко стискивает меня в объятиях и перекачивается со мной на бок, пряча свое лицо в моих волосах.

* * *

Какие ощущения у человека, когда между ним и любимым происходит физический контакт? Наслаждение и чувство счастья от того, что любимый рядом? Или может просто чувство защищенности, принятие того, что ты так ему необходима? Я уже почти не помню эти чувства, не помню, что значит чувствовать себя любимой, принимать объятия другого человека, не задумываясь ни о чем, дышать одним воздухом с ним, наслаждаться соприкосновением наших тел. Все чувства, что я испытывала раньше, испачканы, их очернили ложью и обманом. На мне уже клеймо предателя. Быть может, если я вычеркну окончательно из памяти все воспоминания, я смогу хотя бы представить, что отмылась от той грязи, в которой меня извлекли и выставили на всеобщее обозрение.

Максим по-прежнему лежит на мне, прижимая к дивану, но мне приятно чувствовать

тяжесть его тела, так что я ничего не имею против. Его горячее дыхание согревает мою кожу, а я поглаживаю его волосы, шею, прохожусь рукой по спине. Дохожу до ягодиц, ласково провожу по ним рукой, и его тело слегка дергается, все еще чувствительное от недавно испытанного оргазма. Я улыбаюсь его реакции, смотрю в потолок и прислушиваюсь к своим ощущениям. Я абсолютно спокойна, и это немного странно, потому что я ожидала чего-то вроде сильного желания сбежать при первой же возможности, но я не хочу. По крайней мере, пока не хочу.

— Я рад, что ты решила приехать, — наконец шепчет он, — это было неожиданно приятно. И какая бы там не была причина, которая тебя к этому подтолкнула, я рад.

Он приподнимается на руках и смотрит на меня сверху вниз. Зря он напомнил мне о том, почему я здесь. Это все портит.

— Почему ты хмуришься? — спрашивает он.

— Быть может, потому что ты много болтаешь? — вот теперь я начинаю чувствовать желание уйти.

— Ты такая колючая, — он удивлен и моей реакцией, и моим тоном, но мне на это плевать. Я слегка толкаю его в грудь, и, когда он на это не реагирует, толкаю сильнее.

— Мне пора, — говорю ему, и он все же поднимается с меня. Я начинаю собирать свою одежду, стараясь не смотреть в его сторону. Слишком соблазнительно он выглядит обнаженным.

— Подожди! Тебе снова нужен душ, — он ухмыляется, словно я должна прыгать от радости от его предложения воспользоваться его ванной. — Я тебя немного испачкал.

— Ничего, отмоюсь дома — равнодушно отвечаю я. — Дай мне полотенце.

Я не вижу его лица, потому что по-прежнему стараюсь на него не смотреть, но уверена, что ухмылка его исчезла. Максим встает с дивана и выходит из комнаты, не потрудившись даже натянуть белье. И только теперь я осмеливаюсь посмотреть на него. Вид со спины впечатляющий. Даже не верится, что у меня была близость с таким красавцем. Он сложен идеально, накаченное тело выглядит в меру мускулистым, таким твердым и сильным, его тело просто создано для плотских наслаждений. Слегка сжимаю ноги от снова разыгравшегося сексуального желания, стараюсь переключить мысли на то, что мне еще предстоит дорога домой. Обхватываю себя руками, что бы хоть как-то скрыть свою наготу, глупо конечно, ведь он все уже видел. Но ничего не могу с этим поделать. Максим возвращается, и я уже протягиваю руку к полотенцу, которое он принес, но он убирает ее со словами:

— Я сам. — Отводит мои руки в стороны, опускается на колени передо мной и вытирает мой липкий живот. Полотенце слегка влажное, и от его соприкосновения к коже по телу начинают бегать мурашки. Его движения нежные, интимные. Максим словно заново пытается меня соблазнить. Я пытаюсь вырвать полотенце из его рук, когда он спускается вниз, доходя почти до самого низа живота.

— Я могу сама, — голос осипший, он выдает мою реакцию на его прикосновения.

— Можешь, но я почти закончил. — Он снова проводит по мне полотенцем, уже сухой стороной, потом берет руку, которой я совсем недавно ласкала его член, и тоже вытирает. — Вот видишь, ничего страшного не произошло.

Я отворачиваюсь и молча натягиваю одежду, а Максим снова предпринимает попытку прикоснуться ко мне. Я, стараясь избежать этого контакта, поднимаюсь на ноги и отхожу в сторону, поправляя платье.

— Почему ты приехала, Оксана? — снова задает вопрос Максим.

Я закатываю глаза, раздраженная его вопросом, я-то думала, что подобный секс исключает из себя лишние вопросы. Зачем все усложнять?

— Ты сам говорил, что это не так важно. Мы оба получили то, что хотели, теперь мне нужно уйти.

— Ты, правда, не хочешь остаться? — его удивление доставляет мне странное чувство удовольствия. — Я могу хотя бы тебя проводить?

— Это лишнее, я на машине. У нас не свидание, Максим. Я приехала сюда одна и уеду тоже одна. — И что бы мои слова казались более весомыми, смотрю прямо ему в глаза.

— Хорошо, тогда хотя бы позвони, как будешь дома. Ты живешь далеко?

Я смотрю на него, пытаюсь понять, что стоит за его вопросом, неужели действительно желание знать, что со мной все в порядке? Я просто киваю, решая ограничиться смс.

Я обуваюсь, а Максим надевает джинсы прямо на голое тело. Не дожидаясь его, иду к двери и уже поворачиваю дверную ручку, как его рука накрывает мою.

— Когда ты приедешь снова? — его губы совсем близко от моего уха, это заставляет терять меня самообладание. Я должна уйти, немедленно.

— Не знаю, — я вру, я не собираюсь приезжать снова.

— Мы можем поговорить завтра? Если уж ты так торопишься сбежать сейчас, я не собираюсь давить. Но подумай, Оксана, о том, как нам было хорошо сейчас и как может быть хорошо потом.

— Возможно. — Я надавливаю на ручку и ухожу, не обернувшись.

Как и обещала, я отправила Максиму смс с коротким текстом, что я дома. Отбросив платье и белье в корзину с вещами для стирки, я думаю о том, как сама попала в сети, которые он ловко расставил. Встав под теплый душ, уже находясь в своей ванной, я смываю запахи, оставшиеся на мне после нашей близости. Запахи ушли, а воспоминания прочно засели в моей голове. Они снова и снова всплывают в моей голове, но я чувствую такую усталость, что даже не собираюсь с ними бороться. Добравшись, наконец, до постели, положив голову на подушку, я почти сразу проваливаюсь в сон.

* * *

Пятница, эта чертова пятница. В нашей мастерской убраны все мольберты в кладовую, и вместо них теперь расставлены стулья. А стол преподавателя теперь стоит на середине стены, за ним предполагается будет восседать Максим Агапов со своей поучительной лекцией. Нет, я не сбежала, хотя и хотела. Я решила стойко вынести этот внеурочный лишний час нахождения здесь и попытаться извлечь из его лекции максимум пользы, не обращая внимания на чувства и мысли, что возникают при нахождении рядом с оратором.

Я занимаю одно из самых последних мест в углу, чтобы не привлекать внимания, хотя, и уверена, что все взоры сегодня будут устремлены в сторону Максима. Постепенно зал наполняется студентами с моего курса, слышен гул возбужденных голосов, смешки подружек и недовольные высказывания по поводу обязательного посещения лекции.

Я достаю из сумки простой карандаш и несколько листов бумаги, удобно устраиваюсь на стуле и начинаю делать простые зарисовки вида из окна. Когда шум затихает, я поднимаю голову и вижу, что в аудиторию вошли Вероника Викторовна и Максим. Я снова опускаю голову к наброску и продолжаю рисовать, игнорируя то, как внутри все вспыхнуло от одного его появления. Спустя пару минут послышался голос Геннадия Михайловича, нашего зав. кафедрой. Я невольно бросаю взгляд в сторону говорящего, надо же я даже не заметила, как

он пришел. Он начинает речь с приветствия всех находящихся здесь, потом благодарит Максима за его любезный жест провести здесь свою лекцию, дабы помочь нам, будущим творческим личностям, более близко познакомиться с одним из новых направлений в искусстве, которое уже прочно занимает нишу среди других течений в искусстве. Его речь кажется мне слишком высокопарной и в ней слишком много лишних слов. Геннадий Михайлович любит поговорить, и это порой заставляет сильно отвлекаться от текущей темы. Наконец, закончив, он передает слово Максиму, который занимает место за столом, но не садится за него, продолжая стоять. Я украдкой смотрю в его сторону, отмечаю, как идеально на нем сидят темные брюки и простой синий свитер, благодаря которому его глаза становятся ярче. Я не слышу, что он говорит. Я уже отложила в сторону набросок и теперь, не отрывая глаз, смотрю на него, восхищаясь его манерой держаться. Единственное, что приходит мне в голову, это то, что голос у него действительно очень хриплый. Интересно почему? Что с его связками? И хотя это звучит очень сексуально, не портя, а скорее делая его облик более привлекательным, я понимаю, что это не совсем нормально.

Во время всей лекции я ловлю только короткие фразы, мой мозг совсем не хочет вникать в смысл происходящего. Я словно нахожусь в трансе. А когда наши взгляды в первый раз встречаются, я вижу едва уловимый огонек противоречивых чувств в его глазах, мои щеки вспыхивают, словно он указал на меня пальцем, говоря о том, что между нами было. Вчера он звонил, сам. А я просто проигнорировала, не потому что хотела его позлить или вывести из себя, а потому что не знала, что ему сказать. Теперь я снова не отрываюсь от листка с наброском, только вот рисовать больше не получается, и я бездумно вожу карандашом, выводя узоры по его краям. Я нервничаю от ощущения на себе его прожигающего взгляда. Не знаю точно, так ли это, или это только мое разыгравшееся воображение, но проверять желания у меня не возникает. Когда лекция подходит к концу, и начинается время вопросов, я облегченно вздыхаю, ничего путного я все равно не услышала, только обрывки коротких фраз. А все из-за того, что больше была сосредоточена на чувстве сожаления, что пришла сюда, чем на теме лекции. Единственное, что я могла с точностью отметить, это то, что абсолютно все студенты вели себя очень тихо. Никаких тихих перешептываний и тихих смешков, только взгляды, устремленные в сторону Максима. Он сумел привлечь к себе полное внимание всех и каждого. Когда лекция закончилась, и Максима увлекли студенты какими-то вопросами, я быстро прошмыгнула в коридор, желая поскорее оказаться в своей уютной лада калине. В последнее время я только и делаю, что сбегая. Но Максим не оставил мне выбора, слишком подавляюще он действовал на меня. Слишком сильны эмоции, контроль над которыми, как показала практика, мне не удержать, пока он находится так близко.

Накинув куртку, я выхожу на улицу и быстрым шагом преодолеваю расстояние до машины, сажусь в нее, вставляю ключ в зажигание, но остаюсь на месте. Прислушиваюсь к своим ощущениям. Сердце стучит, а ладони вспотели. Я так запуталась и уже не понимаю, что делаю и зачем я это делаю. Вчера, когда Максим позвонил мне в первый раз, у меня так же сильно забило сердце, как и сейчас. Знаю, что просто струсил, когда не стала отвечать ему, но и что сказать ему я тоже не знала. Надо полагать, он разозлился, разочаровался или просто плюнул на все и решил, что я не стою лишних действий с его стороны. Ему нужен секс, он его получил. Не то, чтобы он у нас был полноценным, но все же. Ох! О чем ты думаешь, Оксана? Тебе надо валить отсюда и как можно скорее. Только вот ключ все еще в замке зажигания, а я так и не сдвинулась с места. Я вовсе не хочу, чтобы он вышел и увидел

меня в машине, сидящую, точно в ожидании встречи с ним. Вовсе я его не жду, и не хочу ждать. И пусть с ним все мысли на какое-то время улетают из моей головы, вытесняя весь мрак, что заполняет их, мне это не нужно. Совсем нет. Завожу машину, и снова остаюсь на месте. Ударяю ладонями по рулю, глушу двигатель и выхожу из машины. Я полная дура, это уже диагноз. Хотя, что я теряю? Себя? Давно уже все потеряно. Выхожу из машины, и обвожу взглядом парковку института, в самом конце вижу часть капота красной иномарки, подойдя чуть ближе, узнаю ту самую мазератти. Значит все же это его тачка. Теперь я уверена в этом, модель настолько заметная, что будь она здесь раньше, то точно бы ее заметила. Интересный парень этот Максим, во всех отношениях. Мимо проходят студенты и преподаватели спешащие домой, а я хожу вдоль машины, не до конца понимая, почему все еще остаюсь здесь. Верчу ключи в руках, перекладывая их из одной руки в другую. Может все же уехать? Да, Оксана, сбегать ты всегда умела. Подул теплый ветер, и вместе с его дуновением я чувствую его приближение. По телу бегут мурашки, а в горле все пересыхает. Оборачиваюсь, так и есть. Максим идет мне навстречу, прожигая взглядом, значение которого я не могу понять. Он злится? Не могу понять его чувств, сейчас он больше похож на того самоуверенного незнакомца из галереи, который оставил меня одну в темном помещении. В студии он был другим, совсем другим. По крайней мере, мне так казалось. У меня начинает сосать под ложечкой, и я вытираю вспотевшие ладони о джинсы. А Максим молча подходит к своей машине. Не отрывая от меня глаз, открывает дверь и садится на место водителя. Я уже думаю, что он так мне ничего и не скажет и просто уедет, но тут открывается пассажирская дверь, приглашая меня внутрь. Секунду другую я колеблюсь, но все же сажусь к нему, и машина практически сразу трогается с места. Понятия не имею, куда мы едем, но нервы мои натянуты до предела. Максим по-прежнему молчит, а я думаю, что ему сказать. Но из-за стеснившегося тяжелого напряжения в машине в голове нет ни одной мысли. Остановившись у светофора, я, наконец, умудряюсь прервать молчание:

— Куда мы едем? — мой голос хриплый от волнения и от сухости во рту, и сейчас он больше походит на то, как разговаривает Максим.

Он бросает в мою сторону взгляд и продолжает молчать, загорается зеленый свет, и мы снова трогаемся с места.

— Так куда мы едем? Или мне лучше сразу выпрыгнуть из машины? — раздражаюсь я, окончательно чувствуя, что мои нервы скоро не выдержат. Щелчок, и дверь с моей стороны заблокирована. Я ахаю от неожиданности, смотрю на дверь, затем на него.

— Ты серьезно думаешь, что я могу выпрыгнуть на ходу? — с удивлением спрашиваю я.

— От тебя всего можно ожидать, — лениво тянет слова Максим, продолжая уверенно вести машину. — Мы едем ко мне. Удовлетворена? — он оборачивается ко мне и одаривает своей коварной ухмылкой.

— Бывало и лучше, — может не самый лучший ответ, но и молчать я тоже не собиралась. Скоро мы и вправду подъехали к его студии. Только припарковались с обратной стороны дома, где было довольно узко и с краю дороги шли обильные кустарники, постепенно ведущие в лес. Если он всегда оставляет машину здесь, понятно, почему я не замечала ее раньше. Еще меня удивило то, как быстро мы добрались, Максим явно знал дорогу короче, не то что мой навигатор, предпочитающий строить дорогу только самым длинным путем.

— У тебя классная тачка! На своих картинах заработал? — не могу удержаться от своего вопроса.

— Нет, — коротко отвечает он, тоном означающим, что я сморозила глупость.

— Подарок от поклонницы твоего творчества? — не унимаюсь я.

— Нет. — Снова короткий ответ, вот теперь он точно раздражен. Максим вылезает из машины, а я следом за ним. Мы обходим здание и оказываемся у входа в подъезд. Максим открывает дверь, и мы заходим внутрь. Максим впереди, а я позади него. Я снова вытираю вспотевшие ладони, к горлу подкатывает тошнота, стараюсь сделать глубокий вдох и выдох так, чтобы он не услышал. Но он, конечно, все слышит.

— Я не собираюсь делать тебе больно, обижать, убивать или что там еще у тебя в голове? — он оборачивается ко мне и смотрит мне прямо в глаза, — по крайней мере пока. — Снова кривая ухмылка, и он берет меня за руку, наверное, чтобы точно не сбежала, и мы поднимаемся наверх.

— Очень смешно, — бормочу я.

Когда мы оказываемся в узком помещении лифта, напряжение достигает своего пика, дыхание учащается, а я уже совсем не знаю, что мне делать со своим колотящимся сердцем. Находиться с ним в таком ограниченном пространстве похоже на пытку. Максим надвигается на меня, заставляя прижиматься к стене. Похоже, загонять людей в угол у него, что-то в качестве хобби. Он облакачивается руками о стену поверх моей головы, его глаза близко, смотрят прямо в мои, и губы тоже совсем близко, что я чувствую его напряженное дыхание. Он рассматривает черты моего лица. Я жду, что же произойдет дальше, готовая уже сама наброситься на него. Глаза уже готовы закрыться, а губы жаждут обжигающего поцелуя.

— Ну и стерва же ты! — говорит он. Двери лифта открываются, и Максим выходит, оставляя меня с широко открытыми от удивления глазами.

— Что прости? — выхожу следом, Максим уже открыл дверь и теперь, пройдя в центр мастерской, стягивает с себя свитер, оставаясь в одной светлой рубашке. Я видела его обнаженным, видела, как он стягивает с себя штаны, и видела его в джинсах на одно голое тело. Но этот жест, такой простой в своей обыденности, кажется невероятно сексуальным.

— Ты такая стерва, Оксана, — повторяет он, — чего ты добиваешься? Объясни мне, хочешь, чтобы за тобой бегали? Это не по адресу, я никогда ни за кем не бегал, и бегать не собираюсь.

— Мне не нужно, чтобы за мной бегали, — воинственно отвечаю я.

— Почему ты не брала трубку? — Максим смотрит на меня тяжелым взглядом, скрестив руки на груди.

— Я... я не знаю, — тихо говорю я, еще один не самый лучший ответ.

— А я думаю, что ты хотела заставить меня нервничать, — он медленно приближается, а я не двигаюсь с места, замороженная его хищной грацией. — Хотела набить себе цену? Хотела, чтобы я желал тебя сильнее?

Я ужасно зла на него. Да он понятия не имеет, о чем говорит. Все, что я сейчас хочу — это врезать по его наглой физиономии. Моя рука поднимается вверх, как только он приближается еще ближе, но он перехватывает мою руку и заводит ее мне за спину, прижимая меня к себе. Из меня вырывается короткий стон, когда я чувствую прикосновение его тела к своему.

— Маленькая стерва, — шепчет он мне, и его губы обрушиваются на мои. Жестко и властно, подчиняя его воле. Я сама не осознаю, когда начинаю отвечать ему, не просто отвечать, а требовать большего. Он уже не удерживает мою руку, он сильнее прижимает

меня, лаская каждый изгиб моего тела. А я в ответ отдаюсь этим грубым ласкам, запускаю руку в его волосы, сильнее притягивая к себе. Поцелуй такой грубый, что я чувствую привкус крови на губах. Наши языки переплетаются, жаждут полного соединения, снова и снова заставляя впиваться друг в друга. Он подхватывает меня, и я уже вишу на нем, обхватив его бедра ногами. Он опускается со мной на пол, вдавливаясь в меня своим телом. А я приподнимаю бедра, отчаянно желая почувствовать его внутри. Молния на моих джинсах расстегивается, и его рука проникает под них. Лаская и надавливая на чувствительную плоть, заставляя извиваться меня всем телом. Другой рукой Максим пытается стянуть с меня куртку вместе с кофтой, и я, как могу, помогаю ему, но руки почти не слушаются меня, пытаюсь как можно сильнее прижать его к себе. Когда одежда почти вся сброшена, мы оказываемся на холодном полу, я сильнее раздвигаю ноги, обхватываю ими бедра Максима, притягивая к себе.

— Не могу больше, — тяжело дыша, Максим входит в меня, заставляя мое тело изогнуться дугой. — Черт, черт!

Он двигается быстро, жестко, полностью завладевая моим разумом. Все, что я чувствую — это только наслаждение от его тела, его запаха, его вкуса. Максим грубо ласкает одной рукой мой клитор, и, если бы я не была настолько влажной, обязательно почувствовала боль. Но мне нравится его грубость, граничащая с животным инстинктом обладания. Я кончаю быстро и бурно, не сдерживаясь, впиваясь ногтями в его спину. Максим быстро выходит из меня и быстрыми движениями руки доводит себя до оргазма следом за мной. Его рычание отдается во мне сладким вкусом наслаждения от ощущения его экстаза. Он перекатывает наши тела на бок, прижимая меня к себе, и несколько минут мы просто ждем, когда наше дыхание придет в норму.

— Нам надо поговорить, — хрипло шепчет Максим.

— Ага, — устало соглашаюсь я, вдыхая его мужской запах, перемешанный с легким запахом пота и жаркого секса. Я все еще ошарашена тем, что произошло. Мои чувства настолько оголены, что мне даже становится на какое-то мгновение страшно, и я крепче прижимаюсь всем телом к Максиму, чтобы почувствовать хотя бы мнимую защиту от тепла его тела. Я чувствовала, как открываюсь навстречу ему. Это сложно передать словами, особенно, учитывая то, как быстро все произошло. Но все же в момент близости я была совершенно свободной, казалось, я могу летать и парить над всем миром. Словно что-то новое стало открываться во мне, и мне очень хотелось открыть это как можно сильнее.

Мои мысли прерывают движения Максима, который пытается подняться с пола, но я ему не даю, крепко обнимая. И пусть это выглядит странно, но я не хочу сейчас терять его тепло, не хочу терять это ощущение умиротворения

— Эй, я совсем не против провести с тобой обнаженным хоть весь день. Но давай хотя бы переместимся туда, где нам будет помягче? — со смешком говорит он, и я его отпускаю. Максим приподнимается и тянет меня за собой, мы поднимаемся, и он ведет меня к уже знакомому белому дивану. Мы садимся друг напротив друга, полностью обнаженные. Я обхватываю себя руками, не потому что стесняюсь, а скорее от того, что теперь мне становится холодно. Словно теперь, освободившись от его объятий, я стала снова беззащитной, слишком открытой, и теперь холод пронизывает меня насквозь. Предательские мурашки покрыли мою кожу, и Максим, заметив это, берет свой свитер и натягивает его на меня через голову.

— Вот так будет лучше, — еле слышно говорит он, убирая мои волосы за ухо. Затем притягивает меня ближе к себе, усаживая на колени так, чтобы я обхватывала его бедра ногами, — теперь не замерзнешь.

Я сижу верхом на его коленях и начинаю выводить по его обнаженной груди пальцем узоры. То, что он заметил мою реакцию на холод и его забота, вызывают во мне желание разреваться. Я уже не помню, чтобы обо мне вот так заботились.

— Надо полагать, ты передумала? — спрашивает Максим.

— Передумала о чем? — подняв на него глаза, я ожидала увидеть в них его обычное самодовольство, но вместо этого вижу настороженный и внимательный взгляд.

— О моем предложении. Ты, я и секс, много секса, — шепчет он своим соблазнительным голосом, притягивая к себе одной рукой, попутно ласково проводя другой по моему бедру, приближаясь к моей попке и слегка сжимая ее.

— Ты всегда все портишь своими разговорами! — возмущенно шепчу я, закрывая глаза и наслаждаясь его теплым дыханием на своей коже.

— А ты вечно убегаешь, — его губы проводят легкую дорожку поцелуев, начиная от уха, по щеке, пока не находят мои губы. И слегка прикусывая за нижнюю, он завладевает моим ртом, развеивая все мои мысли напрочь. Его руки медленно скользят, начиная от ягодиц, лаская их, приподнимая свитер до тех пор, пока не обнажает меня почти полностью, открывая своему взору мою грудь. Он обхватывает зубами одну твердую горошину соска, и я слегка вскрикиваю, а мои бедра непроизвольно толкаются к нему еще ближе. — Теперь ты не убежишь, я не позволю. — Максим касается кончиком языка другого соска и прикусывает его тоже. Я притягиваю его ближе к себе, обнимая за плечи, сильнее раздвигая ноги, в желании соприкоснуться с ним каждой клеточкой своего тела. Откидываю голову назад, наслаждаясь ласками, которые Максим дарит моей чувствительной, налитой от желания груди.

— Хочешь большего? — мурлычет он, кружа языком по твердой горошине.

— Да, — со стоном выдыхаю я.

— Хочешь, чтобы я был в тебе? — он прикусывает и снова ласкает чувствительную кожу.

— Да, — я приподнимаю его голову и захватываю его губы, упиваясь этим поцелуем. Мои руки тянутся вниз, туда, где наши бедра тесно соприкасаются. Я хочу дотронуться до него, почувствовать в руках его твердое желание. И он действительно очень твердый, и такой горячий, я нежно провожу рукой по всей его длине.

— Я хочу тебя! Прямо сейчас! — выдыхает Максим, резко опрокидывает меня на диван, подтягивая мои ноги вверх, закидывая их к себе на плечи, и тут же резко входит в меня. Я вскрикиваю, как обезумевшая, от чувства наслаждения и наполненности внутри себя, жадно вбирая каждый резкий толчок Макса. В его глазах столько огня, страсти и силы, которые буквально сжигают меня с каждым его движением. Этот момент такой интимный не только потому, что наши тела обнажены, сливаясь в эротическом экстазе, а потому что я чувствую полное единение с ним сейчас. Глаза в глаза, тела, так тесно прижатые друг к другу в той единственной точке, где соприкосновения приносят небывалое удовольствие. Я бы могла закрыть глаза, чтобы полностью отдаться этим ощущениям, но взгляд Максима буквально гипнотизирует меня, заставляя держать их открытыми. Каждый звук соприкосновения наших тел, каждый наш стон отдается во мне так сладко, что я практически выпадаю из реальности. Голова точно в тумане, и все, что я чувствую, это как Максим наполняет меня снова и снова, как мое тело жарко отзывается на каждый толчок, который с каждым разом становится все сильнее и быстрее.

— Давай! — я слышу приказ Макса сквозь пелену наслаждения, которое уже доходит до своего пика, и меня накрывает теплой волной мощного и яркого оргазма. Я, наконец, закрываю глаза, полностью утопая в своих ощущениях, и из меня вырывается протяжный стон, в след которому слышится рычание Максима, снова изливающегося мне на живот. Он падает на меня сверху и тут же перекачивается вместе со мной на бок. Мы тяжело дышим, спина Максима покрыта капельками пота, и я провожу по ней рукой, собирая их, и утыкаюсь ему в шею. Снова вдыхаю запах, в котором витают нотки нашего секса и жара наших тел. Я тоже, как и Максим, вся взмокла, особенно в области шеи, где до сих пор болтается свитер, который мы так и не удосужились снять.

— Жарко, — жалобно прерываю я тишину.

Максим стягивает с меня свитер, отбрасывая его в сторону, тихонько посмеиваясь:

— Стоило ли его надевать?

— Тогда мне было холодно, — я смотрю в его глаза, пытаюсь увидеть в них хоть что-то такое, что послужило бы оправданием моего побега. Но ничего не нахожу.

— Нам нужен душ! — Максим нависает надо мной и решительным тоном продолжает, — и только вздумай сказать, что тебе нужно уходить.

Он помогает мне подняться и ведет меня в ванную. Я думала, что он теперь даст мне уединиться, но вместо этого он включает воду и забирается в ванную первым.

— Я считала, что первой душ буду принимать я! — скрещивая руки на груди, хмуро смотрю, как Макс с блаженным видом встает под струи воды, которые надо признать очень соблазнительно стекают по его великолепному телу.

— Мы будем принимать душ вместе, — отвечает Макс, — залезай, ко мне!

Я удивленно приподнимаю одну бровь.

— Ты серьезно?

— Серьезней не куда! Давай залезай! Или тебя помыть прямо отсюда? — он начинает брызгать в меня водой, от чего я взвизгиваю, и он начинает хохотать.

— Ах, ты! — я делаю рассерженный вид и со словами: "Ну держись!" — залезаю в душ,

отнимаю у него шланг с водой и направляю его прямо ему в лицо. Максим фыркает от попавшей в него воды, одной рукой пытается спрятаться от напора, стараясь увернуться. Я же злорадно посмеиваюсь, но не успеваю насладиться еще и парой секунд своего триумфа, как Макс быстро хватается меня снизу за ноги, от чего я чуть было не падаю, но он ловко поддерживает меня, а шланг с водой выдергивает из моих рук. И вот я сама оказываюсь прижатой к полу душевой ванны, а Максим снова становится победителем.

— Так не честно, — слабо брыкаюсь я. Шланг довольно близко от меня и вода попадает прямо мне в лицо. — Физически ты сильнее!

— Все честно, милая, — Максим злорадно ухмыляется, — так будем мыться или еще поиграемся? Я не возражаю!

— Будем мыться, — ворчливо говорю я, все еще раздосадованная, что мой триумф длился так не долго. Максим помогает мне встать, затем бережно начинает поливать меня водой, начиная с плеч. Сначала я вздрагиваю от неожиданности, но Максим, успокаивающе шепчет:

— Тсс, все хорошо, сейчас мы тебя помоем, — он набирает в ладонь гель для душа и начинает растирать его по моему телу.

— Теперь на мне будет твой запах, — не зная даже, как реагировать на его действия. Максим тем временем уже опускается вниз, намывая мои ноги, и, подняв голову вверх и посмотрев на меня улыбаясь, отвечает:

— Оксана, ты в любом случае теперь будешь иметь мой запах.

— Вот теперь я тебя узнаю! — со вздохом произношу я.

— Узнаешь? — не понял Максим.

— Эта твоя самодовольная ухмылка, она снова вернулась, — объясняю я.

— Эта, как ты говоришь, самодовольная ухмылка, очень нравится всем представительницам женского пола, — говорит он.

— Не сомневаюсь, — бормочу я.

Максим поднимается вверх, и, обхватывая меня за подбородок, смотрит на меня сверху и говорит уже более серьезно:

— Но на данный момент единственная представительница женского пола, для которой она предназначена, это ты.

— Конечно, ведь мы сейчас тут одни и очаровывать тебе больше некого! — ехидно замечаю я.

— Оксана, послушай меня внимательно! — так же серьезно продолжает Максим, — ты мне нравишься, уж поверь для меня большая редкость терять голову и трахаться без презерватива. А с тобой это уже начинает входить в привычку!

Я убираю его руки от своего лица и упрямо заявляю:

— Очень странно, что у тебя здесь нет целой упаковки презервативов! С твоими-то аппетитами!

— Ты ничего не знаешь про мои аппетиты, — по тону Макса я начинаю подозревать, что он начинает раздражаться, и хотя голос звучит довольно спокойно и лишь немного становится более хриплым, чем обычно, это и выдает его чувства, — и это место, моя студия, я здесь работаю, а не устраиваю секс-дром. А теперь поворачивайся, я потру тебе спинку.

Я поворачиваюсь к нему спиной и просто наслаждаюсь прикосновением его рук, мягко скользящих по моей спине и плечам, слегка массируя их.

— Значит, не сюда ты приводишь тех, с кем... — я немного замаялась.

— Оксана, — со вздохом разочарования, обрывает меня Макс, — зачем ты задаешь подобные вопросы? Тебя интересует, куда я приводил женщин, чтобы спать с ними? Это совершенно ненужная для тебя информация. Я уже тебе ответил, что в этой студии я работаю и все. Этого достаточно.

Он разворачивает меня к себе лицом и продолжает:

— Теперь твоя очередь меня помыть, — с улыбкой говорит он.

— Легко, — с невозмутимым видом я выдавливаю гель на руки, создаю пену и провожу по торсу Максима. Мыть его довольно приятно, я мысленно прорисовываю картину на его груди, пока растираю его мылом, затем приступаю к плечам, потом следом руки. Опустившись перед ним на колени, начинаю намыливать бедра. Теперь его член находится прямо на одном уровне с моим лицом, и я не могу оторвать от него глаз, заметив, что он уже начинает снова твердеть. Я облизываю губы, подавляя желание провести по нему языком, поднимаю голову вверх. Максим смотрит на меня с высоты своего роста, его взгляд подернут легкой дымкой. Похоже, наши желания и мысли совпадают.

— Оксана, лучше тебе не смотреть на меня так, если не хочешь, чтобы я прижал тебя к стенке и взял снова, — хрипло говорит он.

Я отвожу взгляд, беру в руки душ и начинаю смывать с него пену, поднимаюсь с колен. Максим перехватывает мою руку и направляет струю душа так, чтобы она попадала на нас обоих. Он притягивает меня ближе к себе, пока наши тела не соприкасаются.

— Приятно принимать душ вместе, верно? Мы можем это делать всякий раз, как только ты будешь приезжать ко мне.

— С чего ты взял, что я буду приезжать? — нервно спрашиваю я. Похоже, он настолько уверен, что смог меня заполучить, что не видит другой альтернативы.

— Будешь, потому что сама этого хочешь, — уверенно говорит он, — только непонятно по какой причине отказываешься признаться в этом даже самой себе.

Я сглатываю, стараясь смотреть куда-нибудь в сторону, и задаю вопрос, который меня интересует:

— Эти свободные отношения, я имею в виду, это же просто секс. Для тебя это подразумевает наличие других партнеров? — и нерешительно поднимаю на него взгляд, я хочу по выражению его лица прочесть, скажет он правду или солжет.

Губы Максима растягиваются в насмешливой улыбке:

— Нет, Оксана, групповуха это не мое.

— Ты знаешь, что я имела в виду! — хмуро отвечаю ему я, — я не хочу быть одной из тех, кого ты вписываешь в свой график на неделю. Пусть у нас и отношения, основанные только на сексе.

— Ты, правда, считаешь, что я этаким альфа-самец, который каждый день может приводить новую женщину для секса? — он удивлен, и то, как он вскидывает брови, делает его вид таким забавным, что я непроизвольно хмыкаю и улыбаюсь.

— По крайней мере, ты на него похож.

— Давай кое-что, проясним, ты можешь мне верить, а можешь, нет. Но я никогда ничего не обещаю, если не могу этого выполнить. Ты спрашиваешь, будут ли у меня другие женщины пока мы спим? Нет, не будут, надеюсь, той же политики придерживаешься и ты. Да, при всем желании на секс не всегда есть время, тем более на отношения, поэтому я и предложил тебе такой вариант, как возможность проводить приятно вместе время, не обременяя себя лишними проблемами.

— Ты считаешь, что серьезные отношения, это только проблемы? — теперь моя очередь удивляться.

— А что для тебя серьезные отношения, Оксана? — спрашивает вместо ответа Макс, — как много раз ты видела, что якобы серьезные отношения заканчиваются только потому, что один начинает врать другому? Или потому что кто — то ждет большего, но не может этого получить? Когда кто — то не оправдывает чужих надежд, и в итоге люди расстаются с чувством горького разочарования, и потом еще они долго ходят с разбитыми мечтами и надеждами, которые сами же для себя придумали. Я же тебе предлагаю действительно серьезные отношения, без лжи и фальши, без недомолвок, все просто и легко. Получаешь удовольствие и точно знаешь, чего можно ожидать от партнера, то есть от меня. Я не собираюсь что-то скрывать и таить. Мне это просто не нужно.

— Как же, по-твоему, создаются семьи?

— Семьи, — фыркает он, — это те, в которых дело заканчивается либо разводом, либо молчаливым терпением измен, потому что кому-то наскучила бытовая рутина? — спрашивает Макс.

Я молчу, тут мне нечего сказать. Со многим, что он сказал, я согласна. Особенно вспоминая брак собственных родителей, но все же мне очень хочется верить, что не каждые отношения заканчиваются так плачевно. Что между людьми есть любовь и верность, даже спустя долгие прожитые совместные годы. Максим проводит рукой по моим влажным волосам рукой и со вздохом говорит:

— Давай не будем о грустном, я хочу, чтобы после встреч со мной у тебя всегда было приподнятое настроение.

Снова облизав губы, я спрашиваю:

— Так как это будет?

— Наши отношения, основанные на умопомрачительном сексе? — с довольной улыбкой спрашивает он. Я слегка толкаю его в грудь.

— Ты такой самоуверенный!

— Но ведь это — правда! — восклицает он и, чуть снизив голос, говорит: — Ты так стонала, так просила еще, что у меня не могут возникать сомнения по поводу доставленного тебе удовольствия!

От напоминаний, как я извивалась под ним, стараясь прижаться еще теснее, то всхлипывая, то постанывая, в самом деле желая еще и еще, я заливаюсь краской. Максим нежно проводит по моей щеке рукой:

— Мне нравится, как ты краснеешь, вспоминая это.

— Есть от чего, — шепчу я.

— Продолжай краснеть так же всегда! Будь такой же скромной и стеснительной после секса, и такой же страстной и открытой во время него! Это так заводит!

Он прижимается ко мне бедрами, и я чувствую, как его возбужденный член упирается мне в живот.

— Боже! — посмеиваясь, выдыхаю я, — по-моему ты все время возбужден!

— Рядом с тобой это легко, детка! — и он целует меня в губы, впиваясь в них, прижимая к своему телу. Мне нравится то, как он меня целует, страстно и так всепоглощающе, что ничего рядом уже не имеет значение.

— Давай уже покончим с мытьем и будем вылезать, — говорит Макс, прерывая поцелуй и прислоняется к моему лбу своим.

Я немного не ожидала, что он это скажет, я уже думала, что он и правда снова возьмет меня прямо в душу, и я, признаться, хотела этого. Стараясь скрыть разочарование, я говорю ему:

— Да, действительно, что-то мы здесь задержались!

Максим только неопределенно хмыкает на это, и мы уже практически молча заканчиваем мыться и вылезаем из ванной. Максим, предварительно вытерев себя, чтобы не оставаться мокрым, оборачивает меня в большое белое полотенце, которое висит на крючке, а сам остаётся обнаженным.

— Полотенце здесь одно, ведь гостей в душе я не ждал, — улыбаясь, говорит он, — но точно заявляю, что оно чистое.

Я улыбаюсь в ответ, и мы выходим в коридор, который представляется мне слишком холодным. То, что он отдал полотенце мне, снова вызывает во мне чувство жалости к самой себе. Еще одно проявление заботы. Хотя, что в этом особенного? Он всего лишь дал мне полотенце! А коридор действительно холодный, я это особенно остро ощущаю, когда ступаю босыми ногами по его паркетному полу. Похоже на улице снова стало холодать, либо вода в душе была слишком горячей или горячей была не вода?

— Черт! — Максим, похоже, тоже отметил, что градусы в комнате понизились, — как холодно, срочно одеваться! — командует он и отвешивает по моей заднице шлепок.

— Эй! — я вскрикиваю и потираю ушибленное место.

— Не мог удержаться, — со смехом говорит Макс, на что я отвечаю:

— Ненормальный! — его игривое настроение мне нравится, и все же я жалею, что в ванной не было продолжения, хотя точно знаю, что он этого хотел. Зайдя в комнату, мы начинаем одеваться, и я украдкой смотрю на Макса, который оделся быстрее, чем я и теперь что — то проверяет в своем телефоне.

— Сейчас я подвезу тебя до машины, а потом мне нужно будет уехать по делам, — говорит он, убирая телефон в задний карман штанов. Теперь он хмурится, хорошего настроения как не бывало. Вот и приплыли, — думаю я, — а чего собственно ты ожидала, Оксана? Вот они отношения, где присутствует только секс, потрахались и разбежались. Я снова разочарована, уж и не знаю, чего я хотела, но точно не того, чтобы меня сразу отправили домой.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась со мной еще, и это правда, но мне, в самом деле, нужно ехать, — похоже, мое разочарование прекрасно читается на моем лице.

— Вообще-то мне тоже уже пора, — говорю я, стараясь быть как можно более невозмутимой, — отвези меня скорее к машине.

И застегнув куртку, быстро выхожу в коридор. Максим меня настигает у двери и берет за руку:

— Эй, я говорю, серьезно! Что ты будешь делать на выходных?

— У меня намечена встреча с отцом, — скривившись, отвечаю я, вспомнив, что пообещала отцу поужинать с ним и с его новой пассией.

— Что-то ты этому не особо рада, — замечает он.

— Не бери в голову, поехали уже, у меня еще куча дел.

— У тебя сырые волосы, ты можешь простудиться, к сожалению, у меня нет фена. Может быть, их убрать наверх? У тебя есть заколка?

— Есть резинка для волос — она в сумке в машине, — я и забыла совсем, что волосы мои немного намокли, похоже, я совсем расклеилась и из-за кого! — Приглаживаю и

скручиваю волосы в жгут, убираю их на бок, к счастью не такие они и влажные.

— Хорошо, идем.

* * *

Когда мы вышли на улицу, меня обдувает холодным ветром. Удивительно, как за короткое время может так сильно испортиться погода, которая теперь больше напоминала собой осень, чем весну. Небо затянуло свинцовыми тучами, а в воздухе ощущался запах дождя. Я обхватываю себя руками, чтобы хоть как-то сохранить внутреннее тепло. Хотя, какое там тепло, внутри у меня холод, и уже довольно давно. Стрельнув взглядом в сторону Максима, который идет рядом молча, о чем — то задумавшись, я понимаю, что мне очень интересно, что такого он увидел в телефоне, что у него, прямо как у погоды испортилось настроение? Быстро дойдя до машины, Максим включает печку, и по салону машину стало быстро распространяться тепло.

— Так значит, отец живет не с вами? — спрашивает он, заполняя тишину, которая точно кокон окутывает меня.

— Нет, — просто отвечаю я, к чему говорить, что я вообще живу одна на съемной квартире?

— Значит твои родители в разводе, — просто констатируя факт, говорит он. Я бросаю на него немного рассерженный взгляд. Он теперь хочет о моих родителях поговорить? Прекрасная тема для разговора!

— Твои, надо полагать, тоже? — не удерживаюсь от того, чтобы мой голос звучал язвительно.

— Нет, мои не развелись, — отвечает Макс, вырвав на дорогу, а потом, немного помолчав, добавляет, — я вообще плохо помню свою мать. Она умерла.

— О! — все, что я могу произнести. — Мне очень жаль.

— Это было давно, — сдержанно отвечает он.

Мне хочется спросить, как именно она умерла, но не уверена, что в подобных отношениях как у нас, есть привилегии бесед по душам. Дальше мы снова едем молча. Почти подъехав к стоянке, где я оставила свою машину, Максим достает одной рукой свой телефон, который вибрирует, а другой продолжает рулить.

— Знаю. Уже еду, — коротко отвечает он и сбрасывает вызов. Вид у него мрачнее тучи. И снова мне хочется задать вопрос, что случилось, но я опять себя сдерживаю, вместо этого выдаю едкий комментарий:

— Ты всегда так вежлив по телефону, приятно видеть, что не только со мной, — напоминая ему, как он нагло сбросил мой первый звонок.

— Ты о чем? — не понял Макс.

— Ой, да не важно! — махнув рукой, говорю ему, не желая ничего объяснять. Максим на это только неопределенно пожимает плечами. Он и правда не понял, что я имела в виду. Подъехав к моей машине, которая одиноко стояла на опустевшей стоянке, Максим заглушает временно машину и поворачивается ко мне:

— Поцелуешь на прощание? — он даже не улыбается, смотрит серьезно в ожидании. Хочешь поцелуй на прощание, милый? Пожалуйста! Я тянусь к нему, облизывая губы, одновременно наблюдая, как он всем телом начинает пододвигаться ко мне, и я в последний момент поворачиваю голову и смачно целую его в щеку.,

— Пока, милый! — и быстро выхожу, хлопнув дверью. Не то что бы я это сделала специально, скорее тут подойдет выражение "рука сама дрогнула". Нажав на кнопку

открытия двери, я слышу, как он сигналит мне, и я оборачиваюсь, вопросительно приподняв бровь. Неужели хочет отругать, что не очень нежно отнеслась к его крошке? Максим опускает стекло со своей стороны, и говорит то, что я не совсем ожидала услышать:

— Бери в следующий раз трубку, Оксана, игра в кошки — мышки, это игра для детей. — и он снова поднимает стекло и уезжает. Напоследок вновь мне просигналив.

— Скажи это себе, — бормочу я ему вслед. — Бери трубку, Оксана! — передразнивая его, скорчив гримасу. Открыв машину, сажусь в холодный салон машины, тут же включая обогрев.

Когда я подъехала к дому, уже совсем стемнело, дождя так и не было, упало только несколько капель, которые быстро убрали дворники. Повторно приняв душ, чтобы помыть голову, и с благоговением одев чистое нижнее белье, я сразу заваливаюсь в постель. Как же я люблю свою маленькую двухкомнатную квартирку! Пусть она и съемная, но в ней мне действительно хорошо. Сейчас я чувствую себя в ней полностью закрытой и защищенной ото всего мира. Словно закрывая входную дверь, я закрываю ее и перед всеми сложностями и проблемами жизни. Закрыв глаза, я пытаюсь выкинуть все мысли из головы, но ничего не выходит. Снова и снова меня посещают образы Максима, вот он в душе, стоит обнаженный, а я намыливаю его тело, а вот мы на полу, и он с утробным рыком кончает на меня, и его сперма попадает на мой живот. Готова поклясться, я до сих пор чувствую его запах! Взбив как следует подушку, которая на удивление кажется мне ужасно неудобной, перекатываюсь на другой бок и пытаюсь заснуть снова. Провалявшись так еще какое-то время, и, наконец, сдавшись тому, что сон никак не идет ко мне, встаю с постели, натягивая старые обвисшие на коленках домашние штаны и такую же старую майку. Топаю в комнату, которую я обставила, как свое место для творчества. Включив свет, и жмуря глаза, привыкшие к темноте, достаю листы бумаги и решаю сделать пару набросков к проекту, который был задан по ландшафтному дизайну. Мне нужно придумать и разработать план городского парка. Не могу сказать, что тема особо привлекательная для меня, но для того, чтобы убить время и навеять на себя сон, подойдет отлично. Когда я занимаюсь творчеством, будь это рисование, либо работа над каким — то новым заданием, мои мысли могут легко переключаться. Искусство — это мое спасение. Когда на бумаге выплескиваешь свои эмоции, становится гораздо легче и снова можно дышать полной грудью. Еще несколько месяцев назад я рисовала так много, что забывала про еду и сон. Сидела я, как мне показалось, очень долго, но и сделала довольно много, я даже осталась довольна собой. Осталось все перевести на нужный формат и сделать более верную подачу по всем соответствующим правилам. Вздыхнув с облегчением от проделанной работы, я потянулась, разминая затекшие мышцы. Сколько же сейчас времени? Достаю свой телефон, на экране три часа ночи, и из меня вырывается мучительный стон, мне ведь еще завтра на пары! Черт бы побрал этого Максима! Даже кропотливая и длительная работа не помогла мне полностью справиться с чувством раздражения от того, что он так быстро уехал. Я сейчас точно уверена, что пошлю его к черту прямо по телефону, как только он позвонит. Делать ему в институте больше нечего, соответственно точки пересечения у нас исчерпаны. Разве что снова случайно повстречаться на какой-нибудь выставке. Черт! Воспоминая о последней из них, не лучшая идея. Двойное черт! Я сама согласилась принять его предложение, поехав с ним. Сказать, что мне нравился секс с ним, это ничего не сказать. Такого у меня не было даже с... вот это воспоминание вообще самая тупая моя идея! Тройное черт!!! Я склоняю голову к коленям, прижимая руки к вискам. Воспоминая по памяти первое, что приходит на

ум, это все архитектурные ордера, я называю все их составляющие элементы:

— Архитектурная композиция, использующая определённые элементы и подчиняющаяся определённой архитектурно-стилевой обработке. Включает в себя систему пропорций, предписывает состав и форму элементов, а также их взаиморасположение... Антаблемент — горизонтальный элемент ордера... — бормочу я заученный наизусть текст, мысленно представляя своему взору архитектуру Древней Греции, откуда и пришла сама строгая основа «ордер».

Уф! Помогает, отпустило. Встряхнув головой, решаю, что с Максимом все же лучше продолжить наши хм... интересные отношения. А почему бы и нет? Раз я шлюха, так и буду ею до конца, и катитесь все к черту! Главное, что когда я с ним, я могу просто расслабиться, я могу даже быть счастливее. Абсурдно звучит, но это так. Может от того, что я наконец приняла четкое решение, а может от того, что наконец полностью вымотала свой организм, едва коснувшись головой подушки, я тут же проваливаюсь в сон.

В субботу я, конечно, чуть не проспала на пару и приехала, когда она уже практически началась. Я планировала отсидеться как можно тише и даже не ходить после пар в мастерскую, где меня ожидала моя незавершенная "Мадонна с младенцем" с его напряженным взглядом. Но не тут — то было, сегодня была сдача работ по преобразованию флоры и фауны, а у меня, пожалуй, в первый раз не было выполнено задание! У меня так и остались копошиться внизу белые медузы на черном фоне. "Ну почему я не вспомнила об этом вчера ночью, когда пыталась заснуть", — корю я себя. Теперь у меня будет хвост, а я ненавижу хвосты! Я все еще надеюсь, что Эльмира каким-то чудом забудет про сдачу моей работы в этой кутерьме, которая творится с показами работ других студентов, кучкой толпящихся возле ее стола, внимательно слушая все комментарии по каждой из них.

— Оксана! — зовет меня Эльмира. Боковым зрением я вижу, как все расступаются, открывая меня ее обзору. Кругом одни предатели, со вздохом думаю я. — А где твоя работа?

— Эм. Ну я еще не закончила, — говорю я, немного смутившись.

— Покажи что есть, попробуем посмотреть, от чего можно отталкиваться, — не унимается она.

— На самом деле у меня вообще еще ничего не готово, — говорю я, надеясь, что теперь от меня отстанут.

— Если не можешь сопоставить себя с кем-то, можно попросить близкого человека, который расскажет, какой он тебя видит. Каждый человек сопоставляет себя с каким-нибудь животным, и точно так же, а иногда и наоборот, его видят окружающие! Не тни с этим, Оксана, это на тебя не похоже. Задание довольно простое.

И она вновь переключается на других студентов. Если бы все это было так просто для меня, сокрушаюсь я. Найти человека, который хорошо меня знает? Я не уверена, что знаю саму себя.

Когда пара, наконец, заканчивается, Эльмира напоминает нам об еще одном задании, которое она ждет на следующей неделе, сдача эссе. И советует начинать подтягивать всем хвосты перед экзаменами, с ними доступа к сдаче не будет. Я собираю вещи и со вздохом облегчения еду домой, где сразу заваливаюсь спать.

Проснувшись я, спустя несколько часов, и хотя за окном было еще светло, солнце уже опускалось за горизонт, а небо снова было хмурым с рваными темными облаками. Я плетусь на кухню, что бы найти там чего-нибудь съестного, попутно залезая в телефон. Пропущенные от Максима звонки, целых два. Сердце екает против моей воли, сжимаясь то ли от разочарования, что я не смогла взять трубку, то ли от разочарования, что пропустила возможную встречу. Может перезвонить ему? Да, я решаюсь на это и набираю его номер сама.

— Алло, — мой голос еще сиплый ото сна, и я прокашливаюсь.

— Опять игры, Оксана? — спрашивает Макс вместо приветствия.

— Я спала, поэтому не слышала твои звонки, до поздней ночи работала над одним проектом, — отвечаю я, чувствуя, что мой голос звучит так, словно я оправдываюсь перед ним, и мысленно даю себе за это пинок.

— Понял, — более спокойно отвечает он, — приезжай ко мне. Или у тебя сегодня

встреча с отцом?

— Нет, встреча будет завтра, — я тру глаза, прогоняя остатки сна, — но у меня полно работы, у меня небольшая загвоздка в одном задании. А нужно успеть все сделать за эти выходные.

— Так приезжай, я тебе помогу, — уверенным голосом говорит он. Я задумалась, а что если и правда мне так и сделать?

— Оксана? — слышится голос Максима в трубке, — ты еще здесь?

— Я приеду, только перекушу и приеду, — отвечаю я ему, решившись.

— Жду, — коротко говорит он и отключается.

— Да, я тоже соскучилась! — говорю я телефону, когда экран уже погас.

* * *

Подъехав к дому, где находилась мастерская Макса, я снова несколько минут сижу в машине, прежде чем выйти на улицу. Я волнуюсь. Вспоминая, зачем приехала сюда, я со вздохом отстегиваю ремень безопасности и выхожу. Максим быстро отвечает по домофону, точнее он не отвечает, а просто открывает мне молча дверь, не удосуживаясь даже выяснить, кто пришел, и я поднимаюсь вверх. На этот раз он встречает меня у самого порога, на нем темные джинсы и черная футболка, которая идеально обтягивает его тело. Вид шикарный, хотя думать сейчас об этом мне нужно в последнюю очередь. Его лицо ничего не выражает, и мне можно только догадываться о чем он думает. Я молча подхожу к нему, и он отступает, пропуская меня внутрь. Остановившись в коридоре, я хочу снять пальто, но Максим меня опережает, помогая мне. Когда его руки касаются меня, даже сквозь одежду я чувствую тепло, исходящее от него, и по телу проносятся сотни электрических огоньков. Я слегка вздрагиваю, а он наклоняется к моему уху и шепчет:

— Привет, милая.

Ага, понимаю, это он меня так называет, вспоминая наше не столь давнее прощание. Тогда я так и назвала его — милый. Он забирает мою сумку, вешая ее на крючок в прихожей, куда отправляется следом и мое пальто.

— Привет, — отвечаю я, нагибаясь, чтобы расстегнуть молнию сапог. При этом чуть сдвинулась вбок, чтобы не стоять, нагнувшись точно в приглашении перед ним, подставляя свой зад. Максим едва слышно хмыкает и проходит в комнату, я следую за ним.

— Нам нужно кое-что прояснить, — начинаю я с ходу, пока мысли не разлетелись в разные стороны. — Во-первых, я тебе не собачка, бегущая по первому зову. — Максим останавливается возле одного из столов, опирается на него и скрещивает на груди руки. Я жду, что он начнет возражать, что ничего подобного не имел ввиду, когда звал меня сюда, но он только выжидающе молчит. Немного прочистив горло, изо всех сил стараюсь говорить четко и уверенно, что бы он понял всю серьезность этого разговора. — Во-вторых, сегодня... сегодня, никакого секса! — выпаливаю я чуть более громко, чем хотела. Максим слегка хмурит брови и, чуть подавшись вперед ко мне, спрашивает:

— Есть еще в-третьих?

В голове начинают мелькать сотни мыслей, но ни одна не подходит. Совсем недавно я точно знала, что хочу сказать, но вот теперь все мысли как назло сбились в кучу, и никак не хотят выстраиваться в нужный мне ряд.

— Да, есть, — уже не так уверенно говорю я, медленно продвигаясь к дивану боком, как будто, если я развернусь и выпущу Макса из поля зрения, он может наброситься на меня и тогда... Понятия не имею, что тогда, но разговора может не получиться.

— И что же это? — все так же спокойно, без какого либо выражения на лице, спрашивает Максим, так же медленно отрывается от стола, продвигаясь вслед за мной, точно хищник, следящий за своей жертвой. Пожалуй, в каком — то смысле так оно и есть.

— Эм, я хочу прочертить некоторые границы наших отношений, — это не совсем то, что я планировала сказать, но что-то очень близкое.

— Хорошо, я слушаю, — говорит он, и сама не знаю почему, но после этой фразы, я сразу расслабляюсь, и пусть он еще ничего от меня не услышал, но то, что он принимает во внимание мое мнение, действует успокаивающе. Я сажусь на диван, а Максим так и остается стоять, нависая надо мной из — за чего я снова начинаю нервничать.

— Может, сядешь, наконец? — раздраженно спрашиваю я, указывая в сторону дивана.

Легкая усмешка касается его губ, и вместо того чтобы сесть, как я его прошу, он выходит из комнаты. А я остаюсь сидеть и только удивленно хлопаю глазами. Не поняла, что это значит?

— Макс?

Он не отвечает, а возвращается с бокалом белого вина и протягивает его мне.

— Я думаю, тебе будет полезно. Ты немного нервничаешь, — говорит он, все так же слегка ухмыляясь. На что я смирила его взглядом, говорящим, что ничего подобного. Но бокал забираю и делаю первый глоток, затем второй. Поднимаю глаза на Максима, все так же стоящего надо мной, только теперь его лицо имеет вполне себе явное выражение. И это выражение явно читается в его глазах, слегка потемневших из — за расширившихся зрачков. Похоть. Желание. Я медленно сглатываю, и снова прошу его:

— Пожалуйста, сядь, не очень удобно разговаривать, когда над тобой вот так возвышаются.

Максим садится, вальяжно закидывая ногу на ногу, и кладет руку на спинку дивана, кивает головой:

— Так лучше?

— Намного, — делаю еще глоток. И чтобы еще потянуть время, пытаюсь свои мысли сложить в нужный мне порядок, окидываю взглядом комнату. Многие вещи здесь передвинуты, а мольберты теперь девственно чисты. И только несколько перевернутых холстов все так же стоят лицом к стене.

— Так что там в-третьих, насчет границ? — напоминает мне Максим.

— Да, границы, — я снова поворачиваюсь к нему лицом и уже жалею, что решила говорить с ним вот так, глядя в его бездонные голубые глаза. Все, что мне сейчас хочется, это наброситься на него, снова окунуться в пучину одних только чувств, слышать его тяжелое дыхание, ощущать жар обнаженных тел. Я снова моргаю, чтобы прийти в себя, и продолжаю. — Поскольку любые отношения должны быть взаимовыгодными, то предлагаю следующий их вариант. В смысле отношений, — снова глоток вина, я старюсь, как можно более небрежно развалиться на диване, как это сделал Максим, но у меня не сразу получается. Устроившись с горем пополам, я решаю сосредоточить все свое внимание на ножке своего бокала, который верчу между пальцев. — Наши отношения остаются строго только между нами, никто не должен знать, что между нами что-то есть, — пожалуй, это одна из самых трудных границ, которую я озвучила, и я собой даже немного горжусь. — И я действительно хочу с твоей стороны некоторую помощь.

— Ты о своем задании? — спрашивает Макс, и я решаюсь поднять на него глаза.

— И да и нет.

— Неужели оно такое сложное? — удивляется он.

— Сложное оно для меня.

— Показывай, — махнув рукой, говорит Максим.

Я иду за сумкой и достаю листы с набросками задания. Протянув ему их, усаживаюсь снова рядом. Он хмуро рассматривает мои попытки выведения медуз из недр воды в небо и непонимающе смотрит на меня:

— У тебя проблемы с ассоциациями?

— Нет, проблем нет, — я замялась, перебирая в голове идеи, как лучше объяснить, что именно мне от него нужно. — Я только хочу, чтобы ты подсказал, в кого я могу трансформировать эту чертову медузу!

— Ты же сама понимаешь, что вариантов масса, — продолжая хмуриться, твердит Макс, на что я закатываю глаза.

— В дополнение к границам, никаких лишних вопросов. Просто скажи первое, что приходит на ум, — и быстро добавляю, — быть может, это будет что — то связанное со мной.

Я не собиралась этого говорить, сама не знаю, что дернуло меня раскрыть ему часть задания.

— С тобой? — теперь, словно начиная понимать, кивает Макс. — Хорошо. Значит тебе нужно изобразить того, кем ты себя видишь?

— Ну, так есть варианты? — игнорирую вопрос, спрашиваю я.

— Бабочка, — даже не раздумывая предлагает он.

— Бабочка? — я удивляюсь, мысленно пытаюсь представить, как смогу это изобразить.

— Как ты тогда решилась пойти за мной? — в ответ спрашивает он. Снова эта игра в ответы вопросом на вопрос.

— Зачем ты спрашиваешь? — в висках начинает пульсировать кровь, я и сама себе не могу точно объяснить, как я могла на такое решилась. Долгое отсутствие секса? Или моя жизнь стала настолько скучной и пустой, что мне нужна была сильная встряска?

— Я ведь понятия не имел, что ты еще студентка, — продолжает рассуждать Макс, словно сам с собой, попутно играя прядью моих волос, убирая их набок, открывая мою шею. — Ты показалась мне тогда старше, чем оказалось на самом деле. В твоих глазах было столько желания, в них был голод, — уже шепчет он, наклоняясь ко мне еще ближе, пока между нами не остается совсем маленькое расстояние, стоит мне сделать малейшее движение и наши губы сомкнутся. — Но теперь я не уверен в причине этого голода, — переходя с шепота на обычный голос, говорит Макс, отстраняясь.

— Не понимаю, о чем ты, — все, что я могу произнести, понимая, что секунду назад даже перестала дышать.

— Думаю, понимаешь, но все равно мне не скажешь. Когда я увидел тебя снова, ты была совсем другой. Всякий раз, когда я тебя вижу, ты другая, и трудно понять, где есть настоящая Оксана.

— Я всегда настоящая. Если ты думаешь, что я кого то из себя строю, то ты ошибаешься! — негодуя, вскрикиваю я.

— Нет, ты из себя никого не строишь, ты, как экзотическая бабочка. Летая, она может казаться милой и привлекательной. Но, садясь на цветок, раскрывая крылья, она показывает узор на них, открываясь с новой стороны, отпугивая хищников, желающих воспользоваться ее слабостью.

Мой яростный пыл остывает так же быстро, как и возгорается. Я, как замороженная, слушаю Максима, никто никогда не связывал меня с бабочкой, тем более так.

— Так значит бабочка, — сглотнув, перевожу разговор в сторону.

— Да, именно бабочка, — Макс тянется ко мне, откладывая листы бумаги в сторону и забирая у меня полупустой бокал. — Яркая, легкая, пугливая. Та, что тянется к солнцу, но боится взлететь слишком высоко, чтобы не опалить себе крылья. Бабочка, которая меняет свой окрас в зависимости от ситуации, хрупкая и ранимая, но она очень хочет казаться сильной, непробиваемой.

Мои щеки вспыхивают, его слова задевают меня. Я очень хочу быть сильной. И я совсем не слабая, разве нет? Иначе я бы тогда не остановилась, меня бы сейчас просто не было здесь. Меня бы вообще не было.

Перед глазами всплывают светлые стены ванной комнаты, и я, сидящая на полу, поджав под себя ноги, прислонившись спиной к холодному кафелю. Я снова слышу напуганный голос отца, умоляющего открыть ему дверь. Настойчивые удары по двери вперемешку с басами громкой музыки, доносящейся из дальней комнаты, где всюю продолжается вечеринка, ничуть меня не трогают. Мой затуманенный алкоголем мозг не воспринимает никакие звуки, делая их пустым фоном, мое лицо залито слезами, застилая глаза, превращая все вокруг в смутные неясные очертания. Сама я растоптана и опозорена, крылья бабочки опалили, превратив их в уродливое месиво. Эта бабочка больше не сможет летать, она покалечена, и крылья ее восстановлению не подлежат. Я помню, как мой взгляд сам собой натывается на бритвенный станок, я помню, как тянусь к нему и крепко сжимаю в руке...

— Эй, ты побледнела, я рассчитывал на другой эффект после вина, — заметил Максим, несколько обеспокоенно заглядывая в мои глаза.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — шепчу я, стараясь уйти от кошмарного воспоминания, и сбросить с себя нахлынувшее оцепенение.

— Не знаю, — соглашается Макс, чуть пожимая плечами, и осторожно касается моего лица. — Но мне с каждым разом становится все интересней тебя узнавать. — Его ладонь теплая и нежная, и мне так хочется сейчас закрыть глаза и прильнуть к ней. Но вместо этого я слегка дергаю головой, отстраняясь, и Макс тут же убирает руку обратно, и взгляд его меняется на более отстраненный, а голос теперь звучит не так мягко, — ты просила мои ассоциации связанные с тобой, и я тебе их дал.

Все идет не так, как я себе представляла, все слишком запугано, мне вдруг становится тяжело дышать. Я делаю глубокий вдох, чтобы наполнить легкие воздухом, которого мне так не хватает. Я чувствую, что, несмотря на наше непродолжительное знакомство, Максим слишком близко подобрался ко мне вплотную, словно сумел найти какую — то лазейку в мой внутренний мир, и это меня сильно пугает. Я не хочу никого пускать к себе, в тот мир, где слишком мрачно и сыро, туда, где так холодно, что даже меня порой прошибает холодный пот, стоит мне чуть расслабиться и приоткрыть двери назад в прошлое.

— Мне нужно идти, — я пытаюсь встать, но Макс меня удерживает, хватая за руки.

— Снова хочешь сбежать? — раздраженно цедит он сквозь зубы, его голос снова становится более сильным, чем обычно. Это меня могло бы напугать, но не пугает совершенно. Скорее даже нравится то, как он реагирует на меня и мои слова. Я и правда ненормальная, больная на всю голову! Я отдергиваю руки, вырываясь из его захвата.

— Секса не будет, я уже это говорила, я получила то, что хотела, теперь мне нужно уйти! — с таким же раздражением в голосе твержу я, едва ли не срываясь на крик.

— Значит, ты этого хочешь? — прожигая взглядом, спрашивает Макс, — приехала и тут же сбегает? В чем тогда смысл этой встречи? Что с тобой, черт возьми, происходит?

— Не находишь, что сам себе противоречишь? Ты изначально сказал, что тебе нужен только секс, — я стараюсь не обращать внимания на его вопрос о том, что сейчас произошло. — Так вот, секса не будет, и я еду домой.

Пытаюсь подняться, но Макс резко тянет меня на себя и валит на диван, придавливая сверху своим телом. От удивления я вскрикиваю и, подняв на него глаза, ожидаю увидеть злость или ярость, может даже похоть, но вместо этого я вижу, что его взгляд наоборот смягчается. Теперь он смотрит на меня так, словно понимает, что творится у меня внутри. Но это иллюзия, он не может ничего понимать.

— Ты никуда не уйдешь, по крайней мере пока, — мягко говорит он, выделяя каждое слово. — Мы еще с тобой толком не говорили, расслабься и мы поговорим, — его голос почти приходит в норму, сильная хриплость почти прошла.

— Я все тебе сказала, — пытаюсь скинуть его с себя, шиплю на него, изворачиваясь всем телом.

— Ты может и сказала все, что хотела, а я, заметь, внимательно тебя слушал. Теперь твоя очередь выслушать меня, — продолжая удерживать меня силой, говорит Макс, — и выбор за тобой. Либо мы разговариваем прямо так, я, сверху удерживая тебя от очередного побега, что мне даже нравится, — он окидывает меня взглядом, ненадолго задерживаясь на моей груди, которая яростно вздымается от тяжелого дыхания. — Либо ты спокойно сядешь и выслушаешь меня так же терпеливо, как и я тебя.

Я молча смотрю на него, пытаюсь немного успокоить дыхание. Он прав, силой он меня удержать может, вот только я не понимаю, зачем ему это нужно? Но что я еще сразу замечаю, так это то, как мне снова становится свободно дышать. Сейчас, когда наши тела прижаты друг к другу, все, о чем я могу думать — это Максим. Нет прошлого, нет будущего, только настоящее. Только его тело, которое прижимается ко мне, заставляя выходить эмоции на новый уровень. Это странно и удивительно, потому что с ним мне становится легче. Я не знаю, как именно это работает, но Максим — это отличное отвлечение от всех проблем. Стоило только ему вот так прикоснуться ко мне, показывая свою мужскую силу, удерживая меня, как кровь начинает бурлить во мне, с бешеной скоростью мчась по венам, добегая до самого сердца с диким воплем: «Жива! Ты Жива!»

— Хорошо, — наконец соглашаюсь я. — Можешь меня отпустить, я тебя выслушаю.

Макс тут же убирает руки и отстраняется, у него, в отличие от меня, с дыханием все в порядке. Мне же нужно какое-то время, чтобы привести его окончательно в норму. Снова, прямо усевшись на диване, поправляю на себе одежду. Держу спину прямо, чтобы казаться полностью невозмутимой, словно это вовсе не меня секунды назад прижимали к дивану.

— На счет твоих правил, — Максим проводит рукой по своим волосам, в его взгляде даже мелькает какая — то несвойственная ему неуверенность, что выглядит немного забавным. — О том, что ты не хочешь никому обо мне рассказывать, я могу понять. Я и сам не собирался бежать знакомиться с твоими родными и друзьями.

На этом месте я не удерживаюсь и презрительно фыркаю, какие еще у меня друзья? Они отвернулись от меня, стоило мне оступиться всего один раз. А родителей так вообще гораздо больше заботит их собственная личная жизнь. Я больше переживала, что нас может увидеть кто-то из моего университета, может студенты или учителя, уж не знаю, что из этого будет хуже:

— Я хочу чтобы нас никто не видел вместе, только и всего, — пытаюсь объяснить ему.

— Хочешь сделать из всего этого свой маленький грязный секрет? — ехидная улыбка появляется на губах Макса.

— А ты хочешь сделать из всего этого повод для больших грязных сплетен? — звучит глупо, я знаю, но от одной только мысли, что обо мне снова пойдут разговоры, меня начинает тошнить.

— Волнуешься о своей репутации? — ухмыляется Макс.

— Ничего подобного, — спокойно отвечаю я, от моей репутации остались лохмотья, но Максу знать об этом ни к чему. — Просто я не хочу быть в этом замешанной, не хочу, чтобы обо мне распускали сплетни. — Я стараюсь не обращать никакого внимания на подкатившую к горлу горечь от воспоминаний не так давно минувших дней, когда за спиной постоянно раздавались шушуканья и смешки.

— Оксана, тебе не стоит переживать о том, что скажут или не скажут люди, — мягким голосом говорит он. — Да и потом, что здесь такого, что между взрослыми людьми есть секс, ведь все, что происходит между нами, касается только нас двоих. А если это не укладывается в чьи — то мозговые рамки, пусть катятся ко всем чертям.

Я удивленно смотрю на него и не могу не согласиться с тем, что он действительно прав. В самом деле, какого черта людям так нравится влезать в чужие жизни? Строить сплетни, раздувать из незначительных событий огромные, превращая их в грязные слухи, передавая их из уст в уста, додумывая на ходу новые подробности. Я тоже так хочу. Хочу, как и Макс, быть спокойной к внешнему отношению мира, который так легко может тебя ранить.

— Все равно, — продолжаю упрямо гнуть свое, — я не хочу, чтобы ты обо мне рассказывал, кому бы то ни было. Тем более, что бы нас видели там, где я учусь.

— Да я и не собирался, — немигающим взглядом соглашается Макс, — повторяю еще раз, все, что связано с тобой и касается наших отношений — это только между нами.

Я киваю головой, в общем-то это то, чего я хотела. Но тогда почему мне неприятно слышать, что Максим, так же как и я, собирался хранить все в секрете от своих друзей?

— Но! — продолжает он, — если нас вместе увидят, не надейся, что я сделаю вид что не знаком с тобой. Это будет просто глупо.

— Просто следи за языком, хотя бы тогда, когда рядом мои однокурсники или преподаватели! — огрызаюсь я.

— Что еще значит следить за языком? — спрашивает Макс, удивленно вскинув брови.

— Не нужно было говорить, что ты меня запомнил, это могло послужить поводом для лишних пересудов.

— О! — теперь Максим понимает, о чем я, и довольно ухмыляется. — Ты имеешь в виду нашу случайную встречу в университете! Это было очень забавно!

— Забавно? — возмущаюсь я. — Ничего забавного здесь не вижу!

— Как раз наоборот, ты была так смущена, так старалась спрятаться за мольберт, — продолжая посмеиваться надо мной Максим. — Но ведь я тоже не ожидал тебя там увидеть. Все, чего я хотел — это обратить на себя твое внимание.

— Это тебе удалось, ты обратил на себя не только мое внимание! — скривившись, говорю я, вспоминая, какой ажиотаж он произвел своим появлением.

— И чье же еще внимание я заслужил? — с интересом спрашивает он.

— А то ты не понимаешь! Да все девчонки пускали на тебя слюни, и готова поспорить, дай им волю, они растерзали бы тебя на месте, в надежде урвать хотя бы маленький кусочек

от Максима Агапова.

От моих слов Максим закатывает голову назад и начинает громко смеяться. От звука его неподдельного веселья мне самой становится смешно, и я тоже начинаю улыбаться.

— Да плевать! — отсмеявшись, отвечает Макс, и, улыбаясь, чуть наклоняется ко мне. Внимательно глядя в мои глаза, он говорит, снизив голос: — но мне приятно, что тебя это задевает.

* * *

Остаток вечера я провожу за кропотливым прорисовыванием бабочек. Каждый новый виток, каждое новое вытягивание щупалец медузы в черные крылья снова и снова вызывают во мне воспоминания слов Максима: «Яркая... легкая... тянется к солнцу...расправляет крылья...» Эти воспоминания помогают мне, одновременно заставляя чувствовать себя лучше, но и принося с собой горечь сожалений. Не помню, чтобы я еще когда — то столько вкладывала в работу. В ней вся я, от начала и до конца. Никогда прежде я не раскрывалась так в своих творениях, и это было... это было похоже на очищение, но оно было болезненным. Пока я аккуратно вывожу пером последний вытянутый уголок крыла своей бабочки, мое лицо все мокрое от слез. Я утираю их, стараясь не заляпать лист бумаги, чтобы не испортить картинку. Взглянув на готовую работу, я понимаю, что довольна. Бабочки вырвались из черной воды на свободу, расправив нежные крылья. Но крылья не только нежные, они оставили в себе жалящий яд щупалец медузы. Это их защита, это и моя защита тоже. Закрыв чернила и ополоснув перо в банке с водой, я убираю работу на подоконник сушиться.

Умываясь в ванной, я смотрю на себя в зеркало и вижу, что мои глаза совсем опухли от слез, а нос стал красным. Сказал бы сейчас Макс, что я привлекательна? Я фыркаю собственному отражению. Сказал бы, если бы думал, что это поможет ему меня трахнуть. Обессиленная, плетусь в комнату и заваливаюсь на постель. «Самовлюбленный, наглый тип!»- думаю я, глядя в потолок. Он решил, что я его приревновала к студенткам! Как же! Он настолько уверен в собственной значимости и неотразимости, что ему и в голову не могло прийти, что меня больше раздражает сам факт фанатизма к человеку, которого совсем не знаешь. Это так глупо плавиться от одной только улыбки незнакомца, пусть он и известный, сексуально привлекательный художник, который к тому же еще и очень талантлив, что признают многие критики и уже состоявшиеся творцы искусства. Да, он красив, в нем есть та особая притягательность, что будоражит воображение, заставляя сердце биться чаще, а мозг вырисовывать замысловатые фантазии. Но смотреть на него, высунув язык, и пускать слюни? Какая мерзость! К тому же он умен, это я не могу не признать. Он проницателен, и меня до сих пор пробивает дрожь от воспоминаний того, как я чуть было не сорвалась прямо у него на глазах. Я не знаю, как ему удалось так тонко и незаметно задеть ту рану, что еще не зажила окончательно. Иногда мне кажется, что он видит меня насквозь. Это пугает и притягивает. И я не понимаю, как он не отправил меня домой, почему оставил рядом с собой? Он уже видел всю неадекватность моих действий, и все равно хочет продолжать со мной встречи. Более того, сегодня он помог мне тем, что не стал пытаться меня успокоить и пытаться залезть в душу, а просто плавно перевел разговор так, что из головы вылетели все болезненные воспоминания, оставляя в мозгу только его самого. И эта его власть над моим разумом тоже пугает, но еще и притягивает. Столько противоречивых чувств рядом с ним, столько страсти и неумного желания. Я была почти готова отступить и сама предложить ему заняться со мной сексом. И если бы он чуть надавил, я бы согласилась. Но он этого не

сделал, вместо этого мы провели еще около часа, сидя на диване как двое друзей, подкалывая и дразня друг друга. Его смех оказался лекарством, пролитым на болезненную атмосферу, которая расплзлась по комнате, пока я пребывала в шоке от прорвавшегося в моем сознании прошлого. И сейчас, лежа в кровати, я вспоминаю его смех и понимаю, что мне понравился этот немного хриплый звук веселья, который раньше я от него никогда не слышала. Столько эмоций от одного человека! Вся палитра красок сосредоточена в нем, и я боюсь, что могу потеряться во всем этом. Поэтому мне нужны рамки, иначе Максим Агапов поглотит меня всю целиком без остатка. Я медленно вздыхаю, чувствуя, как тело расслабляется, веки тяжелеют, а чувство удовлетворения от проделанной работы все сильнее обволакивает меня, унося в мир снов.

Утром меня будит настойчивый звон телефона, который я по глупости оставила рядом с кроватью. Взглянув на дисплей, вижу входящий звонок от мамы, похоже у нее входит в привычку не давать мне выспаться в свой выходной. Я хмурюсь, но на звонок отвечаю.

— Да, — раздраженность моего голоса, надеюсь, даст ей понять, что она звонит не совсем вовремя.

— Оксана! Ты получила номер журнала с нашими фотографиями? — радостно щебечущий голос матери действует на меня, как ни странно, отрезвляюще, и остатки сна отступают прочь.

— А должна была?

— Конечно! Загляни в почтовый ящик, или, быть может, тебе должны доставить его курьером, — немного подумав, ответила она — Но фотографии шикарные! Я попросила фотографа немного подкорректировать цвет твоих волос, чтобы он стал ближе к моему цвету! Получилось просто изумительно!

Я снова морщусь в раздражении.

— Чем тебе не угодил мой цвет? — спрашиваю я.

— Ну что ты, все прекрасно! — тут же оправдывается она, — просто я подумала, что так будет более по — родственному что ли, и фотограф был со мной согласен! Думаю, тебе и правда стоит сделать тонирование волос, немного освежить их. Я могу тебя записать на этой неделе, мне тоже стоит обновить стрижку. Можем сделать это вместе.

— Нет, спасибо, — бурчу я, поднимаясь с постели. Сильно сомневаюсь, что фотограф был согласен с мамой, скорее я поверю, что она ему слегка приплатила, чтобы все выглядело так, как хочет именно она, — мне и так все нравится.

— Как знаешь, — немного разочарованно протягивает она. — Ну, хороших тебе выходных!

— И тебе, — прощаюсь я и отключаю телефон.

Да уж, мамочка умеет поднять настроение с утра пораньше, и чем ей не угодил мой цвет волос? Вечно, что-то выдумывает, наверное, это и есть ее главное разочарование во мне. Я не стремлюсь, как она, испробовать на себе все новинки парикмахерской индустрии. Думаю, ей бы больше понравилась такая дочь, как эта злополучная Лариса, моя одноклассница, она тоже вечно занята своей внешностью гораздо больше, чем всем остальным. Ее белокурые локоны всегда идеально уложены, и даже оттенки в макияже она предпочитает те же, что и моя мать. Они бы быстро нашли общий язык. На меня же вечные перекрашивания, тонирования и мелирования навевают чувство скуки, а мама тем только и живет, что изо дня в день совершенствует свой образ. Уверена, она и спать ложится с мыслями, какой маникюр сделать ей завтра, и какие туфли подобрать к новой губной помаде. Вообще губную помаду подбирают к туфлям или наоборот? Так вообще делают? В прочем не важно. Потянувшись сидя на постели, я вспоминаю, что сегодня у меня еще встреча с моим вторым родителем, и, закрыв глаза, откидываюсь обратно на постель. Мысленно настраиваю себя на вежливый и миролюбивый лад, я должна это сделать. Папа меня просил, и если уж эта девушка действительно столько для него значит, я постараюсь быть милой с ней. «Честное слово постараюсь», — бормочу я себе под нос. Хотя я понятия не имею, как себя вести с

женщиной отца, которая по возрасту больше подходит мне в качестве подружки, нежели в образе новоявленной мачехи. Даже просто думать об этом странно.

День пролетает быстро, пока я занимаюсь набросками комнатных растений, это задание по рисунку, которых, слава Богу, было предостаточно в съемной квартире, благодаря съехавшим хозяевам, но по какой — то причине, решивших оставить их здесь. Наверное, они думали, что растения создают дополнительный уют. Что ж в данный момент мне это на руку, и пусть листья некоторых из них немного подсохли, в виду моей не самой добросовестной поливки, выглядели они все равно неплохо. Это на мой взгляд. Учитывая мою забывчивость, я вообще удивлена, что они до сих пор живы, а не окончательно засохли. Время подходило к пяти вечера. Мы же с папой условились, что я подъеду к шести. Пора потихоньку собираться, я решаю одеть наручные часы, подаренные папой, в знак нашего перемирия и моей готовности быть милой и дружелюбной. Если честно, я их частенько одеваю, просто обычно это делаю тогда, когда выхожу, куда-нибудь в театр или посещаю выставку. Они мне нравятся, выглядят благородно и неброско. И совсем не похожи на гламурные часики, которые предпочитает носить моя мама. Они даже чем — то напоминают мне мужские, благодаря своей круглой простой форме и толстому коричневому ремешку, плотно обтягивающему мое запястье.

Собралась я быстро, надев простое платье и убрав волосы наверх заколкой. Времени до выхода оставалось еще довольно прилично. Раньше я бы не раздумывая приехала пораньше, но не теперь, когда я знаю, что отец может быть сейчас с Алиной. И черт их знает, чем они там занимаются в эту самую минуту, эта мысль меня совсем не прельщает. И я решаюсь дождаться нужного часа. Немного подумав, я беру в руки телефон, проверяя его на наличие пропущенных звонков. Их нет. Не звонил. Ну и к черту тебя, Макс! Хватаю куртку, затем накидываю поверх плеч сумку, и решаюсь покататься по городу, чтобы убить остаток времени, может даже заглянуть в магазины. В любом случае мне пора пополнить запасы в холодильнике, да и возможность заглянуть в багетную мастерскую, которая находится неподалеку, доставит мне удовольствие.

Сев в машину, и по привычке включив навигатор, я задумалась. Вот уже несколько раз я зарекалась самой себе, что научусь ездить по городу без него, по крайней мере, в те места, которые хорошо знаю. Ведь в этом нет ничего сложного, столько людей каждый день едут по отлаженному маршруту и не теряются. Я же всегда полагаюсь на моего маленького технического помощника. Думаю это нужно исправлять, пора уже перестать бояться заблудиться, я девочка взрослая. К тому же это меня отвлечет от мыслей о предстоящем ужине с отцом. Ну да, хорошо, еще я надеюсь, что это отвлечет меня от мыслей о Максиме. Итак, я уверенно сжимаю руль и готовлюсь совершить маленький подвиг. И уже спустя несколько минут начинаю об этом жалеть, почти сразу утыкаясь в тупик из кирпичной стены. Я надеялась проехать внутри квартала, чтобы срезать путь до магазина, а оказалось, что проезда здесь вовсе и нет, и теперь мне нужно сдать назад по узкой дороге. Чертыхаясь и проклиная все на свете, я кое — как добираюсь до нужной улицы, немного повиляв из стороны в сторону между домами, пытаюсь найти нужную мне дорогу, и с облегчением вздыхаю, когда вижу крышу нужного впереди здания. Я знаю, что таких людей, которые плохо ориентируются на местности, как и я, не так уж и мало. И в основном это проблема женская, у мужчин подобное встречается гораздо реже. Вот же несправедливость! Рожать нам, критические дни нам, так еще и приличной ориентировкой природа не удосужились нас наградить. Помню, как я боялась первые дни ездить, когда только получила ключи от

машины. Мне очень хотелось водить самой, и в тоже время я знала, что могу легко заблудиться, если выеду неподготовленной. Каждая поездка для меня сродни приключению, стоит немного расслабиться, и я обязательно заверну не туда. Кому то это может показаться смешным или глупым, для меня же это буквально жизненная проблема. Заехав на широкую стоянку, стараясь как можно лучше запомнить местоположение своей машины на ней, чтобы потом еще не потратить время на ее поиски, я иду в торговый центр, где есть и продуктовый отдел, и багетная мастерская. Но, глянув на часы на моем запястье, понимаю, что из — за того, что кружила дворами, времени у меня осталось совсем немного, и теперь придется ограничиться только походом за продуктами. Купив яйца, пакет молока и пару упаковок йогурта, я без приключений добираюсь обратно до своей машины. Вырулив со стоянки, и уже оказавшись на главной дороге, я проезжаю мимо главного развлекательного комплекса города и с краю недалеко от центрального входа в спортивный клуб замечаю знакомую мазератти. «Макс!» — тут же мелькает в голове, сердце начинает стучать о грудную клетку так, что становится больно. И, словно услышав мои мысли, появляется и он сам собственной персоной, выходящий из стеклянных дверей здания. В джинсах и кожаной куртке, небрежно наброшенной на плечи, со спортивной сумкой в руках он выглядит очень и очень привлекательно. Так привлекательно, черт, даже слишком. Я буквально чувствую исходящую от него сексуальную притягательность и еще сильнее сжимаю руками руль. Моя машина медленно, но верно приближается к нему, двигаясь в этом запруженном потоке. Следом за Максом выходит еще один мужчина, на которого я не сразу обращаю внимания, пока тот не догоняет Максима, и, схватив его за плечо, останавливает. Этот мужчина почти такого же роста, как и Макс, может чуть ниже, и одет так же в кожаную куртку и джинсы. Только вот комплекцией более крупный, чем он. Макс останавливается, и я даже со своего расстояния вижу, что он сильно раздражен, от того, что его остановили. Его тело напряжено, голова вскинута вверх, вся поза говорит о том, что он готов в любой момент дать отпор. Проезжая мимо него, я не удерживаюсь и громко сигналию. Я не оборачиваюсь, проехав дальше и уж конечно не останавливаюсь. Возможно, он даже не понял, что сигналили именно ему. Даже если он оглянулся мне вслед, каковы шансы, что он мог узнать мою машину? Практически никаких, он видел ее всего раз. Хотя мне не стоит сильно об этом переживать. Он даже не звонил мне больше. Возможно, он решил, что даже такие отношения, как наши, не стоят того, чтобы возиться со мной? От этой мысли мне становится не по себе, не надо было сигналить, это было глупо! Но что сделано, то сделано. Бросив взгляд на часы, понимаю, что уже немного опаздываю и увеличиваю скорость, насколько это позволяет загруженная машинами дорога.

Открыла мне дверь Алина с улыбкой и доброжелательным выражением на лице.

— Твой отец ушел в магазин, мы забыли про вино. Так переживали про что-нибудь забыть и все равно забыли, — почти на одном дыхании говорит она. Я вижу, что она нервничает, ее явно не прельщает идея встречать меня одной, когда главного защитника нет рядом. Она переживает и теребит край своего зеленого платья. Мне даже хочется сказать ей, чтобы она уже расслабилась, и что я не собираюсь вести себя также стервозно, как и при первой нашей встрече.

— Вообще-то я за рулем, — признаться, я тоже немного нервничаю, но не столько теперь из-за встречи с ней. Скорее, это последствия случайной встречи с Максом. В голове проносится куча вопросов, но ни на один из них у меня нет ответа. Что он делал возле того здания, что это был за мужчина, и почему Максим был так напряжен?

— Проходи, твой отец скоро будет, — отступая на шаг назад, снова повторяет Алина, давая мне проход в комнату, продолжая растягивать губы в улыбке.

— Да, я уже поняла — бурчу я.

И тут же мысленно напоминаю себе, что нужно быть более милой и приветливой. Она же ни в чем не виновата. Пожалуй, стоит тоже улыбнуться, и я предпринимаю слабую попытку, но похоже на Алину это скорее действует еще хуже, чем мое безразличное выражение лица. Мы проходим в комнату, где в прошлый раз и состоялось наше первое неудачное знакомство. Сейчас в ней стоит небольшой обеденный стол, которого раньше у отца не было, в этом я уверена. Он накрыт белоснежной скатертью, и поверх нее расставлены приборы на три персоны.

— Этот стол мы с Андрюш... Андреем купили только вчера, — запинаясь, добавляет Алина и усаживается в глубокое кресло, но почти тут же вскакивает со словами: — может ты пока хочешь выпить? Воды или чаю?

— Нет спасибо, — ее потуги быть гостеприимной хозяйкой кажутся мне забавными и даже милыми. Между ней и моей матерью просто огромная пропасть. — И я знаю, где здесь кухня.

В комнате воцаряется тишина. А вот это явно звучало не очень мило с моей стороны. Черт и еще раз черт. Папа будет не очень — то счастлив, узнай, что я снова веду себя подобным образом. Но Алина явно не из тех, кто будет жаловаться своему любовнику на его родную дочь. И не потому, что боится проиграть в битве дочери — любовницы. Думаю, что она просто не такая, она не станет опускаться до такой низости. Я тоже сажусь в кресло напротив нее и начинаю ее разглядывать. Она действительно милая и привлекательная. У нее чудесный цвет волос, такой насыщенно рыжий, и только сейчас я замечаю, что ее щеки усыпаны мелкими яркими веснушками. Она тонкая и изящная, она чем — то даже напоминает мне фею, я уже начинаю искренне жалеть, что обидела ее. Она старается тоже не отводить взгляда, хотя мой оценивающий ее смущает. Но я ничего не могу с собой поделать, я, точно загипнотизированная, смотрю на нее и даже начинаю действительно понимать своего отца. Я вижу, что именно привлекло его в этой девушке.

— Если только ты не составишь мне компанию и не выпьешь со мной чаю, пока папы нет? — вдруг спрашиваю я в попытке загладить не самый вежливый свой ответ.

— Да, хорошо! — лицо Алины озаряет такая яркая улыбка, и я замечаю, что напряжение с нее немного спадает. Вот и славно, вечер должен пройти максимально спокойно. Мы одновременно поднимаемся, чтобы пойти на кухню, и слышим поворот ключа в двери. Вернулся мой отец. И Алина практически бегом бежит, что бы встретить его. И уж не знаю, показалось мне это или нет, но кажется, она прошептала, что то вроде: «Слава, Богу!» Да уж, видно я произвела на нее сильное впечатление.

— А вот и моя доченька, — приветствует меня отец, ставя пакет на пол, и быстро обнимает и целует в щеку.

— Привет, папа, — я тоже его целую, немного сильнее прижимаясь к нему, мне порой так не хватает его крепких объятий! И когда выпадает возможность, я всегда пытаюсь немного задержать его возле себя, хотя бы еще на долю секунды.

— Алин, я еще яйца прикупил, а то у нас много на салат ушло, — говорит он, кивая в сторону пакета.

— Яйца! Точно! — вскрикиваю я, а отец с Алиной удивленно смотрят на меня.

— Мне нужно положить продукты в холодильник, я быстро! — объясняю им и

спускаюсь к машине за своим пакетом. Как смогла забыть про свои продукты, это совсем вылетело у меня из головы! Выйдя на улицу, я наконец получаю смс от Максима: «Я тебя заметил». Сердце снова начинает гулко стучат в груди. Я расплываюсь в глупой улыбке, но все равно недовольно ворчу:

— Долго же ты ждал, что бы написать мне!

Настроение как-то сразу улучшается. И пусть в сообщении нет ничего интересного, в нем нет признаний в сильных желаниях и просьбой срочно увидеться. Я все равно рада, потому что это значит, что он все же не против возиться со мной, даже учитывая мое дрянное поведение и неадекватные поступки. Так что в квартиру отца я вернулась в приподнятом настроении, и мои улыбки стали более естественными. Пока я спускалась вниз, они уже накрыли на стол, и теперь на нем красовались чудесные блюда, аромат которых отозвался урчанием в моем голодном желудке. Мы садимся за стол, и я тут же отказалась от вина, объясняя тем, что за рулем. Папа одобрительно кивнул и наполнил бокалы для себя и Алины. В голове мелькает вопрос, если Алина и он будут пить вино, то как Алина поедет домой? Вызовет себе такси или она планирует остаться у него ночевать? Несмотря ни на что, атмосфера была не такая напряженная, как я себе представляла. Алина тоже заметно расслабилась, похоже, когда рядом мой отец, ей ничего не страшно. Мы немного поговорили о пустяках, погоде и прочей ерунде. Накладывая в свою тарелку еще немного мясного салата, я слышу фразу, смысл которой дойдет до меня несколько позже:

— Ты все же носишь эти часы, которые подарил твой папа! Он так переживал, что они могу тебе не понравиться, — говорит Алина.

— Да, мне они понравились. Спасибо, папочка, — я с благодарностью смотрю на отца. Этот подарок действительно мне очень нравится. Впервые он сумел не прогадать с ним. Обычно он дарил мне вещи, которые просто грудились в углу моей комнаты за своей ненужностью. Особенно меня позабавил подарок детских красок с люминесцентными цветами. Они так и остались в квартире, где теперь живет мама, хранясь в дальнем ящике стола. Я так и не смогла найти им применения.

— Как у вас там дела в институте движутся? Экзамены скоро? — спрашивает отец строгим голосом, и это немного смешно, он почти никогда не спрашивает про мои экзамены. Он знает, что я их сдам легко и без проблем.

— Нет пап, скоро объявят. До них еще почти месяц.

— Это так здорово, что ты рисуешь! — восхищенно говорит Алина и с небольшой грустью добавляет, — а вот у меня совсем рисовать не получается. Хотя мне очень нравится смотреть на работы художников.

— Твои таланты в цифрах, милая, — говорит папа, слегка сжимая ее руку. Это проявление нежности к ней отдается уколом ревности с моей стороны. Но я решительно отталкиваю это чувство, чтобы не портить себе настроение.

— К тому же ты прекрасно готовишь, верно, Оксана? — добавляет он.

— Это все приготовила ты? — удивляясь, спрашиваю я.

— Да, — скромно отвечает Алина, — эти мясные рулетики по рецепту моей бабушки. Она всегда их готовила, когда был особенный ужин.

Сказать, что я под впечатлением, еще ничего не сказать, все действительно очень вкусно и оформлено так же.

— У тебя талант! — не удерживаюсь от похвалы я.

— Ну что ты! — она смущается, и ее щеки заливаются розовым цветом. — Талант как

раз у тебя, твой отец так много рассказывал о тебе. Даже показывал некоторые твои работы.

— Мои работы?

— Ну да, — продолжает Алина, — у него в телефоне есть пара фотографий твоих картин.

— Я не знала, — с удивлением смотрю на отца, а он небрежно откинувшись на спинку стула говорит:

— Твои работы, которые ты выставляла на экзаменационный смотр. Я сделал пару фото.

Я чувствую, как по телу разливается тепло. Как-то отец приезжал на самый первый мой экзамен, когда мы вывешивали свои работы прямо в большом коридоре, и он тогда, и вправду, сделал пару снимков. Я даже не подозревала, что отец хранит мои работы в своем телефоне.

— Может, покажешь как-нибудь Алине свою мастерскую? — подмигнув, спрашивает папа. И это не похоже на просьбу. Он хочет, чтобы мы с ней подружились, и сейчас буквально заставляет меня ответить согласием. — Ей, действительно, это будет интересно.

— Да, это можно будет устроить, — неопределенно отвечаю я, мы встречаемся взглядами с Алиной, и я тут же отвожу свой. Я весь вечер наблюдаю, как она ухаживает за отцом, как лоснится к нему. Она его буквально боготворит. И только видя ее искренность и неподдельную заботу к нему, я понимаю, что возможно тоже смогу впустить ее к себе, когда пройдет время.

В целом сам вечер прошел довольно мирно. Я держалась молодцом и узнала много интересного о новой пассии отца. Алина сразу после окончания института поступила на стажировку в фирму отца и уже спустя год получила повышение. Она была умна и предпочитала четкость и ясность цифр. Так ее и заметил отец, он увидел в ней далеко подающего надежды успешного финансиста. Постепенно мы переместились из — за стола на удобные кресла. Алина с отцом потягивали вино, а я же пила апельсиновый сок. Не могу сказать, что моя ревность исчезла, но Алина действительно начинала мне нравиться. Она простая и открытая, и я ей в этом завидую. С ней комфортно и просто, думаю, она как глоток свежего воздуха для моего отца после долгих лет с матерью. Та была требовательна и капризна, да и готовила она ужасно. На протяжении моего детства мы питались тем, что готовили мои многочисленные няни, или сам отец иногда стоял возле плиты. Когда отец съехал, и я приходила к нему в гости, мы обычно питались полуфабрикатами или просто заказывали еду на дом.

Весь вечер мы старательно обходили стороной разговор о том, когда именно завязались отношения между отцом и Алиной, и почему отец ничего мне о ней не рассказывал, и я была этому даже рада. Я видела, что он счастлив и полностью расслаблен рядом с ней. Пока этого для меня достаточно.

Потянувшись в кресле, я чувствую, как меня начинает клонить ко сну, так подействовали на меня наш неспешный разговор и сытая еда.

— Уже довольно поздно. Думаю мне пора домой, — скрывая зевоту, говорю я.

— В самом деле, время пролетело незаметно, так всегда бывает, когда находишься в обществе приятных людей, — улыбается отец, поглаживая руку Алины, — но если ты сильно устала, может, останешься у нас?

«Останешься у нас» — эти слова дают мне понять, что они уже живут вместе. И Алина никуда не поедет, она останется с ним.

— Нет, я поеду домой, — мое настроение снова начинает портиться. Как быстро они перешли к таким близким отношениям? У них действительно все серьезно.

Они провожают меня, и отец снова обнимает меня, прося перезвонить ему, как только я доберусь до дома, и я согласно киваю. Попрощавшись с Алиной тоже, я оказываюсь на темной улице. Прохладный воздух, пробираясь под тонкую куртку, заставляет меня съежиться. Но я не тороплюсь спрятаться в теплом салоне машины, я смотрю на пустынную улицу и жалею, что с собой нет ни карандаша, ни клочка бумаги, чтобы сделать набросок темных, наполненных таинственными тенями деревьев с уже набухшими почками, готовых расцвести во всей своей красе со дня на день. Я мечтаю так же, как и эти деревья суметь расцвести, я жду свою весну, я очень надеюсь, что она придет и в мою жизнь тоже.

Когда яркое солнце так жарко согревает своим теплом, поневоле начинает клонить ко сну. Сегодня такой яркий и теплый день, что люди, наконец, осмелились сбросить с себя тяжелые куртки, предпочтя им легкие кофты и пиджаки, радуясь, что шкала термометра, наконец, добавила плюсом еще несколько градусов. И прямо сейчас я полностью погружена в то удовольствие, что дарит мне солнечное тепло, лаская мое тело, целуя его своим обжигающими тонкими лучиками. Я знаю, что стоит солнцу снова закатиться за горизонт, как снова станет прохладно от еще непрогретой до конца земли, поэтому стараюсь сполна насладиться тем теплом, что дарит этот день.

Я лежу полностью обнаженная на белом диване, который накрыт белой простыней, подперев руками голову, и смотрю как Максим в одних синих джинсах творит возле мольберта. Сегодня я сама позвонила ему, и уже спустя час оказалась в его объятиях, обжигаемая его поцелуями и ласками. Мой порыв позвонить первой был вызван сильным желанием услышать его голос, удостовериться, что наши отношения в силе. Максим сразу заявил, что хочет меня увидеть. И я приехала к нему сразу же после занятий, даже не заезжая домой. Он практически накинулся на меня возле входа в студию, и мне это понравилось. Мне нравилось чувствовать всю силу его желания, то, как он желал без промедления овладеть мной, заклеить своими прикосновениями. А когда он показал мне упаковку презервативов со словами: «Сегодня я подготовился», то хохотала как безумная.

Сейчас я чувствую себя полностью расслабленной и умиротворенной. Мне нравится смотреть, как Максим увлеченно работает кистями, накладывая новые мазки краски. Его лицо сейчас такое спокойное, но едва улавливается нотка грусти в его глазах, и это зрелище завораживает. Мне очень интересно узнать, что за картину он сейчас пишет, но я не задаю вопросов, ограничиваясь тем, что внимательно наблюдаю за эмоциями на его лице. Несколько раз звонил его телефон Максима, но он, даже не глядя на экран, просто отклонял звонок. Теперь я понимаю, что мне еще повезло, тогда когда я звонила ему в первый раз. Когда Максим работает, ничто не должно его отвлекать. Одного не понимаю, можно ведь совсем отключить телефон, но он этого не делает. Вздыхнув, понимаю, что много чего есть в Максиме, чего я не знаю и не понимаю. Я тянусь руками к сумке, которая была отброшена в порыве страсти, как и вся наша одежда, и начинаю копаться в ней в поиске ручки с бумагой.

— Что ты там ищешь? — не отрываясь от мольберта, спрашивает Максим.

— Хочу написать эссе, не одному тебе нужно работать, — усмехаюсь я.

Максим дарит мне одну из своих нахальных улыбок, которые уже начинают мне так нравиться, что, не видя их, я по ним скучаю.

— На меня снизошло вдохновение.

— Вдохновение после жаркого секса? — игриво спрашиваю я.

— Вдохновение от тебя, бабочка. Что за эссе? — интересуется он, снова обращая внимание на мольберт. Ну что же это такое! Мне даже нравится, как он называет меня бабочкой.

Я тяжело вздыхаю и вкратце описываю тему для задания.

— Мне начинает казаться, что ты меня используешь, чтобы выполнять свою домашнюю работу, — слегка нахмурившись, выдает Максим, но тут же снова улыбается. — Уже второй

раз ты приезжаешь, и тебе срочно нужно выполнить какое — то мудреное задание.

На его предположение об использовании я только хмыкаю, еще неизвестно, кто кого больше использует. К тому же не думаю, что Максим в курсе, что это за чувство, когда тебя действительно используют. Хотя... я ведь совсем о нем ничего не знаю. Не знаю его прошлого, не знаю ничего о его родных и друзьях. А еще мне очень интересно понять, почему у него такой хриплый голос. Точно не от курения, я еще ни разу не улавливала от него запаха сигарет. Может, стоит его об этом спросить напрямую? Эта тайна его голоса будоражит меня, мне так хочется разгадать ее.

— Есть, какие-нибудь идеи? — прерывает мои раздумья Макс

— Почти никаких, — отвечаю я, начиная выводить завитушки по краю листа. — Когда художник раскрывается в своих работах, он этим только выигрывает. Я это понимаю, просто...

Я замолкаю, понимая, что могу сболтнуть лишнего. Максим откладывает в сторону кисти и вытирает руки о влажную тряпку, подходит ко мне и садится рядом. Он проводит рукой по моей обнаженной спине, от чего по коже начинают бегать мурашки. Все мое тело отзывается на его прикосновения. Он слегка наклоняется ко мне так, чтобы его губы были прямо напротив моего уха, и, слегка прикусив его, распространяет по телу крошечные электрические разряды, которые отдаются внизу живота. Я выдыхаю из легких воздух. Ему так легко завести меня, одного легкого прикосновения достаточно для того, чтобы я снова захотела его.

— Ты даже представить себе не можешь, какую силу и свободу может дать человеку его абсолютная открытость миру не только в творчестве, но и в жизни в целом.

Я хмурю брови, совершенно не понимая его.

— Человек, который постоянно закрыт, храня в себе все свои тайны, становится еще более уязвимым, когда сжимается в страхе, что о них могут узнать другие. Это сковывает, заполняет лишней тревогой, которая на самом деле и гроша ломаного не стоит.

Я с удивлением поднимаю на него взгляд, и он захватывает мою нижнюю губу зубами и проводит по ней языком. Мои мысли начинают разлетаться в стороны, и я отчаянно хочу их удержать, но Максим переворачивает меня на спину и проводит рукой по моей груди, нежно касаясь уже затвердевших сосков. Я непроизвольно выгибаюсь навстречу ему, и Максим довольно улыбается.

— Нам так просто обнажать свое тело, выставляя напоказ все то, что должно быть сокрыто, — продолжает он, с благоговением глядя на мое тело — А вот то, что внутри держим под семью замками. Знаешь, почему так происходит?

— Почему? — хрипло шепчу я, не совсем уверенная, что хочу знать ответ.

— Потому что все, что мы хотим, это быть свободными от своих тайн, но страх быть непонятыми, непринятыми обществом, заставляет держать все внутри под семью замками. И именно это делает нас уязвимыми. Это сковывает наши реальные потребности, заставляя стыдиться собственных желаний и стремлений, — рука Максима медленно движется вниз к животу, и мои мышцы напрягаются, желая и одновременно прося большего.

— Ты хочешь сказать, что чем больше мы обнажаем тело...

— Тем сильнее хотим открыть миру душу, открыть свои мысли и желания, — заканчивает за меня Макс.

— Но некоторые желания могут быть такими неправильными, не все можно показывать окружающим, — тихо протестую я.

— А я не говорю, что нужно кричать на каждом углу о своем самом сокровенном, — улыбаясь, продолжает Максим, то, как он любит мое тело, дарит мне ощущение собственной значимости. Прямо сейчас я чувствую себя красивой. — Но и скрывать нет смысла. Ты это ты. Правда всегда выходит наружу, это лишь вопрос времени. И только тебе решать, как ты будешь встречать мнение окружающих: с высоко поднятой головой или пряча ее в песок.

Он наклоняется ко мне и его губы завладевают моими, я жадно отвечаю ему в ответ, раскрывая рот, впуская его язык внутрь, который исследует меня, вкушая снова и снова, до тех пор, пока нам начинает не хватать воздуха.

— Просто не бойся мнения других, ставь себя на первое место, — его хриплый голос ласкает мои губы, а пальцы рук в болезненной близости от самого изнашивающего до ласк местечка между ног, — плевать на всех, кто против тебя, будь с теми, кто за тебя.

— Но тогда появляется вероятность потерять всех, кто тебе дорог.

— Настоящих ты не потеряешь, — выдыхает он и ложится сверху, вдавливая меня своим телом в диван. Я провожу руками по его плечам, и с губ едва не срывается вопрос: "А ты настоящий?" Но Максим уже снова захватывает в плен мои губы, и мои мысли полностью сосредотачиваются только на нем. Я раздвигаю ноги, чтобы Максим мог удобно устроиться между них, и приподнимаю бедра ему на встречу. Я так хочу его сейчас. Мои руки жадно гладят его грудь, спускаясь ниже, пока не доходят до края джинсов, чтобы расстегнуть их и добраться до его напряженной плоти. Олицетворение мужской силы и желания. Максим стонет, стоит мне лишь прикоснуться к его возбужденному члену, направляя к себе, одновременно поглаживая и дразня его.

— Давай, моя бабочка. Теперь ты ведешь. Покажи, как ты этого хочешь. — Его позволение быть главной сейчас действует на меня еще более возбуждающим образом. Он только что передал мне все права, позволяя вести. Я упираюсь руками в грудь Макса, заставляя его подняться и, стянув до конца с него джинсы, в чем он мне торопливо помогает, усаживаюсь на него сверху. Максим любезно протягивает мне упаковку презервативов, и я достаю один, аккуратно раскатывая его по всей его длине. Теперь я смотрю на него сверху вниз и вижу, как Макс жадно впивается в мою грудь, лаская языком уже и так изнашивающие от нарастающего напряжения соски. Я начинаю тихонько постанывать и запускаю руку в волосы Максима, еще сильнее прижимая его к своей груди. Я больше не хочу ждать, мне нужно чтобы он был внутри меня, я хочу его так сильно, что готова сойти с ума, если не почувствую его прямо сейчас. Я медленно опускаюсь на его торчащий готовый член, который так жадно обхватывают мои внутренние мышцы. Не дойдя до конца, я снова приподнимаюсь, дразня и себя, и его этой сладкой пыткой. Снова опускаюсь чуть глубже, и Максим сжимает мои бедра, крепче удерживая меня на себе, со стоном выдыхает мое имя. От его хриплого наполненного вожделием голоса я буквально срываюсь и полностью опускаюсь на него и охаю от легких болезненных ощущений, которые дарит мне наполненность им. Максим еще крепче удерживает меня, начиная двигаться внутри меня, даря необыкновенные ощущения наслаждения. Я быстро подхватываю его ритм, удерживаясь за его плечи, лаская руки, сжимая и поглаживая их. Я наслаждаюсь силой, которая исходит от них, силой, которая исходит от Макса. И то, что сейчас я в какой-то степени руковожу процессом, доставляет мне такое удовольствие, что я теряюсь в этих ощущениях, закрываю глаза, жадно ловя воздух губами, увеличивая темп, не желая останавливаться до тех пор, пока жаркая волна освобождения не накрывает нас обоих. И я со стоном, который заглушает

жадный поцелуй Макса, освобождаюсь, снова находя успокоение в его объятиях.

Максим откидывается на спинку дивана, притягивая меня за собой, и тихо шепчет куда — то в область шеи:

— Ты великолепна, бабочка.

И дарит мне нежный поцелуй в ключицу.

Дурман удовольствия рассеивается, дыхание приходит в норму, а мы так и продолжаем сидеть, наслаждаясь близостью друг друга. Теперь мой взгляд снова полностью сфокусирован, и вся комната предстает передо мной в своем обычном четком очертании. Какое все же удовольствие может подарить один хороший секс! Он опьяняет, заставляя чувствовать столько граней блаженства, что на пике его создается ощущение, что ты отрываешься от земли и уже готова улететь в космос. В этот момент одновременно чувствуешь себя, как и невесомо легкой, так и удивительно земной, наполненной жизнью. Максим поглаживает мою спину, и я тоже не отказываю себе в удовольствии от прикосновений к нему. Эту идиллию прерывает еще один звонок телефона Макса.

— Почему ты его просто не вырубил? — со стоном разочарования спрашиваю я, когда он, приподняв меня за бедра, отсаживает в сторону, чтобы взять телефон. Я ощущаю некоторое чувство потери, когда он выходит из меня. Слишком приятно чувствовать его внутри.

— Поверь, я уже и сам начинаю думать о том же, — ворча, отзывается Макс, он встаёт с дивана и направляется в сторону стеллажа с красками, где лежит его сотовый. Я же с удовольствием вбираю в себя то зрелище, которое предстает передо мной. Со спины Максим выглядит потрясающе, в прочем так же, как и спереди. Его брови слегка хмурятся, когда он смотрит на экран. Я уже жду, как он скажет, что ему срочно нужно уехать, и от этого непроизвольно сжимаюсь всем телом. Именно так и было в прошлый раз. Всего один звонок, и его настроение испортилось, и тогда он просто отвез меня к моей машине.

— У тебя дела, — понимающим тоном говорю я, и, потянувшись за одеждой, намереваюсь одеться.

— Да к черту дела! — говорит Макс и задает вопрос, которого я меньше всего ожидала услышать: — Ты есть хочешь?

— Хочу, — вот так просто, он приглашает меня на обед? Или, если быть точнее, на ранний ужин? Хм, почти свидание.

— Собирайся, заедем куда-нибудь перекусить. Я и сам голоден как волк! — его черты лица разглаживаются, снова появляется его коронная ухмылка. — Беги в душ, а я пока сделаю пару звонков.

Я киваю ему и нехотя иду в ванную. Собрав волосы наверх заколкой, чтобы они не намокли, как это было в прошлый раз, когда мы принимали душ вместе, встаю под теплый струи воды и смываю с себя запах Максима и нашего ошеломительного секса. Все мои мысли сейчас обращены к тому, что мы сейчас собираемся вместе поехать ужинать. Не совсем подходит под рамки наших отношений, но не думаю, что для Максима эта поездка действительно что-то значит. Скорее всего, он очень голоден, а меня берет за компанию. Выйдя из душа, я оборачиваюсь полотенцем вокруг себя и иду прямо к Максиму, который накрывает мольберт белой тканью, за которым он работал.

— Что ты рисовал? — не удерживаюсь от любопытства я.

Максим поворачивается ко мне и с улыбкой отвечает:

— Покажу, как только будет готово. Одевайся, я скоро! — он приобнимает меня за

талию, и слегка кусает в области шеи. — Люблю, когда ты ее открываешь.

Эти слова растекаются во мне приятным теплом, и я буквально млею.

Пока Максим в ванной, и я остаюсь в комнате одна, возникает желание заглянуть под ткань и увидеть, что же там он творил. Но я вовремя себя одергиваю, потому как сама не люблю, когда мои незаконченные работы кто — то рассматривает без разрешения. Вместо этого я быстро одеваюсь и теперь стою в нерешительности посередине комнаты, не зная чем себя занять. Взгляд падает на телефон Макса, оставленный на стеллаже. Я нажимаю кнопку на боку корпуса, экран вспыхивает, запрашивая у меня пароль. Я вовсе не хотела влезть в него, я уважаю его личную территорию, но мне все равно ужасно любопытно, чьи звонки он сегодня игнорировал. Может бывшая навязчивая любовница? Эта мысль была мне неприятна. Обхватив себя руками, смотрю в широкое окно, солнце скоро начнет садиться. Я пробыла у Максима сегодня почти весь день. Легкая улыбка касается моих губ, что-то было такое особенное в этом человеке. С ним было так просто и сложно одновременно, думаю, это от того, что он всегда был честен со мной, я это чувствовала. Не знаю как, но я была уверена, что Максим как раз тот человек, который не привык врать. И то, что произошло между нами несколько минут назад было так, словно мы чуть больше открылись друг другу. Это и притягивало, и немного настораживало меня.

Когда мы, наконец, выходим с ним на улицу, я предполагала, что мы поедем на разных машинах, Максим на своей, а я на своей. Вместо этого он залезает в мою машину и садится на пассажирское сиденье рядом со мной, не обращая внимания на мой удивленный взгляд, брошенный в его сторону.

— Куда ехать? — спрашиваю его я.

— Здесь не далеко, выезжай на главную, и пока прямо — командует Макс, и я так и делаю. Прямо у самого конца дороги он велит мне завернуть за угол, и мы въезжаем во двор и останавливаемся возле небольшого здания, где за стеклянными исписанными различными надписями витражными окнами видно маленькое помещение кафетерия.

— Ты здесь часто бываешь? — я поворачиваюсь к Максиму, попутно отстегивая ремень безопасности.

— Время от времени.

Мы заходим в прохладное помещение, где почти нет посетителей, и садимся за столик у окна, откуда хорошо видно улицу. А вот благодаря красовавшимся надписям на окне, нас с Максимом довольно сложно заметить внутри. К нам подходит официантка и раскладывает перед нами меню. Мы благодарим ее, и я нетерпеливо открываю его. Сегодня я пропустила завтрак и ограничилась только бутылкой питьевого йогурта во время перерыва между парами. А аппетитный запах, который распространяется по всему залу, действует на мой пустой желудок еще сильнее, заставляя буквально ныть от отсутствия еды в нем. Все наименования блюд заканчиваются словами «по — домашнему». Наверное, на этом кафе и делает свой акцент, сам интерьер оформлен в духе большой домашней кухни, где вместо одного большого обеденного стола стоят много маленьких.

— Выбрала? — спрашивает Максим.

— Ага, — я не собираюсь долго осматривать перечень их блюд, мне хочется поскорее набить свой живот.

Максим снова подзывает официантку, и мы делаем заказ. Я выбрала пюре с котлетками по-домашнему и пару блинчиков с творогом, и еще черный чай. А Максим заказывает борщ и макаронны с мясом, и тоже черный чай, как и я. Эта такая домашняя еда вызывает у меня

улыбку. Никаких экзотических названий блюд, все просто и привычно для семейного ужина. Пока мы ждем свой заказ, у Максима снова звонит телефон, он достает его и наконец, отключает, оставляя его на столе.

— Так будет лучше, — чуть улыбаясь, говорит он.

— А тебя так не потеряют? Похоже, ты всюду нужен, — подкалываю его я.

— Не потеряют.

Его короткий ответ вводит меня в ступор. Та атмосфера, что была в студии, когда мы говорили, точнее, когда Максим говорил об открытости души, пропала. Я не знаю, что именно произошло, но сам тон ответа показался мне таким холодным, что я буквально почувствовала его на своей коже. И теперь тоненькая связь, что протянулась между нами, совсем истончилась и исчезла. У меня снова возникает желание сбежать. Это отвратительное чувство! Я так хочу, что бы оно исчезло, испарилось точно дым, навсегда покинув мои мысли.

— А тебя не потеряют?

— Меня? — я удивленно вскидываю брови.

— Ну да, ты ведь с матерью живешь, она не будет волноваться, что тебя до сих пор нет дома?

— Нет, я живу одна, в съемной квартире.

Максим удивленно смотрит на меня:

— Самостоятельная девочка, да? Прилежная студентка, умная и красивая, — чуть снизив голос, от чего он снова стал более хриплым, наклоняется ко мне, и продолжает перечислять весь перечень моих достоинств, — и такая страстная в постели.

Я чувствую, как кровь прилила к лицу, а в горле стало сухо, и поэтому я делаю глоток воды из высокого стакана, который любезно принесла нам официантка.

— Ну, в постели мы с тобой еще не были, — бормочу я, стараясь не показывать, как действуют на меня его слова.

— Жду не дождусь, когда смогу это исправить, — и снова хищная улыбка, от нее у меня перехватывает дыхание, и я отвожу глаза в сторону к окну и смотрю на улицу.

— У тебя такой голос... — начинаю я.

— Какой?

— Он всегда был таким хриплым? — я снова поднимаю на него глаза.

Максим, немного помолчав, опускает взгляд на стол, мне кажется, он что-то вспоминает, и мрачная тень ложится на его красивое лицо.

— Это последствия болезни.

— Болезни?

— Ларингит, осложнение после простуды, не у всех заботливые семьи как у тебя — мрачно говорит он.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— И снова эта фраза, что я ничего о тебе не знаю, — хмыкает Макс, — зато я вижу хорошо одетую девушку, которая уже водит машину, будучи студенткой, и которая при этом нигде не работает, ко всему прочему живущую отдельно. Твою квартиру оплачивает папочка, верно?

— Ты ничего не знаешь о моей семье, — шиплю я, он и понятия не имеет что все это лишь способ вечного противостояния между моими родителями. Отец снял мне квартиру, а мать, в свою очередь, тут же подарила машину и оплатила учебу на водительские права.

Каждый тянул лямку на себя, пытаясь доказать друг другу кто из них лучше.

— Бабочка снова показывает хищный окрас крыльев, чтобы хищник не заметил ее мягкую плоть, — многозначительно произносит Максим.

— А хищник, надо полагать, ты?

— Да, Оксана, я хищник. Но я не хочу ранить твои крылья.

Мое сердце стучит гулко. Он сказал, что не хочет меня ранить, но он так же не сказал, что не станет этого делать. А он может.

Перед нами ставят готовые блюда, и тяжелая атмосфера, нависшая над нами, немного рассеивается.

— Не помню, чтобы у меня был ларингит, — я склоняюсь над своим пюре, и отламываю кусочек котлеты, запах у блюда восхитительный. — Сколько тогда тебе было?

— Я точно не помню, может восемь или около того, — спокойно отвечает Макс — Мой отец все свое время предпочитал отдавать бутылке, ему некогда было со мной возиться.

Теперь я начинаю немного понимать его, похоже, у него было по — настоящему тяжелое детство. Но то, что в его семье было все так печально, еще не значит, что в каждой семье нет искренних любящих отношений и домашнего тепла. Я чувствую, что есть что-то еще, что-то, о чем Максим не станет мне рассказывать, по крайней мере, сейчас.

— Давай не будем об этом, у меня может испортиться аппетит — заканчивает он, на корню обрывая все мои попытки расспросить его более подробно об этом периоде его жизни. Но я не могу его в этом винить, я бы тоже не хотела говорить о чем-то подобном.

Мы начинаем есть. Все блюда оказались очень вкусными, запах меня не обманул. Но, несмотря на это, я не смогла насладиться в полной мере едой, слишком была шокирована рассказом Максима о его детстве. Даже представить себе не могу, каково это жить с алкоголиком в семье.

Покончив со своим блюдом, Максим откидывается на спинку кресла, и я ловлю на себе его задумчивый взгляд. Я не выдерживаю и спрашиваю в чем дело.

— Ни в чем. Ты сыта?

— Более чем.

— Тогда поехали.

Максим расплачивается с официанткой, полностью игнорируя мое желание разделить счет. Оказавшись в моей машине, я первая прерываю молчание и говорю, что мне пора ехать домой и предлагаю отвезти Максима до его студии. На самом деле я не хочу уезжать, но чувствую, что Максим все равно должен меня сейчас покинуть, и я лишь опережаю его слова о разлуке. Максим просит, чтобы я высадила его чуть дальше, в районе, где начинается набережная. Всю дорогу, как и остаток ужина, мы молчим и лишь переговариваемся короткими фразами, когда Максим указывает, куда именно ему нужно. Подъехав к высокому кирпичному ограждению, Максим просит остановить. Он поворачивается ко мне и, протянув руку к моему лицу, шепчет:

— Поцелуй на прощание.

Я не сопротивляюсь, наоборот, с жадностью отвечаю на поцелуй, который, к сожалению, прерывается слишком быстро.

— Приезжай завтра, — выдыхает он.

— Я не знаю, смогу ли.

— Приезжай. Я хочу тебе кое-что показать.

— Что именно?

— Приедешь и увидишь, — Максим посылает мне свою прощальную ухмылку и выходит из машины.

Я не сразу трогаюсь с места, я смотрю ему вслед, и да, черт возьми, я люблюсь видом, который мне открывается. Даже его походка говорит о том, что в нем живет хищная натура. И сегодня мне почти удалось погладить этого внутреннего хищника по его гладкой шерсти.

Вернувшись домой, я застаю возле моих дверей курьера, который пытается дозвониться до моей квартиры. Увидев меня и поняв, что я нужный ему адресат, он с облегчением протягивает мне запечатанный коричневый конверт. Я расписываюсь в его бланке о том, что посылка доставлена и захожу с ней в квартиру.

Я не тороплюсь распечатывать конверт, я знаю, что там находится — выпуск журнала со статьей о моей маме и наши совместные фотографии. Я задумываюсь над словами Максима, он сказал, что его семья не была такой заботливой как моя. Кое в чем он был все же прав, моя мать никогда не допускала, чтобы я серьезно заболела. Я помню, как она прогнала очередную няню, когда узнала, что мы гуляли с ней на пляже в морозящий дождик. Отец тогда разозлился на нее, говоря, что она раздувает из мухи слона, а мать кричала, что даже в летний дождь можно подхватить простуду, и что обязанность няни была в том, чтобы оберегать меня. Отец тогда, уходя из дому, громко хлопнул дверью, сказав на прощание, что забота о ребенке, это в первую очередь обязанность матери, а не няни. Я помню это смутно, тогда я была маленькой, но вроде бы тогда отец даже не пришел ночевать. Еще помню заплаканные глаза матери, ее одинокую фигуру, стоящую возле окна. Я тогда сильно расстроилась, что моя няня больше не придет, мне она нравилась, а сейчас я даже не могу вспомнить ее имя. Еще помню, что злилась на мать, я не понимала, почему она так на нее рассердилась, мы ведь даже не замерзли с ней во время прогулки. Мои мысли снова перескакивают на Максима, если его голос действительно последствия не долеченной болезни, это значит, что о нем действительно никто не заботился. Я представила себе маленького мальчика, у которого уже нет матери, а отец вечно пьян и совершенно не заботится о сыне. Мне жаль этого мальчика, так жаль, что сердце сжимается. Я даже не представляю себе, какой путь Максим прошел от этого мальчишки до того человека, которым он сейчас является. Сейчас он излучает уверенность и силу. В нем нет ничего, что могло бы вызвать чувство жалости, скорее я бы пожалела того, кто посмел бы встать на его пути.

Переодевшись в домашнюю одежду, состоящую из старой футболки и тренировочных штанов, я все же беру в руки конверт и распечатываю его. Открыв журнал, почти сразу нахожу нужные фотографии. Я и мама почти в полный рост, мои волосы выглядят почти такими же светлыми, как и у нее. Должна признать, что это выглядит совсем неплохо, моя мама знает в этом толк. И все же мой цвет мне нравится больше. А вот макияж выглядит не таким ярким, как мне казалось в начале, все выглядит в меру. Я закрываю журнал и задумываюсь о том, что возможно мне стоит поблагодарить судьбу за то, какие у меня родители. Пусть не самые образцовые, но все же они бы никогда не позволили, чтобы со мной случилось нечто подобное, что случилось с Максимом.

* * *

На следующий день, сразу после занятий сама не знаю зачем, но я отправилась к салону своей матери. Я даже не могу точно сформулировать то чувство, что мной двигало, ведь я даже не была уверена, что стану заходить внутрь. Но как только вдали показалась ярко оранжевая вывеска ее салона с надписью: «Красота женщины вне времени», я почувствовала, что начинаю немного волноваться. Те мысли, на которые натолкнули меня

слова Максима о том, что не у всех есть внимательные родители, были слишком новы для меня, и они все еще с трудом укладывались в моей голове. Впервые мне захотелось сказать судьбе спасибо за тех родителей, что она мне дала. Да, я никогда не голодала, за моим здоровьем всегда следили, и у меня всегда было море игрушек и красивых платяниц. Единственное «но» состояло в том, что даже те изумительные вещи, от которых в восторг приходит любая девочка, покупали мне няньки. Моя мама давала им деньги, и мы отправлялись по магазинам. И вроде ребенок снова счастлив и радуется новой игрушке. Но все это только до очередного раза, пока снова не почувствует себя лишним в жизни своих родителей. Быть может я хотела слишком многого? И в жизни нельзя иметь все сразу. А как быть с теми, у кого нет ни того, ни другого? Раньше я об этом мало задумывалась, полностью сосредоточившись лишь на себе и своих чувствах, и теперь я задаюсь вопросом, есть ли справедливость в этом мире?

Я откинула голову назад, удобно устроившись в кресле машины, и наблюдаю, как дверь салона гуляет из стороны в сторону, то впуская, то выпуская посетителей. Похоже сегодня у них в салоне ажиотаж. Хотя возможно это и есть тот самый обостренный весенний сезон, о котором всегда говорила мать? Я представляю себе, как она вся такая деловая и уверенная отдает очередное распоряжение своим сотрудникам, восседая в своем кабинете, а молоденькие девочки снуют рядом с ней, ловя каждое ее слово. Признаться, я не особо хорошо представляю, чем именно она там занимается и как она руководит салоном в целом, слишком редко я у нее бываю. Но когда я была здесь в последний раз, то невольно заметила восхищенные взгляды работников в ее сторону. Они действительно ею восхищались. Восхищались ее умению выглядеть всегда на все сто процентов, ее умению подать себя всегда с самой выгодной стороны. Я опускаю солнечные очки чуть ниже на нос, а затем тру переносицу, в очередной раз спрашивая себя, какого черта я тут забыла? Да, с родителями мне повезло больше, чем Максиму, и быть может чуть больше, чем кому-то еще. Но это только в том плане, что материально мы никогда ни в чем не нуждались, и я всегда могла получить любые игрушки какие только хотела. А ту пустоту, что меня всегда окружала, не сможет заполнить никакая, даже самая дорогая из них. Внимания со стороны родителей мне всегда было недостаточно, и я всегда остро это ощущала. О чем я вообще думала, приехав сюда? «Очередная глупая идея Оксана! Bravo! Вчера ты, похоже, сильно размякла от признаний Максима, — едко думаю я, — и в тебе вдруг проснулись нежные чувства, но ты прекрасно знаешь, что для твоей матери на первом месте всегда была ее работа». Боже! Да что уж тут говорить, если даже после того, когда весь мой мир перевернулся, все что она мне сказала, это то, что я должна забыть обо всем и двигаться дальше. Что я даже должна быть рада, что смогла увидеть истинную цену моим друзьям. Мои губы изгибаются в презрительной усмешке, вспоминая, как вытянулось в удивлении мое лицо на ее небрежно брошенные слова. Мое сердце было разбито, я потеряла таких близких для меня людей. И в тот самый момент, когда я была особенно уязвима, последнее, что я хотела услышать и могла бы воспринять, так это слова, что мне нужно двигаться дальше. О да, я узнала цену дружбе, но я определенно не была готова двигаться дальше. Да и куда двигаться? Глаза начинают щипать, а в голове прорываются слова из прошлого: «Проклятая медуза! Да кому ты вообще можешь быть нужна!» Я начинаю быстро моргать, чтобы остановить слезы, но это плохо помогает. Обидные слова, которые когда-то так сильно ранили, причиняют боль мне снова, заставляя все в груди болезненно сжаться. Каждый раз воспоминания накатывают внезапно, пытаюсь прорваться наружу. Иногда эти волны такие сильные, что их трудно удержать, а иногда

слабые и проходят довольно легко и быстро, что я считаю своей маленькой удачей. Я делаю глубокий вдох, затем выдох, к горлу снова подступает знакомое чувство тошноты, и пока воспоминания не накрыли меня волной, я делаю то единственное, что всегда помогает мне затолкать все накотившее обратно вовнутрь. С тяжелым вздохом я выпаливаю первое, что приходит на ум:

— Данный фасад здания, оформлен в стиле конструктивизм, — я тянусь рукой к сумке на соседнем сиденье и, быстро достав первый попавшийся лист бумаги, начинаю делать быстрый набросок двухэтажного красивого здания, при этом продолжая давать ему оценку, словно я на уроке. Единственное, что меня всегда хорошо отвлекает — это рисование, в этом мое спасение. Кисти с красками — мои главные помощники, и если я не сделаю хотя бы пары набросков в день, мои руки начинают ломить, до тех пор, пока они не почувствуют на себе их вес. И когда я хочу быстро отвлечься, идеальный выход — это рисование, а в совокупности применения своих знаний по истории искусств, вообще дает просто удивительный эффект. Всего пара штрихов на бумаге и мне уже легче, и голос почти перестает дрожать, — Стиль здания особенно хорошо проявляется в характерной лаконичности его форм и монолитного облика...

Громкий стук в окно заставляет мое сердце пропустить один удар, я вздрагиваю от неожиданности, а мой карандаш подает из рук и катится куда — то под автомобильное кресло.

— Оксана? Что ты тут делаешь? — я угадываю слова мамы скорее по движению ее губ, нежели слышу их, хотя окно с моей стороны приоткрыто. Она стоит, склонившись ко мне, как всегда элегантно с идеальной прической, с идеальным макияжем, одетая в дорогую модную одежду, и смотрит на меня в упор. Я в панике, сейчас она увидит мое заплаканное лицо, и начнутся никому ненужные расспросы. Но вместо этого моя мать стоит, как ни в чем не бывало и даже начинает улыбаться. — Не ожидала тебя здесь увидеть! Зайдешь ко мне?

Я хватаюсь рукой за руль, как за свое спасение, и мельком улавливаю свое отражение в зеркале заднего вида. С облегчением понимаю, что солнечные очки, которые сейчас на мне, скрывают мои глаза, с застывшими в них слезами, и я мысленно радуюсь, что не стала их снимать и, тем самым, смогла скрыть свое внутреннее состояние. Я киваю ей в знак согласия, и мы вместе идем в сторону здания, где располагается ее салон. Мама о чем — то мне рассказывает, пока мы переходим дорогу до салона, а я поддакиваю в ответ, создавая видимость разговора. Обычно при общении с ней этого бывает достаточно.

— Тебе доставили журнал? Как тебе фотографии? — ее вопрос слегка застаёт меня врасплох, потому что я не ожидала, что мне придется отвечать на что — то, требующее работы моих уставших мозговых извилин.

— Да, все получила. Фотографии милые.

— Милые? — фыркнув, переспрашивает мать, — они изумительные! Фотограф знает свое дело, сразу видно! А как тебе сама статья?

— Ммм... статья тоже...

— Что тоже? Тоже милый? — мама тянет на себя дверь, и мы заходим в светлое помещение, и я улавливаю тонкий и легкий цветочный аромат. — Ты ее вообще читала?

— Мельком. Как то руки еще не дошли пройтись до конца.

Мамино лицо выражает сомнение по поводу того, что я вообще собираюсь ее читать, и я отворачиваюсь от нее, чтобы избежать лишних вопросов и здороваюсь с девушкой, которая стоит за высокой стойкой. Она высокая и худая, ее длинные платиновые волосы убраны в

высокий хвост, она мило мне улыбается и поворачивает голову в сторону моей мамы, ожидая ее указаний.

— Жанна, меня не беспокоить! — бросает та, даже не удостоив девушку взглядом, и мы проходим вглубь помещения, заворачиваем за угол, туда, где находится ее просторный кабинет. Я сразу замечаю, что после моего последнего посещения обстановка в нем немного изменилась, стены стали теперь нежно голубыми, появился новый кожаный диванчик в углу, и горшков с цветами стало еще больше.

— Ты делала здесь ремонт? — спрашиваю я.

— Это так, ничего особенного! — непроизвольно махнув рукой, отвечает мама, — захотелось, чего-нибудь новенького и свеженького.

Она садится за свой стол и включает свой ноутбук, а я сажусь напротив нее на низкий стул. Интересно, мама специально подбирает так мебель, чтобы сотрудники, находясь в ее кабинете, казались ниже? Сама она возвышается за своим широким креслом и выглядит выше, чем есть на самом деле. Определенно все это сделано с умыслом. Она продолжает свой монолог, подробно рассказывая о своем любимом детище, ее салоне, а я уже начинаю жалеть, что согласилась пойти с ней. Я смотрю на эту женщину, которая приходится мне биологической матерью, и понимаю, насколько мы с ней разные. Ее бежевый костюм из юбки и легкого жакета идеально сидит на ней. Волосы убраны в красивую прическу и красиво спадают по плечам. Она всегда идеальна, я же частенько, торопясь в институт, выхожу из дома, даже не удосужившись как следует причесаться, просто собрав волосы в хвост.

— Так как твои дела? — спрашивает она, бросая на меня взгляд, наконец, решив, что рассказала мне все свои новости, которые по большому счету для меня ничего не значат, — и может, снимешь уже свои очки?

Я немного колеблюсь, прежде чем это сделать, но все же думаю, что выражение моего лица сейчас более спокойное и снимаю их.

— Господи, Оксана! — восклицает она, посмотрев на меня, и я тут же напрягаюсь, неужели, что то заметила? — У тебя такой усталый вид, давай я тебя на массаж сейчас запишу, моя Танечка творит просто чудеса, у нее как раз скоро будет окно!

— Ой, нет, мам! — сразу отказываюсь я, не хватало мне еще здесь задержаться, — я же не за этим приехала.

— А что ты хотела? Что-то случилось?

— Ничего особенного, проезжала мимо, вот и решила заглянуть.

Мамино лицо расплывается в улыбке, и мне даже начинает казаться, что ей приятно это слышать.

— Это ты молодец! Но, думаю, что пара процедур тебе все же не помешает, — ее лицо приобретает вид уверенного профессионала, знающего толк во всех нюансах косметической индустрии, — сейчас самое время заняться очищением кожи и насыщением ее кислородом, у нас появились...

— Мам! — резко прерываю ее, — я не хочу, и мне вообще уже пора ехать, у меня куча дел. На носу экзамены, задают много, и я уже начинаю не успевать делать все в срок.

— Может, хотя бы пообедаешь со мной? — немного разочарованно спрашивает она. И я задаюсь вопросом, это ее разочарование искреннее, или она его показывает, потому что вроде как должна быть расстроена моим быстрым уходом? Хотя ее рассказ и длился добрых минут пятнадцать, мы толком и не поговорили. Впрочем, как и всегда.

— В другой раз, обещаю, но мне правда пора, — чуть мягче отвечаю я, и быстро встаю, одевая очки на голову, и прощаюсь с ней. Но не успеваю я коснуться дверной ручки, как слышу ее вопрос:

— Как там твой отец?

Я медленно поворачиваюсь и с удивлением смотрю на нее

— А тебе это правда, интересно?

— Говорят, его видели несколько раз в обществе какой-то рыжей малолетки, — пренебрежительно отвечает она, — ты ничего об этом не знаешь?

— Нет, ничего, — нагло вру я, еще не хватало попасть под ее опрос, касающийся личной жизни отца. — Ну все, пока, мам! — бросаю ей на прощание и выхожу.

Удивительно, но мне даже стало немного обидно за Алину, то, как мама назвала ее рыжей малолеткой, это она конечно зря. Да, Алина очень молода, но она милая девушка и даже смогла вызвать у меня симпатию, что уже не мало, и отец с ней явно счастлив. Поэтому я ничего не стану говорить о ней матери. Не хочу, чтобы она потом перемывала ей и отцу косточки со своими подружками во время маникюра. А сейчас мне действительно нужно ехать. Максим сказал, что мы встретимся у городского памятника, дорога от которого спускается к реке. Я даже чувствую, что совсем не расстроена, что мама не заметила, как я быстро от нее убежала. Раньше из-за этого я бы переживала, но сейчас нет. Возможно, это потому, что я взрослею и уже понимаю, что требовать от нее нечто подобное не имеет смысла.

Я добираюсь до дома и переодеваюсь в летние джинсы и майку с длинными рукавами, отличная одежда для прогулки по набережной. Сегодня стало еще теплее, и солнце припекает так сильно, что многие жители города даже рискнули одеться совсем по летнему. Немного подумав, я убираю волосы наверх, заколов их большой заколкой, открывая шею. Я вспоминаю слова Максима о том, что ему нравится, когда она открыта, и по телу начинают бежать мурашки от воспоминаний, как он меня туда целует. Я в предвкушении встречи, я уже хочу его увидеть. И чтобы не опоздать, больше не задерживаюсь в квартире. Включив в машине навигатор, чтобы снова не рисковать и не заблудиться среди больших улиц и перекрестков, я уверенно направляюсь к центральной части набережной. На губах играет улыбка. Да, я делаю это, я собираюсь наслаждаться теми ощущениями, что дарят мне встречи с Максимом.

Большой монолитный памятник стоит прямо по середине широкой площади и представляет собой стену из фигур павших бойцов Великой Отечественной войны. Здесь всегда очень красиво. Особенно весной, когда все начинает кругом цвести, а запах воды овеивает прохладой, заставляя отвлечься от палящего солнца. Я сразу замечаю машину Максима и паркуюсь рядом с ней. Увидев меня, он выходит из машины. На нем, так же как и на мне, светлые джинсы и белая футболка. Темные очки закрывают его глаза, и мне хочется снять их. На таком ярком солнце его глаза должны быть еще более пронзительными, чем обычно. Я иду к нему не в состоянии скрыть, как рада его видеть. А когда губы Макса, так же как и мои, растягиваются в его обычной ухмылке, мое сердце начинает стучать сильнее. Он преодолевает короткое расстояние между нами и притягивает меня к себе, прижимая к своему крепкому телу. И я решаюсь поднять его очки наверх. Вижу его глаза, в которых мелькают смешинки. Одной рукой он берет меня за подбородок, приподнимая его вверх, а другой притягивает мою голову к себе и накрывает мой рот своими губами. Властно и сладко. Я едва удерживаю себя, чтобы не застонать от удовольствия, и с наслаждением отдаюсь этому поцелую. И когда он его прерывает, я уже почти задыхаюсь от нехватки воздуха.

— Готова?

— К чему? — глотая воздух, спрашиваю его.

Максим тихонько посмеивается, видя мое замешательство после его поцелуя, от которого все мысли в моей голове разлетелись прочь.

— Сейчас все увидишь. Пойдем, — он берет меня за руку, и в том месте, где мы соприкасаемся пальцами, кожу начинает покалывать электрическими разрядами. Мы идем в сторону леса, который скрывает за собой набережную. Я мысленно пытаюсь представить себе, как мы смотримся вместе со стороны, с любопытством бросая на него взгляды. Но, стоп, Оксана! Это глупо, ты начинаешь забываться. Вы не пара, по крайней мере не в том смысле, который обычно принят в нормальном обществе, и об этом лучше не забывать.

— Как сегодня твои успехи в учебе? — спрашивает Макс, прерывая мои раздумья.

— Нормально, — на самом деле большую часть дня я была рассеянной, вспоминая слова Максима о том, что он чуть не потерял голос из — за какой то простуды, и, конечно, еще те слова, которые он мне говорил в студии. Мы движемся вдоль леса, и я вдыхаю полной грудью чистый воздух, так легко наполняющий легкие. Я раньше так любила это место, но сейчас приезжаю сюда очень редко.

— Так ты хотел показать мне набережную? Спасибо, конечно, но я ее видела, и не раз, — говорю я.

— Нет, не набережную, — отвечает Максим. — Я покажу тебе одно место, где люди находят уют и спокойствие. Тебе должно понравиться. Я ничего не понимаю, но дальше не расспрашиваю, все равно скоро все сама увижу. И мы снова идем в тишине, которая, как ни странно, совсем не тяготит нас. Когда мы доходим до широких ступеней, поднимающихся вглубь леса, и начинаем подниматься по ним, мне становится еще интересней. Я так часто проходила здесь мимо, но никогда не поднималась наверх. Мы медленно шагаем по ступеням, продолжая держаться за руки.

— Ты дописал ту картину?

— Которую начал вчера?

— Да.

— Еще нет, — он смотрит на меня с ухмылкой. — Хочешь знать, что на ней?

— Ты обещал мне ее показать, — напоминая я.

— Покажу, как только закончу. А мы уже почти пришли.

Он останавливается и смотрит вперед, я слежу за его взглядом. Моему взору отрывается вид на обветшалое здание, стены которого утопают в засохших кустарниках.

— Что это? — не понимаю я.

— Здесь люди учатся выражать свои мысли и чувства через рисование. Давай пойдем внутрь. Максим ведет меня через ржавую калитку, которая скрипит, когда мы ее открываем. Идем по выложенным бетонным плиткам, уложенным на земле так неровно, что в темноте можно переломать себе ноги. Оказавшись у входной двери, Максим поворачивается ко мне и говорит:

— Веди себя тихо, все вопросы потом, просто наблюдай.

Когда я согласно киваю, он открывает дверь, но, вдруг обернувшись и окинув меня взглядом, говорит:

— И да, кстати, мне нравится, как ты убрала сегодня волосы.

Я улыбаюсь довольная, что он обратил на это внимание. Мы заходим внутрь и оказываемся в довольно светлом помещении. Внутри здание выглядит гораздо лучше, чем снаружи. Видно, что стены были выкрашены совсем недавно и линолеум на полу еще совсем новый, рисунок на нем яркий и не видно никаких потертостей. Где-то вдалеке слышны приглушенные голоса, и мы идем на этот звук. Пройдя под высоким арочным проходом, мы оказываемся в еще одной светлой комнате, которая кажется просто огромной для того количества людей, что собрались здесь. Несколько женщин, сидящих за мольбертами, дети, которым от силы лет десять — одиннадцать, склонившиеся над столами с карандашами в руках. Двое стариков, пытящих возле одной из стен, развешивают новые картины. Все рисующие заняты красками, размешивая их, нанося на бумагу мазки с такими сосредоточенными лицами, что мне кажется, будто я очутилась в каком-то удивительном сказочном месте. У меня даже руки зачесались, так захотелось и мне окунуться в эту творческую атмосферу. На нас никто не обращает внимания, все слишком заняты, чтобы отвлекаться. Только легкие шепотки изредка проносятся по залу. Я ожидала чего угодно от этой встречи, но только не этого. Максим снова удивляет меня. Мы идем вдоль стен, и я начинаю рассматривать картины, которые ее украшают. Я сразу отмечаю технику исполнения и все их графические ошибки, но это не портит общего впечатления. Как человек, которого изо дня в день пичкают всеми правилами художественной техники, я просто не могу не обращать внимания на несоблюдение пропорций и верности наложения полутонов. Но картины удивительны! Многие из них подписаны, на некоторых даже указаны даты написания. Это простые бытовые предметы, обычные натюрморты, но они дышат. Они живые, и я даже протягиваю руку к одной из картин, чтобы прикоснуться к ней и почувствовать ее теплое дыхание. Я довольно долго рассматриваю их все, мысленно отмечая те, что понравились мне особенно сильно, пока мы не приближаемся ко второй стене, которая так же украшена работами. И здесь меня настигает шок. Я вижу перед собой стену боли. Фрагменты из жизни, изображающие домашние насилие, издевательство, скорбь, потери близких людей. Я буквально чувствую напряжение и отчаяние, исходящие от этих

полотен. Я с изумлением смотрю на Максима, молчаливо спрашивая, что все это такое? Но он лишь кивком дает мне знак, чтобы я смотрела дальше. Я окидываю зал взглядом, искренне удивляясь, что мне вот так просто позволено смотреть на чью — то темную сторону жизни. То, что эти картины из реальной жизни авторов, написавших их, у меня не вызывает никаких сомнений, слишком много чувств передается в каждом штрихе. И я иду, невольно съеживаясь от вида тех сцен, что предстают предо мной. Я не понимаю, насколько нужно быть смелым, чтобы изобразить нечто подобное, и я почти готова к тому, что кто — то сейчас кинется к нам, чтобы прогнать нас, наглых зрителей, посмеявшись заявиться сюда без приглашения. Мое особое внимание привлекает одна небольшая картина, которая висит почти в самом конце. На ней изображен мальчик, лежащий одиноко на своей кровати в темной грязной комнате. В ней есть одиночество, которое так знакомо мне, но помимо этого здесь чувствуется еще и страх. Вся поза лежащего мальчика напряжена, он словно хочет стать незаметным или оказаться в любом другом месте, кроме этой жуткой комнаты. Я также замечаю, что картинка прописана очень умело, сразу видно, что здесь приложил руку человек, который либо знаком с искусством живописи не понаслышке, либо очень талантлив от природы. А в левом углу корявыми черными чернилами сделана подпись «Максим А.» Я снова смотрю на Максима, и мои губы тихо шепчут:

— Это ты?

Лицо Максима темнеет, и он весь напрягается, но ничего не отвечает, ведет меня дальше. Мы покидаем комнату, оставляя за собой еще много всего интересного для меня. Мы идем молча, и я не сопротивляюсь, когда Максим снова выводит меня на улицу с обратной стороны здания. Я пытаюсь перевернуть все, что только что увидела. Похоже, прямо сейчас Максим невольно показал мне гораздо больше, чем собирался в начале.

— Зачем ты мне показал все это?

— В этом месте, Оксана, люди открывают самих себя, вставая перед лицом своих самых болезненных воспоминаний, которые мешают им нормально жить. Здесь люди проходят через то, что не могут пройти в одиночку. Когда мы позволяем своим страхам выйти наружу, открывая двери во внешний мир, они рассеиваются, оставляя после себя серый дым. Никто, конечно, не обещает, что и он исчезнет, скорее всего, этого никогда и не произойдет. Но становится гораздо легче.

Мы выходим на тропинку, ведущую в лес, и мягко ступаем по жухлым листьям, оставшимся здесь еще с осени. Сквозь них проступает первая зеленая травка. И я чувствую странное неудобство, когда ступаю на нее, сминая под своими туфлями.

— Каждый художник полностью раскрывает себя в своих картинах, — продолжает Максим. Сейчас, выйдя на свежий воздух, он снова расслаблен и излучает обычную уверенность.

— Он умело передает свою собственную боль и отчаяние, он выплескивает на холст свою радость и счастье. Он делится с нами своим видением мира, своими ощущениями красоты. И так он становится сильней и уверенней в жизни, особенно, когда получает отклик от зрителей. И ему так легче справиться с невзгодами и несправедливостью судьбы. Что бывает довольно часто, верно?

Максим выпускает короткий смешок, а я даже не представляю, что ему сказать в ответ. Мы останавливаемся возле высокого дерева, и Максим прислоняет меня к нему и смотрит в глаза:

— Теперь понимаешь, зачем я тебе это показал?

— Мое эссе...

— Дело не в твоём эссе! — нетерпеливо прерывает он, я вижу, что он разочарован, но никак не могу понять, чем вызвала у него такую реакцию. Тем, что случайно заметила его работу? — Все ты, Оксана!

— Да в чём дело?! — моя грудь вздымается вверх, все тело напрягается, готовое к обороне. Я чувствую, как Максим опять начинает забираться мне под кожу, задевая каждую болезненную струну моей души. Максим проводит рукой по моей щеке и, опускаясь вниз, кладет ее мне на шею, как раз там, где нервно пульсирует жилка.

— Ты боишься показывать свои чувства. Боишься саму себя. Ты настолько закрылась от внешнего мира, что уже не замечаешь, что живешь в коконе, в котором прячешься от всего, что тебя пугает.

Я злюсь, я снова ужасно злюсь на него! Я пытаюсь оттолкнуть Максима, но у меня ничего не выходит.

— Что ты несешь! Я нигде не прячусь!

— Тише! — зло шипит мне Максим на ухо, резко прижимая к дереву сильнее, надавливая сверху своим телом. И реакция моего на это давление — это мгновенное возбуждение. Каждая клеточка жаждет его прикосновений, и это злит меня еще больше. Как я могу желать его даже сейчас, когда он так мне ненавистен. Ненавижу его за то, что он так глубоко меня видит, словно я для него открытая книга. Почему именно он? Почему от его прикосновений я словно начинаю сходить с ума. А этот его запах, который я так остро сейчас ощущаю, перемешанный со сладким воздухом леса, заставляет мою голову кружиться.

— Какого черта тебе надо, Макс? — кричу я, и он накрывает мне рот ладонью, которую я тут же кусаю, но Максим на это даже не реагирует.

— Я сказал тише! Нас могут услышать, мы ушли совсем недалеко.

— Плевать! — пытаюсь промычать я зажатым ртом.

Максим слегка приподнимает бровь и убирает руку от моего рта, отступая на шаг назад.

— Серьезно? Ну, давай, кричи, — разводит он руками в стороны, показывая, что больше не намерен меня удерживать. Как только он это делает, мои мысли немного проясняются, и я стою, тяжело дыша, и с ненавистью бросаю на него взгляд. Я пытаюсь успокоиться, уложить свои всклокоченные нервы, но Максим, похоже, не хочет дать мне этого сделать, говоря следующую фразу:

— Только это не изменит того, что ты вечно убегаешь и прячешься.

Я понимаю, что мне нужно перевести разговор в другое русло и как можно скорее, и я выпаливаю первое, что приходит на ум. Я собираюсь дать ответный удар:

— Картина мальчика, та, что одна из последних, это ведь ты ее рисовал?

— Да, — в глазах Максима мелькает усталость, словно он решил перестать с чем — то бороться. — Я не знал, что она все еще висит там.

— Расскажи мне.

Максим смотрит на меня какое-то время, и я уже думаю, что он ничего не ответит, как он снова начинает говорить:

— А я думал, что одно из твоих правил было не задавать лишних вопросов.

— Правила уже были нарушены, когда ты меня сюда привел. Правила были нарушены еще тогда, когда ты пригласил меня в кафе, — воинственно отзываюсь я на его замечание.

— Но ты согласилась. А потом сама же стала нарушать свои глупые правила, начав задавать мне вопросы. А теперь давай вспомним, Оксана, соглашался ли я на них?

Мой мозг начинает лихорадочно работать, вспоминая тот раз, когда я заявила к нему условия. Тогда у меня прямо на его глазах произошла паника, которая потом быстро угасла, так же как и началась. Он действительно не соглашался, он только слушал меня! Он со своей высокой наглой и самодовольной позиции позволил мне вылить все, что я думаю, словно я глупый наивный ребенок, которому просто нужно выговориться. Но он ни на что толком не соглашался! Он не давал мне четкого ответа, а я была настолько глупа и поглощена своими эмоциями и переживаниями, что совсем не обратила на это внимание.

— Ты самодовольный и наглый тип! — шиплю я, не зная, что еще сказать.

— Не моя вина, что ты не умеешь заключать сделки.

— Так для тебя все это сделка? — негодую я.

— В первую очередь, это ты сделала из обычных отношений жалкое подобие договора о сношении! — заявляет Максим, усмехаясь, видя, как я морщусь при слове «сношение», — подумай хорошенько. Вспомни все с самого начала. Я лишь предложил тебе необременительные отношения, от которых каждый мог получить выгоду и, что немаловажно, удовольствие.

На слове удовольствие он делает особый акцент и начинает снова подходить ближе, заставляя меня прижаться спиной к дереву.

— Но ты, — продолжает он, — испугалась своих желаний, которые казались тебе неправильными, и решила выставить свои условия, надеясь, что я пошлю тебя к черту.

— Это не так.

И в самом деле, я не собиралась этими правилами его отталкивать, не понимаю, почему Максим понял все иначе. Но все, что мной тогда двигало, это желание защитить саму себя. Да, я боялась того желания, что испытываю к нему, потому что совсем его не знаю. Я и сейчас знаю о нем очень мало. И могу только догадываться, к чему могут привести нас эти отношения.

— Тогда зачем? — шепчет он своим хриплым голосом прямо возле моих губ, — чего ты боишься, Оксана?

— Тебя, — сдавленно шепчу я в ответ, не в силах отрицать очевидного, — я боюсь тебя.

— Не стоит, — он качает головой, словно сам не до конца верит в то, что говорит, — я не желаю тебе зла.

— А чего ты желаешь? — вырывается у меня вопрос

— Тебя, — он сжимает мои бедра руками, прижимая их к своим, заставляя прочувствовать всю силу его слов. — И ты сама это знаешь. И ты, моя бабочка, точно так же желаешь меня.

Я ахаю, чувствуя, как его возбуждение становится сильнее, твердо упираясь в мой живот. И прежде, чем Максим сам проявит инициативу, первая впиваюсь в его губы, тем самым подтверждая его слова о моем желании к нему. Да, я его хотела. Так сильно, что сходила с ума, полностью отбросив чувство самосохранения. И я отдаюсь страсти, которая горит во мне, выпускаю ее наружу, чтобы не сгореть изнутри. Максим подхватывает меня за попу, и я обвиваю его бедра ногами, прижимаясь к нему. Он задирает мою футболку, открывая своему взору мою грудь, которая болезненно налилась в предвкушении его ласк. И Максим не заставляет ее ждать, прямо сквозь тонкое кружево бюстгалтера прикусывая за один сжатый в горошину сосок. Его очки падают на землю, когда я притягиваю его голову к себе ближе, но ни один из нас не обращает на это внимание. Я тяну за край его футболки, обнажая его спину, хочу видеть его тело прямо сейчас. Максим снова ставит меня на ноги и

начинает стягивать с меня джинсы, а я жалею, что на мне не юбка, которую можно было бы просто задрать вверх, а трусики сдвинуть набок. Освободившись от них, я делаю тоже самое с джинсами Максима, которые быстро летят в сторону к моим, валяющимся в сухих листьях среди кустов. Когда же я прикасаюсь ладонями к налитой от желания плоти Максима, то чувствую благоговение, мой рот наполняется слюной. Да, я хочу попробовать его на вкус. Я поглаживаю его, предвкушая солоноватый привкус у себя на языке, но Максим не дает мне вдоволь насладиться этими прикосновениями. С глухим и хриплым рычанием он снова приподнимает меня, и я врезаюсь своей обнаженной спиной в шершавую поверхность дерева. Но это сейчас волнует меня меньше всего.

— Подними руки вверх, держись за дерево! — командует Макс, и я подчиняюсь. Кровь стучит у меня в ушах, и я полностью отдаюсь ему, прекрасно это понимая. И мне это нравится. И когда резко, без прелюдий, он входит в меня, я чувствую такое наслаждение от его яростных толчков, что все начинает плыть перед глазами от волн экстаза, окутавших меня. И мне плевать, что мы стоим всего в нескольких метрах от здания, где находятся люди, плевать, что кто — то нас может увидеть или услышать. А когда Макс с рычанием произносит мое имя, заставляя тем самым буквально изнывать от желания скорейшего освобождения, я начинаю со стоном шептать, умоляя его двигаться еще быстрее.

— Да. Да! Еще... — мои стоны такие громкие, что услышать их не составит никакого труда, но все, что меня сейчас волнует, это вид слившихся наших тел, ритмично двигающихся навстречу друг другу. Я чувствую, как становлюсь близка к краю, и закидываю голову назад, устремляя взгляд на верхушки деревьев. Мучительно сладко и так медленно волна удовольствия накрывает меня, и я из последних сил пытаюсь удержаться руками за дерево, распадаюсь на мелкие частички, чтобы снова почувствовать себя цельной.

— Бл...во!! — рычит Максим, а я моргаю, пытаюсь прийти в себя и понять в чем дело. И когда я ощущаю жидкое тепло его семени внутри себя, то все становится ясно.

— Прости, — задыхаясь, шепчет Макс, таким хриплым голосом, что я едва его понимаю.

— Все в порядке, — я прижимаю его к себе, успокаивая. Не знаю, как именно, но я чувствую, что так и есть.

— Что за черт! — снова произносит ругательство Макс. — С тобой так легко срывает крышу! Он прислоняется своим лбом к моему, проводит по обнаженным плечам и рукам, которые уже начали покрываться мурашками от прохладного лесного воздуха.

— Замерзла? — Он спрашивает это таким нежным голосом, и я лишь молча киваю ему в знак согласия.

Максим быстро поднимает мою одежду и стряхивает с нее весь мусор, что прилип от земли, и помогает мне натянуть кофту.

— У тебя есть с собой салфетки? — спрашивает он.

— Нет, — я не совсем понимаю, зачем они ему понадобились — Моя сумка осталась в машине.

— Подожди. — Он начинает рыться в карманах своих джинсов и достает оттуда носовой платок. Развернув его, он очень аккуратно проводит им у меня между ног, вытирая остатки своей спермы. Этот жест кажется мне еще более интимным, чем все, что между нами было до этого. Но ему, конечно, нужно сказать, что-нибудь такое, что заставит меня снова покраснеть. — Вот теперь можно и трусики одеть, — с легкой ухмылкой произносит он.

— Ты очень внимателен. — Я пытаюсь изобразить его ухмылку, и на это Максим довольно хмыкает.

Мы начинаем одеваться, а меня все еще немного потряхивает от того, что мы сейчас занимались сексом прямо в лесу. Во мне кипит смесь противоречивых чувств, я в шоке, что позволила этому произойти и в шоке от того, что мне это так понравилось. Я чувствую блаженство, сладкую негу и легкий укол вины от того, что подобное поведение не очень-то правильно. Сексом люди должны заниматься в постели, а не в лесу и, конечно, не в общественных местах. У нас же с Максом все как раз наоборот. Мы делаем это где угодно, но только не там, где все обычные люди. Хотя, чего ты ждешь, Оксана? Уж точно не романтического ложа, обставленного свечами. Краем глаза я наблюдаю, как Макс неторопливо одевается, совершенно необеспокоенный тем, что совсем рядом могут находиться люди. А если бы мимо кто-то проходил? А что если нас действительно кто — то мог слышать? Заметила бы я хоть кого-нибудь рядом? Это вряд ли. Я была слишком увлечена происходящим между нами действием. Я и сейчас едва могу оторвать от него взгляд. Максим отыскивает свои очки и просто водружает их себе на голову. Подходит ко мне, все еще стоящую возле дерева, уже одетую и, слегка приобняв, спрашивает:

— Интересная экскурсия вышла, верно?

Он нарочно соприкасается со мной носом, слегка потирая его о мой. Он усмехается, в глазах снова пляшут озорные искорки. Но потом, видно вспомнив что-то еще, его лицо слегка мрачнеет:

— Тебе нужно будет провериться, понимаешь?

— Да, — согласно киваю я.

— И учитывая то, что мы оба слишком часто теряем голову, стоит подумать о других видах защиты, — он внимательно заглядывает в мои глаза.

— Хорошо, — с этим я не могу не согласиться. — Но, в любом случае, ты можешь не переживать, я к гинекологу хожу регулярно. Я чиста.

Эти слова я говорю со всем достоинством, на какое только позволяет ситуация вообще. А Максим, чуть вскинув брови, отвечает:

— Я имел в виду в первую очередь твою нежелательную беременность. У меня нет желания становиться отцом, — тембр его голоса моментально сменяется на более отстраненный и холодный. — Думаю, в той же степени, как и у тебя нет желания становиться матерью.

— Ох, — выдыхаю я, ощущая, перемену его настроения. Его слова меня задевают, хоть я и сама не понимаю, почему именно. Старюсь не выдать своего замешательства и склоняю голову, чтобы поправить прическу, которая наверняка у меня похожа сейчас на птичье гнездо. Максим помогает мне в этом, аккуратно заправляя за уши выбивающиеся прядки. Затем берет меня за руку, и у меня внутри снова ураган эмоций. С ним всегда так, пора бы уже привыкнуть. Сама не знаю, как у него это выходит, но каждый мой вздох рядом с ним, каждое сказанное им слово взрываются во мне яркими красками чувств, заставляя кровь бежать по венам к самому сердцу, увеличивая его биение в несколько раз. И всегда мои эмоции с ним такие разные и удивительные. В них собраны все цвета радуги. Холодные и горячие...

Мы медленно выбираемся из леса, молча держась за руки. И никто из нас не нарушает тишину, возникшую между нами. Думаю, это от того, что уж слишком эмоциональным вышел наш недавний разговор. И я не хочу его повторять. Проходя мимо обветшалого здания, с которым меня познакомил Максим, я задаюсь вопросом, как он сам попал сюда? Как узнал об этом месте? И как давно висит здесь его рисунок? На нем не было даты, как на многих других, но я уверена, что написан он был еще тогда, когда сам Макс был еще совсем мальчишкой. И уже тогда в его работе чувствовался талант и удивительное понимание цвета.

Когда мы выходим к набережной, то видим, что на ней не на шутку разгулялся ветер, и я очень рада тому, что снова убрала волосы наверх. Немного соленый и такой влажный воздух наполняет меня, остужая и приводя немного в чувства. Я встречаюсь с молчаливым взглядом Максима и задаю себе еще один вопрос — как мы смогли зайти так далеко в этих отношениях. И как еще дальше мы с ним зайдем?

Уже почти дойдя до памятника, у которого мы встретились, Максим чуть сильнее сжимает мою руку и слегка приостанавливается. Я удивленно смотрю на него, а взгляд Максима устремлен куда — то в сторону, и он подозрительно спокойным голосом говорит мне:

— Оксана, иди, сядь в машину.

— Что?

— Иди в машину, я сказал. — Он выпускает мою руку, слегка подталкивая в сторону, а я вместо этого смотрю в том же направлении, куда и он. К нам приближается довольно неприятный тип. Что в нем неприятного я и сама толком сказать не могу, потому что с виду он выглядит довольно привлекательно. Он высокий, возможно, так же как и сам Макс. Та же дерзкая ухмылка, что и у него, но она мне не кажется такой же приятной. Его светлые прямые волосы коротко пострижены, оставляя длинную челку спереди, которую он небрежно зачесывает в сторону, в левом ухе поблескивает серьга. Но есть в нем что-то такое, что заставляет меня напрячься всем телом. От него исходит волна то ли гнева, то ли раздражения, прямиком направленная на Максима. Максим отключает сигнализацию своей машины и снова повторяет: — Садись в машину.

Я послушно залезаю в красный салон его автомобиля и попутно немного опускаю стекло, чтобы можно было услышать разговор. Я понимаю, что он хочет поговорить с этим человеком без свидетелей, точнее без меня, от того его разговор кажется мне крайне любопытным. Поравнявшись с Максимом, этот неприятный тип бросает взгляд в мою сторону. Он начинает разговор с Максом, а тот смотрит на него так снисходительно, словно он какая — то надоедливая мушка, которую он желает прихлопнуть. А я досадливо понимаю, что из-за проклятого ветра ничего не могу расслышать. Я еще немного опускаю стекло, и до меня долетают обрывки фраз:

— У меня есть право отыграться, Макс.... — И завывание ветра...

Максим ему отвечает, но мне плохо слышно, что именно. Неприятный тип начинает хмуриться:

— Сам понимаешь, что действовал не совсем честно....- изо всех сил я напрягаю слух, но слова Максима снова ускользают от меня, но я понимаю, что он с чем — то не

соглашается. Мне так интересно узнать, что именно он ему отвечает, но ветер дует сильнее, а его голос хриплый, и поэтому разобрать именно его слова мне гораздо труднее. К тому же я не хочу спалиться, что подслушиваю их, и делаю вид, что увлечена стереосистемой, на случай, если один из них глянет в мою сторону.

— В пятницу, в девять... — настаивает на чем — то этот тип, повышая голос. Максим отрицательно качает головой.

— ... в десять... — и снова ветер не дает мне дослушать до конца фразу. Я понимаю, что их разговор заканчивается и быстро и незаметно поднимаю стекло назад. А этот тип, вместо того чтобы уйти, подходит к машине с моей стороны и стучит в окно. Я снова опускаю его с видом полного недоумения.

— Ты тоже приходи в «Подвал», красавица! — он окидывает меня оценивающим взглядом, от чего мне становится не по себе, разворачивается и уходит. И тут же рядом со мной садится на водительское сиденье Макс.

— Что это сейчас было? — спрашиваю его я.

— Это был один надоедливый сучонок, — презрительно отвечает Максим.

— В какой еще подвал он меня звал?

— Не обращай на это внимание, — отмахивается Макс.

— Ты не хотел нас знакомить? Из — за моих условий или есть другая причина?

Максим поворачивается ко мне всем корпусом:

— Оксана, с подобными уродами тебе не стоит водить знакомства.

— Так он тебе не друг?

— А было похоже, что я рад его видеть? — Максим снова разворачивается лицом к лобовому стеклу и бросает на меня взгляд.

— Понятия не имею. По твоему лицу не всегда можно понять, о чем именно ты думаешь.

— В самом деле? — он ухмыляется и, чуть наклонившись ко мне, внимательно смотрит, гипнотизируя взглядом, — и даже сейчас?

У меня снова перехватывает дыхание, я чувствую, как снова ускоряется сердцебиение.

— Да ну тебя, Макс! — огрызаюсь я, вовсе не намеренная говорить, что четко вижу в его глазах похотливые искорки. Я — то думала, что он будет, как минимум, раздражен, судя по тому, как напряженно происходил его разговор с этим типом. А Максим вместо этого раздражается смехом.

— Знаешь, — не выдерживаю я, — ты ведь тоже многое скрываешь. И чтобы ты ни говорил о моем коконе, ты и сам — то не очень любишь вылезать на свет из своего!

— Ты забываешься, Оксана, — тон Макса снова спокойный и ничего не выражающий, — я более, чем с тобой откровенен. Мне скрывать нечего. Ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать.

Мне хочется подловить его на этом и подробнее расспросить об этом неприятном человеке. Но есть кое — что, что волнует меня куда сильнее его знакомых с пирсингом в ушах.

— Как ты нашел это место, которое мне показал? И как давно написал ту картину?

Максим поджимает губы в твердую линию, и я терпеливо жду, когда же он заговорит.

— Я нашел это место случайно, когда был еще совсем мальчишкой. Просто лазил везде, искал на свою голову приключений. — Максим усмехается своим воспоминаниям, как чему — то очень приятному, и я вдруг задумываюсь, как много у него таких приятных

воспоминаний из детства? И много ли их вообще, учитывая не самые благоприятные условия жизни с пьющим отцом?

— Я зашел в это здание, — тем временем продолжает Макс и снова смотрит на меня, давая понять, что говорить ему об этом проще простого, — думая, что оно заброшено. И какое же было мое удивление, когда я увидел там людей, которые рисуют. Они рисовали все. И так страстно были увлечены этим делом, что мне тоже захотелось попробовать.

Глаза Максима загораются, и я понимаю, что именно в тот день он нашел свое призвание, он стал художником.

— Я помню, как ко мне подошла одна женщина и предложила тоже попробовать рисовать, и я согласился. И с тех пор я рисую постоянно. Собственно, это все, — пожимает плечами Макс.

— Нет, не все, — не соглашаюсь я, — на той картине, что все еще висит там, ты нарисовал себя.

— И что? — Максим сверлит меня своим тяжелым взглядом так, что я даже теряюсь. Буквально секунду назад его взгляд был мягким и наполненным восхищением, а теперь такой холод. И в самом деле, кто я такая, чтобы задавать ему все эти вопросы? И все же, он привел меня сюда неспроста, и поэтому я уже смелее продолжаю.

— Ты хотел, чтобы я узнала об этом месте, ты говорил, что я прячусь от жизни, потому что чего-то боюсь. Так покажи мне, как это — быть смелым? Откройся мне.

Максим тихонько смеется, и по звуку голоса, который снова стал еще более хриплым, понимаю, что он, как и я, испытывает сейчас волнение.

— Умница, бабочка! — говорит он, сделав короткую паузу, — а если я откроюсь тебе, ты откроешься мне в ответ?

* * *

У каждого из нас есть тайны. Большие и маленькие секреты, которые мы храним под сердцем. Есть тайны светлые и легкие, как белое перышко, они наполняют душу теплом и радостью. А есть тайны темные, которые омрачают наши мысли, отравляя настоящее.

Я настрочила длинное эссе по заданной теме. Должна признаться, что на меня буквально снизошла литературная муза. Отложив в сторону ручку и блокнот, задумчиво окидывая взглядом комнату, которую я называю своей маленькой мастерской, и даю волю своим мыслям бежать в том направлении, в котором им заблагорассудится. Та смелость, что позволяет не только открыто вскрывать раны прошлого, но еще и давать возможность увидеть другим все ее рваные внутренности, меня так глубоко поразила, что я до сих пор с трудом верю, что такое вообще возможно. Взять любого человека, который каждое утро просыпается, идет в ванную, чистит зубы и умывается, затем завтракает, одевает одежду, затем отправляется по своим делам. И вроде бы все у него все хорошо с виду, он весь такой аккуратный, в хорошем костюме, у него тщательно уложенные волосы и прочее. А если заглянуть вглубь него, то, сколько всего там можно найти? Быть может там кругом мусор незаконченных дел, рваные тряпки неуверенности или цветные картинки несбывшихся надежд, что со временем тускнеют и покрываются пылью.

В детстве, когда меня заставляли собрать игрушки или просто навести порядок в комнате, я не особо себя этим затрудняла. Я собирала все вещи, валявшиеся на полу, и распихивала их по ящикам и шкапам. С виду в комнате идеальный порядок, но стоит открыть всего одну дверцу шкафа, как на тебя свалится весь бардак, тщательно спрятанный его хозяйкой. Я хорошо помню, как няня, имя которой я, конечно, не помню, сказала после

очередной такой моей уборки, что и с людьми вот так же. И вроде бы все идеально, а внутри царит хаос. И вот сейчас мне интересно, существуют ли такие люди, у которых и внутри, и снаружи все одинаковое? Наверное, такое невозможно. Так же, как и при уборке в квартире, так же и в наших мыслях все равно остается мелкий хлам, который и выбросить жалко, и девать особо некуда. Вот и лежит он, глубоко запрятанный в самом дальнем ящике, и вроде нет его, но иногда натыкаешься на этот мусор вновь, и понимаешь, что все равно никуда от него не деться. А что, если хотя бы раз сумеешь позволить себе выбросить все то, что засоряет и только зря занимает место в нашей жизни? Руки сами собой тянутся к альбомным листам на планшете. И вот уже мой верный карандаш, спрятанный в кармане широких спортивных штанов, смело начинает делать первые наброски. Нет, нет и нет! Не так! Я чувствую, что здесь не нужен простой карандаш, переворачиваю лист бумаги, и нахожу черные чернила. Вот это совсем другое дело. Заново нанося знакомые штрихи, я представляю себя безумно смелой, открытой и уверенной. И я даже начинаю верить в это. Но снова волна болезненных воспоминаний накрывает меня, и мои глаза начинает щипать, а в горле появляется колючий комочек, не дающий вдохнуть воздух спокойно. Мне нужен свежий воздух, и срочно. Отбросив рисунок в сторону, я накидываю на плечо сумку и покидаю квартиру, в которой мне вдруг стало ужасно тесно и душно. Позже, вернувшись домой, я не сразу обнаружу свой набросок. От силы ветра, который я подняла, стремительно убегая из квартиры, он взметнулся вверх и залетел прямо под длинный письменный стол, стоящий в углу. Приземлился лицом вверх, словно специально открывая взору еще те воспоминания, когда все было нормально. Когда у меня была подруга, с которой я могла делиться пусть и не всем на свете, но очень многим. С подругой, с которой у меня были общие планы на будущее. Это было время, когда я думала, что все у меня хорошо, я была наполнена оптимизмом и уверенностью. И эти две молодые девушки, сидящие за кофейным столиком, изображенные черными чернилами, еще не знают, что очень скоро их дружбу сама судьба начнет проверять на прочность. И, к сожалению, проверку она не пройдет.

На улице жарко, печет так, словно лето уже в самом разгаре, хотя до него еще целый месяц. Я иду пешком, разглядывая попутно витрины мелких магазинов, заглядывая в окна первых этажей жилых домов. Это хорошо отвлекает, заставляя задумываться о жизнях других людей. Представлять, чем они сейчас заняты, что их волнует, о чем они мечтают. Дойдя до небольшого продуктового магазина, я покупаю немного еды домой и, уже окончательно успокоившись, иду обратно. Там я убираю свой первый болезненный рисунок в черную папку и иду спать.

На следующий день я брожу между отделами с одеждой и попутно пью воду, отходя от уличной духоты, которая сегодня меня чуть не доконала. Перерыв весь свой гардероб и убедившись, что пора пополнять запасы новой одеждой на лето, я отправилась в ближайший магазин. И очень скоро пожалела, что решила пройтись до него пешком, а не ехать на машине. Солнце припекло мне голову так сильно, что я начала опасаться солнечного удара. И теперь, спрятавшись в прохладных помещениях торгового центра, я наслаждаюсь потоком холодного воздуха от кондиционера. Уже успев купить пару юбок и шорт, но все еще не до конца отойдя от невыносимой жары, царившей на улице, я, в конце концов, подхожу к высокой стойке, за которой прямо на глазах посетителей выжимают сок из спелых фруктов. Я прошу сделать мне апельсиновый со льдом и выбрасываю пустую бутылку из под воды в стоящую рядом мусорную корзину. Расплатившись с девушкой, которая любезно пододвинула ко мне стакан с живительной влагой, я спрашиваю у нее, где здесь уборная.

— Пройдите до отдела с париками, потом налево и до самого конца возьмите вправо, — мило улыбаясь, отвечает она.

Я благодарю ее за сведения, пытаюсь запомнить маршрут, больше надеясь на указатели, которые выведут меня к нужному месту. Быстро выпив свой ледяной сок, я направляюсь в сторону отдела с париками. Я уверена, что иду правильно, но, несмотря на это, снова выхожу к тому месту, от которого пришла. Это чертово здание, которое спроектировано внутри наподобие лабиринта, заставляет путаться, наверное, всех людей без исключения. Повернув обратно, я снова проделываю путь в поисках туалета, чувствуя, как мой мочевого пузырь становится совсем переполненным. Проклятая жара, из — за которой я выпила столько жидкости, проклятые проектировщики здания, которые так намудрили, что здесь сам черт ногу сломит!

— Кто так строит, ну кто так строит? — бормочу себе под нос, стараясь не пропустить нужный указатель.

И все равно снова выхожу к тому месту, с которого начала. Я уже подумываю, не дотерпеть ли мне до дома, но тут же отбрасываю эту мысль назад. Здесь должен быть туалет, он где-то совсем рядом, и я его найду! Может снова спросить у кого-нибудь из продавцов? Ладно, сейчас пройду еще раз, и если попытка снова не увенчается успехом, то спрошу обязательно. Я так внимательно стала смотреть по сторонам, что случайно задеваю кого-то плечом.

— Простите, — несколько грубо говорю я, даже не глядя на того, кого задела.

— Оксана! — окрикает меня знакомый голос, и я оборачиваюсь.

Так и есть, это Алина. Ее копна рыжих волос переливается в солнечных бликах, бьющих из огромных окон здания. Она радостно подходит ко мне со словами:

— Не ожидала тебя здесь увидеть!

— Да, представь себе, я тоже хожу по магазинам! — едко отвечаю я и вижу, что моя грубость ее расстраивает.

— Ты случайно не знаешь, где здесь туалет? — уже мягче говорю я.

— Конечно знаю, только ты не в ту сторону идешь! — снова оживляется она, — пойдем со мной, я тоже туда иду.

"Слава Богу!" — мысленно радуюсь я. Когда мы заворачиваем за угол, и прямо перед нами наверху я вижу черный указатель, схематично изображающий девочку, то поражаюсь, как я смогла его не заметить. Быстро бросив сумки на высокий выступ возле умывальников, я скрываюсь в одной из свободных кабинок. Теперь, к счастью, меня не постигнет участь Тихо Браге.

Сделав свои дела и выйдя обратно к умывальникам, я вижу, что Алина уже ждет меня там, держа мои и свои сумки в руках.

— Спасибо, не дала мне умереть! — улыбаюсь ей.

— Да не за что!

— А ты разве не должна быть сейчас на работе?

— О! У меня важное поручение! — важным и таким забавным тоном говорит она, что мне становится даже смешно.

— И что за поручение?

— У нашего главного бухгалтера скоро день рождения, я выбирала подарок! К тому же сегодня был последний день моих занятий по повышению квалификации.

— Действительно важное поручение. Поздравляю с окончанием! Поэтому тебя

отпустили пораньше?

— Ну, да, — и щеки Алины слегка порозовели.

«Бедная девочка, — думаю я, — моя мать тебя проглотит живьем, даже не разжевав».

Я умываю руки и задумываюсь на минуту. Моя мать была бы совсем не в восторге, узнай, что мы подружились.

— Так ты теперь свободна?

— Да, подарок купила, точнее, заказала! — радостно делится со мной Алина, принимая мое любопытство за чистую монету. — Мы решили подарить дорогое вино в коробке с гравировкой. Она у нас большой ценитель и знает в них толк. Мы вчера целый день ломали голову над тем, что именно написать.

— Молодцы, уверена, что ей понравится, — моя похвала снова заставляет Алину смутиться. Это начинает меня немного раздражать, ну сколько можно краснеть?

— Да, я надеюсь, — с чувством отзывается она, — жаль только что остальные мои планы расстроились.

— А что такое? — из вежливости спрашиваю я, поднося руки к сушке.

— Собирались сегодня с подругой отметить окончание моих занятий, а у нее ЧП, ее ребенок заболел, так что отмечать придется сегодня в одиночестве, — немного уныло ответила она.

— А что же мой отец? — нахмутив брови, спросила я. Неужели и с ней он ведет себя так же безответственно, как и со мной?

— У него важный ужин сегодня и вернется, скорее всего, поздно и будет очень усталым, — я вижу, что Алина начинает его оправдывать, — но мы тоже вместе планировали сходить в ресторан, только позже.

— Жаль, что так вышло, — сочувственно отвечаю я и забираю у нее свои пакеты с сумкой.

Мы выходим из уборной и тут я решаюсь:

— А хочешь отметить со мной?

— С тобой? — искренне удивляется Алина.

— Со мной, — подтверждаю я, — можем поехать ко мне, ты же хотела побывать у меня в гостях?

— Да, это было бы просто здорово! — глаза Алины сияют, и я улыбаюсь ей, понимая, что мне это даже не будет в тягость.

— Тогда поехали, ты на машине?

До меня мы добрались на такси, попутно заглянув в продуктовый магазин и взяв с собой пару бутылок игристого вина. Машина Алины была в автосервисе, и я настояла на том, чтобы заказать машину именно с кондиционером, потому что не хотела париться в душном салоне чужого авто. Зайдя ко мне домой и поставив вино в холодильник, чтобы немного охладить его, я стала показывать Алине свою обитель.

— У тебя так интересно! — воскликнула она, проводя рукой по мольберту, на котором был прикреплен девственно чистый лист бумаги. — И все в таком творческом беспорядке, — засмеялась она.

— Моя мама называет это бардаком, — хмыкаю я, убирая краски подальше и попутно протирая стол тряпкой. — Можем расположиться здесь или на кухне. Ты как хочешь?

— Давай здесь! — улыбаясь, ответила она.

Мы садимся на диван и открываем первую бутылку вина, разлив его в обычные чайные

чашки. Алина все время задает мне вопросы о моем творчестве и выказывает сильное удивление, узнав, что я собиралась поступать всего лишь на прикладное искусство, но мои баллы на проходных экзаменах были столь высоки, что мне предложили зачислиться на факультет дизайна.

— Да это ничего особенного, — пожалв плечами, говорю я, — к тому же, я не до конца уверена, что хочу быть именно дизайнером. Это, конечно, все интересно, но... знаешь мне просто нравится рисовать. Создавать своими руками картины, а не придумывать новые интерьеры и ландшафтные дизайны.

— Ты очень талантлива, я уверена, что у тебя все получится! — с чувством говорит Алина.

— Спасибо, — ну вот, теперь пришло время и мне смущаться.

— Покажи мне свои работы, у тебя тут есть что-нибудь интересное?

— Хорошо, сейчас, — я достаю несколько своих набросков, включая и некоторые дизайнерские проекты. А черную папку с единственным в ней рисунком, созданным накануне, закидываю подальше вглубь ящика письменного стола.

Алина очень внимательно рассматривает все мои работы, что очень трогает меня. Ей действительно все это нравится! И от этого я понимаю, что мне становится с ней совсем легко и просто. Уже спустя полчаса мы прикончили первую бутылку и теперь открываем вторую, сидя прямо на полу, а рядом с нами повсюду разбросаны мои рисунки.

— Что-то я, кажется, захмелела! — улыбаясь, говорит Алина, попивая вино из чашки.

— Да, и мне слегка ударило в голову, — я улыбаюсь ей в ответ.

— Ой, а ведь завтра снова пить шампанское! — сокрушается Алина.

— Почему?

— Так ведь день рождения у нашего бухгалтера завтра!

— О! Понимаю, — смеясь говорю я, — а ты не переживаешь, что мой отец будет злиться, что ты спаиваешь его дочь?

— Нисколько! — фыркает та, — во-первых, ты уже совершеннолетняя, во-вторых, это ты настояла на второй бутылке, поэтому тут еще вопрос — кто, кого спаивает!

Алина многозначительно поднимает палец вверх, и я понимаю, что она уже совсем пьяная. Мы начинаем смеяться, представляя грозный вид моего папочки, который отчитывает нас за не самое достойное поведение.

— Ах, Оксана! — с блаженной улыбкой Алина вытягивает ноги, — твой отец удивительный человек! Но ты не представляешь, как я его первое время боялась.

— Боялась? Почему?

— Да потому что еще не знала его тогда. Андрей казался мне таким суровым и черствым. Настоящим профессионалом своего дела, последнее, кстати, правда, — шепчет она, словно открывает мне тайну — но он совершенно не суровый и не черствый! Он замечательный и чуткий, и такой добрый, и у него такие руки сильные и...

— Так! Стоп! Без подробностей! — прерываю ее я, — я еще не настолько пьяна, чтобы слушать такое о своем отце!

— Извини, — она дружески утыкается лбом мне в плечо, — а ты мне тоже сначала не очень понравилась.

Я удивленно вскидываю бровь на это ее неожиданное откровение.

— В самом деле? Ну, ты мне тоже сначала как-то не очень показалась.

— А сейчас? — тихо шепчет Алина.

— А сейчас... — я коротко вздыхаю, — сейчас я думаю, что очень рада, что ты есть в жизни моего отца.

— Спасибо за эти слова, — так же тихо говорит Алина, — я тоже этому очень рада.

— Не за что, — киваю головой, я действительно так думаю. Алина девушка заботливая и добрая. Вон и подарок вызвалась покупать для сотрудницы, словно у нее своих дел мало.

— Алина, — немного замявшись, спрашиваю я, — а кому вообще пришла такая идея с подарком для бухгалтера?

— Мне, — ее губы расплываются в пьяной довольной улыбке.

— И подаренные часы отцом тоже твоя идея?

Ее улыбка исчезает, она понимает, что я поймала ее.

— Да, — признается она.

— Спасибо, мне они, правда, очень понравились, — я почему-то уверена, что и в магазин за ними ходила сама Алина, но вслух свою догадку не озвучиваю, думаю это все равно ни к чему. И тут Алина начинает заливисто смеяться.

— В чем дело? — ее смех так заразителен, что я тоже начинаю посмеиваться, хотя и не понимаю причины.

— Ты заметила, мы весь вечер сегодня говорим друг другу «спасибо»

— Да и правда! — соглашаюсь я.

С Алиной легко сидеть и болтать просто так, ни о чем, и я понимаю, что она мне действительно нравится. Моему отцу повезло встретить такую женщину, как она. Помимо искренности и доброты, Алина еще и очень красива, ее рыжие волосы и зеленые глаза делают ее похожей на лесную фею. Я замечаю, что ее бледная кожа украшена россыпью бледных веснушек, раньше я их не замечала. Или просто не хотела замечать. Теперь же, когда мы сидим достаточно близко к друг другу, и тоненькая ниточка зарождающейся дружбы протянулась между нами, я могу позволить себе рассмотреть ее получше. Алина такая простая и открытая девушка, в этом я ей завидую. А еще она полная противоположность моей матери, в который раз отмечаю я про себя. Как же их с отцом вообще угораздило пожениться?

— А ты что думаешь? — задает мне вопрос Алина, а я совсем потеряла нить нашего разговора.

— Я? О чем? — немного ступившись, спросила я.

— О том, чтобы вместе со мной пойти в выходные в клуб? Ты что, совсем меня не слушаешь? — смешно надув губы спросила она.

— Ой! — какой неожиданный поворот! Я мысленно прислушиваюсь к своим внутренним чувствам, пытаюсь понять, хочу ли я этого. — Все нет, конечно, я тебя слушаю. Просто у меня сейчас так мало времени, скоро экзамены, мне нужно готовиться.

— Очень жаль! — вздохнула Алина и с улыбкой продолжила, — это хорошо, что ты так ответственно к этому подходишь. Я была совсем другая в студенческие годы! Мы ходили по клубам почти каждые выходные, отрывались по полной, а потом с таким трудом вставали утром и шли на занятия.

Она мечтательно посмотрела в сторону, вспоминая это время.

— В самом деле? — усмехаюсь я.

— Да, я очень любила танцевать. Я и сейчас люблю. Но теперь у меня на это тоже не так много времени, как хотелось бы. Когда я только устроилась на работу к твоему отцу, я старалась изо всех сил, пытаюсь показать, что могу быть ценным сотрудником, и чтобы меня

взяли туда на постоянной основе. Мне очень повезло получить стажировку там.

— Да уж.

— Но на выходных мы решили собраться с моими старыми друзьями, со многими из них мы не виделись с самого выпуска. Я так давно нигде не была, что даже не знаю, куда сейчас лучше пойти. Мы так толком ничего и не решили по этому поводу, — пожав плечами, сказала Алина. — Быть может, ты мне что посоветуешь?

— Ну, точно не я! — смеясь, восклицаю, и, видя ее удивленное лицо, объясняю ей: — Я и сама очень давно нигде не была. Можно посмотреть на сайте развлечений, куда лучше вам пойти.

— Точно! Там и фото помещений будет, и отзывы посетителей! — сразу оживилась Алина. — Сейчас и глянем!

Она быстро достает свой планшет и начинает тыкать по экрану.

— Хорошо, я пока уберу бутылки и отнесу наши чашки на кухню, — мне-то все равно, куда Алина пойдет с друзьями отрываться.

Она кивает мне в знак согласия, а я молча убираю посуду. Вернувшись снова в комнату, я вижу как она что — то бормочет себе под нос.

— Ну что там? Нашла что-то интересное?

— Пока нет, ничего. Я читаю названия всех клубов, что тут есть на сайте, исходя из этого, и буду выбирать.

— Это как? — удивляюсь я.

— А вот так, — уверенно говорит она, не отрываясь от экрана, — от названия многое может зависеть.

— Ты это серьезно?

— Ага.

— Это все равно, что выбирать книгу по обложке.

— Ничего подобного, — возражает Алина, — ну вот, например, заведение под названием «Аристократ», сразу понятно, что заведение пафосное.

— Пафосное?

— Не веришь? — прищурился глаза, спрашивает Алина. — А я сейчас тебе докажу, открываем отзывы...

Я сажусь рядом с ней, и мы вместе начинаем смотреть в экран планшета. Открывается новая страница и первый же комментарий, написанный девушкой с псевдонимом «Мрачная», пишет, что данный клуб слишком пафосный, а цены на многие напитки завышены.

— Вот видишь! — победным тоном говорит Алина.

— Ты доверяешь человеку с псевдонимом «Мрачная»? Ты, наверное, шутишь?

— Ладно, Фома Неверующий! Смотрим дальше, — пролистав вниз, натываемся на новое название, и Алина снова угадывает с его характеристикой.

— Вот это да! — говорю я.

— Понимаешь, когда дают название какому-либо месту, человек поневоле вкладывает в него определенный смысл. Главное, суметь его разгадать.

— Ты я смотрю, мастер в этом деле, — шучу я.

— А то! Это опыт! Так дальше что тут у нас, «Клубничка» — фу! Какая пошлость, так, так, так... «Подвал», — ну это что — то явно неприятное, идем дальше.

— Подожди! — я останавливаю ее, — вернись назад.

— Хорошо, — она возвращается как раз к нужному мне месту, — что такое?

— Да так, ничего, показалось, — бормочу я, разглядывая картинку темного помещения, изображающего барную стойку и толпу веселых людей рядом с ней.

— Тогда поехали дальше, — Алина снова пролистывает вниз, комментируя названия клубов, но я ее снова не слушаю. Что, если тот тип имел в виду этот клуб, когда говорил, чтобы я тоже приходила? Максим никак не прокомментировал его приглашение и, вообще, быстро увел разговор в сторону. Значит, он не хотел, чтобы я была там. Он обозвал того парня уродом. Почему? Я вспоминаю обрывки их разговора, пытаюсь понять, что их связывает. Они немного поспорили, но эту часть я почти не слышала. Потом Максим все же уступил, и это не совсем свойственное ему качество, хмыкаю про себя я. Они договорились о чем — то на пятницу на десять вечера. На времени уже настоял Макс, как всегда ставя те условия, что нужны именно ему, и это уже ближе к его характеру. Еще тот тип говорил, что Макс был в чем — то не совсем честен, но в чем? Они спорили, спорили... спор... у них был спор... Пари! Как же я забыла про тот разговор, что случайно подслушала, когда в первый раз осталась у него! Когда мы... ладно, Оксана, сейчас не время вспоминать об этом! Одергиваю сама себя, пытаюсь вернуть мысли в нужное русло. Человек, который приходил тогда к Максиму, сказал, что он зря так легко ко всему отнесся. А что, если тот тип и правда опасен? Да нет, Максим не дурак, он не стал бы... или стал?... Да какая тебе разница. Оксана? Максим явно дал понять, что не хочет даже говорить об этом, хотя сам все время говорит о том, что нужно быть честным и ничего не скрывать, не обращая внимание на мнение окружающих.

— Вот! То, что нужно! — вскрикивает Алина — клуб «Френдзона», идеальное место для встречи друзей, большой танцпол, есть бильярд, караоке и широкий выбор меню. Ты была там?

— Нет, никогда — мотаю головой, все еще погруженная в свои мысли.

Сейчас мне снова хочется побыть одной, и это не только из — за своих мыслей. С непривычки длительное общение меня утомило. К тому же, я еще не готова полностью принять Алину, даже несмотря на то, что она мне понравилась. К счастью она и сама скоро начала собираться домой, а точнее домой к моему отцу. Она решила, что раз уж планы ее несколько изменились, то она встретит его вкусным ужином. И когда за ней приезжает заказанная машина, и я остаюсь одна, то снова прокручиваю в голове обрывки фраз, которые подслушала. Еще раз все обдумав, я уже уверена, что именно с тем типом у Максима было какое-то пари, и он явно не хочет, чтобы я про него знала. Хотя, быть может, мне это только показалось. В конце концов, кто я ему такая, чтобы мне рассказывать о своих личных делах? Я ему тоже многое не рассказываю. И даже не собираюсь этого делать. Просто не вижу в этом смысла. Вот только последняя встреча была такой насыщенной эмоционально, словно приоткрыла новую дверь в наших отношениях. Подумав об этом, я усмехаюсь. Приоткрылась дверь? О, да, она очень приоткрылась, когда Макс заявил о нежелательной беременности. К черту все! Не хочет ничего Максим рассказывать, мне это и не нужно. Я же не собираюсь ехать в этот «Подвал», что бы разносить там все про него, ведь так?

И я твердо решила совсем выкинуть все это из головы. И у меня это почти получилось. В суматохе насыщенных занятиями будней, я рисую, создаю новые проекты, сдаю свое эссе Эльмире и получаю за него высокую оценку. Я даже не жду звонка от Макса, потому что знаю, что он будет занят вплоть до самых выходных. Ну, почти не жду.

Я выкладываюсь на занятиях по полной и полностью отдаюсь своей страсти — рисованию. Когда кисть — это продолжение моей руки, и она соприкасается с бархатной поверхностью бумаги, оставляя свой яркий след на ней, я чувствую себя иначе. Я другая, я творец, и я чувствую, что искусство — это именно тот способ, который помогает нам раскрыться, оставаясь при этом закрытыми. Нет, не совсем так, оно помогает нам оставаться защищенными. Искусство — это и моя защита тоже.

Лежа на кровати, я бросаю теннисный мячик вверх и снова ловлю его. Я так продуктивно работала все эти дни, что у меня почти не осталось каких-либо дел. Я даже добавила новый рисунок в свою черную папку, которую тут же, не глядя, затолкала в дальний ящик стола. Сейчас же на меня навалилась какая-то апатия, возможно, это потому что я так выкладывалась все это время. Моя правая рука мелькает перед моими глазами, указывая время на наручных часах, пока я подкидываю и ловлю мяч. Сейчас начало девятого. Скоро Максим и тот человек встретятся в «Подвале», и я солгу самой себе, если скажу, что мне неинтересно, что у них там за дела. Я бы могла заглянуть туда всего одним глазком. Но какой в этом смысл? Даже если я их там увижу, я не стану подходить к ним, хотя бы потому, что Максим дал мне четко понять, что не хочет, чтобы я там была. Но с другой стороны, быть может, я смогу кое — что понять и так, если увижу их вместе. А если меня увидит сам Макс, то я могу сказать, что, в конце концов, я человек свободный и могу ходить туда, куда захочу. Да, Оксана, это будет просто гениально! И все же... и все же... Я поднимаюсь с кровати и сама себя отговариваю от поездки туда, разговаривая вслух, приводя все новые и новые доводы того, что делать мне там нечего. Но вместо того, чтобы послушать голос разума, я натягиваю черную водолазку и темные джинсы, собираю волосы наверх и отправляюсь в «Подвал».

Неприятное место, как назвала его Алина, находится в том конце набережной, куда я однажды подбрасывала Максима. Это становится совсем интересно. Когда я выхожу из машины, припаркованной возле множества других, то сначала думаю, что, быть может, клуб сегодня закрыт? Потому что я не слышу никакой музыки, и вообще на парковке довольно темно. Но то количество машин, что стоит возле вывески «Подвала», говорит об обратном. Машины Макса нигде не видно, но возможно он еще и не приехал. Ладно, раз уж я здесь, по крайней мере, стоит войти туда. Я захожу следом за группой молодых людей, весело переговаривающихся между собой, они одеты довольно прилично, что несколько меня успокаивает. Надеюсь, что это не одна из тех забегаловок, куда приходят выпить, а потом затеять драку. Войдя внутрь, я сразу вижу длинную лестницу, спускающуюся вниз. Быть может отсюда и название клуба? Владелец решил особо не заморачиваться и назвать клуб тем местом, где он находится, а именно в подвале? Очень оригинально, решаю я, Алине бы понравилось. По мере того как я спускаюсь вниз, до меня начинает доноситься тяжелая музыка, которая играет внизу. Перед широкими дверями стоит охрана. Как мне сразу

сказали, мест за столиками нет, но я могу сесть у барной стойки. Значит, это место пользуется популярностью. К тому же, за вход с меня взяли довольно приличную сумму, словно у них сегодня в программе намечается нечто действительно грандиозное. Я чувствую легкое покалывание в ногах и руках, это адреналин начинает бежать по моим венам. Возможно, совсем скоро я приоткрою тайну Максима. Я увижу его. Как он отреагирует на мое появление, когда увидит? Двери передо мной открываются, и из темного помещения вырываются тяжелые басы танцевальной музыки. Я так давно никуда не выходила, что с непривычки мне хочется заткнуть уши руками, потому что здесь очень шумно. Раньше мы часто ходили по клубам, различным кафе и отрывались так, что под утро у меня гудели ноги. Но это было так давно, словно в другой жизни. Я чувствую, как знакомое чувство эйфории накрывает меня, я совсем забыла, каково это — быть в толпе подвыпивших извивающихся в танце тел. Я смотрю на всех этих людей, и мне кажется, что у них все так просто. Они пришли сюда отдохнуть и веселиться, не задумываясь сейчас о завтрашнем дне. Я глубоко вздыхаю и начинаю пробираться к барной стойке. С трудом найдя свободное место, я усаживаюсь на высокий стул и окидываю взглядом все помещение. И оно довольно впечатляет. Никаких лишних изысков, все просто и лаконично, простые, а главное функциональные формы предметов мебели и интерьера в целом. Немцы бы одобрили, улыбаюсь я, похоже, дизайнер отталкивался здесь от стиля баухаз*. Довольно смело для танцевального клуба, но это явно работает. Народу здесь действительно очень много, все столы, расставленные вдоль стен, заняты, а танцевальная площадка забита до отказа. Так же здесь есть второй этаж, который огорожен перилами, там только несколько столов, и сверху хорошо видно, что творится внизу. Но больше всего меня привлекает небольшой спуск почти в самом дальнем конце клуба, там, в самом низу, стоит боксерская площадка. Окинув взглядом все еще раз и не найдя ни Макса, ни того типа, с которым у него должна быть встреча, я смотрю на часы, которые показывают без пятнадцати десять. Еще пятнадцать минут и можно уходить, решаю для себя я. Заказав апельсиновый сок, понимаю, как сильно я сплупила, что приехала сюда. Я могла что-то не так понять, и здесь Макс не появится вовсе, а я притащилась сюда как полная дура и высматриваю его в толпе точно сталкер. Стыдно, Оксана, очень стыдно. Я тру свой лоб, пытаюсь унять начинающуюся головную боль от громкой музыки. Быть может уйти прямо сейчас? Бармен, что наливал мне сок, похоже, немного освободился, и небрежно встав по другую сторону от меня, спрашивает:

— Сегодня будет жарко, да? — он подмигивает мне, а я удивленно приподнимаю брови.

— Наверное, — что еще я могу ему ответить?

— Тоже пришла посмотреть на бой?

— На бой? Какой бой?

— Эй, да ты, похоже, совсем не в теме, — бармен улыбается и кивает в сторону ринга, — советую занять место сразу, иначе потом не протолкнешься.

Он отталкивается от барной стойки, и теперь все свое внимание переносит на других посетителей, требующих его внимания. А я замечаю, что места у ринга и в самом деле начинают наполняться. Я хватаю сумочку и направляюсь в ту сторону. Вокруг ужасно шумно, все толкаются и перекрикиваются, умудряясь при этом пританцовывать под басы электронной музыки. Я встаю прямо возле ограждения, меня не особо привлекают бои, но я заплатила такую сумму за вход, что просто обязана все это увидеть. Скоро рядом с рингом появляется парень в черном пиджаке и потертых джинсах, он смутно кажется мне знакомым, но я никак не могу понять, где могла видеть его раньше. В руках он держит

микрофон, подав сигнал ди-джею, чтобы тот сбавил громкость, он под бешеные аплодисменты приветствует всех посетителей клуба, обещая жаркую ночь.

— Итак, дорогие друзья, сейчас я расскажу, что будет дальше, но для начала давайте еще немного покричим!

Громкий рев криков со всех сторон окончательно оглушает меня, и я уже хочу выйти отсюда и занять место на втором этаже. Но сзади люди стоят такой плотной стеной, что выбраться отсюда уже не представляется для меня возможным. Я снова озираюсь по сторонам, в голову приходит мысль, что Максим просто ставил на одного из бойцов, и в этом и заключался его спор? Но где же он сам, наверное, я, действительно, что-то не так поняла.

— Громче! Громче! Громче! — подначивает публику еще сильнее ведущий — Вы ждали этого?

— Да! — дико орет беснующаяся толпа, похоже, что все здесь, кроме меня, в курсе того, что сейчас будет происходить

— И-и-и-и та-а-а-к! — растягивая слова, продолжает он — сегодня встреча, которой могло бы и не быть! Но она все же состоится и прямо сейчас! И первым выходит М — а- а- а — а-кси-и-и-им А-а-а-а- га-пов!

И снова крики со всех сторон оглушают меня, а мое сердце начинает стучать так сильно, что больно бьет меня о грудную клетку. А мой рот открывается так, что готов упасть до самого пола. Какого черта тут происходит?!

Прожектора освещают толпу, их яркий свет режет глаза, ослепляя. Я подношу к ним руку, но тут же убираю ее, как только на их фоне замечаю темный силуэт мужской фигуры, направляющейся к рингу уверенным тяжелым шагом. Это Макс. И на долю секунды я даже задерживаю дыхание. Не понимаю, я абсолютно ничего не понимаю. Сейчас я вижу во всей красе всю его хищную натуру. В длинных синих шортах с перемотанными бинтами руками, чтобы уберечь их от ударов, он великолепен. Обнаженный торс являет собой потрясающее зрелище, и прямо сейчас я не могу поверить, что у меня действительно была близость с этим человеком, да еще и не один раз. Я слышу, как девушки восторженно визжат, глядя на него, и во мне ментально просыпаются собственнические инстинкты. Мне хочется дать каждой из них в глаз или отгаскать за волосы, чтобы показать, что он мой! Какое глупое чувство, но я ничего не могу с этим поделать. И тут до меня доходит, что он легко может меня сейчас заметить. Максим поднимается на ринг, грациозно пролезая через ограждение. Он поднимает вверх руки, приветствуя толпу, но даже толком не удостоивает ее взглядом. Да ему это и не нужно, он излучает такую мощную притягательную энергетику, что она буквально пронизывает весь зал. Самоуверенный, абсолютно спокойный и сосредоточенный. И ему явно нет дела до всей этой орущей толпы, скорее, он хочет как можно быстрее покончить со всем этим и просто уйти. Ведущий объявляет его противника, но я настолько увлечена рассматриванием Макса, что даже не успеваю запомнить его имени. Прожектора снова на несколько секунд ослепляют, а толпа радостно приветствует его оппонента. Увидев того самого типа, с которым мы повстречались на набережной, я уже почти не удивляюсь. Он так же самоуверенно себя ведет, как и сам Макс, но в отличие от него он упивается вниманием толпы, даря ей свою довольную улыбку. Макс же, по сравнению с ним, выглядит чуть ли не скучающим. Они пожимают друг другу руки и отходят в стороны, начиная делать прыжки на месте, разминая ноги. Противник Макса, поворачивает шею в одну сторону, затем в другую, так же разминая ее, он встает в стойку, группируясь в нужном положении.

Теперь он полностью готов к бою, и должна признать, что он выглядит довольно угрожающе. И я нервно сглатываю. Во что, черт возьми, ввязался Макс? Объявляют начало боя, и оба противника быстро направляются к центру, и я не успеваю опомниться, как этот белобрысый первым наносит удар, но Макс ловко от него уходит, уклонившись в сторону, и тут же бьет его в правый бок. Я сжимаю руки в кулаки и смотрю на них, не отрывая глаз, боясь пропустить даже мельчайшую подробность их боя. А еще мне страшно. Так страшно, что меня бросает в озноб, а к горлу подступает знакомая горькая тошнота. Максим и его противник начинают описывать круги вокруг друг друга, нанося удар за ударом, но каждый умудряется отвести его в сторону. Пока единственный удар, который достиг цели, принадлежит Максиму, и это не может меня не радовать. Толпа ревет, она жаждет зрелищ, и Максиму снова удается нанести удар блондину куда-то в уровень печени. Тот загибается от боли, подставляя тем самым спину, и Макс быстрым ударом локтя заставляет его упасть на колени. Я готова была уже обрадоваться, надеясь, что на этом дело может закончиться, ведь он свалил его с ног, верно? Но не тут — то было, к ним быстро подлетает судья, высокий мужчина в черной футболке, и отводит Макса в сторону, который намеревался нанести еще один удар в челюсть. Я не знаю, что здесь за правила, но больше всего я хочу, чтобы это все поскорей закончилось. Блондин поднимается, скаля зубы, теперь он зол, это очевидно. Ему дают пару секунд, чтобы прийти в себя, а я смотрю на Макса, который именно в этот самый момент поворачивает голову в мою сторону, и я тут же отворачиваюсь, надеясь, что он меня не заметит. Как же это по-детски, Оксана! Мне снова приходится прятаться от него, как тогда, в первый день нашего полноценного знакомства. И сегодня я особенно хочу, чтобы мне это удалось, Максим не должен меня увидеть, я прекрасно понимаю, что это может его отвлечь, и тогда он проиграет. Немного переведя дыхание, по восторженным возгласам толпы я понимаю, что бой снова продолжается, и снова устремляю взор на ринг. Макс стоит спиной ко мне и отводит удары противника, они снова начинают кружиться, каждый ловко наносит удары. Но их сила всегда попадает только в те места, которые приносят, очевидно, не самый серьезный вред, потому что ни один из них не отступает ни на шаг, и не теряет самообладание. По крайней мере, мне так кажется. Я облегченно вздыхаю, похоже на сей раз мне повезло, и Макс меня не заметил. Теперь он стоит боком ко мне, и чуть развернувшись корпусом, тем самым давая себе небольшую передышку. Он быстро бросает взгляд в мою сторону, и я от неожиданности даже не успеваю хоть что — то предпринять, чтобы спрятать свое лицо. Глаза Макса расширяются в удивлении, когда он понимает, что перед ним стою именно я. И от этого он теряет бдительность всего лишь на пару секунд. И мерзкий блондин, воспользовавшись этим, со всей силы бьет его в бок, а потом еще наносит сильный удар с другой стороны, и Максим отступает назад, согнувшись пополам.

— Давай, врежь ему еще раз! — завизжала стоящая рядом со мной девица.

— Заткнись, дура! — зло ору я на нее и тут же отворачиваюсь, не желая вступать с ней в перепалку. Прямо сейчас меня больше интересует исход битвы. Сердце колотится, и я мысленно обзываю себя последними словами, прекрасно понимая, что это из — за меня Максим сейчас может проиграть бой.

Еще один сильный удар, прицеленный в лицо, но его Макс успевает заблокировать и со всей силы откидывает руку противника. Сейчас он чертовски зол, он просто в ярости, его глаза горят, и на короткий миг мне становится почти жаль этого блондина. Такой ярости я еще никогда не видела, лицо Максима перекошено от гнева, и он бросается на противника, и тот уже просто не успевает отбиваться. Он наносит удары так быстро, что я едва успеваю

следить за ними, но теперь он делает это не так хладнокровно как в самом начале. Теперь его обуревают чувства, полные ненависти и злости. Я в оцепенении от предстоящего передо мной зрелища мотаю головой из стороны в сторону. «Боже мой! Кто же ты такой, Макс? Я совсем тебя не знаю!» Я убираю глаза, глядя на пол перед собой, слишком впечатленная той беспощадной жестокостью, что открылась мне в Максиме. Не могу поверить, что он может быть таким. Рев толпы снова оглушает очередным всплеском восторженных криков, я все же снова смотрю в сторону Макса и вижу, как его уже шефствуют как победителя, а покалеченного с переломанным носом блондина уводят с ринга. И все бы ничего, я рада, что Макс цел и невредим, а кроме пары синяков с ним определенно все будет в порядке. Но тот его взгляд, что я ловлю на себе, прожигающий меня насквозь, дает мне понять, что у меня будут большие неприятности.

Как только ринг пустеет, музыка снова начинает играть так же громко, как и до начала боя. Ведущий просит толпу далеко не расходиться, потому что вечер только начался, и впереди всех ждет еще много всего интересного. А мне срочно нужно выпить, и это должно быть что-то покрепче, чем апельсиновый сок. Постепенно толпа расходится, давая мне простор, чтобы, наконец, выйти из этого замкнутого круга, в котором я оказалась. Но есть и те, которые остаются на месте. В основном это парни, пускающие слюни на полуголых девиц, вышедших на ринг, чтобы немного развлечь публику. На ватных ногах с гудящей головой я плетусь обратно к бару. Все, что я сейчас видела, кажется мне настолько непонятным и плохо укладывающимся в голове, напоминающим картины сюрреалистов, поклонниками коих я никогда не была. Быть может, пока Макса нет рядом, мне стоит сбежать отсюда? Но я знаю, что он все равно найдет меня, и я даже неплохо себе представляю, что он будет мне говорить. Но, по крайней мере, к тому времени, он может успеть остыть. Его ярость и злость на ринге были такими явными, и это действительно меня напугало. Остается только надеяться, что его злость была направлена не по отношению ко мне. Ну, по крайней мере, частично.

— И как тебе? — за барной стойкой вырисовывается уже знакомый мне бармен, — Жесткий конец, конечно! Но последний удар просто шикарен, сразу в нокаут!

— Угу, — я все еще не могу прийти в себя и пытаюсь переварить все, что сегодня увидела. — И часто такое бывает? В смысле Макс, он часто выступает здесь?

— Макс? Что, понравился тебе? — бармен улыбается понимающей улыбкой. — Придется в очередь встать, тут многие дамы имеют на него виды.

— Мне не нужно вставать в очередь, — раздраженно ответила я, — и ты не ответил на мой вопрос. Максим часто вот так дерется?

— На самом деле нет, — мотает головой бармен, протирая какой — то стакан. — Вообще нет. Это все его спор.

Я облегченно вздыхаю, значит все не так уж страшно, и, если повезет, то в старости Максим сможет без боли держать кисть в руках. Я не понимаю, о чем он вообще думал, занимаясь этим? Травма рук для художника равнозначна смерти, и махая кулаками на ринге, этого можно легко добиться.

— А что за спор? — быть может мне удастся выведать все самое интересное у этого болтливого бармена, пока Максим еще не вышел из — за кулис.

— Спорили на тачки, — наклонившись ко мне и чуть снизив тон, продолжил бармен, довольный, что есть о чем посплетничать. Он явно не прочь поделиться со мной информацией. И стоило только мне обрадоваться, что вот сейчас я все узнаю, как его

подзывает один из посетителей, немедленно требуя выпивки. А я нервно начинаю барабанить пальцами о столешницу в ожидании, когда бармен вернется. Людей вокруг снова становится много, и уже за барной стойкой почти нет свободных мест. Похоже, зрители не вняли просьбе ведущего и все же отошли от ринга. Рядом со мной присаживается какой — то парень и улыбается мне так, словно нашел во мне нечто удивительное. Я демонстративно отворачиваюсь от него, жалея, что так и не успела заказать выпить. Тем временем незнакомец подвигается ко мне ближе, и я напрягаюсь всем телом.

— Привет! — кричит он мне чуть ли не в ухо, и я морщусь, но все же продолжаю делать вид, что не замечаю его.

— Составить тебе компанию? — он придвигается ко мне совсем близко, от чего становится совсем некомфортно. Позади меня стоят какие-то здоровые парни, и мне буквально некуда отступить.

— Нет, не стоит, — с каменным лицом произношу я, похоже этому парню простых намеков не достаточно.

— Да ладно, цыпочке нужен кто-то рядом, что бы скрасить ее одиночество! — его растянутая улыбка на глуповатом лице действует на меня раздражающе, я должна отшить его и немедленно.

— Я здесь не одна.

— То есть как не одна, — хлопая глазами, удивляется парень, но тут же его лицо озаряет противная ухмылка. — Обманываешь! Нехорошо так делать! Я давно тебя заприметил!

Он грозит мне пальцем, точно маленькому ребенку, чем еще сильнее выводит из себя.

— Я здесь с Максом! — и пристально глядя ему в глаза, четко произношу каждое слово, — с тем самым Максом, что только что был на ринге. И прямо сейчас я жду его.

Теперь этот недоумок в растерянности, меня даже забавляет его озадаченный вид.

— Не хочешь, как хочешь, — огрызается он и быстро удаляется, а я облегченно вздыхаю.

— Так значит ты здесь с Максом? — облокотившись о барную стойку, обращается ко мне бармен, который, похоже, уже освободился. Он выглядит крайне заинтересованным, услышав наш разговор с назойливым парнем. — И как тебя звать, красавица? Что — то я тебя здесь раньше не видел, Макс тебя прятал?

— Я сама пряталась, — и в какой — то степени это правда.

— И давно ты с Максом? — приподняв бровь, спрашивает этот назойливый бармен. Ясное дело, он мне не верит. — Или ты это сказала, чтобы этот идиот от тебя отстал? Я тебя не виню, но будет забавно, когда Макс узнает, что у него появилась подружка.

— А тебе то что?

— Ну, мы вроде как с ним тоже знакомы, — пожав плечами, отвечает парень и переключается на стоящую рядом девушку, быстро подает ее два коктейля в высоких бокалах. Как только она отходит, он снова обращается ко мне:

— Так как тебя зовут, подруга Макса? И почему ты ничего не знаешь о его пари и выведываешь о нем у обычного работника бара?

— Оксана, но я действительно с ним. По крайней мере, в какой то степени.

— Понял, понял! — шутливо подняв руки вверх, говорит он и уже более вежливо произносит — Очень приятно, Оксана! Я Дэн.

— Денис значит, ясно, — киваю я.

— Нет, ты не поняла, я Дэн! — кричит он мне через стойку, наверное, решил, что я из

— за музыки его не расслышала.

— Хорошо, как скажешь! Поняла! — выставив руки в защитном жесте, говорю я, изображая его.

— А ты, явно, та еще штучка, — довольно хмыкает Дэн, он замечает кого — то в толпе, затем переводит взгляд обратно в мою сторону. Я знаю, кого он увидел. Конечно, это Максим. Моя спина напрягается, я чувствую его, ощущаю его приближение кожей. И вот уже его горячая рука касается моей спины. Максим наклоняется ко мне и его хриплый шепот пронизывает меня до мурашек:

— Расслабляешься?

Я поднимаю к нему лицо и, встретившись с ним глазами, отвечаю:

— Еще как, я просто балдею. Столько интересного узнала сегодня!

— Очень за тебя рад, — его губы сжимаются в тонкую насмешливую линию, он садится рядом за свободный стул, который так и остался пустовать после быстрого ухода моего несостоявшегося донжуана. Я нарочно стараюсь сделать свой вид как можно более непринуждённым, но, думаю, у меня это все равно плохо получается. К тому же, как я уже смогла убедиться, Максим легко может видеть меня насквозь. Как у него это получается, до сих пор остается для меня загадкой.

— Так вы, правда, знакомы? — подает голос Дэн, — а я то, сначала ей не поверил. Извини. Думал она просто хочет отшить того типа.

— Какого еще типа? — спрашивает Макс, бросая гневный взгляд в сторону бармена.

— Типа, который пытался клеить твою подружку.

Это не важно, — я быстро перебиваю его, — на самом деле я уже собиралась домой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не знаю, зачем я это говорю, потому что последнее место, где я хочу сейчас оказаться, так это дома. Больше всего я хочу остаться здесь с Максимом и узнать все о его пари, и о том, как он оказался на ринге. Но видя, каким взглядом Максим смотрит на меня, я более, чем уверена, что от него сейчас ответов не дождешься. Его глаза пронизывают меня насквозь, заставляя трястись, точно осиновый лист на ветру. И это, несмотря на то, что в клубе довольно жарко. Максим лениво откидывает одну руку назад на спинку своего стула, а другую о свое колено и, чуть склонившись ко мне, гипнотизируя взглядом, задает вопрос, которого следовало ожидать еще в самом начале:

— Какого черта ты тут делаешь, Оксана?

— Я здесь отдыхаю, — пожав плечами, отвечаю я.

— Отдыхаешь? От чего именно?

— От всего! Я что, по-твоему не могу пойти в клуб, чтобы немного развеяться?

— И ты всегда ходишь в клубы одна?

— Кто сказал, что я здесь одна?

— Оксана... — угрожающе шипит Макс, но рядом появляется какой — то мужчина, и мы резко отстраняемся друг от друга. Я и не заметила, как сама настолько близко наклонилась к нему.

— Максим, — мужчина кладет свою руку на плечо Макс, тем самым давая понять, что требует его полного внимания. Как оказалось, это ведущий, который только что так рьяно разогревал толпу. Теперь я вспомнила его, это тот самый человек, что был с Максимом, когда я видела его возле спортивного клуба. Все начинает более или менее складываться в моей голове.

— Девочка, пойдй, погуляй, Максим найдет тебя позже, — мельком окинув меня взглядом, говорит этот нахал. У меня даже челюсть отвисает от такого пренебрежительного тона.

— Оксана будет там, где она захочет быть, — зло выплевывает каждое слово Макс, похоже, ему тоже не понравились его слова по отношению ко мне. — Если у тебя есть ко мне дело, тогда говори об этом прямо.

— Хорошо, Максим. У меня к тебе есть дело. Отойдем? — настаивает ведущий, который мне совершенно не нравится.

Немного поколебавшись, Макс кивает ему, всем видом давая понять, что разговор будет для него не самым приятным.

— Никуда не уходи, — шепчет он мне на ухо, и это похоже на предупреждение, а может быть на обещание? — Я говорю серьезно, — с нажимом добавляет он, и я недовольным кивком головы показываю, что услышала и останусь ждать его здесь. Максим поднимается с места и уходит вслед за ведущим, которому явно не хватает хороших манер. Оставшись снова одна у барной стойки, я в очередной раз понимаю, что хочу выпить.

— Дэн! Налей мне выпить! — кричу я бармену, моему новоиспеченному другу.

— Чего желаешь, красавица? — тут же отзывается он.

— Понятия не имею! — в деланном безразличии отвечаю я. — Удиви меня!

— Будет сделано, — он быстро начинает смешивать разные жидкости, и, взболтав все это в шейкере, показав мастерский трюк с перекидыванием его через плечо, выливает всю готовую смесь в высокий бокал на тонкой ножке.

— Готово! — театрально взмахнув руками, говорит Дэн, и я ему аплодирую, всем видом показывая, что он меня впечатлил.

— Это было круто! — я не могу удержаться от похвалы и быстро осушаю весь бокал. Приятное тепло разливается во мне, вкус у напитка приятный, он отдает шоколадом, и в нем совсем не чувствуется спиртное.

— Эй! Его надо пить медленно, — вдруг начинает сокрушаться Дэн, у него такой озабоченный вид, что мне становится даже смешно.

— Очень вкусно! Повтори! И на этот раз можешь не выкрутасничать.

— Слушай, — Дэн снова облачивается о стойку, наклоняясь ко мне — этот коктейль называется «Шоколадный взрыв» и его нужно пить медленными глотками, растягивая удовольствие. Иначе потом в голове будет ба — бах! — он изображает руками большой взрыв, сопровождая это своей мимикой.

— Не переживай и налей мне еще. Твой «Шоколадный взрыв» действительно очень классный.

— А Макс меня потом не убьет?

— Не убьет, — я игриво подмигиваю ему, — я замолвлю за тебя словечко. В конце концов, твоя работа в том и заключается, чтобы спаивать посетителей!

— Дело твое, — говорит Дэн, но мою просьбу все же выполняет. — Только на этот раз помедленней.

— Как скажешь, — соглашаюсь я и снова начинаю барабанить по барной стойке от нетерпения. Обычно, когда я делаю всего пару глотков алкогольного коктейля, и по всему телу растекается тепло, алкоголь быстро ударяет мне в голову. Сейчас же я ничего такого не чувствую, только приятное шоколадное послевкусие. Поэтому и недоумеваю, от чего так переполошился Дэн. Получив новую порцию, я под его пристальным взглядом делаю

маленький поток, но стоит ему отвернуться, как я снова мгновенно осушаю бокал. Окинув взглядом помещение клуба, я вижу, что люди снова собрались возле ринга, и уже другой голос ведущего заставляет толпу надирать голос, требуя зрелищ. Я отворачиваюсь от них, мне уже безразлично, что там будет происходить дальше, самое интересное я уже видела. Рядом со мной места пустеют, и, как ни странно, от этого я начинаю чувствовать себя еще более покинутой. Мне интересно, что происходит сейчас между Максом и ведущим шоу? Но пока его нет рядом, быть может, стоит попробовать расспросить у Дэна о споре еще раз? Он уже мог мне все рассказать, если бы не быстрое появление Максима. Я снова подзываю Дэна к себе.

— Слушай, если ты так будешь пить, то тебя придется нести домой на руках, — качает он головой, видя мой пустой бокал.

— Я легкая, Максим справится, — а вот и первый туманный заслон в моей голове, он накрывает меня так неожиданно, что я даже немного пугаюсь.

— Я скорее переживаю за себя, — отвечает Дэн, а я хочу его успокоить, сказав, что ему не о чем волноваться, но тут кто — то касается моего локтя, отвлекая. Я оборачиваюсь и вижу перед собой двух совсем юных разукрашенных девиц, которые уже явно навеселе.

— Привет, — немного смущенно улыбается мне одна из них, та, которая очевидно более смелая, — здесь сейчас был Макс Агапов, верно?

— Да, это был он, — нехотя подтверждаю я.

Девушки начинают хихикать и переглядываются заговорщицкими взглядами.

— Я же тебе говорила, — говорит та, что самая смелая своей подруге. Они выглядят уж слишком молодо для этого места, я бы даже могла принять их за школьниц. Как они вообще сюда попали?

— Ты его знаешь, да? — снова спрашивает меня та девушка, что посмелей.

Я приподнимаю брови, удивляясь наглости и бестактности ее вопроса в целом.

— Допустим, — отвечаю я, развернувшись к ним всем телом, пытаюсь выглядеть более грозно, вот у Макса это получилось бы одним только взглядом.

— Это, правда про, ну этот... — они снова хихикают, и у меня создается ощущение, что их смешинки никогда не закончатся.

— Правда, что? — сквозь зубы спрашиваю я.

— Что он всегда водит всех девушек в «Ренессанс»?

И снова моя челюсть готова отвалиться, я чувствую, что меня только что, словно окатили из ведра с холодной водой. Я вспоминаю темное помещение музейного закоулка, где Максим назначает мне встречу в этом самом «Ренессансе». Я буквально снова ощущаю шершавую поверхность стены, к которой он меня припечатал, пока задирает мое платье, а потом его удаляющиеся шаги, когда он оставляет меня там одну.

— Чушь, ничего подобного, — едва слышно мямлю я и отворачиваюсь от них, желая, чтобы они ушли отсюда как можно скорее и больше не задавали своих тупых вопросов.

— Ты его подруга? — спрашивает меня другой голос, наверное, уже другой девушки. И это меня просто выводит из себя, особенно, этот ее сочувственный тон.

— Девушки, будете заказывать или просто занимаете место у стойки? — спасает меня Дэн, переключая их внимание на себя.

— А у нас уже все есть, мы за столиком! — отвечает одна из них.

— Очень рад! Приятного вечера! — отзывается Дэн, и я мысленно благодарю его, потому что после его слов они уходят, продолжая хихикать. Я даже не ожидала, что на меня

так воздействуют слова этих двух девиц. Первый раз за все время, что я с Максимом, я чувствую себя грязной. Чувствую себя использованной. Мне плохо и меня снова начинает тошнить. Даже в тот раз в галерее, где случился наш первый секс, я не чувствовала себя так, потому что знала, что за всем этим ничего не последует. Даже после того, как он чуть не взял меня прямо в центре моей аудитории, где я учусь, у меня не было такого омерзительного ощущения ненужности и никчёмности. Еще ни разу я не чувствовала себя так мерзко из — за него.

Я замечаю, как бармен смотрит на меня с сожалением в глазах и молча протягивает мне еще «Шоколадного взрыва».

— Эти девчонки, сами не знают, о чем говорят, — понимаю, он пытается меня успокоить, и я изо всех сил делаю вид, что их слова меня ничуть не задели. Но скорее всего, уже поздно, Дэн прекрасно понял мою подлинную реакцию.

— К твоему сведению мне абсолютно наплевать, что о нем говорят. И Макс вообще готов ноги мне целовать! А этот «Ренессанс» всего лишь тупая сплетня.

Но кого я обманываю, мы оба понимаем, что это во мне начинает говорить выпитое спиртное. И я лучше буду выглядеть самоуверенной дурой, чем сокрушающейся над уродливой правдой, расстроенной из — за парня девочкой.

— Так вот какие у вас отношения, утверждаешь, что он от тебя без ума? — говорит Дэн, забавляясь моими словами.

— У нас особенные отношения.

— Особенности?

— Ты даже не представляешь на сколько, — шепчу я, вспоминая, как Максим говорил мне про удобство отношений, основанных на сексе, а не на личной привязанности. Я делаю глоток третьего коктейля за вечер и чувствую очередное легкое головокружение. Еще немного и мой разум полностью поглотит алкоголь, а это как раз то, что мне сейчас нужно.

— Дэн, сделай мне одолжение, скажи Максиму, что я не смогла его дождаться, — поднимаюсь и перекидываю сумку через плечо, собираясь уйти. Я не хочу видеть его сейчас, не после того, что только что услышала. Даже интерес к его тайному спору у меня практически исчез. Все, чего я хочу — это рухнуть на свою кровать, и пусть алкоголь даст мне возможность забыться мертвым сном.

— Подожди, Оксана! — Дэн пытается меня остановить. — Максим должен вернуться с минуты на минуту, он тебя отвезет домой. И не бери в голову все то, что можешь о нем услышать.

— Не надо, Дэн! — я отрицательно мотаю головой, быстро допиваю свой коктейль и с благодарностью говорю ему: — Я легко поймаю такси, это же набережная, здесь полно таксующих. И да, кстати, за мою выпивку заплатит Макс.

— Это ладно, но...

Я не даю ему договорить, машу рукой и быстро начинаю продвигаться к выходу. Мне становится совсем душно в этом жарком помещении, и я стремлюсь как можно скорее выбраться на свежий воздух. Когда я это делаю, мне в лицо бьет холодный воздух, пропитанный влагой, доносящейся с реки. Я вдыхаю его полной грудью, и моя голова начинает кружиться уже всерьез. Вот черт! Похоже, Дэн был прав, и его «шоколадный взрыв» действительно мощная вещь. Я начинаю осматривать парковку, чтобы найти свободного таксиста. Но вокруг так много пустующих машин, что мне приходится пройти чуть дальше, ближе к самому въезду к бару. Меня сейчас мало волнует моя собственная

машина, выезд которой нагло перегородил чей-то шевроле. Прямо сейчас я проклинаю себя за то, что сюда приехала, и обзываю всеми последними словами тех девиц, что подошли ко мне в надежде выведать информацию о Максиме. Какие же они глупые курицы, это какие нужно иметь мозги, чтобы вот так запросто подойти к незнакомому человеку и задавать подобные вопросы? О, я более чем уверена, что про «Ренессанс» — это все правда. Он водит туда женщин, чтобы трахать их. Но почему именно туда? Что такого особенного в этом проклятом «Ренессансе»? Меня просто трясет от одних только мыслей об этом. И тут меня осеняет, почему так со мной вел себя тот ведущий. Он решил, что я одна из тех очередных, кого Макс туда водит! Ох, и повезло же ему, что его нет сейчас рядом, потому что я готова его убить. Я прислоняюсь к одному из фонарных столбов для опоры, чтобы найти свой телефон и попробовать вызвать такси, потому что на стоянке так тихо, и я похоже не смогу так просто взять и уехать отсюда, как предполагала в начале. Но в сумке такой бардак, что я никак не могу его найти. Мне попадают под руку салфетки, ключи от машины, упаковка с леденцами и прочая ненужная мелочь, а телефона словно и не было. Я уже начинаю переживать, что оставила его дома. И отчаянно пытаюсь вспомнить, когда видела его в последний раз.

— Оксана! — гневный голос заставляет меня вздрогнуть, и моя сумка выпадает из моих рук. Я раздраженно тянусь за ней, не обращая внимания на быстро приближающегося ко мне Максима. Он рывком притягивает меня к себе, и моя сумка снова падает на землю, едва оказавшись в моих руках.

— Ты что творишь! — кричу я на него, пытаюсь оттолкнуть.

— Совсем больная? Куда собралась? Я велел тебе меня дожидаться! — рычит он, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

— А я вот взяла и не дождалась! И что это еще за «велел тебе»? Ты мне кто, повелитель, чтобы велеть?

— Оксана, ты хоть понимаешь, что это набережная, и ты тут совсем одна, — он поворачивает меня к себе, заставляя взглянуть ему в лицо.

— Ой, только давай без этого, — я закатываю глаза. А Максим, подняв мою сумку, начинает тащить меня в противоположную от дороги сторону. — Куда мы идем? Я не хочу!

— Садись, — со злостью в голосе говорит он, доставая ключи. Пищит сигнал отключения сигнализации, и он впихивает меня в незнакомую мне черную машину, бросает на колени сумку, а затем быстро захлопывает за мной дверь и садится рядом на водительское сиденье.

— Чья это машина? — спрашиваю его я, — куда ты собрался меня везти?

— Это моя машина.

— А как же...

— Никак же, — грубо прерывает он меня, но тут же просит прощения, чем удивляет меня еще больше, — извини, я немного на взводе.

Он заводит машину и трогается с места, начиная быстро разгоняться, как только оказывается на широкой дороге.

Несмотря на его извинения мне ужасно обидно и больно, что он так ведет себя со мной. Я отворачиваюсь к окну, стараясь сдержать подступившие к глазам слезы, и теснее сжимаю сумку в руках, прижимаю ее к себе, словно ищу в этом для себя поддержку. В машине повисла полная тишина, атмосфера такая тяжелая и угнетающая, что мне хочется завывать. Очевидно, Максим тоже это чувствует, и чтобы хоть как-то заполнить эту пустоту, включает

радио. Прощелкав пару каналов, он останавливается на той волне, где сейчас играет тихая и спокойная музыка.

— После всех этих клубных басов то, что нужно, да? — Максим чуть поворачивает ко мне голову, чтобы мельком взглянуть на меня. Я тоже аккуратно бросаю взгляд в его сторону, стараясь сделать это так, чтобы он не заметил. «Что это с ним? — недоумеваю я, — то рычит на меня точно зверь, а теперь добреньким прикидывается?»

— Ты, правда, выпила целых три бокала этого дьявольского напитка от Дэна? — спрашивает Макс, и мне даже кажется, что он этим обеспокоен.

— Да, я их выпила, — мне плевать, даже если он и правда сейчас обо мне беспокоится, эта мелкая забота чепуха в сравнении с тем, что я сегодня узнала. Ничто не сумеет перечеркнуть в моей голове знание того, что он хотел отвести меня в свое излюбленное место для своих любимых шлюх. И пусть тогда в первый раз я вела себя соответственно, это не мешает чувствовать мне себя менее униженной.

Максим останавливается возле ближайшей остановки, молча накидывает на меня ремень безопасности, а я вздрагиваю от его прикосновений, злясь что, несмотря ни на что, мое тело все так же предательски реагирует на него. По крайней мере, Максим никак не комментирует мою реакцию, а только спокойно едет дальше. Странно, зачем он меня пристегнул? Он испугался, что меня сейчас шатать начнет? Прямо здесь в машине?

— Ты не злись на Антона, хотя он это, конечно, заслужил, — Максим, постепенно нагоняет прежнюю скорость, и мне от чего — то начинает казаться, что мы едем не совсем туда, куда мне нужно. — Он, конечно, не самый вежливый человек, и это никак его не оправдывает. Но впредь обещаю, такого с его стороны больше никогда не повторится.

Я не сразу понимаю, о чем он толкует. А когда до меня, наконец, доходит, то все, что мне хочется, это зло рассмеяться в ответ на его слова:

— Он решил, что я твоя очередная шлюха, вот почему он так разговаривал со мной, — с отвращением к самой себе говорю я.

— Оксана, ты вовсе не шлюха, — Макс теснее сжимает руль и как то слишком резко уходит в поворот.

— А знаешь, что самое смешное? Что это действительно так! — не обращая внимания на слова Максима, продолжаю я, и из меня вырывается сдавленный истеричный смешок.

Максим резко тормозит на обочине, так что я дергаюсь вперед, и если бы не ремень безопасности, которым меня пристегнул Макс, то расшибла бы себе нос об панель автомобиля. С дико горящими глазами он поворачивается ко мне и с ударением на каждом слове выплевывает:

— Ты не шлюха! И не смей так говорить про себя, поняла?!

— Поняла. Я не шлюха, — пролепетала я, сжавшись в комок. Мои глаза сейчас очевидно расширились на половину лица, и, увидев в них страх на свой яростный срыв, Максим извиняющим жестом касается моего лица и уже более спокойно повторяет:

— Ты не шлюха, Оксана, и никогда ею не была.

Я мотаю головой, представляя, чтобы сказал Макс, если бы узнал о моем прошлом. И какое счастье, что он ничего о нем никогда не узнает. Максим убирает руку, и мы опять едем в тишине, если не считать тихо играющего радио.

Хорошо, Максим дал мне понять, что шлюхой меня не считает. Но это сейчас, а что было в самом начале нашего знакомства? Я смотрю в окно и сквозь свой опьяненный разум понимаю, что Максим не знает моего домашнего адреса. И куда он тогда меня везет?

— Куда мы едем, Максим?

— Мы едем ко мне.

От этих его слов кровь вскипает в венах, ну почему он все уже решил за меня? Мало того что насильно запихнул к себе в машину, так еще и решает куда мне нужно ехать. О! Я представляю, чего он от меня там ждет.

— Зачем это мы едем к тебе? Секса захотелось? А вот это видел?

Я вытягиваю к самому его лицу руку, показывая шиш. Да, я знаю, что меня окончательно накрыло этим чертовым «бумом» или «взрывом», я уже точно не помню верное название этого напитка. И скорей всего завтра мне будет за все свое поведение очень стыдно, но именно сейчас я хочу и буду вести себя с ним именно так. Потому что другого он не заслуживает!

И снова резкое торможение, колеса машины жалобно взвизгивают, и я опять резко дергаюсь вперед.

— Ты идиот? — ору я на него, немного придя в себя после резкого сдавливания груди ремнем безопасности — Хочешь всю душу из меня вытрясти?

— Небольшая встряска тебе не повредит! — злорадствует он, полностью разворачиваясь в мою сторону. Что — то подсказывает мне, что сейчас мне не поздоровится.

— Если будешь все время так останавливаться, то мы так никуда и не доедем, — запинаящимся голосом говорю я, сама не понимая, почему всякий раз я ретируюсь, стоит только в открытую начать с ним бой.

— А что такое? — наигранно нежным тоном, спрашивает Макс — Хочешь поскорей заняться со мной сексом? Обойдешься, маленькая пьянчужка!

Мне остается только хлопать глазами, Максим словесно меня сделал.

— Я надеюсь, что теперь все глупые разговоры мы закончили? — ледяным тоном спрашивает он. Я нервно сглатываю, понимая, что нет смысла с ним спорить. Я все равно не смогу сейчас выйти победителем в этой словесной перепалке, хотя бы от того, что мой разум затуманен шоколадными градусами.

— Оксана, ты сегодня хорошо ела? — теперь его тон опять спокойный и сдержанный, как и всегда.

— Ммм... чем-то точно перекусывала, — не совсем понимаю, к чему он ведет разговор. Я точно не помню свой сегодняшний рацион, но то, что я что — то ела, это определенно точно. — А что такое?

— А то, Оксана, что ты умудрилась выпить один из самых крепких коктейлей этого заведения.

— Ой! — непроизвольно вырывается у меня, к довершению этого я еще и икаю, после чего начинаю глупо улыбаться.

— Вот тебе и «ой», — передразнивает он меня. — Поэтому я боюсь, что тебе ночью может стать очень плохо, а поскольку ты живешь одна и позаботиться о тебе некому, мы едем ко мне. Но если ты до сих пор будешь полагать, что я мечтаю о сексе с тобой, когда ты еле языком ворочаешь, то ты точно ненормальная!

— Я не... не... не... нормальная — говорю я воинственно, не до конца уверенная, что произнесла нужно количество частицы «не». — И к твоему сведению, я не...не... так легко пьянею, как кажется.

— Оксана, бросай эти детские перепалки, я прекрасно знаю, как начинают блестеть твои глазки после первых же глотков легкого вина.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же его закрываю. Потому что на самом деле, мне нечего ему возразить. К тому же на меня все сильнее накатывает такая дикая усталость, что у меня нет ни желания, ни сил продолжать с ним спорить. Максим плавно останавливается с обратной стороны своего дома, и темный лес, что стоит прямо за ним, смотрится сейчас довольно пугающе и мрачно. Заглушив мотор и выйдя из машины, он открывает дверцу с моей стороны, а я продолжаю сидеть, даже не шелохнувшись, у меня просто нет сил. Тогда Максим наклоняется ко мне и отстегивает ремень, а я смотрю на него сквозь полуприкрытые веки и думаю о том, какой красивый у него профиль.

— Вылезать из машины будешь? — хриплый голос Макса немного возвращает меня в реальность. Ну, почти возвращает, ровно настолько, насколько это позволяет степень моего опьянения.

— Я не могу встать, — уныло объясняю ему, — я устала.

— Горе ты мое — с тяжелым вздохом Максим просовывает руки под мои колени и спину и помогает вылезти из машины. Он пытается поставить меня на ноги, но те предательски подкашиваются, и он прижимает меня к себе, чтобы я не упала вниз.

— Клянусь, я не специально, — извиняющимся тоном бормочу я куда — то ему в грудь.

Я знаю, бабочка, знаю, — шепчет Максим, и подхватывает меня на руки. Я чувствую, как он несет меня, и предполагаю, что мы направляемся в его студию. В моем пьяном мозгу вспыхивает вопрос, почему не к нему домой? А ведь я тоже понятия не имею, где он живет. Снова загадки, вопросы, и я так устала от них. Я уже давно не сопротивляюсь своей усталости и, спокойно закрыв глаза, утыкаюсь носом в шею Максима, вдыхая его такой приятный мужской аромат. Я хочу верить, что все, так или иначе, будет хорошо.

Все, что было дальше, больше походило на карусель. Вокруг меня все вертелось, и я с трудом понимала, где нахожусь. Не могу сказать, что мне было действительно плохо, скорее наоборот, мои чувства полностью отключились, и я пребывала в странном сознании, при этом не имея ни малейшего понятия, что происходит рядом со мной. Я только запомнила, как меня уложили на что — то очень мягкое, и я тут же провалилась в сон. Но даже во сне я пребывала точно в качке, меня то подбрасывало вверх, то опускало вниз, а потом все вокруг снова кружилось и кружилось. Я пыталась разомкнуть тяжелые веки, чтобы это прекратить, но у меня ничего не выходило. А потом пришло долгожданное полное отключение.

Ото сна меня пробуждают солнечные лучи, которые так согревают меня, что становится совсем жарко. Отбросив в сторону тонкое одеяло, я зарываюсь лицом в подушку, не желая просыпаться. Потянувшись, так и не открывая глаз, я вздохнула, убрала с лица упавшую прядь волос, и только после этого поняла, что чувствую себя как-то не совсем обычно. Резко открыв глаза, точно что — то вспомнив, я обнаруживаю, что нахожусь в незнакомой мне комнате. Я лежу на чужой кровати, на мне вчерашняя водолазка и трусики, а вот джинсов на мне нет. «Максим! — тут же понимаю я, — это он меня раздел, чертов извращенец!» Я поворачиваю голову в бок и тут же натываюсь на него самого. Он сидит прямо напротив меня на стуле, опираясь локтями о колени, и держит в руках стакан с водой. Он задумчиво смотрит на меня, и один черт знает, какие мысли у него сейчас в голове.

— О Боже! — шепчу я и пытаюсь спрятать лицо в подушке, попутно ища руками одеяло, чтобы прикрыться.

— И тебе доброе утро, — я слышу насмешливый голос Максима и зажмуриваю глаза в надежде, что все это происходит не со мной. — Можешь не прикрываться, ничего нового я все равно не увидел.

— Зачем ты меня раздел?

— Спать в одежде не очень — то удобно, но ты так сопротивлялась, что я оставил попытки снять с тебя еще и кофту.

Я чувствую, как рядом со мной прогибается постель, а затем рука Максима пытается развернуть меня к себе, но я сопротивляюсь.

— Ну же, Оксана, повернись ко мне, — вкрадчиво уговаривает он меня, и я все же поддаюсь на его уговоры. Встретившись с ним взглядом, я чувствую, как волна стыда накрывает меня. Теперь он будет думать обо мне невесть что.

— Который сейчас час? — пишу я, стараясь не думать о том, в каком виде я вчера перед ним предстала.

— Полдень, ты проспала почти двенадцать часов.

— Что? — я резко поднимаю голову, от чего она начинает буквально разрываться от боли. — Моя Мадонна!

— Не понял? — с недоумением спрашивает он.

— Я пропустила занятия! Сегодня ведь суббота?

— Да, Оксана, сегодня суббота, — пытается успокоить меня Максим, — тебе нужно выпить воды.

Он пихает мне стакан с водой, и я быстрыми глотками осушаю его. Но во рту все равно

остается сухо.

— Спасибо, — бормочу я, сокрушаясь, что теперь у меня прогул, я могла бы уже сегодня закончить копию своей «Мадонны с младенцем».

— Ну что, хорошо вчера расслабилась? — с голосом, полного сладкого яда, спрашивает Макс.

— Просто чудесно, — я готова провалиться сквозь землю или оказаться сейчас где угодно, но только не здесь. И кстати где я?

— А мы...

— Что мы? — спрашивает Максим, приподняв свои брови, и только сейчас я понимаю, что впервые вижу его не гладко выбритым, как обычно, а с щетиной на лице.

— Где мы сейчас? — нахмурившись, наконец, задаю я свой вопрос, надеясь, что не выгляжу сейчас так же отвратительно, как чувствую. Я окидываю взглядом комнату, которая довольно небольшая, но очень светлая. Мебели в ней по минимуму, только все самое необходимое. И все такое чистое и свежее. Думаю, это ощущение создается благодаря преобладанию в ней светлых тонов и полного порядка.

— У меня дома, — губы Максима растягиваются в усмехающейся улыбке. И я готова стукнуть его за то, что он явно сейчас забавляется моим потерянном состоянием, и в тоже время я хочу... я хочу его поцеловать. Сейчас он такой домашний, и эти спортивные штаны с белой футболкой, что на нем, делают его еще более привлекательным... Ой, Оксана, не туда тебя мысли ведут! Так, значит мы у него дома, я еще раз с любопытством окидываю взглядом комнату, пытаюсь увидеть в ней черты характера ее хозяина. Но я ведь точно помню, как мы подъезжали к дому, где находится его студия.

— Ты живешь так близко к своей студии?

— Очень близко, — он смотрит на меня, все так же забавляясь. — Я живу в ней.

— Не поняла.

— Тебе нужно в душ, — Максим поднимается, достает из шкафа полотенце и футболку и кидает мне на постель. — Голова сильно болит?

— Терпимо, — отвечаю я, и это, по большому счету, правда, могло быть гораздо хуже. — Ты так и не ответил на вопрос.

— Сначала в душ, потом вопросы, — он тянет меня за руку, чтобы я поднялась с постели, — я пока подумаю, чем тебя накормить.

— Я не хочу есть, — возражаю я, с большим нежеланием поднимаясь с постели.

— После того, как ты вчера напилась, у тебя должно быть жуткое похмелье, лучшее средство от него, это пить много жидкости, а еще как следует поесть, — не терпящим возражений тоном отрезал Максим.

— Как скажешь, папочка, — язвлю я и разворачиваюсь, чтобы уйти, а Максим отвечает легкий шлепок по моей попе.

— Будь умницей, деточка.

— Может, еще хочешь меня отшлепать? — спрашиваю я, встав в позу.

— Да, твоя голая задница только на это и напрашивается.

— Извращенец, — тихо говорю я, — она голая, потому что ты куда-то запрятал мои штаны.

— Я их не прятал.

— Да? Тогда где же они?

— Держи, если в душе без них никак, — огрызается Макс, беря джинсы, которые лежат

практически на самом виду на стуле, на котором он сидел, и швыряет их мне практически в лицо. От неожиданности я ахаю, и, понимая, что в очередной раз поставила себя в глупое положение. И мне ничего не остается, как молча удалиться, не преминув при этом захватить свои штаны. Мало ли что.

Выйдя из комнаты, я оказываюсь в коридоре, который подозрительно напоминает мне стены его студии. Справа от меня находится еще комната, дверь в которую закрыта. А дальше идет комната, где Максим обычно работает. Мы действительно в его студии, выходит, что здесь он не только работает, но еще и живет. И как я не догадалась об этом раньше? Хотя, конечно, я ведь кроме его рабочей комнаты нигде и не была, разве что в ванной. Туда я и направляюсь, где стараюсь смыть с себя не только уличную грязь и запахи клуба, но и чувство разбитости и угрызения совести от того, что Максиму пришлось со мной вчера нянчиться. Вечер был для меня действительно тяжелым, и я жалею, что не послушалась Дэна и так быстро осушала бокал за бокалом. Он был прав, этот коктейль действительно похож на взрыв. Когда первые капли воды попадают на мою голову, у меня создается ощущение, что она такая горячая и от нее, разве что пар не идет. Во рту такое неприятное чувство, что я решаюсь почистить зубы щеткой Максима, которую нахожу в шкафу, висящем над раковиной. Сейчас, при свете дня, все увиденное мною вчера, да и услышанное тоже встает передо мной в ином ракурсе. Да, Максим, зачем-то выходил на ринг, и это что — то, связанное с его пари. Да, меня вчера приняли за его шлюху. И этих самых шлюх он предпочитает трахать в гостинице. Но я всегда догадывалась, что Максим не милый сладкий мальчик, и наши отношения далеки от того, чтобы называться нормальными. Исходя из этого, я не имею никакого права предъявлять ему претензии. Более того, я сама создала границы, за которые не хотела заходить сама. Я не хотела вопросов с его стороны, но я не предполагала тогда, что они могут появиться у меня.

Одев поверх обнаженного тела футболку и замотав на голове полотенце, чтобы ни намочить ее, я выхожу из ванной и иду обратно в комнату. Я немного смущена, что на мне нет белья, поскольку сменного у меня с собой попросту нет, но и футболка длинная, так что думаю в этом не должно быть большой проблемы. Я подумывала надеть джинсы, но потом быстро отбросила эту мысль. Мне совсем не хочется одевать что-то такое тесное.

Максима в комнате не оказалось, и я нахожу его за другой дверью, которая оказывается небольшой кухней. Вообще вся планировка здесь такая странная, и я предполагаю, что либо сам Максим, либо прежние хозяева делали здесь перепланировку. Сейчас же он занят тем, что раскладывает по тарелкам омлет. На столе стоит миска с салатом и две кружки, одна с чаем, другая с апельсиновым соком.

— Садись, твой завтрак готов, — говорит Максим, и мы усаживаемся друг напротив друга.

— Спасибо, — говорю я, должна признать, он обращается со мной куда лучше, чем я ожидала, и это после вчерашних моих выкрутасов.

— Да, — словно опомнившись, Максим встает снова и протягивает мне воды с активированным углем. — Это поможет вывести токсины.

Я молча выпиваю таблетки, и мы принимаемся есть. С начала я кладу каждую ложку в рот с большой неохотой, но потом аппетит все же просыпается, и под конец я уже подчищаю тарелку.

— Тебе лучше? — спрашивает Максим без тени того забавляющегося тона, что был прежде.

— Да, гораздо, еще раз спасибо, — я отодвигаю от себя тарелку и допиваю апельсиновый сок. Он свежесжатый, что очень благотворно отражается на моем обезвоженном организме.

— Ты готова начать? — спрашивает Максим, складывая руки домиком возле лица в ожидании моего ответа.

— Начать что? — осторожно спрашиваю я, отставляя стакан.

— Получить ответы на свои вопросы и ответить на мои.

— Максим, послушай, мы можем просто забыть этот инцидент?

— Забыть? — он удивленно вскидывает брови — Оксана, скажи честно, ты приехала в клуб, чтобы увидеть там меня?

Ну зачем он так ставит вопрос! Я чувствую как краснею, конечно, я хотела его увидеть. Да, да, хотела! Я признаюсь в этом самой себе! Но признаться в этом Максиму и самой произнести эти слова вслух? Это слишком.

— Готов поспорить, что в твоей голове миллион вопросов, — продолжает Максим, — и ты жаждешь получить на них ответы, верно? Я обещал быть честным, и я слово сдержу. Если ты действительно хочешь что-то обо мне узнать, то спрашивай.

Я вздыхаю и понимаю, что вот сейчас, если перестану вести себя как глупая дурочка, то возможно смогу узнать о Максиме чуть больше.

— Хорошо, — я начинаю вертеть в руках ложку, чтобы хоть немного унять странную дрожь возбуждения от переполняющих меня вопросов. — Почему ты дрался, Максим?

— У меня был спор, — ответ краткий, пожалуй, мне нужно задавать более объемные вопросы.

— И часто ты так споришь?

— Нет, никогда.

— Тогда почему сейчас?

— Так вышло, — пожимает плечами Макс, а я начинаю злиться.

— Ты обещал быть честным!

— Я и честен с тобой, заметь, я ни разу тебе не врал.

— Да, ты всего лишь не договариваешь кучу важных вещей!

— Каких важных вещей?

— Например, что ты выходишь на ринг, что ты вообще умеешь так драться! Ты же художник, я просто не понимаю, как такие разные вещи могут уживаться в одном человеке?

— Насколько я помню, Оксана, ты сама не хотела лишних вопросов, почему ты решила, что их захочу я?

На это мне нечего ответить. Максиму всегда удается поставить меня в тупик. Что — то в разговоре пошло не так. И я не могу понять, где я совершила ошибку. Это раздражает меня. Да я все время чувствую раздражение рядом с ним, и все из — за этих глупых правил, и поэтому, не подумав, выпаливаю первое, что приходит на ум:

— А если я так больше не хочу!

— Не хочешь чего? Своих же правил?

— Да, именно.

— Быть может, тогда будем просто взрослыми людьми, между которыми есть интимная связь? — язвит Макс.

— Отличная идея! — скалюсь я в ответ.

— Значит так и поступим, — он резко поднимается со стола и выходит из комнаты, я

поднимаюсь следом за ним.

— Да, прекрасно! Так и поступим! — кричу ему вслед, желая, чтобы хотя бы в этот раз последнее слово осталось за мной. Максим резко разворачивается и хватается меня за плечи.

— Почему ты так сильно сводишь меня с ума? — рычит он, гневно глядя мне в глаза.

— Это ты сводишь меня с ума!

— Ну что ты, до тебя мне далеко! — он начинает тяжело дышать. И я понимаю, что смогла вывести его из себя, и от этого внутри меня все ликует.

— Ошибаешься, с тобой никто не может сравниться, — глаза Максима вспыхивают, и я понимаю всю двусмысленность своей фразы.

— Никто не может, говоришь, — Максим ухмыляется и ослабевает хватку, и теперь его руки начинают медленно ласкать мои плечи, опускаясь вниз по рукам. Я начинаю вся дрожать от возбуждения. Кажется, прошла целая вечность, когда он вот так прикасался ко мне. И я скучала по этому, так сильно скучала. Я хочу, чтобы он прямо сейчас взял меня, подхватил и усадил на стол, за которым мы только что ели, раздвинул мне ноги и вошел в меня быстро и жестко, как умеет только он. Максим наклоняется ко мне, и я прикрываю глаза, подставляя свои губы. «Ну же, давай, — мысленно прошу я его, — поцелуй меня, выбей всю дурь из моей головы. Сотри все воспоминания и мысли, что так сильно ранят меня».

— Хочешь, этого да? — шепчет мне Максим, склоняясь ближе к моему уху и слегка касаясь его губами, заставляя меня вздрагивать. Я что — то утвердительно простонала, оставаясь все так же неподвижно стоять. — Ты так этого хочешь. Я бы мог дать тебе это прямо сейчас. Мог бы показать все, на что способен, когда желаю тебя. Показать, как твое тело отзывается на мои ласки.

Он чертов искунитель, я плавлюсь от его слов, словно и не было сейчас между нами ссоры. Я вся дрожу от волнения и предвкушаю все, что он сейчас может сделать. И если он сейчас не сделает хоть что-то, я не выдержу и сама на него наброшусь. Но Максим быстро остужает весь мой пыл всего одной фразой:

— Но, думаю, сейчас ты не в том состоянии, — он отпускает меня и выходит из комнаты, оставляя меня одну, полностью опустошенную и неудовлетворенную. Я несколько раз хлопаю глазами, ну что он за человек! Полностью обессиленная, сажусь на стул, пытаюсь унять эмоции, бушующие у меня внутри. Из горла вырывается болезненный всхлип. Не хочу плакать, не хочу! Но слезы сами вырываются наружу и, поджав под себя ноги и спрятав лицо в коленях, даю им полную свободу. Я всхлипываю тихо, стараясь, чтобы Максим не услышал меня, не хочу, чтобы он меня такой видел, но и остановиться сейчас тоже не могу. Мне плохо. Внутри словно все разрывается, и дело даже не в том, что Максим отказал мне, видя, как сильно я его хочу. Мне плохо от того, что все запрятанное ранее уже готово растерзать меня изнутри. И я даже боюсь представить тот шквал эмоциональной боли, что может обрушиться на меня. Ну куда же он ушел? Почему оставил одну? Я знаю, он злится, да я и сама на себя злюсь. Глупая, глупая Оксана! Но почему, черт возьми, он меня оставил?!

Полностью погруженная в свое отчаяние я не замечаю, как в комнату возвращается мой мучитель. Сначала он просто присаживается рядом со мной, и я начинаю ощущать тепло его тела. Вся энергия, что в нем, словно по воздуху передается мне, заряжая меня, и на какое-то мгновение мне становится легче. Но это тело, в доступе к которому мне было так легко отказано, я сейчас ненавижу. Я — то думала, что все мужики готовы на секс в любых обстоятельствах! Как же я ошибалась! Мне обидно и очень, а еще я чувствую досаду и сожаление, что проявила чувства и так легко поддалась ему. Максим использует меня, каждый раз показывая, кто из нас хозяин положения. И прямо сейчас я была бы рада никогда не встречать его вообще или, как минимум, не соглашаться на эти отношения, которые заведомо были обречены только на один исход. Поэтому, когда Максим пытается взять меня на руки, я сопротивляюсь, но довольно вяло. И ему все же удается отнести меня в комнату и уложить обратно на постель.

— Ну ничего страшного, поплачь. Иногда это нужно, — тихо говорит Максим, поглаживая меня по спине. А я прячу лицо в ладонях и просто выплескиваю в них все, что накопилось до тех пор, пока у меня совсем не остается сил. Теперь мои всхлипы реже, у меня нет сил даже на то, чтобы как следует поплакать.

Не знаю, сколько проходит времени, но мои слезы окончательно высохли, и я просто лежу, чувствуя себя полностью опустошенной. Мы молчим, и эта тишина меня успокаивает, не хочу сейчас ни о чем думать. Я устала. Максим все так же медленно поглаживает меня по спине. Думаю, он делает это уже просто по инерции. Он самый загадочный и непонятный для меня человек. И он тот единственный человек, который так легко может оголить все мои нервы, выпустить наружу все чувства, до которых другим не добраться.

— Почему ты плакала? — тихо спрашивает Максим

— Не знаю, считай это запоздалой пьяной истерикой, — но я вру, и даже если бы я попыталась сказать правду, то все равно не смогла бы найти нужных слов.

— Я думал, пьяная истерика была у тебя вчера.

— Это было только вступление, — хмыкаю я.

— С одной стороны я понимаю твою реакцию, но с другой.... — Максим замолкает, словно что то обдумывает. А я пытаюсь понять, что именно он понимает?

— Ты на меня разозлился, да? — я тяжело вздыхаю — Я знаю что разозлился.

— Когда мне позвонил Дэн, и сказал, что ты напилась в баре и собралась ехать домой, тогда да, очень разозлился.

— И когда увидел меня во время боя тоже? По моей вине он тебя сильно ударил. Извини, ты мог проиграть.

Максим перекатывается на спину и подтягивает меня к себе так, чтобы я лежала на его груди.

— Нет, я не разозлился. По крайней мере, не на тебя.

— Не понимаю, — сейчас я бы хотела видеть его лицо, чтобы лучше понимать его эмоции. Но с другой стороны, интуитивно я чувствую, что лучше сейчас оставаться лежать в том положении, в котором я нахожусь. Я боюсь спугнуть это спокойствие, которое есть сейчас, своими лишними движениями.

— Быть может, это действительно странно... — и снова молчание, и думаю это не от того, что Максиму нечего сказать, скорее всего, это от того, что он не знает как правильно мне все объяснить. — Иногда нужно делать то, что тебе не очень хочется, чтобы просто жить и делать то, что хочется.

— Что, например?

— Уметь драться.

— Зачем тебе нужно уметь драться? — я хмурюсь, совершенно не понимая его. — Хочешь сказать, что если бы ты не мог драться, то не смог бы рисовать? Это звучит абсурдно!

Грудь Максима начинает трястись от смеха. И он далеко не радостный. От этого мое сердце начинает сжиматься, точно чувствует, что то, что я могу узнать, может быть пугающим и неприятным.

— Мне было восемь, когда я чуть не потерял голос, — ровным тоном начинает Максим, — у меня была ангина, которая плавно перешла в ларингит и... В общем мой отец, довольно часто просил меня сбежать ему за бутылкой в ближайший магазин, и здешние продавщицы все меня знали и легко продавали мне ее, понимая, что иначе мне влетит. И тот вечер был не исключением, он снова попросил сбежать для него за добавкой. А я вместо этого просто заснул. Не помню уже почему именно вместо того, чтобы выполнить его просьбу я лег в кровать, но я отлично помню, как он резко выволок меня из нее и начал молотить, осыпая ругательствами. Я кричал, прося остановиться, но он был неумолим, и, в конце концов, мой голос надорвался до такой степени, что я уже просто хрипел. Меня спас от расправы его собутыльник, которому очевидно надоело слушать крики. Он с трудом оттащил отца от меня, оставив корчиться от боли на полу. После этого я не мог говорить, наверное, больше месяца. Я уже думал, что совсем потеряю голос, но постепенно он все же стал возвращаться. Сначала это был просто хрип, потом слова становились все более или менее четче, и за хрипом уже можно было понять, что я говорю. Голос вернулся, а хрипота осталась. Но даже тогда единственным моим решением было просто реже попадаться отцу на глаза. Что я и делал. Его попойки были точно часы, я всегда знал, в какое время суток и на какой стадии опьянения он находится. И в это время меня не было дома. Я ходил по городу, бегал по чужим дворам, пока не наткнулся на тот «Центр реабилитации и помощи через искусство», где главным инструментом терапии было рисование. Когда я согласился там остаться, и приходило время от времени в гости, как мне тогда предложили, то был очень рад. Впервые я знал, чем себя занять, вместо того что бы шататься по окрестностям в ожидании, когда можно будет вернуться домой. Помню, как мне подарили там краски и альбом. Это был лучший подарок в моей жизни! Простая медовая акварель с кисточкой в комплекте и альбом. Они были для меня чем — то удивительным тогда. Ведь это был подарок. Я обещал, что нарисую картину и принесу ее на следующий день. Но я не смог выполнить обещание, мой отец нашел краски и выбросил их прямо в окно, сказав, что если еще раз увидит как я бездельничаю вместо того, чтобы помогать своему старику продолжать спиваться, то он переломает мне пальцы. Вот тогда я и понял, что постоянно прятаться глупо, и это не выход. Тогда я решил научиться давать отпор.

На этом моменте Максим замолкает, а я чувствую, как меня всю трясет от злости к его отцу и переживаний за него. Я крепко прижимаю его к себе и выдыхаю:

— Боже, Макс!

— Это было давно, — он усмехается так, словно все эти ужасы ничего не значат. Что

все это всего лишь один незначительный эпизод в его жизни. Но я прекрасно понимаю, что это не так. Невозможно просто пережить подобные ужасы в прошлом и оставаться нормальным в настоящем, неискалеченным в душе.

— Я ненавижу твоего отца! — яростно шепчу я и поднимаю к нему голову, начинаю целовать его губы, щеки, покрытые щетиной, его волевой подбородок. Прямо сейчас мне хочется вернуться в это темное прошлое Максима, ворваться в их квартиру и собственными руками придушить его отца, который так издевался над собственным сыном. Максим мягко, но твердо отстраняет меня от себя, и в его глазах горит вызов:

— Оксана, мне не нужна жалость, равно как и твое сочувствие.

— Тогда зачем ты мне все это рассказываешь?

Максим резко поднимается и смотри на меня тяжелым взглядом, от которого мне становится не по себе:

— Ты хотела понять, как во мне уживается человек, способный выйти на ринг, и художник одновременно. Я тебе ответил. Но я сделал это не для того, чтобы видеть жалость в твоих глазах!

— Прости! — мне и правда, очень жаль, — но я не могу относиться спокойно к тому, что ты мне рассказал. Да и никто бы не смог!

Максим смягчается, плечи больше не подняты воинственно, а опущены, а его подбородок не выпячивается вперед. Он снова расслаблен.

— Что было, то прошло. И не заставляй меня жалеть о своей откровенности.

— Хорошо, не буду! — быстро обещаю я и хочу перевести тему в более спокойное русло. — Но я понимаю, что тогда умение драться было необходимостью. А что теперь? Ты дрался в клубе, на ринге, к тому же на спор! Это мне все равно непонятно.

— Форму я поддерживаю уже по привычке, — Максим прикрывает глаза и снова откидывается назад. — А это пари, я и сам не знаю, почему согласился. Вадим на удивление мерзкий подонок, так и хочется надрать ему задницу. А тут еще возможность утереть ему нос, он сам предложил поставить на кон свою машину.

— Что за машину? Та, на которой мы приехали сюда?

— Нет, Бабочка, — Максим усмехается довольной улыбкой, — эта машина всегда была моей. А вот та Мазератти раньше принадлежала ему. Но теперь она моя. Не могу сказать, что я от нее в восторге, но выигрыш есть выигрыш. Кстати, тебе ведь она понравилась? Хочешь, подарю?

«Вот черт! — думаю я, — он действительно ненормальный!» Но как это ни странно, это меня совсем не волнует. Теперь меня волнует, не может ли этот самый Вадим начать мстить? Есть в нем что — то такое мерзкое, отталкивающее, кричащее об опасности, и он не похож на человека, который легко принимает поражение.

— Мне не нужна машина, у меня есть своя и меня она полностью устраивает, — я ложусь рядом с ним и тихонько протягиваю к нему руку, словно боюсь, что меня снова могут отвергнуть. Максим не двигается и, кажется, вообще никак не реагирует на мои прикосновения. Я чувствую себя такой уставшей, несмотря на то, что так долго сегодня спала. Слезы и сильные эмоциональные переживания вымотали меня, а я так удобно устроилась на предплечье Максима, и мои пальцы лениво начинают выводить узоры на его груди. Мы лежим в абсолютной тишине, и я задумываюсь, не жалеет ли Максим о том, что все мне рассказал? Каково это, вот так просто открыть что — то настолько темное из своего прошлого? Я помню, как Максим говорил мне, что открытость дает освобождение.

Чувствует ли он это сейчас? Вот я чувствую гордость за него и свою собственную значимость. Он поделился со мной таким личным, пожалуй, даже самым сокровенным, что может быть. Он рассказал о своем прошлом, а я его об этом даже не просила, я только хотела его понять. И он дал мне эту возможность, вызывая тем самым глубокое уважение к этому мужчине. Я и раньше его чувствовала, ведь ту силу и уверенность, что исходит от него, невозможно не уважать. А теперь, зная через что он сумел пройти, это чувство усилилось во стократ. Я бы так не смогла, я вообще раньше считала подобное невозможным. Но теперь вижу, что это не так. И хотя информации для размышлений получено более, чем достаточно, вопросы все равно остались, и я нахожусь в раздумьях, задать вопросы сейчас или подождать? Но боюсь, что если упущу момент, то другого такого случая может уже не представиться.

— Расскажи мне все про пари, — прошу я, и мой голос такой тихий, что его еле слышно. Максим поднимает руку и начинает нервно тереть лоб.

— Не думал, что с тобой все будет так сложно, — а вот эти слова заставляют меня всю сжаться и напрячься одновременно. Сердце словно падает куда — то вниз и начинает отбивать внутри болезненными ударами. Он хочет со мной порвать? Теперь, когда стало все слишком сложно для него, это было бы даже не удивительно. И я уже так сильно раскаиваюсь за все свои расспросы и что вообще влезла туда, куда не следовало влезать. Особенно, учитывая, что мне всего лишь отведена роль девушки для плотских утех.

— Если не хочешь рассказывать, то и не надо, — сглотнув колючий ком в горле, говорю я. Максим разворачивается, и теперь мы снова лежим, глядя друг другу в глаза.

— Дело не в том, хочу ли я тебе что-то рассказывать или нет. Я не могу понять, что тобой сейчас движет — простое любопытство или что-то еще?

— А если и то, и другое?

— Так что же еще, кроме любопытства?

— Это так важно?

— Снова отвечаешь вопросом на вопрос, — Максим слегка морщится.

— Ну, у тебя тоже неплохо получается так делать.

— Вот скажи мне, Оксана, зачем тебе нужны ответы? Ты не хотела лишних вопросов. — Максим смотрит так пристально, и я понимаю, что теперь мне не увернуться от ответа, он этого не позволит.

— Я думала, мы решили, что с правилами покончено, — осторожно произношу я. Во взгляде Максима, что-то вспыхивает, но эта вспышка быстро исчезает, и я начинаю думать, что мне это только показалось.

— Ты хочешь покончить со всеми правилами? И с твоими, и с моими тоже?

Вот это вопрос! И где же мне взять на него правильный ответ? Прямо сейчас я могу многое изменить, или быть может это все какая-то его извращенная игра? Но, глядя сейчас на Максима, и зная все то, что мне удалось узнать, сильно сомневаюсь, что это может быть игрой.

— О каких именно своих правилах ты говоришь?

— У меня было только одно правило. И ты это знаешь. Ну же, Бабочка, смелее. Скажи мне, чего ты хочешь?

— Я... — как же страшно сказать вслух то, что хочется, но я все же решаюсь, потому что его пронизывающий взгляд и нетерпеливое выражение лица, придает мне силы. Я заливаюсь краской, меня обдает таким жаром от осознания того, что вот- вот мы можем

переступить черту, возврата к которой уже не будет. Но для верности я все же задаю еще один вопрос, чтобы удостовериться, что правильно его понимаю. — Ты имеешь в виду то твое правило о сексе без каких либо других обременительных отношений?

— Верно, — его хриплый шепот обволакивает меня, и я полностью попадаю в его плен. Он проводит рукой по моей пылающей щеке и терпеливо ждет моего ответа. Я облизываю пересохшие губы и выдыхаю:

— Никаких правил.

Максим закрывает глаза и притягивает меня к себе, и мне становится так спокойно в его объятиях, как никогда прежде.

— Так значит теперь мы вроде как обычная пара? — неловко спрашиваю я.

— Мы и были парой. Просто теперь ты можешь задавать свои вопросы, а я могу задавать свои. — Максим ухмыляется, и продолжает — Ты даже можешь меня ревновать, — на что я шутливо толкаю его в бок.

— Еще чего! — фыркаю я.

— Ах, да! Я же забыл, к чему ревновать того, кто готов целовать тебе ноги! — с усмешкой говорит Максим, а я со стоном еще сильнее утыкаюсь ему в грудь, заставляя его разразиться веселым смехом.

— Все бармены трепло! — тихо пробормотала я, мне хочется провалиться сквозь землю, и какой черт меня дернул сказать такое? — Это тебе Дэн рассказал?

— Кто же еще?

— И когда он только успел, — сокрушаюсь я.

— Сегодня рано утром, когда я забирал твою машину.

— Ты забрал мою машину? Где ты взял мои ключи?

— В твоей сумке.

— Ты рылся в моей сумке? — хмуро смотрю на него, не понимая, зачем ему это понадобилось. Не то, чтобы в моей сумке можно найти, что-то такое провокационное, но все же это, как вторжение в личную жизнь.

— Оставлять машину в подобном месте так надолго — не самая лучшая идея. Поверь мне, я лишь оказал тебе маленькую услугу.

— Хм, ну тогда спасибо, — внимательно разглядываю его и не вижу ни намека на недовольство или раздражение. Я думала он разозлится, если узнает, что я наговорила о нем бармену.

— Ты не сердись, что я такое ляпнула?

— Это про ноги- то? — Максим игриво приподнимает брови. — Ну что ты, это было даже немного забавно.

— И что ты ответил Дэну?

— Что у тебя очень сладкие ножки, — озорные смешинки блестят в его глазах, и я в очередной раз поражаюсь тому, насколько он удивительный человек. Интересно, это дело во мне, или он на любые рассказы о себе так же спокойно реагирует?

— Почему вдруг? — я внимательно смотрю на Максима. Я должна полностью разобраться, что между нами происходит на самом деле.

— Что почему?

— Почему ты поднял вопрос о правилах?

— Потому что мы уже давно их нарушили, и в них не осталось никакого смысла.

— Разве мы нарушили их все?

— Думаю то, что мы нарушили самое главное, а это повлекло за собой сбой во всем.

— И какое же это главное правило, которое мы нарушили?

— У меня с тобой не просто секс, Оксана, так же как и у тебя со мной, — со всей серьезностью говорит Максим.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Ладно.

— Ладно? Ты даже не споришь? Бабочка покорно сложила свои крылышки и больше не пытается напугать меня их коварным окрасом?

— Бабочка устала и решила попробовать просто лететь туда, куда подует ветер.

— А вот это слишком опасно, — качает головой Максим, — но я очень постараюсь не допустить, что бы ветер сломал твои нежные крылышки, — и еще тише добавляет, — или я сам.

— Я тоже очень постараюсь этого не допустить, — также тихо шепчу я в ответ.

Это невероятно. Все, что сейчас происходит просто невероятно. Быть может, я сейчас сплю, и все происходящее это всего лишь пьяные пары, одурманившие мой мозг? Но нет же, вот он Максим, лежит рядом со мной, и я приподнимаюсь, чтобы лучше видеть его красивое лицо. Затем я кладу ладонь на его грудь. Слышу, как бьется его сердце. Красивый звук, мне хочется написать об этом картину, но я пока не знаю как. Я зажмуриваюсь и пытаюсь прочувствовать весь этот момент до конца. Спокойствие и тревога. Покой и напряжение. Я уже привыкла, что рядом с ним так много противоречивых чувств.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Максим.

— О тебе. — Я снова открываю глаза, и встречаюсь с его внимательным взглядом, в иной раз я могла бы смутиться. Но только не сейчас. — А ты?

— О нас.

Я тихонько улыбаюсь и тянусь к его губам, но буквально в сантиметре от них застываю в нерешительности, точно жду приглашения. И Максим преодолевает оставшееся расстояние, он захватывает мой рот своим, попутно стягивая с моей головы полотенце, и запускает свою руку в мои влажные волосы. Его сердце начинает биться сильнее под моей рукой. Непередаваемое ощущение, кажется, что его сердце прямо в моих руках.

— Ты боишься? — тихо спрашивает Максим, на мгновение прерывая поцелуй.

— Ты сказал, что постарайся не сломать мои крылья, почему?

— Потому что они такие хрупкие, — он снова целует меня, а мне ничего не остается, как снова раствориться в нем.

— Тогда мне страшно, — теперь я прерываю наш поцелуй.

— Если я скажу, что ты тоже можешь сделать мне больно, тебе не будет так страшно?

Я отрицательно мотаю головой:

— Я не хочу делать тебе больно.

— Иногда мы делаем больно, даже не желая этого.

— Да, это верно, — задумываюсь над его словами, и черные воспоминания прошлого уже готовы надвинуться на меня, но я отбрасываю их прочь, заглушая их новым, более страстным поцелуем. Вот так лучше, только звуки сбившегося дыхания, только жадные прикосновения губ и языка. Моя рука медленно сползает по его твердой груди и теперь касается живота. Я задираю низ его футболки и тяну ее вверх. Не прекращая поцелуи, я опускаюсь вниз, и когда оказываюсь на уровне оголенного участка кожи, открываю глаза и вижу огромный синяк, красующийся на его боку. Это то самое место, куда его по моей вине ударил тот подонок Вадим.

— Прости, — я так раскаиваюсь и, желая хоть как то загладить свою вину, нежно целую больной участок. Максим вздрагивает от моих прикосновений. — Тебе больно?

Вместо ответа Максим приподнимается и тянет меня к себе.

— Уже нет.

Я помогаю ему снять футболку, полностью обнажая его торс. Он прекрасен, а я, должно быть, лишилась последних крупиц разума, если собираюсь сделать все это. Если и вправду собираюсь строить с ним отношения.

— Не смей меня сейчас отталкивать, — мой шепот касается его губ, я направляю его

руки к своей огромной футболке, заставляя стянуть ее с себя. Максим не сопротивляется, он отбрасывает футболку в сторону и наслаждается моим обнаженным видом. Его сильные руки касаются моей талии, медленно и нежно поднимаясь вверх. Моя грудь идеально ложится в его ладони, мгновенно отзываясь на их умелые ласки. Я выгибаю спину, вздыхая и закрывая глаза. Неторопливо Максим начинает ласкать языком один сосок, осторожно зажимая его между зубами, заставляя меня тихонько вскрикнуть.

— Вот так, Бабочка, хочу слышать тебя, — дыхание Максима опалает кожу, я так хочу его, и готова кричать об этом. Я быстро устраиваюсь на его коленях, тянусь к шнуровке спортивных штанов.

— Нетерпеливая, какая ты нетерпеливая, — бормочет Максим, помогая мне стянуть с него остатки одежды. Боже, он буквально ослепляет меня, он великолепен, я схожу с ума от желания и от одного только взгляда на него. Снова перевожу взор на синяк, красующийся на его боку, и сердце сжимается от одной только мысли, что похожие синяки были у него еще в детстве. Сколько их было? Как часто он был вынужден терпеть побои от человека, который должен был его оберегать, давать самое лучшее, дарить любовь? Я снова прикасаюсь к этому месту, мне хочется исцелить его. Как жаль, что я не могу.

— Я хочу тебя поцеловать, — провожу руками по его великолепному телу, я бы могла целовать его всего, ласкать каждую клеточку его тела.

— Целуй, — выдыхает Максим и ложится на постель, теперь он смотрит на меня снизу вверх, и мне это нравится. Я начинаю свой путь с его губ, потому что они такие сладкие, потом подбородок, потому что он такой мужественный. Затем шея, потому что ему нравится моя, затем грудь, которая так идеальна, что я уверена, что никогда больше не смогу лицезреть нечто более прекрасное. Я целую мертвенно синее пятно, еще раз прося прощения.

— Ты не виновата, — слышу я хриплый голос Максима, но я знаю, что он врет, я очень виновата. Но я благодарна ему за эту ложь, она означает, что так он пытается меня защитить, он пытается меня оберегать. Я не собираюсь спорить с ним сейчас, я знаю это бесполезно. Все, чего я хочу, это чувствовать вкус его кожи у себя на языке. И я провожу им по его твердому животу, поднимаясь немного вверх. Мышцы Максима сокращаются, он тяжело выдыхает воздух, а я снова провожу языком, но теперь уже вниз.

— Оксана, — голос Максима предостерегающий, но я не даю ему договорить.

— Не смей меня отталкивать, Макс, не надо. — Я легонько касаюсь его уже затвердевшей плоти рукам. Не совсем уверена, правильно ли все делаю, но мне очень хочется попробовать. Сегодня, прямо сейчас, я хочу дать волю всем чувствам, которые держу внутри себя. Сегодня многое изменится, и я в том числе. Я осторожно касаюсь языком головки его члена, и он дергается в моих руках. Ух, ты! Мне это нравится. Я провожу языком от самого основания и даже прикрываю глаза, чтобы полностью насладиться его вкусом. Затем обхватываю его губами и медленно втягиваю его в себя. Он огромный, у меня ни за что в жизни не получится полностью поместить его у себя во рту, это так печально, и поэтому я начинаю помогать себе рукой. Я слышу, как Максим стонет, и эти звуки, как чудесная музыка для моих ушей, она радостно отдается в моем теле. Значит, я все делаю правильно. Сначала медленно, потом быстрее, как говорит Максим, главное, чтобы было приятно. И ему приятно, я чувствую, как его руки обхватывают мою голову, как он сладостно стонет, покачивая бедрами мне навстречу. Он действует грубо, так что я едва не начинаю задыхаться, но мне все равно нравится. Искусство минета — дело тонкое и сложное, но еще

оно очень приятное, и в этом я теперь убедилась. И когда Максим со сбившимся дыханием отстраняет меня от себя, а затем крепко целует в губы, я чувствую легкое недовольство, что меня прервали.

— Подожди минутку, — он вскакивает с постели, направляется к шкафу и быстро находит в нем презервативы. Пожалуй, еще никогда мне не приходилось видеть, чтобы человек мог делать все настолько быстро, и я начинаю смеяться, видя его прыть. Максим стремительно возвращается ко мне и снова целует, заглушая мой смех.

— Хочешь сама? — он протягивает мне упаковку, которую я беру и с усмешкой начинаю медленно вскрывать упаковку:

— Хочешь этого? Я знаю, что хочешь, — я ласково провожу по его синяку и с тоской в голосе продолжаю. — Вот только не уверена, в том ли ты состоянии?

— Маленькая язва, — его глухой и хриплый смех приятно растекается во мне. — Для тебя я всегда в нужном состоянии.

Максим разводит руки, предлагая мне лицезреть всю его готовность. О, да! Он очень готов, как и я сама. До безумия, до отчаянной дрожи во всем теле. Больше нет желания дразнить, есть только одно желание обладать им и отдаваться ему целиком. Мы больше не тратим время на пустые слова, только ласки, только поцелуи и наши тихие стоны. Я снова кладу ладонь на его грудь, чтобы ощутить трепет его сердца. Медленно я опускаюсь на него, наслаждаясь каждым прикосновением. Я соскучилась так сильно! Хочу много и хочу немедленно. Но еще я хочу наслаждаться каждой секундой, ощутить каждое самое маленькое его движение внутри меня.

— Наш первый раз в постели, Бабочка, — улыбается Макс, сжимая мои бедра, направляя их, подстраиваясь под нужный темп.

— Здесь довольно удобно, — тянусь к его губам, прикусываю нижнюю и затем облизываю ее.

— Надо будет повторить, — шепчет Максим, немного увеличивая темп.

— Да, отличная идея, — свой ответ я с трудом выдавливаю вместе со стоном, потому что именно в этот самый момент пальцы Максима касаются моего клитора, заставляя терять связь с реальностью. Меня накрывает с головой волна удовольствия, и все так быстро, но в тоже время мучительно медленно. Я обхватываю плечи Максима, впиваясь в его кожу ногтями, все слишком сильно, слишком... слишком хорошо, идеально. И когда я уже думаю, что не выдержу, как все внутри меня взрывается, и я чувствую такой же внутренний взрыв внутри Максима. Мой стон переплетается с его рычанием, когда кульминация настигает нас обоих. Со сладкой дрожью в ногах, стараюсь привести дыхание в порядок, и осознаю, что мы не только в первый раз занимались сексом в постели, это было больше похоже на занятие любовью. Максим бережно укладывает меня обратно на постель, целует в губы и, самодовольно ухмыляясь, шепчет моим обожаемым хриплым голосом:

— Хорошо было, да?

Я смеюсь, какой же он невыносимый в своей самоуверенности. Но пусть будет так, мне даже нравится. Всегда нравилось. Человек, который сумел пройти через то, что смог пройти Максим, может себе это позволить. И поэтому я только согласно киваю и улыбаюсь, а еще я задумываюсь, заметил ли сейчас Максим разницу, как заметила ее я?

* * *

Как многое может изменить один день или одна минута, или может всего пара фраз? Очень многое. Пугают ли меня перемены, даже если они несут в себе что-то такое

удивительное? Еще как пугают. Я провожу кистью по чистому листу бумаги. Несколько взмахов и этот лист уже никогда не будет таким же девственно белым. Смешивание красок, красный и синий, добавляю немного охры и новый мазок. Идеально. Сегодня на уроке живописи мы начинаем новый натюрморт, в этом году он будет последним. Сегодня я даже не стала делать предварительную зарисовку сильно разведенной водой охрой, как делаю это обычно. Я сразу приступаю к общему плану. Потому что знаю, что могу, знаю, что у меня все равно получится правильно скомпоновать все предметы. И даже маленькие погрешности меня не пугают, в конце концов, это ведь не графика. Я делаю пару шагов назад, чтобы лучше видеть свою работу в целом. Еще немного синего, дальше идет нежно голубой в белую полоску, потом край светло — коричневого стенда. И вот уже общий план готов. Фиолетовая и голубая драпировки красивыми волнами ложатся на стенд. По центру сложная розетка с растительным орнаментом, рядом в хаотичном порядке расставлены мелкие предметы — кувшины, чашки, пара гипсовых яблок и гроздь искусственного винограда в глубокой чаше. Что мне больше всего нравится в живописи? Конечно, смешение красок! Мне нравится смотреть, как смешиваются цвета, как в каждом цвете отдается другой, как они перекликаются друг с другом, создавая нечто удивительное и прекрасное. Я люблю все это, без этого не представляю себе ни дня. И все эти выходные я провела с человеком, который относится к живописи с такой же страстью, что и я. Да, как это ни странно, но мы смогли оторваться друг от друга, вылезти из постели и перейти в его студию и даже что — то попробовали написать. Вместе. Я вспоминаю этот момент с улыбкой, и мои щеки покрывает густой румянец.

— Хочу испробовать твою мастерскую, — я лежала на боку, пресыщенная ласками и полностью удовлетворенная, нежно поглаживая его рельефный живот.

— Прямо сейчас? — от удивления Максима мне стало смешно, и я прыснула.

— Ты обещал, что позволишь мне пользоваться твоей студией!

— Чего только не наобещает мужчина женщине ради хорошего секса, — следует его шутовское недовольное бормотание.

— На что только не пойдет женщина, чтобы получить желаемое! — я поднимаюсь и тяну его за руку. — Пойдем!

Максим окидывает меня вожделирующим взглядом, рассматривая грудь, живот, затем его взгляд опускается ниже:

— При условии, что ты будешь голой.

— Ты сексуально озабоченный извращенец, — шепчу я, наклоняюсь к нему и сладко целую. — Я могу замерзнуть.

— Я всегда могу тебя согреть, — он начинает ласкать мои груди, соски которых мгновенно твердеют, отзываясь на его прикосновения.

— Так ты будешь отвлекаться, — я прекрасно понимаю, как именно он может меня согреть. И пусть идея переместиться в студию уже не кажется мне такой привлекательной, но мы уже столько раз занимались сексом, три или может четыре раза подряд? Нам явно пора сделать передышку. И, несмотря на то, что я чувствую возбуждение Максима, которое сейчас упирается мне в бок, отзываясь во всем моем теле, я все же нахожу в себе силы, чтобы легонько оттолкнуть его. — Я снова накину твою футболку, а ты, если хочешь, можешь оставаться голым. Но ты все равно будешь знать, что под ней ничего нет, так тебя устроит?

Я соблазнительно улыбаюсь и провожу кончиками пальцев по его великолепной груди, нарочно задевая его соски, с удовольствием замечая, как он реагирует на это глухим стоном.

— Если голым останусь я, тогда отвлекаться будешь ты, — мурлычет Максим, притягивая меня к себе, и затем легонько прикусывает мою шею, и тысячи мурашек пробегают по моему телу.

— Какое самомнение, — я стараюсь сделать невозмутимое лицо, но у меня плохо получается, меня выдает охрипший от желания голос.

— Да, Бабочка, я знаю, о чем говорю, — его шепот обволакивает меня, и от наслаждения я прикрываю глаза.

— Хорошо, тогда ты можешь надеть штаны, — покорно соглашаюсь, потому что он прав. Вид обнаженного Максима, в самом деле, будет действовать на меня самым отвлекающим образом.

— Как скажешь. — Максим нехотя поднимается и натягивает спортивные штаны. Но вид его обнаженного торса действует на меня ничуть не меньше, чем, если бы он был полностью обнажен. Его сильные плечи и такая красивая мускулистая грудь буквально приковывают мой взгляд, заставляя думать о чем угодно, но только не о мастерской.

— Хотя, знаешь, — я медленно надеваю футболку, чувствуя на себе его обжигающий взгляд. И в ответ возвращаю взгляд не менее страстный. — Лучше и ты надень футболку тоже.

— И кто из нас сексуально озабоченный? — приподнимая бровь, спрашивает Максим, но просьбу мою выполняет. Мы беремся за руки и выходим из спальни. На какое-то мгновение, переступая ее порог, меня вдруг охватывает паника. Что, если, выйдя за дверь этой комнаты, то волшебство, что было между нами, останется за ее пределами? Но когда Максим обхватывает меня за плечи, а затем ласково поглаживает едва прикрытые футболкой мои бедра, паника отступает. Оказавшись в мастерской, я снова окидываю ее взглядом так, словно оказалась в ней впервые. Один из мольбертов повернут к стене, должно быть все та же картина, которую он обещал мне показать. Картина, на которую его вдохновила я. Интересно, что там? Я подхожу к мольберту, провожу рукой по его краю, но Максим аккуратно отстраняет меня и мотает головой. Он сразу понял мои намерения:

— Позже.

Ну что ж, придется согласиться, выбора у меня нет. Я иду, усаживаюсь на диван возле окна и наблюдаю, как Максим начинает приготавливать воду и кисти.

— Знаешь, этот диван очень непрактичен, — задумчиво произношу я, поглаживая его прохладную обивку.

— Потому что белый?

— Да, кто ставит в мастерскую белые диваны? Странно, что ты еще не заляпал его краской.

— Я люблю белый цвет. — Максим неопределенно пожимает плечами, а я вспоминаю ту картинку, нарисованную им будучи маленьким мальчиком. Там он лежит на кровати в темной, неубранной комнате. Возможно, из — за тех темных воспоминаний, Максим теперь хочет наполнить свою жизнь исключительно светлыми тонами? Ведь именно они преобладают во всей его квартире, а не только здесь в студии. Интересно, каким было то место, где он тогда жил? Я представляю себе грязную квартиру, пропитанную запахами спиртных испарений и вечного перегара. Но голос Максима не дает мне дальше развить эту фантазию:

— С чего хочешь начать? — Я иду к нему и обхватываю его плечи руками, как же приятно чувствовать всю мощь, что исходит от него:

— Быть может, попробуем, что-то сделать вместе?

— Мы много чего можем попробовать вместе, например ты снова сверху...

— Нет, — смеясь, я прикасаюсь к его лицу ладонями. — Ты, в самом деле, извращенец!

Просто сексуальный маньяк какой-то! Думаешь только об одном!

— Я нормальный, здоровый мужчина, Оксана, и видя тебя сейчас, просто не могу думать о чем-то другом. Ты такая невинно сексуальная, такая привлекательная в этой белой футболке, которая чертовски тебе идет, — переходя на хриплый шепот, продолжает Максим. И мне было бы так легко поддаться его уговорам, мы могли бы снова заняться любовью, именно любовью, потому что те нежные и неистовые ласки, что были между нами совсем недавно, не подходят под определение обычного секса.

— И все же давай попробуем, — не совсем уверенно прошу я, Максим возносит голову к потолку, точно я обрекаю его на вечные муки, и я снова смеюсь. Я помогаю установить ему мольберт, чтобы солнце падало на него более удачно.

— Масло, гуашь или акрил?

— Акварель, — я быстро выбираю вид краски.

— Смело для человека, у которого должно быть похмелье, — довольно замечает Максим, а я строю ему рожицу.

— Тогда вот, — он протягивает мне кисть, я провожу по ее мягким ворсинкам:

— Белка? — спрашиваю я.

— Угадала, для акварели она идеальна, — он криво ухмыляется и прикалывает на мольберт лист бархатной бумаги. — Ну, теперь можешь подурачиться.

— Для меня живопись никогда не была простым дурачеством, — я окунаю кисть в воду, затем выбираю цвет, а Максим тем временем берет еще одну кисточку, которая лежит рядом, и так же макает ее в воду.

— Не сомневаюсь, — его ответ серьезен и даже слегка отчужденный. Любопытно, о чем он задумался?

У меня цвет синий, я рисую небо, у Максима цвет красный, он рисует огромные огненные цветы снизу. Он стоит прямо за моей спиной, и те короткие прикосновения наших тел, что происходят случайно, а может и не очень случайно, заставляют снова и снова ощущать невероятную тягу к нему.

— Хорошо, да? — сама точно не знаю, что именно подразумеваю под этими словами, сам процесс творения на бумаге или то, как мы близко находимся.

— Угу, — похоже, теперь Максим полностью сосредоточен, и ему не до меня. И если бы не его поднимающаяся эрекция, которая начинает упираться мне в спину, я бы решила, что он обо мне совсем забыл. Но, когда в очередной раз Максим ополаскивает кисть, затем набирает новый цвет, он тянет вверх мою футболку, обнажая мои ягодицы, а я от удивления ахаю.

— Что ты делаешь? — нервно шепчу я.

— Собираюсь писать картину, — и легкое прикосновение прохладной мокрой кисти касается моей кожи. — Сними футболку, — хрипло просит Максим, и я повинуюсь. Я думала, что мне может быть холодно? Какая чушь, мне уже так жарко, что в горле все пересыхает, и я облизываю пересохшие губы.

— Ты можешь продолжать, — его теплый шепот касается моего уха.

— Кажется, я не могу, — и это правда, я застыла и не могу пошевелиться.

— Тогда стой и не двигайся, — легкие касания кисти опаляют мою кожу своей

прохладой.

— Холодно? — заботливо спрашивает Максим.

— Нет, — со стоном отвечаю я, что же он со мной делает? Это так чувственно эротично, я стала его холстом, на котором он творит свой шедевр.

— У тебя красивая спина, — легкие касания его кисточки действуют на меня так возбуждающе, что я даже не замечаю, как между бедер становится влажно. — Великолепная осанка и такая аппетитная попка.

Последние слова Максим произносит с таким вождением, что я не могу уже скрывать стонов рвущихся из меня наружу.

— Максим, пожалуйста.

— Что, Бабочка? — он продолжает дразнить меня, рисуя на моей спине новые узоры.

— Ты знаешь что.

— Нет, милая, скажи мне.

Ах, какой искуситель! Невероятно сексуальный искуситель. Все это он нарочно, я знаю. Что ж, в эту игру могут играть двое.

— Скажи мне, что ты сейчас рисуешь?

— Мм, тебя интересует именно это?

— Да, а что такое?

Легкое касание его губ на моей шее, и тело пронзает точно острой иглой сильное желание.

— Думал, быть может, ты хочешь чего-то другого. Но раз я ошибаюсь, — Максим отставляет кисти в сторону, а я чувствую разочарование, не нужно было дразнить. — Так тому и быть.

Он разворачивает меня к себе и спрашивает:

— Хочешь посмотреть, что получилось?

Я киваю, и он ведет меня в ванную. Единственное место, где есть зеркало. Он подставляет мне под ноги деревянную скамейку, чтобы мне было удобно видеть себя в зеркале. Я поворачиваю голову назад и вижу, как по моей спине распускаются цветы. Столько красок, и когда он только успел?

— Очень красиво.

— Знаю, — довольно соглашается Максим, он смотрит на меня с обожанием.

Я разворачиваюсь к нему и, немного скривившись, добавляю:

— Ты можешь хотя бы раз не быть таким самоуверенным?

— Поверь мне, рядом с тобой вся моя самоуверенность летит к черту, — его голос теперь звучит серьезно, и сердце мое замирает.

— Почему? — шепотом спрашиваю я.

— Быть может, потому что я готов целовать твои ноги? — и снова хищная самодовольная улыбка. Он подхватывает меня за бедра, и я обнимаю его за талию своими ногами, жадно впиваясь в его губы. Новая жаркая волна страсти накрывает нас, заставляя забыть обо всем на свете. Сейчас только я и он. И больше для нас ничто не имеет значения. Только наши тела, жадно переплетающиеся друг с другом. Мы словно желаем слиться воедино, быть еще ближе, быть внутри друг друга. Заполнить себя друг другом. И только наши тихие стоны, которые постепенно становятся громче, опять возносят до самых верхушек небес в такое отчаянное сладостное удовольствие.

— Оксана! — громко восклицает рядом проходящая Вероника Викторовна. И я, точно меня застучали за чем-то предосудительным, краснею еще сильнее, чем от своих недавних воспоминаний. Словно она могла прочесть все мои мысли и теперь укоряет за них. Не стоит думать о подобном во время пары. — Я вас просто люблю! Как живописно! Эти две драпировки уже выглядят так потрясающе!

Рядом с моим мольбертом мгновенно сгрудилась вся наша группа, решившая увидеть, что именно так поразило учителя.

— Вы только посмотрите, — продолжает она, плавными движениями водя вокруг отдельного кусочка рисунка, — насколько потрясающе переданы цвета и полутона. Такой кусочек не грех повесить к себе на стену домой, я бы повесила.

От удовольствия я вся расплываюсь в улыбке.

— Оксана, у вас настоящий талант! Рисуйте дальше, и ради Бога никогда не прекращайте этого делать. Потому что стоит перестать рисовать хотя бы на один день, и считайте, что вы потеряли целый месяц ваших упорных стараний.

Она всегда говорит нам эти слова, это уже что-то вроде ее личной фишки. Да уж, да если я и захочу прекратить рисовать, то все равно не смогу этого сделать. Если в моей руке долго нет кисти или карандаша, ее начинает ломить как от боли. Слова Вероники Викторовны мне очень приятны, ее мнение вообще очень важно для меня, ибо нет более строгого и трудолюбивого учителя, чем она. Я хорошо помню, как нас пугали, когда отдали ей нашу группу. Говорили, что с ней нам придется столько работать, что нам и во сне не снилось. Что больше всего она не терпит лень и глупость. И под ее началом мы проведем много бессонных ночей, выполняя все ее задания. Все это оказалось правдой, но мне настолько комфортно работать с ней, что лучшего преподавателя по живописи я для себя не вижу. И, несмотря на ее требовательность, ее уроки для меня одни из самых любимых.

Когда пара подходит к концу, и мы начинаем убирать мольберты к стене, ко мне подходит Таня Полякова, невысокая брюнетка с вечными розовыми заколками на голове. Она хорошая и дружелюбная девушка, мне она симпатична:

— Оксана, ты с нами?

— Что с вами? — не совсем понимаю я.

— А ну да! Тебя же в субботу не было. Неужели прогуляла? — лукаво улыбается она.

— Нет, я просто плохо себя чувствовала. Наверное, чем то отравилась, — ну что делать, приходится врать. Правду сказать я все равно не смогу. К тому же доля правды в моих словах все же есть, я действительно здорово отравила себе мозги, напившись этим шоколадным взрывом.

— А! Ну да, ну да, — понимающе качает она головой, — так вот, у нас намечается одно мероприятие на выходных.

— А точнее мега мероприятие, — отзывается другая студентка. — Мы хотим немного расслабиться, выпить, снять стресс перед экзаменами.

— Ясно, и что конкретно вы задумали? — я складываю руки на груди, не совсем уверенная, что это может быть хорошей идеей. Не после того, как я совсем недавно переборщила с алкоголем.

— Снять домик на турбазе, — с горящими от предвкушения глазами рассказывает Таня, — на сутки. Вечером в субботу приедем, а в воскресенье уедем. Мы уже все разузнали и даже посчитали по сколько складываться. Ну, ты с нами? Давай! Когда еще так получится выбраться?

— Может лучше после всех экзаменов? — делаю я предложение.

— Нет, половина группы сразу же разъезжается кто куда, к тому же нам точно нужен отдых, — настаивает Таня. — Ты и сама понимаешь, какой тут сейчас напряг. Нам просто необходимо снять напряжение!

Я помню, чем закончилась последняя моя вылазка с друзьями, и содрогаюсь от этого. И хотя, теперь воспоминания потихоньку начинают блекнуть, все равно думать об этом неприятно, и сомневаюсь, что когда-нибудь это изменится. Хотя, похоже, никто из всех, кто там был уже, и не вспоминает о том инциденте, и может, в самом деле, пора вернуться в нормальную студенческую жизнь?

— Думаю, Оксана не сможет, ей нужно заниматься. Ей ни в коем случае нельзя прекращать рисовать ни на один день, — вставляет ядовитые слова Лариса, поглядывая на меня нахальным взглядом, вертя кисточку в своих руках.

— Хорошо, я с вами! — сама даже не понимаю, когда успела дать команду открыться своему рту.

Таня радостно вскидывает вверх кулачки:

— Ребят! Оксана тоже с нами! — кричит она на всю аудиторию, пританцовывая. И все так же весело ее поддерживают. Это приятно, я даже удивлена от того, насколько это приятно. Но сразу мысленно даю себе обещание пить только лимонад или сок. Все дружно начинают обсуждать, как нам будет весело, надеясь, что погода не подкачает и день будет таким же солнечным, как и все предыдущие дни. И только у Ларисы такая скучная мина, что мне до чесотки на языке необходимо что-то съязвить в ее сторону:

— Ларис, ты что лимон съела? Аж всю тебя перекосило, — сочувственно смотрю на нее и, видя, как выражение ее лица тут же сменяется на удивленное и даже испуганное, мысленно шлю ей: «Выкуси, стерва!»

— С тебя тысячу рублей, — Таня касается моего локтя, пытаюсь обратить на себя внимание, — нужно отдать до пятницы. Потому что в пятницу мы поедем закупаться.

— Не нужно ждать до пятницы, — я лезу в сумку и достаю из кошелька купюры. — Держи.

— Круто! — Таня убирает деньги к себе и записывает мое имя к себе в блокнот с пометкой «сдала».

Вот и все, первый шаг сделан, Оксана. Я мысленно себя хвалю и пытаюсь напомнить, что теперь все будет по другому.

Вернувшись домой и быстро переодевшись в домашнюю одежду, я решаю немного разобрать завал на своем рабочем месте. У Максима такая завидная чистота и порядок, что мне впервые стало как-то неловко за свой вечный творческий хаос. До меня только сейчас доходит, что согласившись ехать вместе со всеми на турбазу, я упускаю возможность провести выходные рядом с ним. И мне уже хочется позвонить Тане и сказать, что я передумала, но я нахожу в себе силы, чтобы этого не делать. Скорее всего, провести один день вдаль друг от друга, будет нам даже полезно. Не стоит настолько глубоко погружаться в другого человека, а у меня и так в последнее время все мысли только о нем. Я подхожу к письменному столу и тут же вляпываюсь ногой в оставленную на полу лужицу краски,

которую не захотела вытереть сразу.

— Черт! — вырывается из меня ругательство, мама права, в моей квартире порой лучше обувь не снимать, а мне теперь придется переодеть носки. Но мне лень, поэтому я их просто снимаю и отбрасываю в угол. Уберу позже, как только закончу перебирать на столе, решаю я.

Разгребая кучу листов и складывая инструменты для рисования по местам, я натываюсь на журнал «Бизнес леди», бегло пролистываю его и останавливаюсь на наших с мамой фотографиях. Одинаковые черты лица, отлично откорректированный фотошопом мой цвет волос, куча косметики на моем лице, и я копия своей мамы. Я усаживаюсь на компьютерный стул, поджав под себя ногу, и начинаю бегло просматривать статью. В ней говорится о том, как молодая и такая сильная женщина как моя мать, сумела поднять свой бизнес с нуля. Ну да, фыркаю я, с деньгами отца это было не так уж и сложно. К тому же эта сильная и такая привлекательная женщина смогла вырастить талантливую дочь, подающего большие надежды молодого дизайнера, то есть меня. И снова я фыркаю, еще неизвестно какой будет из меня дизайнер. А вот дальше стало интересней, маму спрашивают, какое достижение Валентина Валевская считает самым главным в своей жизни, чем она гордится больше всего? И она отвечает, что главная гордость в ее жизни это ее дочь.

— Уф, — я громко выдыхаю воздух, и что — то теплое зарождается у меня в груди, но я тут же отталкиваю это чувство. — Да ты меня почти и не растила мама!

Я презрительно отбрасываю журнал в сторону, думаю, я его выброшу. Зачем он мне? Он мне совсем не нужен, и пусть там мама распинается о своей материнской гордости дальше. Где она была, когда была так нужна мне? Возможно, я не права, и мне нужно быть благодарной за то, что у меня такие родители. Вот Максиму было гораздо сложнее, да что там говорить, его детство было ужасным. Мое сердце болезненно сжимается всякий раз, как я начинаю думать о том, через что ему пришлось пройти. И несмотря ни на что, он вырос таким сильным и умным, и он так талантлив! А еще я поражаюсь его силе и смелости. Максим заслуживает глубокого уважения уже за то, что сумел пройти сквозь все преграды и добиться всего того, что он сейчас имеет.

Я задумываюсь, и вот, что мне любопытно. У Максима довольно приличное жилье, несмотря на то, что это всего лишь квартира студийного типа, она довольно просторная. У него хорошая машина, и его одежда явно не из дешевых магазинов. И пусть его Лексус, может, стоит дешевле того кричаще красного Мазератти, но видно, что деньги у Максима водятся и не малые. Вопрос откуда? И я непременно хочу это узнать. Не думаю, что обычный художник может так зарабатывать. Тут что есть еще, но только что?

«Максим», — его имя сладко ложится на мои уста. Мой сильный и глубоко израненный внутри мужчина. Мой, только мой. Это так приятно звучит в голове, наверное, еще приятней произнести это вслух. Меня ненадолгохватило с уборкой, слишком увлекшись своими размышлениями, я сама не заметила, как отыскала небольшой лист бумаги и стала делать наброски, уютно устроившись на диване. Конечно, на каждом из них запечатлена его мужественная фигура. «Максим», — снова проносится в моей голове, пожалуй, нужно сообщить ему, что я еду на выходные с друзьями за город. Это ли не повод, чтобы приехать к нему сейчас? Мои губы растягиваются в улыбке, конечно, повод. Я должна ему сообщить об этом лично, ведь я его девушка. Я начинаю нервно хихикать, это так странно, даже не верится, что все это происходит со мной. Вот она — моя весна, пришла вместе с появлением этого удивительного мужчины.

Так вкусно пахнет теплым солнцем, новой свежей зеленью, оттаявшим снегом, который еще лежит в самых темных уголках дворов. Совсем скоро и он растает, стоит пройти теплому дождю, и от него не останется и следа. Я доехала до квартиры Максима, ни разу не глянув в сторону навигатора, да я просто молодец! Конечно, он не очень будет рад, когда узнает, что мои планы на выходные не включают его самого. Я могла бы взять его с собой, могла бы, по крайней мере, предложить ему это. Уверена, многие девчонки возьмут с собой своих парней. Но Максим слишком известная для них личность. И пусть мне греет душу одно только представление о том, как могут вытянуться их лица, если бы я только осмелилась появиться с ним туда под руку, показывая, насколько я смогла двигаться дальше, это все равно плохая идея. Глупо самоутверждаться за чей то счет.

Притормозив у подъезда, я радостная выхожу из машины и непривычно громко хлопаю дверью. Повернувшись лицом к зданию, сразу замечаю знакомое лицо, это Вадим. Вальяжной походкой он выходит из подъезда и тоже видит меня. Я с удовольствием замечаю, что его разбитый нос отлично портит его смазливую физиономию. Я делаю несколько шагов вперед, пытаюсь сделать вид, что не узнала его, надеюсь просто пройти мимо, но Вадима это не смущает, он ловко преграждает мне путь. Он тоже меня запомнил.

— Знакомые все лица! — он подходит ко мне так близко, что мне сразу хочется сделать пару шагов назад, но я стойко остаюсь на месте. Ну что за черт!? Все хорошее настроение коту под хвост. — Такая очаровательная девочка и сама лезет туда, куда не следует?

— Что вы имеете в виду? — спину покрывает холодный пот, теперь я точно знаю, что от этого типа хорошего ждать не приходится. Но, несмотря на это, стараюсь не показывать, как на меня действует его столь близкое присутствие.

— Для такой милашки, Макс не лучшая пара, — он так сочувственно качает головой, что мне хочется двинуть по его уже разбитому лицу. Пожалуй, еще один фингал под глазом будет украшать его еще лучше. — Жаль, нам не удалось с тобой поболтать в тот памятный вечер. Могли бы познакомиться с тобой поближе. — Он наклоняется ко мне так, что я могу почувствовать на себе его дыхание, и я съеживаюсь от неприятного ощущения его близости. — Уверяю, я во многих смыслах лучше Макса.

— Ты о том памятном вечере, когда тебя отправили в нокаут? — мило спрашиваю я, резко переходя на «ты». Лицо Вадима темнеет от гнева, и он шипит сквозь крепко сжатые

зубы:

— Не стоит так грубо со мной разговаривать, можешь пожалеть.

— Сильно сомневаюсь, — я грубо отталкиваю его от себя, чтобы пройти мимо. Но он так же грубо хватается за мою руку.

— Ну что же ты сразу убегаешь? Ты, правда, такая пугливая? — злорадно шепчет Вадим мне в самое ухо. — Я могу многое тебе рассказать о Максе, чтобы ты была в курсе его некоторых предпочтений. На тот случай, если не хочешь надоесть ему так же быстро, как остальные.

— Мы с ним просто друзья, — сама не знаю, зачем я соврала, но какой — то внутренний колокольчик звонит во мне с предупреждением.

— Ну конечно, друзья, — его пропитанный злорадством голос, заставляет меня съежиться еще сильнее. — Так приятно трахать своих друзей, — он резко отпускает мою руку, и я, освободившись, тут же отворачиваюсь и быстрым шагом устремляюсь к подъезду, — ведь так, Оксана? — кричит он мне вслед.

Меня точно холодной водой из ведра окатили. Откуда он знает мое имя? Я медленно оборачиваюсь и вижу его усмехающийся злорадный взгляд. Он подмигивает мне, а я выставляю средний палец в его сторону и быстро набираю номер квартиры по домофону. К счастью щелчок открытия двери не заставляет себя ждать, и я быстро захожу внутрь. Оказавшись в прохладе темного помещения, я пытаюсь успокоиться и унять быстро скачущий ритм своего сердца.

На площадке у лифта меня встречает Макс:

— Оксана? — его недовольный вид быстро сменяется на приятное удивление.

— А ты ожидал снова увидеть Вадима? — я быстро прохожу мимо него прямо в студию и поспешно скидываю обувь возле двери. Максим следует прямо за мной, а я, разувшись, прохожу в студию, и, усевшись на диван, принимаю воинственную позу.

— Он тебя чем то расстроил? Что он сказал? — настороженность Максима заводит меня еще больше.

— Сказал, что ты мне не подходишь, — я складываю на груди руки и выжидающе смотрю на него, я жду, что он мне ответит. Максим вздыхает, и мне кажется, что делает это словно с облегчением. Он подходит ко мне и опускается рядом со мной на диван.

— Мне жаль, что ты его встретила, — он ласково проводит рукой по моей щеке, но я убираю ее в сторону.

— А еще, он намекнул о каких — то твоих предпочтениях, без которых тебе со мной будет скучно, — что то вырывается наружу в его взгляде, но я так и не смогла понять что именно, Максим быстро сумел нацепить безразличную маску.

— Понятия не имею о чем он. Возможно, просто хотел нас поссорить.

— Зачем ему это нужно? Неужели все никак не успокоится? Что он вообще здесь забыл?

— Ничего интересного, поверь мне.

— Как я могу верить тебе, когда вижу, что ты что-то от меня скрываешь? — я с недоумением смотрю на него, Максим откидывается назад и теперь буравит меня взглядом.

— А что на счет тебя?

— А что на счет меня?

— Не хочешь поделиться, например тем, откуда в тебе это вечное желание убежать?

Я застываю и уже жалею, что приехала. Максим продолжает на меня пристально смотреть.

— Глупости, — несколько нервно выдыхаю я.

— Нет, это не глупости. В отличие от тебя, я был более, чем откровенен. Хочу в ответ того же от тебя.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Понимаешь, просто не хочешь рассказывать. Этот твой взгляд, еще тогда, при нашей первой встрече, в нем было столько голода, столько желания и отчаяния. Я хочу понять тебя, Оксана. Стоит только копнуть внутрь тебя, стоит мне только чуть приблизиться к твоим тайнам, как тебя начинает буквально колотить. Так в чем причина? Что такого страшного у тебя произошло?

— Так нельзя Максим, — я качаю головой. Конечно, он прав. Он имеет полное право требовать от меня откровенности после всего того, что сам рассказал мне.

— А как можно? Я хочу знать, что творится в душе моей девушки, разве это плохо? — эти его слова, то, как он называет меня своей девушкой, действуют на меня так сильно, и от страха, что он может, что-то обо мне узнать, заставляют мой мозг работать в усиленном режиме. Срочно переключить его внимание!

— На выходные я уезжаю вместе со своей группой на турбазу.

— Что?

— Эти выходные мы проведем не вместе.

— Это один из твоих очередных способов убежать? — приподняв брови, спрашивает Максим.

— Вовсе нет, я, в самом деле, подумала, что мне стоит немного отвлечься, отдохнуть и пообщаться с друзьями.

— Отвлечься и отдохнуть от меня?

— Нет! — мой голос неожиданно звучит громче, чем я того хотела. — Нет, вовсе нет, — более спокойно повторяю я. Сделав глубокий вдох, я решаюсь: — Ты прав, когда-то, не так давно меня очень обидели, и я все еще не совсем пришла в себя.

Я вижу, что Максим уже хочет задать какой — то вопрос, и быстро накрываю его рот своей ладонью:

— Но, пожалуйста, ни о чем меня сейчас не спрашивай. Мне не хочется об этом вспоминать.

Максим прижимает мою руку к своим губам и страстно ее целует.

— Я могу помочь тебе излечиться от ран, — в глазах начинают мелькать озорные искорки.

— Боже! Ты что намекаешь сейчас на секс? — с облегчением и с улыбкой спрашиваю я, убирая свою руку от его лица.

— Какая же ты озабоченная извращенка! — сокрушенно качает Максим головой, — все мысли только об одном.

— Я думала, мы уже решили, что это у тебя все мысли только об одном, — я чуть склоняю голову набок, и немного наклоняюсь к нему. Воздух вокруг начинает наполняться электрическими разрядами, сгущается от накала накатившей внезапной вспышки пропитанной чувственностью страсти.

— Когда ты рядом, моя нежная, сладкая Бабочка, не может быть иначе, — его рука медленно скользит по моему бедру, поднимаясь выше к краю моей джинсовой юбки.

— Максим, осторожней, — шепчу, — я пока не могу.

— Ты мне отказываешь?

— В этом есть свой плюс, теперь мы знаем, что я точно не беременна.

Максим непонимающе смотрит на меня, а когда до него доходит смысл моих слов, то он лишь тихо выдыхает:

— Да, небольшой плюс в этом есть. А я — то уже подумал, что ты снова убегаешь.

Я опускаю голову и смотрю на свои руки, потом мой взгляд перемещается на его руку, которая так и осталась в нескольких миллиметрах от моей юбки. Он ласкает мою ногу, слегка сжимает ее:

— Ты в порядке?

— Да, все нормально. Просто этот Вадим, он меня пугает, — честно признаюсь я, поднимая на него глаза.

— Ничего не бойся, пока я с тобой, все будет хорошо.

— Я тебе верю, — улыбаясь, я слегка прикусываю нижнюю губу, — вот видишь, какой у нас прогресс!

— Да, прогресс на лицо, — шепчет Максим.

Телефон в заднем кармане моей юбки начинает вибрировать, и я его достаю, звонит мама. Это интересно, хотя нет, совсем неинтересно. Но делать нечего, на звонок все же нужно ответить.

— Это мама, — я показываю Максиму экран телефона, — нужно узнать, что она хочет.

Максим задумчиво кивает и оставляет меня одну, сказав, что принесет, что-нибудь выпить, что было бы очень кстати.

— Привет, мама! — бодрым голосом отвечаю я.

— Оксана, как ты могла меня обмануть! — расстроенный голос матери без приветствий тут же обрушивается на меня с обвинениями. — Ты все знала про эту грязную связь своего отца с этой девчонкой, а мне ничего не сказала!

Я закатываю глаза, ну все, понеслась!

* * *

Есть же люди, которые думают, что весь мир должен крутиться только вокруг них. Так вот, моя мама, Валентина Дмитриевна Валевская, одна из них. И сейчас, когда папа сумел найти себе женщину, с которой он счастлив, пусть она и значительно моложе его, а ее дочь скрыла от нее сей факт, моя мама уверена, что мы оба ее предали. Смешно? Нисколько. Тот поток неоправданных обвинений, что вылился на меня сейчас, смешным мне не кажется абсолютно.

— Ты же моя дочь, ты должна была мне все рассказать! — с неподдельной горечью в голосе говорит мама.

— Я не думала, что там все серьезно, — я пытаюсь ее успокоить, и если для этого снова придется немного соврать, то я на это согласна. Да, я сразу поняла, что отношения отца и Алины не простая интрижка, потому что иначе я бы о ней даже не узнала. Но он привел ее в дом, и, по всей видимости, не прочь, чтобы мы с ней подружились. — Я не хотела тебя волновать рассказами о личной жизни папы.

— Волновать? С чего ты взяла, что меня волнует личная жизнь твоего отца? — возмутилась мама.

— А разве нет? — вот теперь я ничего не понимаю, я то уже начала думать, что это все ее женская ревность. И теперь она заявляет, что ее это вообще не волнует, тогда в чем собственно дело?

— Конечно, нет, — презрительно фыркнула мама и наставническим тоном

продолжила, — но у нас есть общие друзья, с которыми мы часто пересекаемся. Пойдут слухи, они уже пошли! Ты думаешь, мне приятно узнавать о новой любовнице твоего отца вот так, из третьих уст? И это в то время, когда моя дочь уже была в курсе?

Я вздыхаю, ну что сказать, тут она, пожалуй, права. Она снова заставляет меня чувствовать себя плохой дочерью, не сумевшей оправдать ее надежды.

— Мне очень жаль, — снова повторяю я, потому что не знаю, что сказать ей еще, и в глубине души надеюсь, что на моих извинениях она, наконец, успокоится. — Я правда не думала, что все у них будет серьезно.

— Оксана, — мне это кажется или я только что услышала ее всхлип? — Я знаю, что вы втроем ужинали!

О, нет! Откуда она обо всем знает?

— Твой отец мне все рассказал, — и снова обида в голосе. А мне уже хочется провалиться сквозь землю. Ну почему я сразу ей все не рассказала? Мое внимание от разговора отвлекает вернувшийся Максим, в руках он держит два стакана, и один из них он протягивает мне. Надеюсь, там что-то алкогольное? Но нет, я делаю первый глоток и понимаю, что это всего лишь фруктовый сок. Я выпиваю почти половину, а мама уже нервно зовет меня в трубку:

— Оксана? Ты меня слышишь?

— Да, мам, я все еще здесь. И думаю, что тебе не стоит так переживать, тебе нужно немного остыть.

— Нам нужно встретиться и обо всем поговорить. Я могу сейчас к тебе приехать, я уже у самого выхода.

— Нет, мам! — быстро останавливаю ее я, — я сейчас не дома.

— А где ты?

— Мм... Я в гостях.

— В каких еще гостях? — не понимает она.

— Мам, честно, давай потом поговорим ладно? Я тебе перезвоню, обещаю. Я, правда, очень занята сейчас, — я морщу свой лоб и потираю виски, похоже, от разговора с матерью у меня начинается мигрень.

— Хорошо, тогда вечером. Я заеду после семи, будь дома, — и не дав мне сказать что-то еще, она обрывает связь.

Я закрываю глаза и чувствую, как силы буквально покидают меня.

— Тяжелый был разговор? — спрашивает Максим и приобнимает меня за плечи, а я с удовольствием прижимаюсь к его сильному и крепкому телу.

— Не то слово, — со вздохом подтверждаю я и решаю отключить телефон. Больше никаких звонков от мамы и кого бы то ни было другого.

— Не хочешь поделиться? — задумчиво спрашивает Максим, зарываясь носом в мои волосы. Я слегка напрягаюсь, словно боюсь, что все наши семейные передраги вылезут наружу, но тепло, исходящее от Максима, так благотворно влияет на меня, что я снова расслабляюсь.

— А тебе это будет интересно?

— Да.

Такой простой ответ, но такой уверенный, и я все выкладываю ему как есть. Как первый раз застала Алину с папой, как нагубила ей, даже рассказала о том, как мы с ней случайно встретились в магазине и вроде даже немного подружились. Рассказала о разводе родителей

и про их вечную занятость, и невозможность, а может нежелание, заниматься собственной дочерью. И что самое удивительное, я даже смогла поделиться тем, как часто чувствовала себя ненужной и одинокой. И мне стало легче. Может, потому что Максим молча слушал, не перебивая? Нет, все дело в том, что, как оказалось, делиться с ним подобными вещами было даже приятно. Я смотрю на Максима, как он задумчиво потирает подбородок и выдает интересную фразу:

— Так вот почему ты тогда вернулась. Застала отца с любовницей, расстроилась и поехала ко мне, чтобы отвлечься?

Упс! Как-то неловко вышло, и я, чтобы сгладить ситуацию, крепко сжимаю его руку. Не хочу, чтобы он все видел именно в таком ключе:

— Максим, ты же понимаешь, что если бы я не хотела этого на самом деле — то не приехала.

— Да, все в порядке. Я всего лишь пытаюсь тебя понять. — Максим слабо улыбается, но мне кажется, что он все же немного уязвлен от осознания, что, если бы не мое сильное эмоциональное расстройство, то я бы могла так и не приехать. И тогда возможно между нами ничего не было бы. И я не сидела бы сейчас рядом с ним, ощущая его силу и поддержку. — У тебя вполне нормальные, обычные родители, просто они очень заняты, как я понял, — продолжает он задумчиво, — мне жаль, что тебе уделяли мало внимания, но думаю, что они тебя все равно очень любят. Просто нужно ценить это, хорошо?

Его взгляд может показаться несколько безразличным, а интонация слов и вовсе без каких либо эмоций, но я уже хорошо улавливаю в них каплю печали. Его голос становится чуть более хриплым, чем обычно, и это означает, что в душе Максима все не так спокойно, как он хочет показать. А мне так хочется увидеть, что там у него внутри, суметь залатать каждую болезненную рану, поцеловать каждый шрам, но я не могу. По крайней мере, пока. Сейчас я могу лишь взять его красивое лицо в ладони и нежно поцеловать его плотно сжатые губы.

— Я ценю и буду это ценить, обещаю, — шепчу я, ласково проводя по его губам языком, и Максим принимает мои ласки, открывая свой рот мне навстречу, и наши языки сплетаются в буйном танце. Максим пересаживает меня к себе на колени, и мне так это нравится! Нравится чувствовать его как можно ближе, соприкоснуться кожа к коже, как можно больше, чаще. Наши поцелуи заставляют меня забыть обо всем на свете.

— Тише, сладенькая, — не очень сильно протестует Макс, когда я начинаю поглаживать его грудь через майку. — Я ведь могу тебя и не отпустить сейчас, закрыть у себя на всю неделю, да и на все выходные, и катитесь все планы с друзьями к черту.

— Ой-ой-ой! Значит, мне нужно остановиться и как можно скорее, — я игриво продолжаю, потому что не хочу останавливаться, и пусть закроет меня здесь на все выходные и не выпускает вообще! Как жаль, что уйти все равно придется, а впереди меня еще ждет разговор с мамой, уж не знаю, что именно она хочет обсудить? Хотя нет, я догадываюсь. А так хорошо было бы остаться здесь с Максимом и сидеть на его коленях, и я даже согласна, чтобы меня снова использовали вместо холста. Когда я рядом с ним, весь мир словно замирает, а все плохое и гнетущее начинает отступать. Остаются только наши прикосновения друг к другу и звуки страстных поцелуев. И пусть мы часто ссорились и ругались, много раз переходили на повышенные тона, все равно у меня такое ощущение, что никто не понимает меня так, как это делает Максим.

— Ты будешь по мне скучать? — с запинкой спрашиваю я, с трудом отрываясь от его

губ. Может, вопрос глупый, я не знаю точно, но мне хочется его задать.

— Буду.

— Я тоже, — и еще теснее прижимаюсь к нему.

— Обещай, что приедешь сразу же ко мне, прямо с турбазы, — удивительно, но Максим сейчас не требует, он просит. Это так не похоже на него.

— Но мне нужно будет еще заехать домой, переодеться, сходить в душ, подготовиться к новой учебной неделе. Экзамены на носу, — довольно вяло протестую я.

— Душ можешь принять со мной, — его губы прямо возле моего уха, и его теплое дыхание щекает меня, наполняя приятным внутренним теплом. — А с экзаменами мы разберемся.

— Заманчиво... — мой шепот еле слышно.

— Приезжай, — не сдается Максим, все больше и больше очаровывая своим хриплым голосом, — я приготовлю для тебя сюрприз.

— Сюрприз? Это интересно, — внутри все вспыхивает от желания узнать, что он мог придумать.

— Но ни о чем сейчас не спрашивай, иначе ничего не выйдет, — его руки поглаживают мои бедра, то ласково и нежно, то со страстной силой сжимая их.

— Приеду, — я соглашаюсь, а как иначе? Ведь я сама этого очень хочу.

Как бы мне не хотелось остаться с Максимом на весь вечер, но уезжать все равно нужно, и пусть осталось между нами так много нерешенных вопросов, и кажется, что, несмотря на все откровенные разговоры Максима о себе и его прошлом, я чувствую, что есть что-то еще. Что-то тайное и темное. Но я устала от всех этих тайн, как его, так и от своих собственных. И по крайней мере сегодня решаю оставить все как есть. И на протяжении всего оставшегося с ним времени больше ни о чем не спрашивала.

В половину седьмого я оказываюсь дома и не успеваю даже переодеться в домашнюю одежду, как кто-то уже звонит в мою дверь. Неужели мама не вытерпела и приехала раньше, чем говорила? Но за порогом оказывается мой отец.

— Папа? — я удивленно моргаю, — какими судьбами, вроде не договаривались?

— А я не могу заглянуть к родной дочери просто так, без предупреждения? — делает возмущенный вид папа.

— Ну, тебе виднее, — я пожимаю плечами и отхожу в сторону, чтобы дать ему пройти внутрь. Я знаю, что скоро придет мама, и прямо сейчас гадаю, сказать ему об этом сразу или уже ближе к семи, когда она уже должна будет появиться, и их столкновение будет почти неизбежным? Я так редко вижу их вместе, что мне иногда кажется, что они и вовсе абсолютные незнакомцы друг для друга. Странное чувство по отношению к своим родителям.

— На самом деле я хотел тебе сообщить, что говорил с твоей мамой, — папа выглядит немного удрученным и даже немного виноватым, что ж, есть от чего. — Я пытался дозвониться до тебя, но твой телефон выключен.

— Да я его отключила, — я киваю, мол, ничего такого особенного в отключенном телефоне среди бела дня нет. — И да, я уже в курсе, что мама обо всем в курсе, и она скоро будет здесь, и мы все вместе сядем и начнем дружеский семейный разговор, — я не могу удержаться от сарказма, но все равно стараюсь сделать вид, словно разговор с мамой меня совсем не расстроил. — Хочешь пока выпить чаю или быть может что покрепче?

— А у тебя есть что покрепче? — удивляется отец.

— Конечно, нет, — хмыкаю я, — но тебе бы не помешало после разговора с ней верно?

— Да все в порядке, твоя мать взрослый человек, она все поймет, как только остынет. Думаю даже, что она уже все поняла и переосмыслила.

— Возможно, — лично я в этом сильно сомневаюсь, да думаю что и отец тоже, скорее он просто хочет успокоить и меня, и себя. Мы проходим на кухню, и я ставлю чайник, но не успеваю он вскипеть, как снова в мою дверь звонят. Приехала мама, и я открываю ей дверь. Она входит с лицом, полного недовольства, и я понимаю, что была права, она не успокоилась и по-прежнему считает, что все против нее. А когда она видит моего отца, сидящего за столом с невозмутимым видом, наливающего себе чай, она и вовсе останавливается как вкопанная, а на ее идеальном лице отражается еще большее недовольство, чем раньше.

— Это ты его позвала, зачем? — обвинительным тоном спрашивает она, поворачиваясь ко мне. — Это что специально?

— Валя! Я не знал, что ты будешь здесь, и Оксана меня не звала, откуда такие нелепые мысли? — папа старается быть спокойным, но, как всегда, когда они встречаются, между ними словно поднимается буря страстей, выход которой возможен только через ссоры и взаимные упреки. Ну не могут они спокойно договаривать, по крайней мере, я этого уже не помню. И вот не прошло и нескольких минут, как воздух вокруг них начинает накаляться.

— Лучше ты скажи мне, откуда у тебя такие нелепые мысли, что спать с девчонкой, которая годится тебе в отцы, хорошая идея? — вопрошает мама, грозно вперила взгляд в

моего отца.

— Валя! — предостерегающе рычит отец. — Алина взрослая женщина, и я с ней не просто сплю, как ты выразилась. Она женщина, к которой я питаю настоящие, искренние чувства.

— Искренние чувства? — усмехается мама.

— Да, искренние. Хотя, кому я это все говорю, ведь ты понятия не имеешь что это такое!

Мама возмущенно ахает:

— Да как ты смеешь мне это говорить?

— Смею, еще как смею. И я не понимаю, в чем твоя проблема? — Отец с грозным видом поднимается из-за стола, принимая при этом воинственную позу.

— Мам, ну правда, — пытаюсь я вклиниться в их разговор, пока они еще не начали переходить на крик. — Папа имеет право строить свою личную жизнь как хочет. Точно так же, как ты имеешь право строить свою.

— Подожди, Оксана! — прерывает меня мама раздраженным тоном и, снова обращаясь к отцу, продолжает: — Ты же прекрасно понимаешь, что она тебе не подходит! И рано или поздно, она все равно уйдет от тебя. Она молодая вертихвостка, которая через тебя пытается пробиться по служебной лестнице вверх.

— Не мели чушь, с ее-то умом, это ей ни к чему, — огрызается папа, — и Алина не из таких, она порядочная девушка, чистая и открытая. И ей бы никогда в голову не пришли подобные мысли, в отличие от тебя!

— Мам, пап! Пожалуйста, давайте вы не будете ссориться, — я изо всех сил пытаюсь их успокоить, но у меня ничего не выходит, они просто не слышат меня, продолжая наседать друг на друга. Я словно опять становлюсь маленькой девочкой, которой хочется спрятаться в своей комнате, чтобы не быть свидетелем родительских скандалов. Медленно качаю головой, все бесполезно, они снова полностью поглощены своими обвинениями, поглощены личными обидами и своим вечным желанием быть правым, несмотря ни на что. Каждый их скандал заканчивается одинаково — один из них хлопает дверью, а я в очередной раз оказываюсь между двух огней. Я делаю несколько шагов назад и тихо обуваюсь. Выхожу за дверь и запираю дверь на замок. Злорадно ухмыляюсь горькой улыбкой. У моей двери есть очень интересная особенность, запирая ее изнутри, выйти наружу уже невозможно, если только конечно не разобрать замок полностью. Включив свой телефон, я отправляю маме сообщение: «Похоже, я снова оказалась лишней, вам есть о чем поговорить с папой. Вернусь, когда вы оба успокоитесь». Немного подумав, добавляю: «Люблю вас обоих». Вот видишь, Макс, я ценю своих родителей такими, какие они есть. И пусть хотя бы раз в жизни у них не будет возможности просто сбежать друг друга, быть может то, что они окажутся сейчас вдвоем взаперти, даст им возможность двинуться чуть дальше, чем просто хлопнувшая в порыве гнева входная дверь.

* * *

Боже, как же это раздражает! Не просто раздражает, это просто вынос мозга какой-то! Ну почему, почему они так поступают? Почему не могут нормально поговорить? Почему они всегда ставят свои эмоции выше всего остального? Почему я должна в очередной раз смотреть на их ссоры? И зачем только папа приехал, лучше бы я не отключала свой телефон, тогда бы он не приехал ко мне, и не было их встречи с мамой. Хотя, может это и к лучшему, не знаю. Я ничего не знаю, но в одном я уверена, на данный момент я очень злюсь, я

чувствую себя в очередной раз забытой, отодвинутой на второй план. Они даже не заметили, как я ушла, настолько были поглощены друг другом! И даже ни один из них мне еще не позвонил! Ах да, мой телефон отключен. Я тянусь к заднему карману юбки, при этом попутно стараюсь внимательно следить за дорогой. Включаю телефон, и тут же мне приходят оповещения о непринятых звонках. Три от мамы и один от папы. Мама как всегда более эмоциональна, чем отец.

— Приятного вам с папой вечера, — недовольно бормочу я и снова отключаю телефон. Стоит им только увидеть, что я снова в сети, как шквал звонков обрушился на меня, а у меня совсем нет желания сейчас разговаривать ни с одним из них. Хотели поговорить? Говорите на здоровье. Дорогие мои, горячо мною любимые, исключительно такими, какие вы есть! О да, мне обидно и очень. Хочется зарычать, закричать или ударить ладонями по рулю, а еще лучше, что-нибудь разбить! Втянули меня в свои передраги, снова начали выяснять отношения прямо при мне! Нет уж, хватит! И, черт возьми, как ни крути, я оказываюсь не в самой выигрышной ситуации. Ехать мне некуда, просто некуда примкнуться, чтобы остыть. Я сама лично оставила их в своей квартире. И что же мне теперь делать? Как выпустить этот накопившейся гнев, обиду и разочарование? Одна очень заманчивая мысль мелькает в голове — поехать к Максиму. Но я, скрепя сердце, отказываюсь от этой идеи. Слишком много вопросов он может задать. Вопросов, на которые я не захочу отвечать, по крайней мере не сейчас. Может просто пройтись пешком? Это было бы не так уж и плохо, прохладный вечерний воздух легко может остудить мой пыл. Немного подумав, я решаю отправиться к набережной.

А вот и тот самый памятник, возле которого Максим назначил мне встречу, и я тогда, пожалуй, впервые представила, что мы с ним обычная пара, решившая, как и многие другие, провести солнечный день возле реки. А то, что произошло между нами в лесу, это было что-то невероятное. Впрочем, как и всегда, рядом с ним все кажется другим, более насыщенным, чувственным.

Здесь же мы встретили Вадима. Воспоминание об этом неприятном типе, проносит волну озноба по всему телу. Не буду о нем думать сейчас, ни к чему это. Я проезжаю мимо небольших кафешек, которые скоро будут работать здесь почти круглосуточно, до тех пор, пока не упрусь в самый тупик. Дальше можно идти либо пешком, либо разворачиваться обратно. Я выбираю первое, как и планировала в начале, и с удовольствием вдыхаю влажный прохладный воздух, как только выхожу из машины. Спрятав ключи в задний карман юбки вместе с выключенным телефоном, я обхватываю себя руками. Сейчас на улице довольно прохладно, а на мне только тонкий свитер, захватить с собой куртку я даже и не подумала. Но от попытки прогуляться все равно не отказываюсь. Я поднимаюсь на тротуар и начинаю медленно идти в сторону, которая по моим расчетам должна привести меня к пирсу. Мимо меня неспешным шагом прогуливаются влюбленные парочки, трогательно держащиеся за руки, рядом куда — то торопятся шумные компании, а еще здесь семьи с детьми, и все наслаждаются этим весенним вечером. Я прохожу довольно приличное расстояние от того места где оставила свою машину, но вместо того что бы подойти к пирсу, я каким то образом заворачиваю на ту самую дорожку, которая ведет в «Центр реабилитации и помощи через искусство». Я точно запомнила этот поворот, но не совсем понимаю, как оказалась именно здесь. Ну что сказать, поздравляю, Оксана, ты снова пришла не туда, куда хотела. Мой топографический кретинизм, когда-нибудь сведет меня с ума. Но раз уж я здесь, почему бы не дойти до самого центра? Я медленно поднимаюсь по ступенькам вверх в самую

темноту. Может не стоит этого делать? Возможно, там уже никого нет, и ходить в такое темное время туда довольно глупо и даже опасно. Но нет, в окнах здания я замечаю свет, который виднеется из — за густых ветвей деревьев, и я уже смелее направляюсь к нему, очень стараясь ступать аккуратно, помня, как неровно уложена здесь плитка. Оказавшись возле двери, я дергаю за ручку, но она не поддается. Все уже закрыто, со вздохом разочарования думаю я. Но тут замечаю дверной звонок и, немного подумав, нажимаю на кнопку. Проходит время, и я нажимаю снова, раздается щелчок, и дверь открывается. Захожу внутрь, осматриваюсь по сторонам и иду в том направлении, куда мы шли с Максимом, когда были здесь вместе. Кругом стоит такая тишина, что кажется, здесь никого уже давно нет, но кто-то же открыл мне дверь? Медленно ступаю по коридору в надежде встретить на пути живого человека, а когда из-за угла появляется женский силуэт, я от неожиданности даже вздрагиваю.

— Здравствуйте! — мой голос звучит непривычно громко в этом словно застывшем в тишине помещении — Я просто шла мимо. Вы, наверное, уже закрыты?

— Здравствуйте. Нет, мы открыты, проходите, — женщина приближается ко мне, останавливается рядом и теперь с любопытством рассматривает меня. На вид она довольно приятная, невысокая с мягкими вьющимися на концах короткими светлыми волосами. Ее губы растягиваются в доброй располагающей к себе улыбке. На вид ей около сорока пяти или пятидесяти лет. Интересно, она может быть той самой женщиной, что когда-то подарила Максиму его первые краски?

— Что вас к нам привело в столь поздний час, простите, но я вас, что-то не припоминаю, — она внимательно всматривается в черты моего лица, явно пытаюсь узнать.

— А мы и не знакомы, — я развожу в сторону руки, — я была здесь всего один раз. Мой друг показал мне это место.

— О! — восклицает она, — друг это хорошо. Хотите чаю с печеньем? Чайник только что вскипел.

Я вспоминаю, что дома мне так и не удалось даже перекусить и соглашаюсь. Чувствую себя довольно странно, забрела сюда черт знает зачем, а теперь еще и собираюсь пить чай с незнакомой мне женщиной.

Мы проходим в большой зал, где днем здесь рисуют, и она ведет меня к небольшому письменному столу, на котором стоит электрический чайник, из его носика все еще идет густой пар.

— У меня небольшой выбор сладостей, только мое домашнее печенье, — она разворачивает бумажный пакет, и достает оттуда небольшой контейнер с печеньем. — Угощайтесь. Так как вас зовут, наша поздняя гостья?

— Меня зовут Оксана, — я усаживаюсь за стол, и мне тут же подают чашку и наливают в нее кипяток. — А вы точно не закрыты? Никого ведь сейчас здесь нет? — я озираюсь по сторонам, чтобы увидеть еще кого-то.

— А я, Мария Алексеевна, очень приятно познакомиться с вами, — она добавляет в мой стакан заварки и предлагает мне сахар, но я отказываюсь. — Вы правы, сейчас здесь почти никого нет, только я да охранник наш, Виктор Павлович. Но это совсем не значит, что мы закрыты, — она снова улыбается мне, протягивая печенье. — Как же вас сюда занесло в столь поздний час?

— Сама не знаю, шла мимо вот и решила заглянуть, — я делаю первый осторожный глоток и тут же обжигаюсь. Черт, похоже, я немного нервничаю, обычно я не обжигаюсь,

как-то странно все это. Наверное, все еще не отошла от лицемерия скандала своих родителей. Внимательные глаза Марии Алексеевны пристально следят за мной, но я не чувствую себя с ней неуютно, скорее удивляюсь тому, что согласилась на ее гостеприимное предложение. Она таинственно улыбается, точно знает какой-то секрет, и тоже делает маленький глоток горячего напитка.

— А вы всем вот так сразу предлагаете выпить по чашке чаю? — решаю я нарушить молчание.

— Беседа за чаем расслабляет, а я сегодня так устала и, как мне кажется, вы тоже? — ну прямо не в бровь, а в глаз! На эмоциональном уровне я действительно чувствую себя очень уставшей, даже опустошенной.

— День был длинный, — соглашаюсь я с натянутой улыбкой. — А у вас здесь хорошо, спокойно и так приятно пахнет красками.

Я снова окидываю взглядом зал с его тусклым помещением и пустыми столами, за которыми совсем недавно кто — то раскрывал свою душу. Когда-то то же самое здесь делал и Максим.

— Спасибо, рада, что нравится. Но у нас здесь есть еще не менее интересные места.

— В самом деле?

— Да, если хотите, как только допьем чай, могу вам показать.

— А это сейчас удобно? — мне не хочется напрягать эту милую женщину. Интересно, что она обо мне думает? Что я очередная жертва насилия, которая ищет убежище или еще что — то в этом роде? А вдруг она решила, что я пришла сюда за помощью? Но я очень надеюсь, что она не станет предлагать мне свои услуги психиатра. Уверена, она именно им и является.

— Вполне, — Мария Алексеевна снова улыбается, и от ее улыбки так и веет теплом и уютom, а я понимаю, что начинаю немного расслабляться.

— Хорошо, можно и заглянуть, — как можно спокойнее пожимаю плечами, можно быстро глянуть, что она там хочет мне показать, а потом под предлогом, что уже очень поздно попрощаться. А то будет как-то неловко уйти сразу после угощения.

— Оксана, вы печенье кушайте, оно, правда, очень вкусное.

— Спасибо, конечно, — печенье, в самом деле, оказалось вкусным, я даже буквально смогла увидеть, как эта женщина стоит на кухне и замешивает для него тесто. Слишком уж домашний и такой приятный у него оказался вкус.

— Признаться, у меня день выдался очень тяжелым, — как бы, между прочим, повторяет Мария Алексеевна, вздыхая. — Столько всего происходит вокруг, что порой просто за всем не успеваешь.

— Да, согласна, — киваю я, отпивая еще глоток горячего напитка. И наконец, ощущаю, как тепло разливается по телу, согревая меня. Я даже и не заметила, как на самом деле сильно замерзла.

— Так что там у вас еще есть интересного, расскажите? — я отставляю почти допитую чашку в сторону. — О, и печенье ваше очень вкусное, благодарю.

— Рада, что понравилось. Сейчас я вам все покажу, — она заговорщически подмигивает мне, и мы вместе поднимаемся из-за стола.

И все-таки это все как-то странно, повторяю я про себя. Мы проходим через весь огромный зал и попадаем в новый коридор, заходим в первую дверь слева. Включается свет, и я сначала не совсем понимаю, куда мы попали. Комната кажется пустой, если не считать

огромного полотна, висящего на одной из его стен, и свисающих с потолка прилегающих к нему нескольких шариков, наполненных краской, да парой узких столов рядом.

— Эта моя любимая комната, — с гордостью говорит Мария Алексеевна. — Хотите попробовать? Отлично снимает нагрузки тяжелого дня.

— Даже не знаю, — немного скованно произношу я.

— Наденем вот это, чтобы не испачкаться, — Мария Алексеевна берет что-то похожее на длинный дождевик и быстро облачается в него. Затем в руках ее оказываются обычные метательные дротики, и она быстро запускает один из них прямо в висящий шарик с краской со словами:

— Вот тебе тяжелый день! — и шарик взрывается от ее прямого попадания, оставляя после себя яркое желтое пятно. Она с полным восторга взором поворачивается ко мне, — Попробуете?

— Хорошо, попробую. — Ну как тут отказаться! Все это похоже на одну из разновидностей арт-техник, нечто подобное изначально придумал Макс Эрнст, я даже писала доклад на эту тему, когда была на первом курсе. Конечно, главная идея здесь не в том, чтобы изобразить нечто реальное, а скорее выплеснуть на волю свое эмоциональное состояние, отразить на полотне свой характер. Всегда было интересно это попробовать, и вот шанс представился сам собой и, к тому же, так неожиданно. Мария Алексеевна протягивает мне пару дротиков и я, прицелившись, с первого раза попадаю прямо в один из шариков. И снова яркий взрыв, теперь уже красного цвета, он окрашивает все вокруг себя, затем оставляет после себя длинную, рваную дорожку, которая стекает вниз.

— Получилось! — теперь и я в восторге, это так здорово — попасть с первого раза.

— Отлично выходит! — соглашается женщина и протягивает мне клеенчатую накидку, такую же, как у себя, — стоит это надеть, чтобы не испачкаться.

— Спасибо, мне можно попробовать еще? — с удивлением спрашиваю я.

— Ну конечно! Выплескивайте негатив всего дня! — с задором в голосе говорит он, и делает еще бросок. — Вот тебе несчастная налоговая служба! Проторчала там полдня! Столько времени ушло даром!

Все — таки она удивительная женщина! Странная такая, но мне даже нравится. Я молча целюсь в шарик, но промазываю. Это немного сбивает с меня спесь, я расстраиваюсь, но ненадолго, а когда третья попытка приносит удачу, внутренне ликую.

— Оксана, — отвлекает меня Мария Алексеевна — я ненадолго оставлю вас. У меня есть еще некоторые дела, а вы продолжайте, я скоро вернусь.

Я коротко ей киваю, и она уходит. Теперь я опять промахиваюсь, и это раззадоривает меня еще сильнее. Стреляю снова и опять промах! Да что же это такое? Мои щеки начинают пылать, наверное, это от накотившего на меня азарта, я беру в руки сразу несколько дротиков и один за другим метаю в шарики. Я попадаю еще несколько раз, и новый всплеск радостных эмоций наполняет меня. С удовольствием наблюдаю, как краска растекается по белоснежной поверхности. Сама не понимаю, как начинаю вкладывать в каждый бросок все свои мысли, и каждый раз попадая в цель, мне словно становится легче. Еще и еще, я вошла в раж, и уже не могу остановиться.

— Вот вам всем! — шепчу я, точно повторяю за Марией Алексеевной — Держи мама, со своим упрямым эгоизмом, вот тебе папа на пару с твоей Алиной! Максим! Мое попадание для тебя, спасибо, что показал мне все это. Ах да, и вот еще лови со всеми твоими тайнами.

Я уверена, что он мне что-то не договаривает, и это что-то, наверняка, касается Вадима.

И вот тебе, Вадим, получай мое прямое попадание в фиолетовый шарик, и я словно размазываю вместе с краской все его гнусные намеки. Вот вам всем, кто когда-то намеренно делал мне больно!!! И наконец, вот тебе Стас! Ты подонок! Вот! Вот! Вот! Я замахваюсь с такой силой, целясь в очередной шарик, что он взрывается, оставляя после себя черную тяжелую массу. Я глубоко вздыхаю, и медленно оседаю на пол, опускаясь прямо на колени. Случилось то, чего я так отчаянно пыталась не допустить. Я выпустила наружу своих демонов, терзавших меня изнутри.

Знакомая едкая тошнота подступает к горлу, в голове появляется туман, а воспоминания накрывают меня, показывая все свое уродство. И это мое уродство. Я не хотела, правда не хотела. Но коварный голос в голове шепчет: «Если бы не хотела, то не стала бы этого делать. Ты могла сказать «нет». Но ты не сказала». Да я виновата, во всем, что случилось, виновата я сама. В том, что хотела чувствовать себя счастливой, нужной, необходимой. Виновата, что не смогла все это остановить. И теперь все это терзает меня, заставляя чувствовать себя несчастной, глупой и никчемной. Я потеряла лучшую подругу, потеряла веру в себя, я так много всего потеряла.

Мы с Ленкой были лучшими подругами, вместе гуляли, прогуливали уроки, влюблялись в мальчиков, ходили на свидания, а потом бурно их между собой обсуждали. И вкусы у нас были достаточно разные, благодаря чему ссор и недомолвок между нами не было. Но все изменилось, когда мы познакомились со Стасом. Было начало лета, и мы с Ленкой зависали в летнем кафе. Он со своим другом просто подсел к нам за столик, предлагая угостить какой-нибудь выпивкой. Мы согласились, весело хихикая и строя им глазки. Мне сразу понравился Стас, высокий и привлекательный, с отличным чувством юмора, мне тогда казалось, что он самый привлекательный парень из всех, кого я знала. Его друг Саша больше напоминал нам клоуна, его шутки частенько были плоскими и попросту глупыми. Но он тоже был довольно милым, чем и заслужил нашу с Ленкой симпатию. Рядом со Стасом, который буквально излучал мужество, Саша выглядел как-то нелепо. Тогда я еще не знала что Стас, так же как и мне, очень понравился Ленке. Мы легко нашли общий язык с ними и быстро сдружились. Почти каждый день мы тусовались на пляже, а вечером ходили в местные кафешки, а когда изредка случалась непогода, заходили в кино. Я видела, что тоже нравлюсь Стасу, когда мы садились рядом за столик в очередном кафе или наши места в кинотеатре были рядом, он брал меня за руку и тихонько поглаживал, сжимая мои пальцы. Те взгляды, которыми мы перекидывались, смеясь над очередными ужимками Сашки, тоже о многом мне говорили. Вот только дальше этих мимолетных прикосновений дело не заходило. Мне тогда и в голову не могло прийти, что мои чувства к Стасу станут камнем преткновения в нашей с Леной дружбе. Как-то в очередной раз мы гуляли в кафе, где собралась куча наших друзей и знакомых, и мы соединили вместе два круглых стола, чтобы можно было всем уместиться. Тогда Лена и прошептала мне те слова, которые буквально разбили все мои надежды на то, чтобы быть со Стасом.

— Стас такой клевый! Я его так хочу, просто умираю! — ее пьяное дыхание обожгло мою щеку, а сердце сорвалось куда — то вниз. Я так надеялась, что из-за громкой музыки или быть может из — за выпитых бокалов пива я ее неправильно расслышала. Мы никогда до этого не обсуждали наших новых друзей с этой стороны. Я просто боялась делиться с Леной своими догадками о том, что между мной и Стасом есть симпатия. Я боялась, а вдруг мне все это только кажется и я принимаю желаемое за действительность? Ведь реальных попыток со стороны Стаса ко мне так и не было. Он ни разу не пытался меня даже поцеловать. И теперь я сидела как в тумане, пытаюсь осмыслить ту новость, которой огорошила меня Лена, но видно в этот вечер она решила меня основательно добить, продолжая шептать на ухо о том, какой Стас классный, и о том, какие взгляды он на нее

бросает, пока никто не видит. Я отказывалась верить своим ушам, я была раздавлена, а алкоголь в крови добавлял еще большей боли в мой воспаленный мозг.

— Только не говори мне, что ты тоже имеешь на него виды! — смеясь, снова зашептала мне Лена, не обращая внимание на то, что во время ее диалога я словно застыла и даже ни разу не кивнула ей в знак того, что хотя бы слушаю. — Потому что тогда я должна буду тебя убить.

И в тот момент я поняла, что мне предстоит сделать выбор. Либо лучшая подруга, либо парень, который мне нравится.

— Смеешься! Конечно, я не имею на него никаких видов, — заплетающимся языком проговорила я. — Мне может вообще Сашка нравится!

Ленка прыснула со смеху и чуть не облила меня пивом, а потом, слегка покачнувшись, поднялась на ноги и двинулась в сторону Стаса. Как раз заиграла медленная музыка, и они ушли танцевать. А я продолжала сидеть за столиком, окруженная общими знакомыми, и смотрела, как мое сердце разрывает на мелкие кусочки. Я отвернулась, потому что не хотела смотреть на то, как Стас обнимает Лену, не хотела видеть, как его руки нежно поглаживают ее спину, и то, как Лена довольно улыбается, положив ему голову на грудь. А когда я все же снова бросила в их сторону взгляд, они уже целовались. Целовались! Я быстро поднялась со своего места, не обращая внимания на крики Сашки, который вроде бы спрашивал, куда я направилась. Сейчас мне просто хотелось уйти. Я обогнула все кафе и встала на его заднем дворе, присела на корточки. Мне было больно. Очень больно.

— Эй, тебе что плохо? — голос Саши был как в тумане, я подняла на него свой затуманенный взгляд и честно ответила:

— Да.

Саша присел со мной рядом, обнимая за плечи. Он отпустил очередную глупую шутку о девочках, которые не умеют пить, а я вместо того, чтобы засмеяться, повернулась к нему и спросила:

— Я тебе нравлюсь?

Сашка оторопел, потом шумно сглотнул и прошептал:

— Конечно.

— Вот и хорошо, — и потянулась к его губам. И мне это абсолютно не понравилось, его губы были слишком мягкие, язык слишком слюнявый, а то, как он открывал рот, пытаясь еще сильнее поглотить меня, у меня вызвало рвотный рефлекс. Я оттолкнула его от себя и чуть не упала, едва успев упереться рукой о землю. Меня рвало, выворачивало наизнанку, оставляя в желудке болезненные спазмы и горечь во рту. Когда мне стало чуть легче и меня перестало рвать, на глазах выступили слезы, делая мое положение еще более унижительным. К чести Саши он остался со мной, успокаивал меня и неловко поглаживал по плечу. Он решил, что я просто перепила, и мои слезы — это просто пьяная дурь. Я его в этом, конечно, не стала разубеждать. Он отправил меня домой на такси, а всем сказал, что мне просто стало плохо, и я уехала. Тогда я ему была очень благодарна, он не стал рассказывать о том, что я изгадила весь задний двор кафе, и умолчал о моих пьяных слезах даже Ленке. Тогда я его действительно уважала.

С того вечера Стас и Лена стали официально парой, и находиться рядом с ними мне было крайне неприятно. Мы так и продолжали все четвером гулять, вот только одно было странным, Стас продолжал украдкой брать меня за руку под столом, и я все так же встречалась с ним взглядом. Я должна была его остановить, но не могла, а скорее всего не

хотела, где-то в глубине души я понимала, что Стасу действительно нравлюсь именно я, а не Лена. Но если это было так, то почему тогда он с ней? Этот вопрос выжигал мне мозг, потому что я так и не находила на него ответа.

Прошла целая неделя с того ужасного вечера, когда я в первый раз увидела поцелуй Стаса и Лены. Мы были на Сашкиной даче, снова вчетвером, и я уже начинала думать, что пора мне выходить из этого набившего болезненную оскомину дружественного квартета. Я стояла, облокотившись о косяк бани, и потягивала пиво из пластикового стаканчика. Ко мне подошел Сашка и с усмешкой попросил не напиваться, потому что я могу снова наделать блинов. Блинами он называл те рвотные лужи, что я оставила после себя у кафе. Я пихнула его вбок, понимая, что на него злиться смысла нет. Такой уж Сашка дурачок, шутки у него действительно глупые, но я знала, что и обидеть он меня не хотел. К тому же после пары бокалов пива он мог начать нести такую чушь, что можно было только уши затыкать.

— Тише ты! — шикнула я на него, мне совсем не хотелось, чтобы нас услышал Стас, который был совсем рядом.

— Не бойся, я унесу наш неудачный поцелуй в могилу, — прошептал он мне, а я скривилась только об одном этом воспоминании. — Скажи честно, это ведь не из — за него тебя стошнило.

Его лицо сделалось таким грустным, а я только сейчас заметила, что Сашка действительно был уже навеселе, его быстро разморило на солнышке.

— Нет, конечно, нет, я же тебе уже говорила, я, наверное, тогда просто превысила свою норму, организм не выдержал и вот... — я развела руками в сторону, давая понять, что он здесь совершенно ни при чем. Сашка довольно улыбнулся и встал ко мне еще ближе

— Может, давай повторим тогда? — я в ужасе наблюдала, как он быстро тянется ко мне своими слишком мягкими губами, и вовремя успела увернуться так, что его поцелуй пришелся на мою щеку.

— Эй! — возмутился он, — так не честно!

— Слушай, Саш, давай лучше не будем, — сказала я как можно мягче, но довольно настойчиво, отесняя его от себя руками.

— Санек! Пойди сюда! — голос Стаса стал для меня спасением, и Сашка тут же переметнулся к другу, который попросил его отнести для Ленки ягод, которых он для нее собирал. Ленка сейчас была в домике и смотрела какое то реалити-шоу, от которого тащилась и ни за что не хотела его пропускать. Сашка сначала возмущался, мол, не ему нужно таскать ей ягоды, но под натиском друга все равно согласился. Мы остались со Стасом наедине. Он медленно поднялся с лавки, на которой сидел, и двинулся в моем направлении. А я смотрела на него и уже тогда понимала, что сейчас может произойти что-то не поправимое. Я видела это по его горящим глазам, я чувствовала его ревность!

— Я тебя избавил от него, — пробормотал Стас, облокотившись рукой о стену рядом со мной.

— Спасибо за это, — нервно хмыкнула я.

— Он тебе нравится?

— К чему такой вопрос?

— Нравится или нет?

— Отойди Стас, я хочу в дом, — я хотела отодвинуть его в сторону, но он не дал мне этого сделать.

— Он мне сказал, что вы целовались.

— Тебе-то что? — я воинственно вскинула подбородок, я была зла на него. Он не имел никакого права говорить со мной об этом. Я уже хотела сказать, чтобы он шел к своей девушке, к моей лучшей подруге, и оставил меня в покое, как его губы вдруг так стремительно приблизились к моим, сминая их, и жадно прижимаясь ко мне всем телом. В голове забилась сигнал тревоги, я должна его оттолкнуть, обязана! Но я не могла, и сдавшись почти без боя своим чувствам, сама не заметила, как прильнула к нему, отвечая на этот дерзкий поцелуй. Стас втащил меня в темное помещение предбанника и стал грубо шарить по моему телу.

— Так он касался тебя? Касался, как я тебя сейчас? — со злостью прошептал он.

— Нет, нет! — отчаянно шептала я, боясь, что он сейчас уйдет и оставит меня одну. Стас теснее прижался ко мне, и я почувствовала, как его напряженное желание упирается мне в живот. Мы целовались как безумные, мое сердце ликовало, а голова кричала, что я совершаю ужасную ошибку, за которую потом могу дорого заплатить.

Так я стала предателем. Я предала свою подругу, я предала нашу дружбу, и расплата была неминуема. Стас уверял меня, что я изначально ему понравилась, что к Ленке он почти ничего не чувствует, но моя подруга напела ему что мне нравится Сашка, и он отступил и с горя начал встречаться с ней, чтобы забыть меня. Вспоминая его слова сейчас, я понимаю, какой душой я была, что повелась на подобные рассказы. Мы прятались по углам, отдаваясь безумным поцелуям. Всякий раз Стас стаскивал с меня верх платья или кофты и ласкал мою грудь. Он говорил, что без ума от нее, что она принадлежит только ему одному, как и я в целом. Я, правда, пыталась вначале пресечь эти ненормальные гнилые отношения, но Стас умудрялся подловить меня, как только я оставалась одна. Он давил, он убеждал, что кинет Ленку, которая с каждым днем все больше и больше влюблялась в него. А я умоляла его этого не делать, я не хотела, чтобы ей было больно, но и чувства к нему не могла побороть. Знаю, что должна была быть сильнее, более решительно сказать нет, я могла начать избегать его, избегать их всех. Но я так боялась остаться одна. И я боялась остаться без Стаса. И с ним я потеряла свою девственность. Да я была невинна тогда, невинная шлюха, отбирающая парня у лучшей подруги! Как это смешно, и как это мерзко! Всякий раз после наших тайных обжиманий, я чувствовала себя грязной, но когда я была с ним, я чувствовала только страсть. Я была так уверена, что люблю его, а теперь понимаю, что все, что я в нем тогда видела, было ложью. Мной играли, использовали, а потом, когда пришло время, выбросили как мусор.

Все! С меня хватит! Я рывком стаскиваю с себя дождевик и бросаю его прямо на пол. Затем поднимаюсь с колен и быстрым шагом покидаю центр реабилитации. Плевать, что я оставила в комнате бардак и хаос, мне так же плевать о том, что подумает обо мне Мария Алексеевна, когда вернется и не застанет меня на месте. В конце концов, она мне никто, так, случайная знакомая. Пусть она и очень милая женщина, но это по ее вине мне стало сейчас так плохо. Я просто хочу домой. На улице совсем похолодало, и я практически перехожу на бег. Я спотыкаюсь и чудом умудряюсь удержать равновесие на дорожке, ведущей вниз к реке. Чертовы укладчики! Как можно было так уложить эту чертову дорожку? Хотят, чтобы люди себе шеи свернули? Не знаю как, но быстро нахожу путь к своей машине, чему очень рада. Обычно мне приходится навернуть не один крюк, прежде чем найти то самое место на парковке, где я ее оставляю. Но сегодня мне везет хотя бы в этом. О, в этом я благодарна! Спасибо тебе судьба! Или какие другие неведомые силы, которые строят жизни людей! Да что я несу? Во всем всегда виноват сам человек. Все его поступки обдуманые и необдуманые приводят его к тому, в чем он потом и варится. И видит Бог, я сполна заплатила свою ошибку! И не хочу больше носить в себе этот груз, хватит! С меня хватит! «Так выпусти все это наружу», — слова Максима взрываются в моем мозгу. Да, я так и сделаю и в считанные минуты оказываюсь возле дома.

— Привет, родители, как поговорили? Надеюсь хорошо? — громко заявляю я, едва успев переступить порог.

Я застаю их в своей импровизированной мастерской, подозрительно близко сидящих друг к другу на моем диване. На какое-то мгновение это даже выбивает меня из моего ураганного запала. Но потом я быстро мотаю головой, словно пытаюсь сбросить с себя оцепенение от увиденной такой нереальной картинке.

— Так, если вы закончили, — я вскидываю обеими руками в сторону двери, — то пора уже и честь знать. Время позднее, и мне пора спать.

— Оксана, где ты так долго была? — вскакивает мама, нервно поправляя свою прическу. У нее что, волосы спутались? Не может быть! Я зажмуриваюсь и снова открываю глаза.

— Дышала свежим воздухом, говорят перед сном полезно, — я демонстративно складываю на груди руки и теперь более внимательно окидываю их взглядом. — Так вы поговорили или как?

— Оксана, — теперь поднимается отец, оттягивая свитер вниз. Чем они тут занимались, недоумеваю я.

— Боже, — вздыхаю я, если мои опасения верны, то новый приступ тошноты мне гарантирован, — это прямо цирк какой — то.

— Твоя выходка недостойна поведения взрослого человека.

— Да ладно? Ты серьезно? А ваши выходки достойны поведения взрослых людей? — я вскидываю брови и сверлю их обоим упрямым взглядом.

— Мне не нравится твой тон! И между собой мы разберемся, но ты...

— Так и разбирайтесь, а меня оставьте в покое, — я прохожу мимо них, забираю со стола все необходимое, и, прижав все это точно сокровище к своей груди, направляюсь в

свою комнату. Но они, конечно же, следуют прямо за мной.

— Не надо за мной идти, — с угрозой в голосе шиплю я. — Обещаю, бритвы в руке у меня нет, папа!

— Что? — взвизгивает мама, — Андрей, о чем она говорит?

— Валя, позже, — огрызается отец, пытаюсь зайти в комнату вместе со мной, но я ловко закрываю дверь прямо перед его носом. Щелчок и дверь закрыта.

Вот и все. Я кидаю на пол листы бумаги и черный уголь, громко включаю на телефоне музыку, сильно жалея, что у меня нет с собой наушников. Но и так будет ничего, по крайней мере отвлечет от требовательных голосов родителей за дверью. Сажусь на кровать и с минуту задумчиво смотрю на весь свой инвентарь, притащенный с собой.

— Ну что, грязь? Вытащим тебя наружу?...

Просыпаться не хотелось, но я, все же пересилив в себе утреннюю лень, с трудом открываю глаза, которые тут же начинает резать яркий солнечный свет. Я щурюсь, прикрывая глаза ладонью. Похоже, нескольких часов сна им было недостаточно, чтобы как следует отдохнуть. Выключаю все еще играющую музыку на телефоне, соседи этой ночью наверняка тоже плохо выспались. Так же не без удовольствия отмечаю, что до занятий у меня еще есть некоторое время, и позволяю себе как следует потянуться и дать привыкнуть глазам к солнечному свету. Я лежу на кровати все еще полностью одетая, вокруг меня лежат раскиданные в беспорядке рисунки. Признаться, я думала, мне будет труднее, но сейчас я чувствую странную легкость внутри, и это, несмотря на то, что тело мое кажется совсем разбитым. Спать в одежде была явно плохая идея. Я беру в руки первый попавшийся набросок. На нем запечатлен Стас, высокий, привлекательный, каким я его и запомнила, но теперь я отчетливо вижу в нем гнусного мерзавца.

— Никакой ты не клевый! — хриплым ото сна голосом бормочу я, — ты подонок, мразь. Ты большой кусок дерьма! Понял?

Презрительно отшвыриваю набросок обратно и начинаю подниматься. Несколько минут я занимаюсь тем, что с полным безразличием собираю все свои рисунки в хронологическом порядке и убираю их под подушку. Затем переодеваюсь в более удобную одежду и выхожу из комнаты.

Надо бы умыться, но сначала кофе. Я медленно плетусь на кухню и дергаюсь от испуга, когда понимаю, что там кто-то есть.

— Вы что, все еще здесь? — я с удивлением таращусь на своих родителей, спокойно сидящих за моим столом.

— Оксаночка, а мы уже кофе приготовили, — подозрительно ласковым голосом говорит со мной мама. Не помню, чтобы она когда-то вообще называла мое имя так ласково. Папа как-то расстроено проводит рукой по волосам, вид у него такой же, как чувствую я себя сейчас, абсолютно разбитый.

— Вы что, не ложись? — наверное, я сейчас похожа на взлохмаченного попугая.

— Мне, к сожалению, уже надо бежать, — папа подходит ко мне, обнимает, и со словами: — У тебя все в порядке? — гладит меня по голове точно маленькую девочку. Я молча киваю, и он снова обнимает меня уже более крепко. Откуда этот приступ небывалой родительской нежности? Не то, чтобы я жалуюсь, но все же это так не привычно.

— Мы обязательно увидимся на этой неделе, хорошо? В пятницу, как обычно, идет? — спрашивает папа, внимательно глядя мне прямо в глаза. И я снова киваю. Он целует меня в лоб и уходит, оставляя меня один на один с женщиной, которая внешне похожа на мою мать,

но ведет она себя слишком... как бы это сказать... слишком мило?

— Представляешь, Андрей уже и в магазин сбегать успел. У тебя дома шаром покати, Оксана! Так ведь нельзя! Чем ты вообще питаешься, эти твои булки и рогалики только желудок забивают, к тому же ужасно сказываются потом на фигуре. Ты что, растолстеть хочешь?

А нет, все как обычно. Я молча сажусь на стул, ожидая лекцию от мамы за свое поведение, но вместо этого она ставит передо мной чашку горячего кофе и садится рядом.

— И что же купил папа? — спрашиваю я, с наслаждением отпивая восхитительный бодрящий напиток.

— Обезжиренный творог, сухофрукты, мед, крупу, в общем, все, что нужно для полезного завтрака! — мама как-то странно суетится, она нервничает, и я с опаской смотрю на нее, ожидая, что же будет дальше. Мои натянутые нервы вернулись в свое обычное состояние, и теперь я практически готова принять все то, что заслужила за свою вчерашнюю выходку.

— Так вы что, не спали?

— А? Что? — мама испуганно смотрит на меня, а потом натянуто улыбается. — Спали? Нет, мы не спали.

— Угу, — я тянусь к своим вредным булочкам, и мама, как это ни странно, никак это не комментирует.

— Что угу?

— Нет, ничего, — безразлично пожимаю плечами и с удовольствием вгрызаюсь в мягкую плоть выпечки. Да, я голодна как волк!

— Оксаночка, — опять начинает мама называть меня этим странным ласкательным именем. — Я не знала, ничего не знала.

— Что ты не знала? — я с удивлением приподнимаю бровь, хотя каким — то отдаленным чувством понимаю, о чем она говорит. Сердце начинает стучать быстрее, а щеки пылать.

— Я не знала про бритву, — выдыхает она, и на ее лице, возможно впервые, я вижу неподдельное, настоящее раскаяние. Она порывисто обнимает меня, так что я чуть не проливаю свой кофе и аккуратно отставляю его в сторону. Я обнимаю ее в ответ, немного неловко и даже неумело. Объятия между нами вообще явление редкое, тем более такое настоящее.

— Если бы я только знала, — она гладит меня по волосам и начинает всхлипывать, — если бы я только знала! Но я, правда, ничего не знала, отец мне ничего не говорил. Я думала, вы только не поделили с Леной мальчика, вот и все. А ты такая красавица! Да у тебя таких сотни буду, тысячи и даже лучше, чем этот глупый Стас!

Я морщю нос от ее слов о тысячи моих предполагаемых возлюбленных.

— Все в прошлом, мама, — я стараюсь говорить мягче, еще не до конца осознавая, что папа смог такое утаить от мамы. — Но зачем он так поступил с тобой? И со мной тоже?

Мама, наконец, отстраняется, и я замечаю какими красными стали ее глаза.

— Это долгая история. Скорее всего, он хотел сделать это в отместку мне или еще что — то в этом роде — она качает головой, задумавшись — Мы все делали неправильно, верно? Мы были самыми ужасными родителями.

— Ну, не настолько и ужасными, — хмыкаю я, прекрасно понимая, что мне еще очень повезло.

— Если бы я знала обо всем тогда. Боже, мы ведь с отцом толком и не общались, — она передергивает плечами, — мы и сейчас редко видимся. Но все это не оправдание, я это понимаю. И я обязана сказать тебе одну важную вещь.

Я вся напрягаюсь, и жду, как она мне снова посоветует отправиться к мозгоправу. Она бережно берет мои руки в свои, ласково поглаживая их своими изящными пальцами.

— Я люблю тебя, доченька! Ты самое дорогое и самое лучшее, что может быть в моей жизни. И никто, слышишь никто, не достоин твоих слез! И еще я очень горжусь, что ты так ничего и не сделала с собой. Очень горжусь, что ты остановилась и открыла тогда папе дверь.

У меня в горле появляется колючий комок, а губы начинают предательски дрожать, мама обнимает меня, и теперь я уже в полную силу отвечаю на ее объятия. Слезы текут по моим щекам, и я всхлипываю, пытаюсь их остановить, но ничего не выходит. И так мы и сидим с мамой впервые за долгое время, крепко обнявшись, изливая друг другу все свои тревоги и горькие печали, обретая утешение. А я твердо намерена выяснить, почему папа ничего не рассказывал маме.

Это ощущается таким непривычным — объятия мамы. Уверена, что когда-то я мечтала о них так сильно, что чувствовала себя без них потерянной. Теперь же я не понимаю, что именно должна чувствовать, когда, наконец, получила их. Слишком давно я решила огородить свое сердце от того, что приносит только горечь разочарования. И все равно, это приятно. Больно и приятно. Больно от того, что так много стоит между нами, и уже невозможно точно сказать, кто виноват в этой стене отчуждения. Но маленькая искорка надежды теплится во мне, что все еще можно изменить. Нет, я не думаю, что теперь мы вдруг станем делиться своими самыми сокровенными секретами или сплетничать обо всем на свете за чашкой чая, поедая сладости. Я не настолько наивна и глупа. Я всего лишь хочу чувствовать, что я нужна ей как ее любимая дочь, по — настоящему нужна. Хочу знать, что она любит меня, знать, что она думает обо мне и заботится. Моя мама, Валентина Валевская, та самая женщина, что всегда на первое место ставила свои амбиции и желание доказать всем и каждому, что сумеет сама управлять бизнесом, делом, казалось бы таким мужским, осталась со мной этим утром, чтобы утешить и подарить свою нежность. Удивительные перемены, не правда ли? Вот только возникает один вопрос, насколько долго эти перемены продлятся, или это всего лишь один раз, когда она поставила меня на первое место? И хотя мне уже порядком поднадоело объяснять ей о силе своей импульсивности, и что если уж я на что-то решилась, то сделаю это обязательно. И что никакие силы не остановили бы меня от нанесения кровавых следов на руке, в тот злополучный вечер я сама поняла, что делать этого не хочу и не буду. Как ни странно, все это точно так же стало открытием и для меня самой. Только спустя столько времени, я на самом деле осознала, что никогда не стала бы причинять себе вред. С тяжким вздохом я по крупицам вспоминаю тот момент....

— Оксана! Открой! Немедленно открой! — кричал отец за закрытой дверью, а я тупо смотрела на бритву, понимая, что всего пара движений и все может кончиться. Совсем. Сильный удар по двери заставляет меня вздрогнуть и выйти из транса. Я с трудом поднимаюсь на ноги и щелкаю замком двери, открываю ее. Дверь тут же распахивается и предо мной стоит отец, который смотрит на меня со страхом в глазах. Мне даже кажется, он смотрит на меня как на сумасшедшую. А может я теперь и правда сумасшедшая? Ведь не могло все это произойти со мной. Я скорей была бы рада оказаться душевнобольной, чем той девушкой, которую только что унизили и втоптали в грязь, пусть и заслуженно. Отец замечает в моих руках все еще плотно зажатую бритву, его глаза наполняются новой порцией ужаса. Он аккуратно, очень осторожно тянется к этой руке и с тихим шепотом, так словно боится напугать раненое дикое животное, пытается забрать ее у меня.

— Оксана, доченька, отдай это мне, — я даже не сопротивляюсь, и отец без труда разжимает мою ладонь и отшвыривает бритву прочь. Затем крепко меня обнимает, прижимая к себе так сильно, что мне становится трудно дышать....

Я сильно зажмуриваюсь, пытаюсь вспомнить, что я чувствовала, когда держала бритву в ладони. Но в голове туман, словно часть моего подсознания нарочно скрывает от меня тайны прошлого. В одном я могу быть уверена, если хотела бы то сделала. И если бы хотела навредить себе, то точно не таким способом. Подобные вещи слишком страшны для меня, я бы не смогла. Выдыхаю и радуюсь, что с этим я, похоже, немного разобралась.

Ах! Это так здорово — быть смелой, уметь смотреть в глаза собственным страхам и обидам. Не отворачиваться от них, а взять их за руку и вести с собой по жизни, суметь принять их, а не прятать. Ведь все равно они никуда не денутся, они только могут заглушить свой голос, если ты докажешь им, что можешь жить счастливо даже с ними. Но я трусиха и еще не могу сделать всего этого. Быть может, если я буду делать это постепенно, шаг за шагом, то у меня получится? О том, чтобы пересилить их полностью я и не говорю. Пока мне это кажется слишком невозможным.

А пока я могу на какое то время закрыться в тихом мире искусства, заниматься творчеством и отбросить в сторону все проблемы напрочь. Спокойная обстановка в институте настраивает на нужный лад, и даже постоянное жужжание болтливых студентов совсем не отвлекает меня от занятий.

— Оксана, мне очень жаль, но нашу встречу в пятницу придется отменить, — голос папы звучит достаточно обеспокоенно и разочарованно, что я не могу ему не поверить. Он позвонил мне еще во время одной из пар, и тогда я его звонок сбросила, чтобы не нарваться на неприятности. Разговоры во время лекций строго запрещены. Во время перемены я вышла на улицу и стою возле института, перезваниваю ему. — Возникли некоторые трудности, это по работе, и все придется перенести, надеюсь, ты не сердишься?

— Нет, это ничего, — довольно спокойно отвечаю я. — Поговорить мы еще успеем.

Если быть честной, то я этому даже немного рада. Разговор явно будет не самым приятным, ведь мне так много нужно у него узнать, и эта маленькая отсрочка дает мне возможность собраться с силами и решить, как именно провести нашу встречу.

— Если ты хочешь, мы можем увидеться сегодня, — предлагает отец, но я тут же отказываюсь. На вечер у меня другие планы. Я все еще зла на него за то, что он утаил от мамы тот неприятный инцидент и совершенно не понимаю в этом его мотивов, и боюсь, что мне нужно время, чтобы остыть, дабы не наговорить ему лишнего.

— Вот и отлично! — соглашается папа, — надеюсь, ты не думаешь, что я избегаю встречи с тобой. Потому что это не так, нам о многом стоит поговорить и о твоей выходке, в том числе, — строго заявляет он.

— Я не думаю, что ты будешь избегать встречи, папа. Все в порядке, и я полностью согласна, нам о многом нужно поговорить, — да мне бы и в голову такое не пришло, я знаю, он никогда бы так не поступил. Но и переводить все стрелки на себя не позволю.

— Тогда до встречи, дочка! Береги себя.

— И ты себя.

Попрощавшись с отцом, я задумчиво уставилась на свой телефон. Мне хочется позвонить Максиму, так хочется, что кончики пальцев начинает покалывать, словно они молят меня набрать его номер. И я поддаюсь, потому что оттягивать этот момент уже просто невозможно. Весь день, вместо того чтобы думать о том, что произошло между мной и родителями, я все равно мысленно возвращаюсь к нему. И даже то, что произошло со мной в центре реабилитации, меркнет по сравнению с тем волнением, что я ощущаю, когда думаю о нем.

— Уже соскучилась? — его голос как всегда приятно растекается по моим венам. Мне нравится его голос. Но с тех пор как я узнала, что именно привело его к этой вечной хрипоте, это еще и отдает соленой грустью.

— Совсем немножко, — лениво протянула я, а сама хищно улыбнулась. — А ты скучал по мне?

Максим засмеялся от моего вопроса, ему уже нравится наша игра в «ответы вопросом на вопрос».

— Всегда, — его голос становится более тихим, превращаясь почти в шепот. Он соблазняет меня, и я это обожаю, мое тело мгновенно реагирует на него каждой своей клеточкой.

— Тогда сегодня вечером, — я тоже перехожу на шепот и вкладываю в слова весь интимный смысл, который хочу ему передать.

— Сегодня вечером, — повторяет Макс, он понимает меня. И я начинаю вся трепетать от предвкушения встречи с ним. На моем лице довольная улыбка, и я чувствую себя счастливой, несмотря ни на что. Снова и снова я удивляюсь тому, как ему удастся разогнать тучи над моей головой, даже не пытаясь ничего для этого сделать.

А вечером я тихонько прихожу в панику, сдуру я отправила ему сообщение с просьбой приехать ко мне домой, и он согласился, и теперь я очень нервничаю. Может я поторопилась? А хотя, почему собственно поторопилась? Это всего лишь место, где я живу, сплю и работаю. В задумчивости я уселась на свой диван, подперев руками подбородок. Во мне столько смятения, что желудок начинает скручивать. Мысленно прогоняю в голове все, что было между мной и Максимом за последние дни, начиная от нашей первой встречи. И понимаю, что меняюсь рядом с ним, словно раскрываюсь заново. Мне кажется, я даже дышу глубже, прогоняя через себя весь воздух, наполняясь живительным кислородом. Я думаю о том, как искусно он рисовал на моем теле цветы, как заботливо обошелся со мной после моего пьяного загула. И то, как он отверг меня в тот единственный раз, подтверждает мои мысли о том, что я для него не только секс для снятия стресса. В тот самый момент желание отдаться ему и в самом деле было не лучшей идеей для моего тела, да и для разума тоже. Я, в самом деле, являюсь его девушкой, его парой. Я обхватываю себя руками, представляя, как это мог бы сделать сейчас он. Как же это сладко быть нужной человеку, который нужен тебе. Но довольно сидеть, Максим будет у меня с минуты на минуту, и я хочу предстать перед ним во всей красе, я уже успела заново принять душ и убрать волосы наверх, так как ему нравится, открыв свою шею. Сегодня я в новом платье нежно голубого цвета с рукавами три четверти и довольно привлекательным треугольным вырезом, выгодно подчеркивающим грудь. Идеально. Подойдя к зеркалу, которое висит на двери шкафа, я провожу руками от талии до бедер, сглаживая мягкую ткань, которая струится по телу свободными волнами доставая почти до самых колен. Скромно и сексуально. Я слышу звонок и тороплюсь открыть дверь долгожданному гостю.

Когда я снова вижу Максима, его уверенную походку, слегка скривившуюся улыбку, а в глазах замечаю знак одобрения на мой наряд, то чувствую, как щеки заливают румянец. На нем темные джинсы и голубая футболка, прекрасно показывающая все достоинства его великолепного тела. Я чуть прикусываю губы от легкого волнения, понимая, что сегодня мы выбрали одинаковый цвет в одежде. Мы не говорим ни слова до тех пор, пока Максим не оказывается со мной совсем рядом и дарит мне легкий, но такой многообещающий поцелуй. Я завожу его в свою квартиру, и, кажется, что это то самое место, где он и должен всегда быть, рядом со мной. Боже, какие глупости лезут мне в голову, точно я в него... ой, стоп! Не стоит так думать, слишком опасная и зыбкая почва под этими мыслями.

— Чувствуй себя как дома — говорю я чуть осевшим голосом, наверное, от того самого легкого волнения. И прислоняюсь к косяку двери, ведущей в мою миниатюрную мастерскую, давая ему возможность осмотреться. Но Максима гораздо больше забочу я сама, нежели то

место, где я живу, по крайней мере, он не собирается осматриваться прямо сейчас, он останавливается рядом со мной, захватывая меня в плен своих рук.

— Я уже как дома, — легкое касание его губ к моей шеи, и по телу бегут мурашки, непроизвольно подаюсь ему навстречу.

— Не сомневаюсь, — с обольстительной улыбкой говорю я.

— Ты сегодня особенно красива, — шепчет он, начиная поглаживать мои бедра через платье. — Этот цвет тебе очень идет.

— Это комплимент или просто констатация факта? — спрашиваю я, игриво приподнимая бровь.

— И то и другое, — он отпускает меня, от чего я чувствую легкий укол разочарования, но он тут же берет меня за руку, и мы проходим в комнату. — Так вот, где ты творишь свои шедевры, — говорит он, окидывая взглядом мою обитель.

— Ну, вроде как да, — пожимаю плечами и теперь жадно слежу за ним. Вся его хищная, страстная и животная натура буквально заполняет мою вдруг ставшей такой маленькой квартирку. Он словно осматривает новую территорию для завоевания, с любопытством осматривая ее, точно оценивая. А когда он подходит к моему мольберту и нежно прикасается к нему, проводя по его боковине своими длинными пальцами, на меня обрушивается неопределимое страстное желание к нему. И это не просто на физическом уровне, скорее, что-то более глубокое, всеобъемлющее. Всего одно касание, но какое! Словно он прикасается к чему-то священному. И в этот момент я понимаю, что живопись для Максима сродни воздуху, без которого он не может жить, точно так же как и у меня. Все в его движении говорит о бесконечной любви к тому, что с этим связано. Как же я раньше этого не замечала? А может просто не хотела, в нем и так слишком много всего, что мне так сильно, даже безумно, нравится и притягивает.

— Как тебе? — не выдержав долгого молчания, спрашиваю я, Максим резко оборачивается ко мне и с улыбкой на губах произносит:

— Очень даже.

— Очень даже здорово или очень даже не очень здорово? — я медленно начинаю подходить к нему, а сама ожидаю его ответа. — Эта комната, конечно, не сравнится с твоей мастерской, но мне тут нравится.

— Твоя мастерская даже лучше, — качает головой Максим.

— В самом деле? — удивляюсь я. — От чего же?

— Она вся пропитана тобой. Она создана тобой, я это чувствую.

Я преодолеваю оставшееся расстояние между нами и снова оказываюсь в кольце его рук, которые жадно начинают ласкать мое тело, разжигая в нем огонь. И уже ничего не важно, остались только мы, и наше яростное желание обладать друг другом. Он подхватывает меня за бедра, и вот я уже крепко обхватываю ногами его за талию и жадно припадаю к его губам.

— Максим, — срывающимся голосом шепчу я, глотая воздух, и еще теснее прижимаюсь к нему. Все вокруг словно плывет, мы перемещаемся по комнате, я не понимаю, куда хочет отнести меня Максим, да мне и плевать, только пусть не останавливается. Пусть так и продолжает держать меня крепко, хочу чувствовать его требовательные до ласк руки, его крепкое тело, зажатое между моих ног, его губы, жаждущие глубоких поцелуев, вкус его кожи на моем языке.

— Спальня?

— Да! Туда, дальше, — он хочет отнести меня в спальню! Положить на мою постель, чтобы там продолжить начатое. Сердце делает резкий кульбит, и я начинаю стонать от осознания того, что дальше этих ласк мы продвинуться сейчас не можем. И когда мы, наконец, оказываемся в моей спальне, и Максим усаживает меня верхом на себя, садится на мою кровать, я жалобно всхлипываю.

— Я знаю, — понимающе шепчет Макс, — я знаю, моя Бабочка!

Он обхватывает мое лицо руками, прерывая поцелуи, и смотрит прямо на меня. Жар, что горит в его глазах, испепеляет меня, мое дыхание становится таким неровным, а воздух, заполнивший легкие, готов разорвать меня изнутри.

— Просто чувствуй меня так как есть, — он притягивает меня к себе ближе, так что я начинаю отчетливо чувствовать всю силу его возбуждения.

— Хорошо, — я стараюсь унять учащенное сердцебиение, но когда Максим аккуратно кладет свою руку мне на грудь, к самому сердцу, оно начинает трепетать точно маленькие крылышки сотен бабочек.

— Дыши со мной, — и я следую за его вдохом, затем выдох, снова глубокий вдох и выдох, сердце немного успокаивается, но сильное желание никуда не исчезает, оно лишь переходит в томительную муку. Мне хочется придвинуться еще ближе, даже если это невозможно, я хочу ощутить трение его возбужденной плоти меж своих бедер, я хочу его внутри.

— Чувствуешь?

— Да.

— Дыши со мной, — снова повторяет Максим, и мы продолжаем делать вдохи и выдохи вместе. Как и Максим, я прикладываю руку к его груди, начинаю ловить его сердцебиение. И мне кажется, что наши сердца бьются одинаково, в своем собственном ритме, соединенные какой — то неведомой силой. Я так поглощена этим завораживающим звуком, что даже не замечаю, как Максим успел просунуть другую руку между нами и теперь легонько прикасается к моей нежной плоти через тонкую ткань моих трусиков. Всего одно касание, и я вскрикиваю от натянутого как струна острого вожделения.

— Прикоснись теперь ты ко мне, — с хриплым стоном требует Максим, и мои руки тут же тянутся к лямке его штанов, но Максим тут же возвращает одну ладонь к своему сердцу. — Продолжай так.

Я нервно сглатываю, облизываю пересохшие от учащенного дыхания губы и покорно оставляю свою руку на его груди, а другой прокладываю путь к его твердой налитой от желания плоти. Провожу пальчиками по всей его длине, наслаждаясь силой и мощью, что сосредоточена в нем, любовно поглаживаю, то ускоряя темп, то сбавляя.

— Бабочка хочет играть, — хрипло стонет Максим, а я от осознания той силы, что держу сейчас в руках, пребываю в странном состоянии эйфории.

— Хочу.

В отместку на мои сладкие пытки Максим слегка надавливает на чувствительную точку прямо сквозь тонкое белье, заставляя ерзать у него на коленях.

— Шшш, — ласковое поглаживание, затем снова надавливание, — поиграй со мной, Бабочка, — со стоном просит Макс и не дает мне ответить, захватывая мои губы в плен.

— Еще, пожалуйста, — с мольбой в голосе прошу я.

— Все, что хочешь, — успокаивает меня Макс и проводит языком по моей нижней губе, заставляя желать его еще больше.

— Пожалуйста, я хочу...

— Чего ты хочешь, маленькая? — его касания сводят с ума, но мне нужно гораздо больше.

— Еще хочу, еще, — и Максим внимает моим мольбам, просовывает руку через тонкое кружево трусиков, начиная ласкать обнаженную сверхчувствительную точку. Мы ласкаемся точно любовники, у которых под запретом доступ к собственным телам, жадно вбирая стоны друг друга, стараясь поглотить, вобрать в себя каждую секунду этого томительного удовольствия обладания друг другом. Его губы на моей шее, а мои губы на его, мы точно зеркальное отражение друг друга, дарим одинаковые ласки, заставляя закипать кровь в наших венах. Но как бы приятно и мучительно это не было, длиться это не может вечно, и руки сами собой ускорят темп наравне с нашими сердцами, до тех пор, пока из меня не вырывается крик освобождения, и я не чувствую в руке теплое доказательство такого же освобождения Максима. Я падаю вниз, не боясь, падаю туда, где меня ждет яркий взрыв раскрытия эмоций, я не боюсь, потому что верю — Максим меня поймает.

Глубокий вдох, затем выдох, под моей ладонью ощущаю последнее сладостное содрогание тела Максима. Чувствую, как ему сейчас хорошо, и это отдается во мне глубочайшим удовлетворением. Сейчас он медленно убирает одну руку от моего сердца, а другая так же медленно выскользывает из моих трусиков. Он с уверенной силой обхватывает меня, прижимая к себе, а затем бережно увлекает за собой на кровать.

— Твоя спальня мне тоже нравится, — его нежные касания вызывают трепет в моем еще разгоряченном теле, и я вся дрожу, но не от холода. Я дрожу от переизбытка нежной страсти, которая сейчас между нами. Каждый раз с ним особенный, неповторимый, словно после каждого нашего соития приоткрывается новая дверь наших чувств, обнажая нас, выворачивая наизнанку. И это совсем не больно, это приятно. Но мне все равно немного страшно, а все, потому что я не знаю, чем все это может закончиться.

— Да, она милая, — я пожимаю плечами, провожу по его лицу кончиками пальцев, стараясь отложить в своей памяти каждую черточку его лица для того, чтобы когда его не будет рядом, его образ мог без затруднения всплывать в моем воображении. Но кого я обманываю? Мне не нужно запоминать его черты, я их помню так хорошо, словно свои собственные. Мне просто нравится на него смотреть. — Что будем делать теперь?

— Будем отдыхать и наслаждаться, — притянув меня к себе еще ближе, он скользит губами по моей щеке до подбородка, затем возвращается и следует дальше, пока не находит мои губы. У меня снова перехватывает дыхание, удивительно, насколько ярко все это ощущается!

— Мне нравится твое предложение, — едва не задышавшись, шепчу я. Его ласки такие требовательные, всепоглощающие, словно он хочет вобрать меня всю в себя, оставить на мне свой знак. Словно я принадлежу ему одному. И мне уже начинает казаться, что так оно и есть. Мы лежим очень близко, и наши руки ни на минуту не прекращают прикосновения, точно заново исследуя, желая вобрать тепло и трепет, исходящий от наших тел. Глаза в глаза, и теперь мы молчим, наши взгляды говорят за нас. Максим сейчас такой умиротворенный, расслабленный, хищная улыбка играет на его губах, а озорные искорки вспыхивают в удивительных светлых глазах. Мне хочется их целовать, мне хочется заглянуть туда в самую глубину, где скрывается его душа.

— Расскажи мне, чем ты занимаешься, пока меня нет рядом? — вдруг прошу я его.

— Потянуло на разговоры? — усмехается Макс.

— Ты хорошо знаешь мой распорядок дня, в основном я все время занята учебой, но я не знаю, чем обычно занимаешься ты. Кроме тех случаев, когда не боксируешь грушу, конечно. — Мой голос надеюсь, звучит невинно, и я провожу пальчиком по его груди, как

бы давая понять, что это всего лишь обычное женское любопытство.

— Боксирую грушу? — его грудь сотрясается от немого смеха, а хрипота усиливается. И сейчас я не могу сказать наверняка, это от того, что он нервничает, или же это все от эмоций после недавнего мощного оргазма. — Вот как ты это себе представляешь.

— Что-то вроде того, — я дарю ему улыбку, а глазами прошу поведать мне о себе чуть больше, чем я сейчас знаю.

— Так же как и ты творю, ничего особенного, — он снова целует меня, точно пытается отвлечь. — Лучше расскажи, чем я заслужил возможность побывать у тебя дома?

— Хм, — вот же вопрос, я и сама толком не знаю, почему захотела, чтобы он приехал ко мне домой. — Я была у тебя...

— Так, — Максим подбадривающе кивает головой.

— И была уже не раз...

— Это верно, — он начинает забавляться надо мной, а я смущаюсь еще сильнее. На какую — то долю секунды мне начинает казаться, что наш последний разговор о том, что теперь у нас иного рода отношения, это всего лишь плод моего воображения, и по моей коже проносится неприятный озноб. Что, если он почувствовал меня в своей власти, и уже вот — вот я наскучу ему?

— Меня просто удивляет то, что ты теперь не пытаешься убежать и вся такая мягкая и нежная, все колючки спрятала.

— А, так тебе уже не интересно? — я поднимаю на него глаза и клянусь себя за то, как неуверенно звучит мой голос.

— Нет, мне все нравится, — он улыбается, и мои страхи рассеиваются как дым, я крепче обнимаю его, наслаждаясь его близостью. — К тому же, — продолжает Макс — я бы все равно не дал тебе убежать.

— Почему? — спрашиваю я, снова поднимая на него глаза, и начинаю тонуть в них. Сейчас они кажутся мне, как никогда прежде, глубокими, восхитительными, полными огня.

— Потому... — Максим задумывается и внимательно смотрит, будто пытается пронзить меня своим взглядом до самого сердца. — Потому что рядом с тобой мне слаще дышать.

От его слов, сказанных таким тихим приглушенным голосом, я начинаю вся трепетать, сердце начинает биться быстрее, а дыхание затаилось где-то на уровне горла.

— Потому что начинаю привыкать к твоему запаху, запаху твоего тела, к его теплу, —

продолжает Максим, а я, все так же замерев, смотрю на него и с трудом верю в то, что он говорит. — Боюсь, теперь без тебя мне будет труднее вдыхать воздух. Без тебя он уже не тот.

Я открываю рот, но слова застревают у меня внутри, мне хочется сказать, что я чувствую то же самое. И... не могу.

Где-то в глубине квартиры раздается настойчивый звонок моего телефона. И это все портит. Максим отрывает от меня свой пристальный взгляд, бросая его в сторону, откуда слышен звук, а я, наконец, выдыхаю, внутри все клокочет, рвет и бьется наружу. Возможно, если бы не моя глупая растерянность, этот момент мог бы войти в список самых лучших в моей жизни. — Ответишь?

— Что? — я глупо хлопаю глазами.

— Ответь на этот чертов телефон, Оксана, — Максим поднимается и садится на кровать, теперь он смотрит на меня сверху вниз. Его взгляд непроницаем, точно это и не он вовсе несколько секунд назад говорил мне прекрасные слова.

— Если ты так настаиваешь, — ворчу я, тоже нехотя поднимаясь. Найдя свой телефон, который так и продолжает звонить я, даже не глянув на экран, тут же отвечаю:

— Алло.

— Оксаночка, ты долго не брала трубку, что-то случилось? — звонит мама, и я сокрушенно поднимаю вверх глаза. Удивляясь ее такому острому внезапному обострению материнской внимательности. Интересно она теперь всегда будет называть меня именно «Оксаночка»? Не хотелось бы. Во все не потому, что мне неприятна нежность со стороны матери, просто это слишком странно, непривычно, и так на нее не похоже.

— Привет, мам, все в порядке, я цела и бритвы рядом нет, — я подпираю спиной стену и продолжаю смотреть в потолок.

— Это совсем не смешно, — выдыхает мама, и я чувствую острый укол сожаления, что так ответила ей. Она ведь, в самом деле, ни в чем не виновата.

— Извини, я сказала не подумав.

— Ничего, — успокаивающе говорит мама, — я все понимаю. Я это, наверное, заслужила...

— Нет, мам, не заслужила! — в сердцах говорю я ей. — Это просто все предэкзаменационный стресс, большая нагрузка и все остальное.

— Ладно, опустим пока эту тему, — голос мамы звучит очень внушительно, похоже, она что-то задумала, это вообще странно, что она звонит мне спустя несколько часов после

нашей встречи. — Я предлагаю пройтись тебе со мной по магазинам! — она так торжественно это заявляет, точно я маленькая девочка, а она мне только что объявила, что мы едем в Диснейленд. Только вот я уже не маленькая девочка, и поход по магазинам для меня далеко не парк развлечений. — Мы можем заходить именно туда, куда ты хочешь, и я даю слово, что не стану давать тебе советы и предлагать что — то от себя. А потом можно будет вместе зайти в кафе и съесть там чего-нибудь сладенького! Ну как тебе?

Уф! Вот это номер! Мама предлагает нам вместе съесть чего-нибудь сладенького? Пройтись по магазинам, и она обещает, что мы пойдем именно туда, куда захочу именно я? Что дальше? Я увижу говорящего кролика?

— Идея интересная, — осторожно начинаю я, — и когда ты свободна?

— Говори, когда свободна ты, может сегодня вечером? Нет, подожди, вечером есть сладкое лучше не стоит, — задумчиво произносит она и тут же ликующе предлагает, — мы можем заехать в кофейню в центре, там просто изумительно, тебе обязательно понравится!

— Я сегодня, пожалуй, не смогу, — неуверенно говорю я, растерянная такой неожиданной внимательностью матери, — может, я перезвоню тебе попозже?

— Ну что ж, — несколько разочарованно протягивает мама, — и когда ты сможешь мне перезвонить?

— Я посмотрю как управлюсь с учебой и дам тебе знать, идет?

— Хорошо, доченька, я просто хочу, чтобы ты знала, я очень хочу получить шанс все исправить. Я знаю, что это невозможно, но хотя бы попытаться, — ласково говорит она, и я понимаю, что определенно не узнаю сейчас в этой женщине суровую бизнес-леди Валентину Валеvскую. — Ну, все! Все разговоры оставим для встречи! Целую тебя, до связи.

— Целую. До связи. — Я задумчиво убираю от уха телефон, сюрреализм какой то! Похоже, мою маму довольно значительно накрыло чувство вины. Подобного разговора у нас не было... я даже не помню, когда мы так разговаривали в последний раз. Мне всегда хотелось быть с мамой на одной волне, но мы, словно две совершенно различные разновидности рыб, движемся по разные стороны океана. Глаза предательски начинает пощипывать, и я начинаю быстро моргать, чтобы прогнать эти навязчивые слезы. Нужно отвлечься, не хватало еще разреветься прямо сейчас.

— Макс! Ты будешь кофе? — кричу я ему из коридора, может приличная доза кофеина поможет мне разобраться во всех тех переменах, что происходят сейчас в моей жизни?

— Идет! Я сейчас подойду! — раздается его голос из спальни, и я направляюсь на кухню. Быстро справившись с кофемашиной и поставив на стол две чашки, уже собираюсь пойти посмотреть, где там пропал Максим, как он уже сам появляется на кухне.

— Я буду черный, — запоздало с улыбкой говорит он, и вроде бы ничего не изменилось, но от того, как он посмотрел на меня в этот момент, мое сердце екнуло. Не знаю, что это за взгляд, но от него у меня пошли мурашки по всему телу.

— Хорошо, черный так черный, — нарочито беззаботно отзываюсь я, делая вид, что не заметила его взгляда, такого внимательного, словно ищущего, ждущего чего-то.

— Кто тебе звонил? — Максим непринужденно усаживается за мой стол, и я понимаю — мне нравится видеть его на своей кухне.

— Это была мама, — я достаю пакет молока и сахарницу для себя. — Хотела встретиться со мной.

— Я думал, вы не очень близки, — приподняв брови, удивляется Макс.

— Да, пожалуй, это так, — я упираюсь руками о спинку стула, задумавшись. — Но с недавних пор мы работаем над этим. По крайней мере, я так думаю.

— Что же послужило этим переменам?

Ох, ну что же тебе ответить, Максим? Что мать узнала, как отец застал меня в ванной с бритвой в руке, и теперь она за меня боится?

— Все дело в том, что, — медленно начинаю я, стараясь продумать каждое слово, — мы, наконец, поняли, как многое упускаем, отдаляясь друг от друга в череде каждодневных забот.

— Это хорошо, я этому рад, — он притягивает меня к себе, усаживая на колени, и я обвиваю его шею руками. — Никто не сумеет заменить родную мать, это хорошо, когда она рядом.

— А твоя мама, — осторожно спрашиваю я, вспоминая разговор с Максимом, когда он сказал, что его родная мать умерла уже очень давно, — какой она была, ты ее помнишь?

— Максим вскидывает голову кверху с таким обреченным видом, что внутри все щемит, и я понимаю, что задела что — то очень болезненное. Его губы искривляются в горькой усмешке.

— Тебя определенно потянуло на разговоры.

— Ты не хочешь об этом говорить? — обреченно шепчу я, нежно проводя ладонями по его груди. Сколько боли скрывается в этом таком сильном мужчине? Мне остается только догадываться. — Не хочешь говорить об этом со мной.

Это уже не вопрос, это факт. Максим не готов или же просто не допускает даже мысли,

чтобы открыться мне.

— Я хочу, чтобы со мной говорила ты, — отвечает Максим, спустя какое то время. Я чувствую его напряжение. Я чувствую под кончиками пальцев его твердое как скала тело, такое сильное снаружи, скрывающее такую израненную душу внутри. — Но ты ждешь ответы от меня, а сама свои ответы прячешь.

Я начинаю недовольно хмуриться, понимая, куда он клонит. А ведь он прав, Максим как никто другой был откровенен со мной, и в ответ он ждет от меня того же. Но я не готова дать ему это. И даже зная теперь, как нужна ему, все равно существует страх, что когда он узнает обо мне всю правду, то отвернется от меня и оставит одну. А это будет слишком больно, потому что мне он тоже нужен, нужен как воздух.

— Тупик, — вялая улыбка касается моих губ.

— Это в твоих силах — свернуть с пути и дать нам дорогу, — возражает Максим. Я понимаю, он прав, как всегда прав. Но, что, если я не готова? Больше всего я боялась вспоминать прошлое не от того, что это было больно, грязно и мерзко. Я запрещала думать себе о нем, потому что боялась, что все то, что я хотела вычеркнуть из своей жизни, вернется и обрушится на мою голову. И тогда мне придется жить с этим, просыпаться каждое утро с осознанием того, что я дрянь. А я слишком долго это делала, я просыпалась с этой мыслью на протяжении всей гнусной связи со Стасом.

— Я могу тебе помочь, — он притягивает меня к себе так близко, что между нами не остается ни сантиметра расстояния. В тепле его тела я чувствую себя защищенной, мне хочется быть рядом с ним. Всегда. Но я боюсь.

— Как?

— Ты будешь говорить, затем я. Мы можем многое рассказать друг другу, чтобы понять. Если хочешь, я могу начать первым, но при условии, что и ты будешь рассказывать тоже.

Ох, Максим, какой же ты сильный! Я обнимаю его, так крепко, как только могу. Ну что сложного, в самом деле, открыть рот и выплеснуть все то, что внутри? Очень сложно, черт побери! Слишком долго все это хранилось во мне, но как мне хотелось этим всем поделиться! Хотелось рассказать все, поплакаться на чьем — то плече, и чтобы чьи-то ласковые руки бережно гладили мои волосы, а тихий голос успокаивал и говорил, что я не виновата, пусть это и было бы ложью. Проблема в том, что тот человек, который мог бы меня выслушать, безвозвратно для меня потерян. Моя подруга, та самая, которую я предала, могла бы меня выслушать. Она бы сказала мне, что я не виновата, я знаю, что сказала бы. Она бы солгала мне просто для того, чтобы мне стало легче, но проблема в том, что во всей этой ситуации она главная жертва предательства. А Максим не такой, он не станет лгать, не станет облегчать степень моей вины. Он другой. Он слишком сильный и смелый, чтобы отворачиваться от правды.

— Я хочу побыть одна, — мой голос еле слышен, но этого достаточно, чтобы Максим меня понял. Боже! Ну, зачем я это говорю! Не хочу я больше быть одна, я хочу быть с ним! Но слова уже слетели с моих губ, их не вернуть назад.

— Снова пытаешься убежать? — грозно шипит он, не давая мне слезть с его колен, когда я начинаю предпринимать для этого попытки.

— Я не убегаяю, я всего лишь говорю, что мне нужно побыть одной, — вяло возражаю я.

— Все так плохо?

— Нет ничего плохого! — я все же рывком поднимаюсь с его колен и отхожу от него на достаточное расстояние, чтобы он не смог притянуть меня обратно. А быть может, чтобы уменьшить соблазн и самой не вернуться к нему? — Ты получил то, что хотел, я тоже. Сняли стресс и разбежались!

— Что ты несешь! — рычит Максим и резко поднимается со стула. Он с силой хватается за плечи, вынуждая смотреть ему прямо в глаза. — Сама себе противоречишь, ты сама — то понимаешь, что сейчас делаешь? Где ты настоящая? А?! Скажи мне, та, что бесстыдно отдавалась мне в темном коридоре музея или та, нежная, ранимая и плачущая в моих руках? Зачем столько масок, Оксана? — его голос срывается на крик, еще никогда я не слышала, чтобы он кричал, я думала, что это вообще, в принципе, невозможно. Как же я ошибалась! Мои щеки зарделись от воспоминаний нашего первого раза в галерее, где я стонала, мучимая его ласками. Наверное, мои глаза расширились от мгновенного испуга на его такую мощную агрессию, и его голос становится тише, усиливая без того такую явную хрипоту. — Всякий раз я пытаюсь понять, какая ты на самом деле. Сначала я думал, что ты такая же, как я, ищущая ярких впечатлений в этой серой массе жизни, я был уверен, что ты примешь все условия моей игры, но я ошибался! Потом я увидел тебя такую скромную и беззащитную, всю сжавшуюся под моим взглядом, и тогда я подумал, что в тебе есть нечто большее, чем есть во мне. И это притягивало меня как магнит, — он встряхивает меня, но не сильно, продолжая держать за плечи, он словно хочет сбросить с меня оцепенение, — я безумно хочу понять, что скрывается за всем этим. Что творится в твоей голове, Оксана? Что ты так яростно скрываешь?

На моих глазах проступают слезы, и я хочу их спрятать от него, но не могу. Максим уж во второй раз видит меня заплаканную и такую жалкую! Ненавижу это!

— Отпусти меня, — мне, наконец, удается вырваться от него, и я отхожу назад, пока не упираюсь спиной в стену — Просто уходи! Я не хочу видеть тебя сейчас!! Не надо лезть ко мне в душу, Макс! Я не хочу!

Слишком много эмоций, слишком много всего. Теперь я действительно хочу остаться одна. И Максим сдается, его плечи теперь расслаблены, напряжение спало.словно в трансе я наблюдаю, как он разворачивается и покидает мою квартиру, и я остаюсь одна. В моей груди начинает появляться огромная, холодная дыра, и я поднимаю руки и прижимаю их к

ней, словно это поможет ей затянуться. Но это бесполезно, она слишком огромна. Мое лицо все в слезах, и я уже не пытаюсь их остановить. Всего несколько минут назад я была такой счастливой, мы плыли с Максом на одной волне, и это было так сладко, непередаваемо прекрасно. Я чувствовала его сердце как свое, и все это теперь ушло, словно и не было вовсе. И во всем виновата я сама. Пошатываясь, точно во хмелю, я начинаю двигаться, еще не понимая, куда намереваюсь идти. Дохожу до входной двери, через которую только что ушел Максим и слегка касаюсь дверной ручки. Я хочу его вернуть, хочу, чтобы он вернулся. И словно вселенная услышала мои мольбы, и дверь раскрывается, едва не сбив меня, и я отскакиваю в сторону. Максим! Он безжалостно хватает меня в железные объятия и страстно целует в губы, заставляя всю меня трепетать, вынуждая вырываться из груди болезненным стоном. Я отвечаю ему так же яростно, отдаваясь ему без остатка.

— Я не дам тебе сбежать, слышишь, — требовательно хрипит Макс, — не позволю! Это не конец, запомни! Сейчас я уйду только для того, чтобы ты смогла понять и, наконец, принять, что я нужен тебе так, как и ты нужна мне.

Он дарит мне еще один не менее страстный поцелуй, и, уходя, даже не обернувшись, произносит слова, которые дарят мне так много надежд и обещаний:

— Никому не позволю делать тебе снова больно, даже себе.

И теперь он уходит, теперь точно уходит. Я опускаюсь вниз, медленно соскальзывая вниз по стене, прижимая дрожащие пальцы к губам, еще хранящим тепло его губ. Он разорвал меня, вытащил из меня все, что только возможно, и даже сам не понимает этого. Теперь я начинаю осознавать всю степень его безумной страсти ко мне, которая точно яд вскрывала все мои старые раны, заставляя их кровоточить вместе с гноем. Ведь я, закрывая их, не удосужилась даже хоть немного их прочистить. Я их просто закрыла, оставила, где-то глубоко внутри себя, вынуждая их гнить и воспаляться до тех пор, пока они сами не вылезли наружу.

Кажется, теперь я начинаю все понимать. Начинаю понимать, почему Максим смог рассказать мне о своем детстве. Это было совсем нелегко, это было трудно и больно. Но он не дал мне этого увидеть, чтобы не вызывать жалости к себе. Он знал, что пряча все внутри, раны только воспаляются, она гниют, принося в жизнь только боль одиночества и печали. Максим знал, что прятать что-то бесполезно и всегда говорил мне об этом. Он всегда говорил, что нужно уметь быть открытым, и это дает тебе силу. Теперь я все понимаю. Скрывая, храня тайны от всех и даже от самого себя, мы делаем себя уязвимыми. Мы живем в страхе, что кто — то узнает о них и обернет их против нас. Когда тебе нечего скрывать, тебе нечего бояться. И какой бы страшной не была твоя правда, прятать ее вечно все равно не получится. Она всплывет рано или поздно, и как бы человек не старался скрывать ее от чужих глаз, она все равно будет прорываться наружу в виде наших каждодневных поступков, наших привычек и даже наших манерах говорить. Скрывать нет смысла, по крайней мере, скрывать от самой себя.

Я опустошена и разбита, я хочу в кровать. Быть может на ней еще остался запах Максима, и я могу закрыть глаза и вдыхать его, представляя, что он все еще рядом. Я зарываюсь лицом в подушку, вытирая об нее мокрое от слез лицо. Я больше не плачу, достаточно слез. Он сказал, что не отпустит меня, сказал, что я ему нужна. Так вот, он тоже нужен мне! И я тоже не собираюсь его отпускать. Я прижимаю подушку к себе, обхватив ее обеими руками. Последний всхлип, и тут я натякаюсь на что — то лежащее под ней. По спине бежит мерзкий холодок, я отбрасываю подушку в сторону и вижу под ней мои рисунки. Первая — это Стас с его довольной уверенной гадкой улыбочкой, дальше я и Ленка, моя бывшая подруга, которую я так гнусно предала. Потом идет сцена возле кафе, где меня целует Сашка и после того поцелуя меня стошнило. Меня начинает тошнить прямо сейчас. Сколько времени я отсутствовала в комнате? Было ли это достаточно для того, чтобы Макс успел найти рисунки и все понять? Нет, я яростно качаю головой, словно пытаюсь стряхнуть эти мысли как кошмарный сон, ведь я уже почти была готова сама рискнуть и все рассказать Максиму о себе. Именно сама, чтобы он узнал все от меня, а не случайно наткнувшись на эти мерзкие карикатуры моего прошлого. Ладно, Оксана, сделай глубокий вдох. Я начинаю быстро обдумывать все, что только что между нами произошло. Мог ли он, в самом деле, все это увидеть, и если да, то как? И если, в самом деле, он случайно заглянул под подушку и нашел рисунки, то почему ничего мне не сказал? Да нет, бред какой-то. Он ничего не видел, не мог. С чего ему рыскать по моей постели? Я все расскажу ему сама, я рискну, я смогу это сделать. Если это единственная возможность суметь жить нормально и больше не чувствовать себя одинокой, то я этой возможностью воспользуюсь. Иначе буду жалеть об этом всю жизнь. Как жалею, что когда-то не смогла найти в себе смелость и во всем самой признаться бывшей подруге. Ведь из — за моей трусости Лена узнала правду в самом ее неприглядном и мерзком виде. Если бы я могла все повернуть назад, я бы пришла к ней еще после первого раза, что произошел на даче, когда Стас посмел поцеловать меня, а я так отчаянно ему ответила. Тогда бы у него не было такой возможности перевернуть все с ног наголову и облить меня двойной грязью, еще большей, чем уже была на мне.

Удивительная вещь — прошлое, стоит только приоткрыть к ней дверь, как оно начинает медленно возвращаться в твою жизнь. Правильно говорят, что жить прошлым, это не жить вовсе. А ведь я этого не хочу, и как бы я не старалась убежать от воспоминаний о прошлых ошибках, все равно ничего не выходит. Я принимаю решение — разобраться с этим раз и навсегда. Пора навести порядок у себя внутри, да и в голове тоже, без порядка покоя мне не будет.

Уже совсем по-настоящему летний, теплый вечер медленно опускается на город. На набережной, несмотря еще на довольно светлое время суток, повсюду зажигаются огоньки небольших кафешек, и отовсюду громко звучит музыка. Народу гуляющего здесь стало еще больше, чем пару дней назад. А ведь еще даже не выходные. Я стою напротив одного из самых популярных кафе нашей набережной. Оно популярно не потому, что там всегда самая заводная музыка или отличная кухня, думаю, секрет в том что, это кафе находится на более удачном месте, нежели другие. Сюда легко добраться на машине с любого конца города, просторная парковка и довольно приемлемые цены, да и контингент посетителей здесь встречается самый разный, начиная от студентов по вечерам и заканчивая серьезными дядечками в дорогих костюмах днем. Некогда ярко красные кирпичные стены летнего кафе обветшали, и если раньше его облицовка приковывала взгляд, привлекая проходящих мимо людей своей красотой, приглашая заглянуть внутрь, то теперь все это ушло вместе с его цветом. Я с самого начала подозревала, что эта яркость будет недолгой, и даже кажется с кем-то поспорила на этот счет. Что ж, я не ошиблась, все так, как я и говорила. Немного помедлив и еще раз окинув взглядом исцарапанные посеревшие стены, я двинулась к входу. Заняв место на террасе, как это делала раньше, и заказав стакан сока, я позволила воспоминаниям обрушиться на меня. Именно здесь мы сидели и весело щебетали с Леной, пока к нам не подсели знакомиться Стас и Сашка. Именно здесь произошел первый поцелуй Лены со Стасом, а я поняла, что впервые хочу то, что отныне стало принадлежать подруге. Это был единственный раз, когда нам понравился один и тот же парень. И это было началом конца нашей дружбы. Мы столько раз зависали здесь, что это кафе практически стало нашим вторым домом, все официанты знали нас, ди-джей без проблем ставил для нас любую музыку в любое время. Сегодня я специально надела черные очки и убрала волосы в высокий хвост, чего никогда раньше не делала, когда приходила сюда. Не хотела, чтобы кто-то из обслуживающего персонала меня узнал, но, похоже, я зря переживала, девушки, снующие туда-сюда с заказами, оказались мне все незнакомыми. Еще была вероятность встретить здесь и старую компанию, но осмотревшись по сторонам, я никого не заметила и с облегчением сняла очки. Мне захотелось со стороны взглянуть на ту прошлую жизнь, что когда-то была у меня, и я думала, что придя в это место, на меня накатит ностальгирующая тоска, но ничего такого я не чувствую. Странно, нам было так весело тогда всем вместе, за исключением, конечно, тех моментов, когда мне приходилось наблюдать целующихся Стаса и Лену.

...Под шумную клубную музыку Лена как всегда отрывалась на танцполе, а я сидела за столиком и медленно потягивала очередную коктейль. Ко мне подсел Стас и, как бы невзначай, положил руку на спинку моего стула. Мое тело все напряглось, и я невольно бросила взгляд в сторону танцующей Лены, страшась, что она что-то заметит или заподозрит.

— Малышка, ты бы, может, пофлиртовала с кем, а то мы с Ленкой за тебя уже переживаем, — тихо прошептал мне Стас на ухо, наклоняясь ко мне. Меня точно окатили из

ведра с помоями, они что обо мне говорили? — Ну же давай, оттягивайся вместе со всеми, сидишь тут с кислой миной, ты же сама понимаешь, что это будет только в нашу пользу.

Я повернулась к нему и увидела его такую невинную улыбку и в очередной раз прокляла себя, что сама не побежала к Ленке во всем покаяться. А теперь все зашло слишком далеко.

В самом начале Стас вымаливал у меня прощение, что не сдержался тогда, когда поцеловал в первый раз. Он говорил, что сходит по мне с ума, что его съедала дикая ревность, что он обезумел, когда узнал, что Сашка поцеловал меня. Стас не давал мне проходу, при малейшей возможности брал за руку, пока никто не видит, и не давал возможности вырваться. Он буквально заполнил все мое время, так же как и все мои мысли. Я сопротивлялась так долго, как могла, но в итоге все же сдалась. Да, я пошла на поводу у своих желаний. Первое время мне казалось, что Стас тот человек, который меня понимает, что он именно тот, кому я нужна всегда и везде. И единственным препятствием между нами была моя подруга Лена. Я тысячу раз уговаривала его поговорить с ней, я хотела, чтобы мы это сделали вместе. Да, было бы больно, неприятно и жутко страшно, потому что я вполне представляла себе, какая реакция могла бы быть у подруги на наше откровение. Но Стас всякий раз отговаривал меня, придумывая все новые и новые препятствия для откровенного разговора со своей девушкой. Он просил потерпеть, дождаться более подходящего момента, и я, как полная дура, ждала. А теперь, видя, как Лена абсолютно и полностью влюбилась в Стаса, я даже не представляла, что нам делать. И теперь он предлагает мне начать флиртовать с кем-то из парней, чтобы отвести от нас подозрения. С одной стороны это было бы верно в том плане, что Ленка и так уже начала как-то странно на нас посматривать, она даже пару раз заметила, как Стас держит меня за руку, но никак это пока не комментировала. И даже ни разу со мной об этом не заговаривала, мне вообще стало казаться, что мы стали отдаляться друг от друга. Я боялась того что будет, если она обо всем узнает, и мне было гадко от того, что я и Стас от нее скрываем. И сейчас, глядя на слегка покрасневшее от танцев лицо Стаса, я не понимаю, как я могла увязнуть в этом болоте по самые уши. Где-то там, на далеких задворках здравомыслия, я начинаю понимать, что если бы он во мне нуждался, так как и говорил, он бы не стал предлагать мне флиртовать с другими парнями только для отвода глаз. И он бы уже давно сам поговорил с Леной, порвал с ней отношения, чтобы быть со мной, с той, кого, как он как говорил сам, безумно любит. Все это было неправильно, все наши отношения были мерзкими и дрянными, и до меня только сейчас стало это доходить. Хотя, конечно, не только сейчас, где-то в глубине души я всегда это знала и понимала. Но Стас просто свел меня с ума, у него был просто дар красноречия, он умел ввести в заблуждение, так что я чувствовала себя с ним такой нужной и любимой. Он умел ловко и непринужденно запутать в свои сети. И со мной у него это отлично получилось! Но он был так внимателен ко мне в начале, Стас сводил меня с ума своими ласковыми руками и горячими поцелуями, я думала, что хорошо знаю этого человека. А оказалось, что это совсем не так. Я молча поднялась и вышла из кафе на улицу, вызвала такси и уехала домой. Потом, как оказалось, они даже не сразу заметили, что я их оставила. Мне было так горько от того, что Стас этого даже не понял. И тогда я пришла к выводу, что пора ставить точку. Я решила порвать со Стасом, мне стало уже очевидным то, что расставаться с Леной он не собирается, и его все вполне устраивает. От осознания этой неприятной правды мне стало еще противней на душе. И я сказала Стасу, что между нами все кончено. К моему удивлению, он воспринял это довольно спокойно, он тогда приехал ко мне в институт по моей просьбе, и мы спокойно поговорили,

я сказала, что больше не хочу довольствоваться ролью второго плана, что мне все это осточертело, я так больше не могу и хочу все забыть. Стас лишь пожал плечами и бросив напоследок: «Ты сама так решила», — развернулся и ушел. Мне было больно и обидно, я надеялась, что вместе с разрывом я почувствую хоть какое-то облегчение, но вместо этого чувствовала непонятную странную пустоту. А еще мне предстояло изо дня в день смотреть, как продолжают развиваться отношения Стаса и Лены. Я понимала, что подруга не заслуживает такого парня, что ей нужно знать, какой Стас на самом деле, но я не представляла, как смогу открыть ей глаза. А потом наступил день, который перевернул все в моей жизни.

Мы в очередной раз собрались на Сашкиной даче, начались первые учебные дни, и пока солнце еще жарко грело, мы решили провести последние теплые выходные дни где-нибудь поближе к природе. Я позвала своих однокурсников, Сашка позвал всех, кого только мог с нашей общей компании. В общем, народу было много. Все шло нормально, парни соорудили мангал и жарили мясо, девчонки сновали рядом и смеялись, кто-то включил музыку и танцевал прямо на мягкой ухоженной траве, сняв обувь. Я же все никак не могла отделаться от тревожной мысли, что Лена вся такая влюбленная и не имеет ни малейшего понятия о том, что было между мной и ее парнем. А от взглядов Стаса меня теперь всю передергивало, что-то изменилось в нем, в том, как он смотрел на меня, и в том, как разговаривал со мной. Я это объясняла возможностью еще неостывших его чувств ко мне, может даже обидой. Но как же я ошибалась!

За веселым приготовлением мяса и распитием пива никто даже и не заметил, как сгустились сумерки, и все небо заволокло темными тучами. Я пошла в дом на кухню, чтобы принести из холодильника еще пива и сразу почувствовала чье-то присутствие за спиной, а затем и звук захлопывающейся двери. Обернувшись, я увидела Стаса, он стоял и смотрел на меня таким колючим взглядом, что я невольно вся съежилась. Я сделала вид, что меня несколько не волнует то, что мы остались с ним наедине, и, взяв в руки две полторалитровые бутылки пива, двинулась к выходу, но Стас быстро перегородил мне путь.

— Стас, дай пройти, — со всей серьезностью сказала я ему.

— Да не торопись ты, малышка, — теперь это ласкательное слово корежило мне слух, я попыталась пройти снова, но Стас опять не дал мне этого сделать. — Давай поговорим, Оксана.

Он близко наклонился ко мне и ловко выхватил обе бутылки из рук, поставил их на стол.

— Не о чем нам говорить, Стас, — возразила я, хмуря брови, все это начинало нравиться мне все меньше и меньше. — Забыли обо всем, ты ведь не хочешь, чтобы Лена обо всем узнала, уверена, она тебя уже ищет. Иди к ней.

— Я скучаю по тебе, малышка, — жалобно потянул Стас и обхватил мою шею руками, прижался своим лбом к моему.

— А я не скучаю, но раз уж ты здесь, отнеси пиво ребятам сам, — я нервно смахнула с себя его руки и уже думала, что он меня, наконец, отпустит, но не тут то было. Стас резко схватил меня за руку, да так грубо, что мне стало больно.

— Что ты делаешь! — зашипела я, чувствуя, как липкий страх начинает ползти у меня по спине. Я нутром чуяла, что что-то не так. — Немедленно отпусти!

— И не подумай, — он резко прижал меня к себе, и я вскрикнула, а потом он начал задираť мою кофту. Я стала сопротивляться, но Стас быстро заломил мне руки, и, прижав к

столу, начал покрывать грязными поцелуями мою оголенную грудь. И мне стало страшно. То, как он шарил по моему телу и пытался сорвать кофту, а затем еще и потянулся к замку на штанах, заставило меня понять, что он совсем обезумел. Неужели он хочет взять меня силой, прямо здесь? Я хотела закричать, но мне было жутко стыдно, что нас кто-то может увидеть, в голове пронеслись сотни мыслей о Ленке и Сашке, о друзьях, что продолжают веселиться где-то на улице. Я изо всех сил пыталась отстранить от Стаса, но у меня ничего не выходило, слишком не равными были силы, неужели я когда-то сама желала его ласк? Этого дикого животного, который, несмотря на мои мольбы и просьбы, даже не думал останавливаться. Только чудом я смогла высвободить левую руку, ухватиться до стоящей рядом бутылки с пивом и огорошить его по спине. Стас отшатнулся и ослабил хватку, а я резко оттолкнула его от себя, отбежала в сторону:

— Не подходи ко мне!

— Ты, дура? — Стас держался за то место, куда я его огрела, и ошарашенно смотрел прямо на меня. — Ты меня ударила! Любишь грубости? Сейчас ты их получишь!

Меня буквально пригвоздило к полу от страха и неверия, что все это происходит со мной. Человек, который сейчас предстал передо мной, был мне абсолютно не знаком. Он снова успел схватить меня, как тут открылась дверь, и на кухню ворвались Лена с Сашкой, по крайней мере, тогда мне так показалось. Я с облегчением вздохнула от того, что дверь на кухню не защелкивается.

— Какого черта тут творится? — заорала Ленка, глядя то на меня, то на Стаса, который увидев ее, немедленно отпустил меня и отошел в сторону.

— Лен, все не так, как кажется, — заискивающе начал было Стас, но я его резко оборвала и прокричала, точнее я хотела закричать, но вместо этого мой голос оказался каким-то сдавленным и тихим:

— Он приставал ко мне! Он... он хотел... — и тут по моим щекам покатились слезы. Ленка быстро подбежала ко мне и натянула мою кофту вниз, прикрывая меня, а я дрожащими руками пыталась застегнуть джинсы. Она обняла меня одной рукой за плечи и, развернувшись к Стасу, потребовала объяснений.

— Она все врет! — гневно заорал Стас, зло бросив взгляд в мою сторону. — Это она приставала ко мне всякий раз, пока ты не видела, она была готова залезть на меня сверху. А сейчас просто с ума сошла и набросилась! Вот видишь, даже футболку мне растянула!

В подтверждении своих слов он дернул за ворот футболки, которая действительно была оттянута, ведь я пыталась освободиться от него изо всех сил.

— Что за чушь! Что вообще здесь творится? — не веря ему, прокричала Лена. — Кто-нибудь объясните мне! Сашка, что ты стоишь?

А Сашка и сам был в полной растерянности и, тупо открыв рот, снова его закрыл.

— Лен, пожалуйста, не верь ему! — я всхлипнула, держась за подругу. — Мне так жаль, мне очень жаль.

— Что тебе жаль, Оксана? — удивленно вскинула брови Лена и тут же снова обратилась к Стасу, — я все еще жду объяснений!

— Малышка, — начал было Стас, и меня всю передернуло. Никогда я не слышала, чтобы он обращался таким же ласкательным словом к Лене, как и ко мне. Не знаю, почему, но это ударило по мне еще сильнее. Я стала осознавать в полной мере, какой глупой я была. — Я тебе все объясню, но моей вины тут нет, поверь мне. Она первая все начала, все это время я пытался держать ее от себя подальше, но это было чертовски трудно, малышка! К

тому же она твоя подруга, ну что я мог сделать, сама подумай!

— Мог все рассказать мне, — резко ответила Лена. А я стояла и никак не могла понять, что происходит... Он что, пытается свалить всю вину на меня?

— Лен, пожалуйста, — словно мантру снова и снова прошу я подругу, — не верь ему. Я все тебе объясню, мы же столько времени дружим. Послушай меня, пожалуйста.

Но Лена уже отошла от меня в сторону, я вижу, как она растеряна, она мечется между любимым и лучшей подругой.

— Брось, Оксана! — язвительно засмеялся Стас, — ты ведь не будешь отрицать, что сама признавалась в том, как сходишь по мне с ума. Что хочешь быть только со мной.

— Я... - в замешательстве я смотрю на Лену, которая стоит, поджав губы, и ждет, что я отвечу. Я не знаю, надеялась ли она, что я опровергну его слова. Или она уже тогда была готова принять сторону Стаса. — Прости Лен.

Теперь скрывать все бесполезно. Правда, какой бы уродливой она не была, все равно вылезет наружу, даже если ее скрываешь изо всех сил. А я устала скрывать, потому что эта ложь слишком давно висит у меня на шее.

— Хочешь сказать, — плечи Лены как-то сразу поникли, и она сама как-то вся словно осела, точно весь тот груз, что я держала в себе, теперь переместился на нее. — Ты хочешь сказать, что ты влюблена в моего парня? — последние слова из едва различимого шепота переходят на визгливый крик.

— Я думала, что это так. Но пожалуйста, выслушай меня!

— Ты говорила ему, что любишь его? — прорычала Лена, теперь она уже не казалась мне поникшей, все в ее позе говорило, что она готова наброситься на меня с кулаками. Я незаметно кивнула, судорожно пытаюсь найти выход из всего того, во что сама вляпалась. Как ей объяснить, что все это было ошибкой, как ей объяснить, что Стас всего лишь играл со мной, с нами обеими?

— Скажи мне, — она медленно двинулась ко мне, и внутри у меня все сжалось от страха. То, с каким призрением она сейчас смотрела на меня, было непереносимо тяжело, и я усилием воли старалась не отводить взгляд, чтобы меня не задавило окончательно теми эмоциями, что переполняли меня, — ты его целовала?

— Малышка, чего она только не делала, — сокрушенно вставил свое слово Стас. И звонкая оплеуха обрушилась на мое лицо.

— Дрянь! — мои глаза наполнили новые слезы, и все, что я увидела, это то, как Лена пулей вылетела из комнаты. Я бросилась за ней. Оказавшись на улице, окликнула ее, сама не понимая, зачем это делаю. Мне тогда нужно было дать ей уйти, дать ей возможность хоть немного остыть, возможно, тогда еще был бы шанс поговорить обо всем спокойно. Я и не надеялась, что она обернется или даже хотя бы замедлит шаг, но она меня удивила. Лена резко развернулась и, быстрым шагом подойдя ко мне почти вплотную, со всей ненавистью прокричала слова, которые слышали, наверное, даже Сашкины соседи:

— Никогда бы не подумала, что моя подруга окажется такой потаскухой! Ты шлюха! Ты сама во всем виновата! — выплюнув эти слова на прощание, она развернулась и ушла. А я осталась стоять, в самом центре зависшей вокруг тишины. Кто-то даже выключил музыку, заинтригованный разразившимся скандалом. Все смотрели на меня и просто молчали. Я нервно огляделась по сторонам и заметила столько противоречивых взглядов вокруг. Кто-то смотрел сочувственно, кто-то с презрением, у кого-то на лице был написан шок. Я резко развернулась к дому и чуть было не столкнулась в дверном проеме с Сашкой.

— Позвони моему отцу пусть придет за мной! — крикнула я ему.

— Но я не знаю его номер! — отозвался мне вслед растерянный Сашка. Но я ничего ему не ответила, а быстро бросилась наверх и заперлась в ванной, которая, к счастью, была не занята.

Первым делом, оказавшись в ванной комнате, в которой всего несколько дней назад меня зажимал Стас, пока в это самое время моя бывшая лучшая подруга отдыхала на диване, я включила сильный напор воды и резкими движениями стала тереть лицо. Я не пыталась стереть макияж, я хотела смыть всю грязь, которая, как мне тогда казалось, налипла на него. Я терла щеки, губы и глаза до тех пор, пока у меня не устали руки. Затем обессиленная я опустилась на пол и уткнулась лицом в колени. Я не плакала, хотя может и должна была реветь навзрыд после всего, что случилось, но слез не было. Зато меня здорово потряхивало. В горле образовался колючий комок, который никак не хотел покидать его. Сколько времени я так просидела? Наверное, долго, время от времени в ванную кто-то стучал и звал меня, но я никак не реагировала. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое. Мне было плевать, что я заняла единственную ванную комнату в доме, и что возможно кто-то уже начал за меня беспокоиться. Да и беспокоился ли на самом деле? Я сидела словно в оцепенении, до тех пор, пока не услышала за дверью голос отца:

— Оксана! Оксана, ты там? — знакомый и родной голос, вывел меня ненадолго из моего ступора, и я, наконец, немного зашевелилась и почувствовала, как сильно затекли мои ноги. Не сразу поняв, как отец оказался здесь, я смутно стала припоминать, что сама попросила Сашку позвонить ему. Я чертыхнулась, разозлившись на саму себя, и вот тут из глаз потекли соленые слезы. Меня точно прорвало, я сдерживала всхлипы, как могла, боясь, что меня услышит папа. Не стоило звать его, хотя сама я так отчаянно желала уткнуться в его сильное плечо и выплакать все, что горело внутри. Да, я хотела, чтобы меня пожалели и погладили по голове как маленькую девочку, хотела услышать добрые и ласковые слова утешения. Но это было большой и глупой ошибкой. Все чего мне хотелось на самом деле это перестать чувствовать себя дрянью. Я похлопала ресницами пытаюсь смахнуть с них слезы, и вот тогда я и заметила бритву, которая невинно лежала на краю ванной. И я задумалась, как легко можно сейчас со всем этим покончить. Взяв в руки синий станок, я плотно сжала его в руке, стараясь не отвлекаться на обеспокоенный голос отца снаружи. До какого отчаяния нужно довести человека, чтобы он захотел покончить с собой? Сколько раз нужно ударить по запястью лезвием, чтобы добраться до тоненьких голубоватых вен, вспороть их и оросить вокруг все кровью? Я содрогнулась от такой неприятной картинки, представшей перед моими глазами, и подумала, как это должно быть больно и страшно. Но эти несколько движений, пусть и таких болезненных, могут помочь всему закончиться. Навсегда. Я повертела бритву в руке, рассматривая острое лезвие, и еще крепче сжала его. Нет, такой вариант не для меня — слишком глупо и бессмысленно...

Отец все еще стучал по двери, умоляя меня отозваться. Он стучал так сильно, что казалось, еще чуть — чуть и вышибет дверь. Я с трудом поднялась на ноги и все же сумела открыть ему. Первое, что я увидела, это обеспокоенный его взгляд, которым он быстро осмотрел меня всю с ног до головы, пытаюсь удостовериться, что со мной все в порядке. Но когда он увидел бритву, все ещё плотно зажатую в руке, то на лице его отразилась новая порция ужаса. Он аккуратно, очень осторожно потянулся к этой самой руке и с тихим шепотом, так, словно боялся напугать раненое животное, попытался забрать ее у меня.

— Оксана, доченька, отдай это мне, — а я даже не думала сопротивляться, стояла с

видом полного безразличия, и отец без труда разжал мою ладонь и отшвырнул бритву прочь. И тут же крепко меня обнял, прижимая к себе так сильно, что мне стало трудно дышать.

Он забрал меня к себе домой, бережно усадив на переднее сиденье, так тихо и в полном молчании, словно боялся сказать мне лишнее слово. Я смутно помню лица друзей, обеспокоенно смотрящих на нас, перешептывающихся между собой. Тогда мне было плевать, что они обо мне думали. Но мне было уже не наплевать, когда, уже появившись в институте, случайно подслушала разговор своих однокурсников:

— Она правда хотела покончить с собой?

— Говорю тебе, у нее в руках была бритва! Что тут еще можно подумать?

— Да ладно!

— Да! Она так долго не открывала дверь, что я уже думала, ее отец точно ее вышибет и найдет мертвой в ванной!

— Какой ужас!

— И это все из-за какого-то парня, представляешь?!

— Да, причем парня ее подруги, которого она хотела отбить!

— Вот ненормальная! Чем она вообще думала?

Этот диалог я подслушала случайно возле кабинета, где у нас должен был проходить урок истории дизайна, и не передать словами, насколько неприятным стало для меня осознать, что все теперь думали обо мне как о несостоявшейся суицидальной дряни. Признаться, я думала пропустить несколько дней учебы после тех кошмарных выходных и просто отлежаться дома на диване, как мне и предлагал папа. Но, скрепя сердце и сжав волю в кулак, я решила, что не позволю случившемуся менять свой обычный уклад жизни. Я намеревалась зайти в класс с высоко поднятой головой так, словно ничего не случилось и вести себя так, как обычно. Но услышав, как обо мне сплетничали однокурсники, невольно ставшие свидетелями всей этой грязной истории, я вся сжалась и уже хотела развернуться и уйти прочь, но вовремя одумалась и все же зашла в кабинет. Как и предполагалось, все разговоры с моим появлением тут же стихли. Я молча прошествовала до своего места и сделала вид, что очень занята своими личными делами и уткнулась в тетрадь по истории.

Во время всех лекций в институте я безуспешно посылала сообщения на Ленкин телефон, с просьбой выслушать меня Она не отвечала. И тогда я решила написать ей все почти с самого начала, рассказать о том, как все началось. Я хотела сделать это до того, как это сделает Стас. Уверена, он бы многое перевернул, в этом я теперь не сомневалась. Я писала ей о том, как он первый признавался мне в своих якобы сильных чувствах, и как долго я пыталась его отталкивать, стараясь вразумить. Поскольку текст сообщения был довольно длинным, я отправляла его частями, и, остановившись примерно на середине своего повествования, как раз на том моменте, где рассказывала, как Стас уверял меня, что я ему сильно нужна, мне, наконец-то, пришло встречное сообщение: «Да кому ты нужна, чертова медуза! Не звони и не пиши мне больше никогда!!!! Поняла меня долбаная шлюха!! Я все про вас знаю!! Не смей попадаться мне на глаза больше никогда!! Поняла меня!!!!» Увидев это сообщение, я оторопела, мои руки задрожали, а на глаза снова навернулись слезы. Когда-то давно я говорила Лене, что иногда мне кажется, что я похожа на холодную медузу, вроде бы привлекательную, но никто не хочет взять меня в руки, опасаясь прикоснуться. Ленка тогда засмеялась и сказала, что я для нее никогда такой не стану. Тогда ее слова меня очень согрели, а теперь, увидев ее ответ на экране телефона, я поняла, что она не станет меня слушать. Она мне не поверит. Стас меня опередил и уже отлично промыл ей

мозги своими лживыми речами.

Я не стала дописывать все то, что хотела, отбросив эту затею. Вместо этого сделала вид, словно ничего не произошло, теперь я всеми силами пыталась сконцентрироваться на уроке. Тогда я заметила, что когда полностью погружаюсь в работу, то все плохое словно отходит на задний план, и мне становилось гораздо легче и уже почти ничего не омрачает мои мысли. Всякий раз, когда в голову напрашивались мысли о Стасе или о Лене, я тут же переключалась на живопись, на историю искусств или на что угодно, лишь бы это было связано у меня с запахом красок и чувством шероховатости грубого холста. Я стала точно одержимой, бралась за самые сложные задания с таким рвением, что все смотрели на меня с недоумением и разве что не крутили вокруг виска.

Я не хотела чувствовать себя шлюхой, которой назвала меня подруга, а полная отдача в учебе очень этому помогала. Я перестала ходить вместе с друзьями на студенческие посиделки, мне была неприятна сама мысль, что за глаза меня обсуждают и конечно осуждают. Я просто вся утонула в единственном деле, которое сулило мне покой и полное умиротворение. Рисовала безостановочно все, что только попадалось на глаза, выполняла каждое задание с такой самоотдачей, что и без того отличные оценки готовы были вылезти через табель успеваемости. Я делала вид, что в моей жизни никогда не было Стаса, человека, которому я не просто отдала свою девственность, я готова была отдать ему всю себя. Я вычеркнула из памяти и свою подругу Лену, с которой еще недавно делилась всеми своими мечтами и переживаниями. Думаю, это было справедливо, ведь она первая вычеркнула меня из своей жизни. А потом появился Максим... Когда я пошла за ним в первый раз, возможно, я хотела самой себе показать, что могу быть кому-то нужной, пусть и не надолго, всего на несколько минут, но нужной. Мне хотелось снова почувствовать себя живой, вытащить из заточения все чувства, что были у меня внутри. Ведь все то время, что я пряталась за мольбертами, я словно и не жила вовсе, это было лишь подобием жизни...

— Не знаю, о чем именно ты хочешь поговорить, но я здесь и прошу побыстрее. У меня еще полно своих дел, — напротив меня на стул опустилась ярко покрашенная девушка с короткой стрижкой и маленьким аккуратным пирсингом в носу, который почему-то тут же бросился мне в глаза. Я даже не сразу ее узнала — так сильно она изменилась. Некогда длинные шикарные темно русые волосы теперь были такими короткими, что едва доставали до подбородка, а одежда на ней была такой яркой и вызывающей, какой я на ней никогда раньше не видела. Несколько секунд я молча смотрела на нее, пытаюсь увидеть в этой девушке ту, что когда то знала, и никак ее не находила. Мое молчание затянулось, и девушка напротив вопросительно приподняла брови, точно спрашивая меня, в чем дело, и какого черта я ее так разглядываю. Я чуть прочистила горло и, выдавив из себя не совсем уместную улыбку, произнесла:

— Привет, Лен, рада, что ты приехала.

— Я тебя внимательно слушаю, — голос Лены немного смягчился, однако сквозивший в нем сарказм я все же слышала. Вся ее поза говорила, что она нервничает, так же как и я, и ей явно хочется покончить со всем этим как можно быстрее. И мне лучше как можно скорее начать этот трудный разговор и оставить его в прошлом, чтобы суметь двигаться дальше. Вот только начать оказалось не так просто, хотя я знала, что легко не будет. Собравшись с мыслями и посмотрев в лицо бывшей подруге, я постаралась вложить в свой голос как можно больше уверенности и силы:

— Во-первых, — я сложила руки в замок прямо перед собой, — я хочу еще раз попросить у тебя прощения за все, что произошло. Ты должна знать, я каждый день жалею о нашей потерянной дружбе, и мне очень хотелось бы вернуть все назад, чтобы исправить. Но, к сожалению, это невозможно. И все, на что я могу теперь надеяться, это на то, что ты сможешь однажды найти в себе силы и суметь простить меня. Для меня это важно.

Ну вот, я это сделала. Стоило, наверное, мне даже поаплодировать. Такой короткий монолог, а столько в нем заключено моих личных переживаний и мучений. Я стараюсь не отводить взгляда, впитывая каждую эмоцию, промелькнувшую на лице Лены. Она удивлена и обескуражена. Интересно, о чем она думала я стану еще с ней разговаривать, если не об этом? Сомневаюсь, что теперь у нас есть что-то общее, кроме этого мерзкого прошлого, и от этой мысли мне становится даже холодно внутри. Я так переживала, что не смогу произнести всех этих слов, и у меня даже возникало желание просто не приходить, взять и отменить встречу, зарыться с головой в песок и продолжать мучиться воспоминаниями как раньше. Но я уже твердо решила не делать этого, и вот я здесь обнажаю свои чувства перед бывшей подругой, которая имеет полное право не давать мне необходимого понимания и прощения. Нет, мне в самом деле можно поаплодировать! Я ожидала, что меня начнет буквально трясти от тех эмоций, что переполняли меня, что к горлу подкатит желчная тошнота, та, что появлялась всякий раз, когда я начинаю сильно нервничать. Но ничего подобного я не чувствовала. Вместо этого во мне появляется даже какая-то странная легкость, я бы даже сказала, зарождается еще маленькая, но уже уверенная сила. Сила осознания, что я все же не трусливая предательница, которой себя считала, а взрослый самодостаточный человек, умеющий отвечать за свои поступки и готовый нести за них

ответственность. Мне даже показалось, что теперь уже не так важно, простит меня Лена или нет. Как я верно подметила, прошлого не вернешь, и все, что нам остается, так это извлечь из прошлых ошибок горький урок и больше не наступать на все те же грабли. Лена расслабленно откинулась на спинку сиденья и так же лениво и равнодушно произнесла:

— А что во-вторых?

— Во-вторых? — я не сразу поняла о чем она и как то сразу стушеввалась от ее такого безразличного тона. Похоже, аплодисменты мне все же не светят. — Ах, да! Во вторых... — задумчиво повторила я, усиленно пытаясь вспомнить, что же я хотела сказать еще. Но вместо этого совершенно ушла от темы. — А ты так изменилась, я тебя даже не сразу узнала.

Лена тяжело вздохнула, затем чуть нахмурила брови, словно задумалась о чем-то. Я видела эту зияющую между нами пропасть. Пусть она и сидела прямо предо мной в своей облегающей кофточке с кричащим вырезом на груди, больше подходящей для ночного клуба, чем для обычного кафе. Она поджала свои ярко покрашенные губки и, недовольно сморщив нос, внимательно меня оглядела.

— А вот ты не изменилась, — наконец произнесла она.

— Ну, может не во всем, — уклончиво ответила я, ведь внутри у меня произошли довольно значительные перемены. И встретив Лену, я осознала это в полной мере. Я действительно очень изменилась, только не внешне, а скорее где-то глубоко внутри. Интересно, а Лена изменилась только внешне? События, произошедшие на Сашкиной даче, поменяли безвозвратно так много, они изменили нас.

— Если честно, — Лена чуть отстранилась от спинки сидения, словно приготовилась к важному разговору, и я тут же насторожилась, — я редко вспоминала о тебе.

Она подняла на меня глаза, стараясь увидеть, какой эффект произведут на меня ее слова. А я и бровью даже не повела. Я ведь тоже старалась о ней не думать.

— И вообще, я не совсем понимаю, к чему ты все это решила вспомнить, — продолжила она уже более мягким голосом, в котором так явно узнавалась та самая Лена, которую я знала. — Если хочешь знать, то со Стасом я рассталась и уже очень давно.

— Этому я рада, — искренне обрадовавшись, произнесла я, но увидев, какой Лена бросила на меня взгляд, тут же постаралась объяснить свои чувства. — Ты же понимаешь, что он тебя не достоин!

— Да он никого не достоин, — с деланным безразличием пожала плечами бывшая подруга. — Мне тоже жаль, что все так закончилось. — она отвела взгляд в сторону — Но думаю, ты понимаешь, что несмотря ни на что, дружбы между нами уже не получится.

Ее слова точно обухом мне по голове. Да, я понимала, что дружбе конец, но услышать это вот так снова, было тяжело. Я даже испугалась, что вот — вот на глаза выступят слезы обиды, но я сдержалась. Bravo, Оксана! Научилась — таки владеть своими чувствами.

— Да, я понимаю, — тихо прошептала я, боясь, что мой голос начнет дрожать, — но я не находила себе покоя после того случая.

— После того случая? — с иронией в голосе спросила Лена. — Имеешь в виду тот случай, когда я узнала о предательстве своей лучшей подруги и своего парня?

— Да, ты права, нужно называть вещи своими именами, — я вскинула голову со всем достоинством, что у меня была, хоть мои щеки горели точно от пощечины, совсем как когда мне ее влепила Лена, узнав правду. И уже не знаю точно, какая из этих пощечин была больнее. — И после того, когда ты решила узнать только сторону Стаса, но не мою.

Это было обвинение, и я имела на него право. В тот день подруга тоже в каком-то

смысле меня предала, первым делом она поверила Стасу и только ему дала шанс на разъяснения, мою версию она не пожелала узнать. К нашей дружбе нет пути назад, она осталась в прошлом. И сейчас, глядя на эту странную незнакомку с короткой стрижкой и пирсингом в носу, я понимаю, что мне уже неважно, простит она меня или нет. Я простила. Простила за то, что она не дала мне возможности дать ответ, не вступилась за меня перед Стасом, ведь он пытался меня изнасиловать! И если бы они не вошли тогда на кухню с Сашкой, я даже боюсь представить, чем все тогда могло закончиться. Да, я простила ей все это, я даже в какой-то степени простила Сашку за его отстраненность, ведь он был другом Стаса. Хотя я до сих пор, считаю, что настоящий мужчина должен был бы врезать ему. А что касается самого Стаса... думаю, я начинаю все отпускать. Он был моей ошибкой, возможно даже самой большой за всю мою жизнь. Но я уже не могу хранить все это в себе, какие-то неведомые силы возродились во мне, и точно волной вынесли из меня всю эту боль, переживания и страх за себя. Я глубоко вздохнула, и во мне появилась легкость, такая невесомая и прозрачная, и я поняла, что отныне не стану считать себя шлюхой и предательницей. Я уже думала, что это и будет концом нашей встречи, но Лена умудрилась меня удивить:

— Я ведь знала тогда, что ты тоже запала на Стаса, — эти слова Лена произнесла с презрением. — Я специально сказала тебе, что он мне нравится, потому что была уверена, ты не встанешь у меня на пути к нему, — ее рот скривился в презрительной усмешке, — но я ошибалась.

Она снова безразлично пожала плечами, а я, точно громом пораженная, смотрела на Лену, и в моей голове мелькали сотни мыслей. Так она все знала, видела мои мучения и решила забрать то, что хотела сама, не думая обо мне. А Стас — этот мерзкий подонок отлично сыграл на наших с ней чувствах! Теперь я поняла, почему она стала от меня отдаляться, как только их начались отношения, мне это тогда вовсе не показалось. Она реально видела во мне соперницу!

— Думаю, на этом все, тебе пора идти, — выдавила из себя я, не уверенная что могу и дальше сдерживать в себе бушующие чувства.

— А как же прощение для тебя? — прищурив глаза, спросила Лена.

— Это уже твое право, — покачала я головой — Хочешь снять этот груз — простишь, нет, значит, нет.

— Ну как знаешь, — кивнула головой и бросила взгляд в сторону выхода и тут же радостно завизжала: — Ааа! Ты уже здесь!

Я автоматически повернула голову в ту же сторону, в которую смотрела Лена, и не поверила своим глазам. К нам вальяжной походкой направлялся Вадим. Он подошел к нам и, остановившись рядом с Леной, запустил руку в ее темные волосы, собственнически заставляя посмотреть прямо на него. Его губ коснулась довольная ухмылка, и, наклонившись, он с придыханием прошептал ей:

— Привет, детка! — он грубо поцеловал ее, да так страстно, что мне даже стало не по себе наблюдать за этим действием, слишком уж оно казалось интимным. Честное слово, я готова поспорить, что он затолкал ей в рот весь свой язык! Меня даже передернуло, настолько было неприятно видеть этого человека, особенно, учитывая нашу последнюю встречу. Должна признать, что, несмотря на свое довольно развязное проявление чувств на публике, смотрелись они вместе довольно... подходяще. Оба буквально пылали самодовольством от проявления своих чувств. А эти их сережки — у Лены в носу, а у Вадима

в ухе, натолкнули меня на мысль — может они сделали пирсинг себе, когда уже были вместе? Наконец, они оторвались друг от друга, и Вадим обратил внимание на меня, быстро подмигнув:

— Какая встреча! Что это, совпадение или знак свыше? — спросил он словно у самого себя, а я решительно не поняла, что он имеет в виду, да и не хотела об этом даже думать.

— Вы что знакомы? — Лена удивленно уставилась на Вадима, а затем бросила на меня раздраженный взгляд.

— У нас есть общие знакомые, друзья — можно так сказать, — нарочно растягивая слова, протянул Вадим, помогая подняться Лене. — Ты закончила здесь, детка? — снова обратился он к ней, но, все еще продолжая смотреть в мою сторону.

— Да, сладкий, нам пора! — Лена быстро чмокнула его в щеку, прижавшись к нему всем телом, давая понять, что он принадлежит только ей. Как же глупо! Ни за какие деньги в мире я бы не согласилась оказаться даже в одной компании с этим человеком, неужели и тут она меня ревнует?

Ушли они быстро, едва кивнув мне на прощание, а я смогла выдохнуть, только когда они скрылись из виду за кирпичным ограждением кафе. Что-то не давало мне покоя, нет, конечно, я не несу ответственности за личную жизнь Лены, но что — то мне подсказывало, что она снова связалась с плохим парнем. Мы стали разными, Лена изменилась не только внешне, учитывая с кем у нее отношения, она изменилась полностью. Мне стало грустно, внутри меня все равно еще теплилась слабенькая надежда на восстановление пусть и не самых дружеских отношений с Леной. Теперь я вижу, что это невозможно. Она ушла, даже не оглянувшись, оставив сидеть меня одну в уже переполненном народом кафе.

Я грустно улыбнулась самой себе. Была ли Лена когда-то мне настоящей подругой? Может, нам просто было удобно дружить? Оглядываясь назад, думаю, что это было именно так. Максим был прав. В итоге в конце пути останутся рядом только настоящие люди. Несмотря ни на что, несмотря на всю правду, известную им о тебе, рядом могут остаться только настоящие. И Лена не была мне настоящей подругой. Пусть от этого немного грустно и обидно, но все это к лучшему. А еще права была моя мама, когда сказала, что я, наконец, увидела цену нашей дружбе. Да, цену ей я увидела еще тогда, на Сашкиной даче, но принять ее смогла только сейчас. Я была слишком увлечена самобичеванием и грузом чувства вины, чтобы думать об этом. Это был тяжелый жизненный урок, но я его выучила, и впредь не стану совершать те же ошибки.

Эйфория от моего смелого поступка постепенно испаряется. Теперь на меня наваливается новый груз. Он не такой тяжелый, как был тот, что я держала внутри долгое время. Он скорее неприятный, как послевкусие от горького лекарства, которое пьешь, чтобы поскорее побороть болезнь. Я смогла посмотреть на все случившееся под другим углом и осознала, что потеря подруги пусть и была довольно болезненной, но это было неизбежно, учитывая то, как многое мы друг от друга скрывали. Сейчас мне хотелось начать делать все правильно, быть умнее, терпимее, научиться смотреть дальше обстоятельств и не идти на поводу одних только чувств и громкого шепота сомнений. Но чем больше утекало времени с момента минувшей встречи с Леной, тем сильнее зарождался во мне новый неприятный червячок сомнений — смогу ли я так жить? Еще в голове вертелись вопросы, что имел в виду Вадим, говоря о нашей с ним встрече как о знаке свыше? Я решительно не понимала значения его слов, но в итоге все же решила, что сказанное им, это всего лишь один из жалких способов досадить подруге своего недруга — Максима, и на этом успокоилась.

Аккуратно ступая по неровным плитам асфальтной дорожки, ведущей в центр реабилитации, и оглядев все здание своим новым, освобожденным от прошлого взглядом, я словно снова заново его увидела. Оно было таким прекрасным и нежным в своей обветшавшей и замученной годами оболочке, величественно стоя среди густых, уже одетых в новую яркую зелень деревьев, что у меня даже дыхание перехватило. В таком с первого взгляда неприветливом облики, оно словно отпугивало посторонних и привлекало, как ничто другое, потерянные и застывшие от боли души одиноких людей. Это место как нельзя лучше доказывало, что оболочка в своем уродстве может быть прекрасной, только благодаря лучам ее внутреннего духовного мира. Ведь именно здесь в этом неприглядном, с виду заброшенном строении, происходят чудеса, и происходят они именно внутри. Люди находят здесь освобождение, они умиротворяют своих туманных призраков, мешающих спокойно радоваться жизни, а некоторые из них находят здесь и свое призвание, как например, нашел его Максим. Сердце болезненно сжимается от воспоминаний нашего такого непростого прощания. Подумать только, всего пару дней назад мы были настолько близки друг к другу. Казалось, у нас на двоих одно дыхание и один ритм сердца. Все, чем мы обменялись за это время, были два коротких смс. Первое мне прислал Максим, в котором кроме знака вопроса больше ничего не было. Я ответила так же коротко, отправив многоточие и восклицательный знак. Я знаю, он меня понял, просто не мог не понять. Во мне еще были подозрения, что он видел мои рисунки и теперь в курсе моего прошлого. Я не знала, как теперь говорить с ним после всего.

Подойдя к входной двери Центра, я, как никогда еще за эти долгие часы без Макса, не ощущала так остро его присутствие рядом. Это было так, словно он был совсем близко. Наверное, это от нахлынувших воспоминаний о том дне, когда мы были здесь вместе, и я тряхнула головой, чтобы прогнать их. Сейчас для них не самое лучшее время, и, не дав себе время на то, чтобы передумать, вошла внутрь.

Все было точно так же как и раньше, ничего не изменилось, что и неудивительно, ведь с момента моего посещения Центра прошло всего несколько дней, а мне казалось, что прошли долгие месяцы. Найдя большой зал, где, как и в первый мой визит, я увидела группу

различных по возрасту людей, увлеченно творящих над листами бумаги, я осмотрелась. Мне хотелось найти Марию Алексеевну. Стараясь ступать как можно тише, чтобы никого не отвлекать, я прошла вдоль стены с рисунками, на которой заметила несколько новых произведений и завернула в коридор. Если я не ошибаюсь, именно он должен был вести в ту самую комнату, в которой я так отлично постреляла дротиками в шарики с краской. Когда я стала проходить мимо одной из комнат, дверь, в которую была слегка приоткрыта, то услышала голоса, один из которых показался слишком знакомым, и остановилась, напрягая слух.

— Мария Алексеевна, вы как всегда правы! — этот хриплый голос! Максим! О, Боже, он здесь, я не ошиблась! Сердце отчаянно застучало в груди. Но что он здесь делает? Неужели он бывает здесь так часто?

— Конечно, права, — веселый и энергичный голос, принадлежавший Марии Алексеевне, был слышен не так четко как голос Макса, возможно, потому что она стояла дальше от входной двери. — Осторожнее, поставь эту коробку сюда. — Послышался шорох, а затем что-то с глухим стуком поставили на пол. — Спасибо, что помогаешь нам.

— Ерунда, вы же знаете, что всегда можете на меня рассчитывать.

— Я сейчас принесу нам холодного лимонада, — послышались шаги, и не успела я отпрянуть от двери, как она распахнулась и предо мной показалась Мария Алексеевна. Отлично, меня только что застали за подслушиванием!

— О! — воскликнула она. — Наша таинственная гостья, так быстро исчезнувшая, что я решила, что вы были всего лишь вечерним призраком, вас зовут Оксана, насколько я помню?

Из глубины комнаты показалось удивленное лицо Максима, в руках он держал большую коробку, которая была явно очень тяжелой, и, увидев меня, он чуть было ее не выронил, но вовремя успел удержать. Впервые я видела его таким растерянным.

— Оксана? — недоверчиво выдохнул он.

— Максим, — откликнулась я в знак подтверждения что это, в самом деле, я, а не призрак как утверждала Мария Алексеевна.

— Вы знакомы? — дошла очередь удивляться Марии Алексеевны, я молча кивнула, продолжая смотреть на Макса, потому что просто не могла отвести от него взгляд. Сегодня он был особенно привлекателен, в темных джинсах и белой облегающей его стальные мышцы футболке, которые были напряжены под тяжестью коробки, которую он все еще держал в руках. Мой сильный и хищный любовник. Прямо сейчас я осознала в полной мере, как сильно мне его не хватало.

— Проходите, Оксана. — Мария Алексеевна отступила, дав мне возможность пройти в комнату. — Поможете Максиму разобрать коробки. Сегодня он какой-то рассеянный, — она подмигнула мне, словно была в курсе всех наших дел, и я залилась краской.

— На самом деле, я хотела... — не успела я договорить, как эта удивительная женщина, не обращая внимания на мои слова, всплеснула руками и быстро затараторила:

— Столько еще дел! Максим, — обратилась она к застывшему как каменное изваяние с коробкой моему парню — справитесь вместе с Оксаной?

— Конечно, — усмехнулся Макс, пронизывая меня таким взглядом, что я почувствовала себя обнаженной, несмотря на довольно закрытое платье, доходившее мне почти до колен.

Мария Алексеевна так быстро удалилась, словно ее и не было здесь всего пару секунд назад. Я в удивлении бросила взгляд за поворот, за которым она исчезла и, повернувшись к Максиму, спросила:

— Она всегда так делает?

— Оставляет людей наедине? — Максим, наконец, поставил коробку к стене, где стояли еще несколько таких же. — Только когда считает это необходимым.

— И почему она решила, что сейчас это необходимо?

Максим неопределенно пожал плечами и стал распаковывать коробку, стоящую на столе.

— Поможешь? — спросил он, повернув в мою сторону голову.

— Да, — я быстро подошла к нему и заглянула внутрь коробки. Там лежали аккуратно сложенные коробочки с акварелью.

— Ух ты! Это же «Белая речка»!

— И что? — спокойно спросил Максим.

— Просто удивлена, что у Центра есть возможность закупать профессиональную акварель.

— Это часть благотворительного взноса, — непроизвольно дернув плечом, отозвался Макс.

— Благотворительный взнос? И кто же мог его сделать?

— Обычно такие вещи не афишируют, если целью состоит только бескорыстная помощь.

— Понятно, — отозвалась я, — куда мне это все положить?

— Вон туда на стеллажи, — Максим махнул рукой в сторону, и я позволила себе полностью оглядеть комнату. Это было что-то вроде небольшого склада со всевозможными шкафчиками и стеллажами, на которых лежали принадлежности для творчества. Я послушно стала выкладывать акварель и перекладывать ее на верхнюю полку. Мы действовали так слаженно, словно всю жизнь только и занимались тем, что раскладывали краски и бумагу вместе. Повисло тягостное молчание, в котором нарастало электрическое напряжение с примесью такого знакомого мне интимного покалывающего заряда. Мне хотелось подойти и обнять Максима, почувствовать тепло его губ и силу крепкого тела, но я не решалась сделать первый шаг. Как я и предполагала, Мария Алексеевна ушла безвозвратно, позволив нам с Максом побыть наедине как можно дольше. Вот только кроме тишины, похоже, больше ничего сейчас не представится. Я вздохнула и открыла еще одну коробку, там оказались кисти — щетина различных размеров, белка, еще я заметила кисти колонка, но уже не стала высказывать свое удивление на эти царственные дары. Кто бы ни пожертвовал все эти вещи Центру, безусловно, был очень щедр. Дальше были коробки с пластилином на растительной основе и цветным тестом для лепки. Я повертела яркую коробочку в руках и явственно ощутила появление Максима за своей спиной.

— В детстве мне нравилось играть с этим, — тихо прошептал Макс, — я смешивал разные цвета, чтобы получать из них другой.

— Тебе нравилось лепить различные фигурки? — спросила я, чуть подавшись назад, чтобы насладиться теплом, которое исходило от тела Максима.

— Нет, — резко ответил Макс, — мне только нравилось смешивать цвета. — Он снова отошел от меня, и я разочарованно вздохнула. Я не видела, чем он занимался, стоя рядом со мной, но слышала, как он включил кран и стал наливать куда — то воду.

— Ты разозлился на мой вопрос, почему?

— Я не разозлился.

Я обернулась к нему и увидела его стоящим с банкой воды в руках.

— Что ты хочешь делать?

Он таинственно улыбнулся.

— Давай поскорей закончим со всем этим и поедем ко мне, идет?

— Хорошо, — по телу разлилось тепло от предвкушения очутиться с ним в его мастерской наедине, вдали от всех. Отвернувшись, я начала еще быстрее расставлять по полкам коробки. Я надеялась, что и Максим так же быстро начнет действовать, но вместо этого он молча продолжал так же лениво распаковывать их, повернувшись ко мне спиной. И тогда я, не выдержав, медленно подошла к нему и провела рукой по его крепкой спине, которая мгновенно напряглась от моего прикосновения.

— Что ты делаешь? — спросил меня Макс.

— Трогаю тебя, — с придыханием ответила я, и, прижавшись к его спине всем телом, крепко обняла за талию. — Соскучилась, а ты?

— В самом деле? — его голос показался мне довольно отстраненным и даже прохладным, но я надеялась растопить этот лед.

— В самом деле. Соскучилась.

— Что мешало тебе меня увидеть?

Я разжала объятия, не хотелось начинать трудный разговор прямо здесь, и снова отошла:

— Нам нужно скорее здесь все закончить и поехать к тебе, идет?

— Хорошо, — мне показалось, он меня передразнивает. Я судорожно металась в раздумьях, что же произошло за эти дни, пока мы не виделись.

— Ты такой холодный, — не став ждать еще одной минуты молчания, повернулась я к Максиму.

— Я не холодный, но мне показалось, что тебе нужно время, и я его тебе даю.

— Мне не нужно время! — сама того не желая, я огрызнулась и с грохотом поставила еще несколько коробок на полку.

И снова тишина, она начинает давить. Я остановилась и вся сжалась, мне хотелось заплакать от обиды. Сама виновата, что Максим так себя ведет, сама прогнала его. Но я, в самом деле, все эти дни хотела видеть Максима, так скучала по нему и его прикосновениям, да и он сам говорил, что рядом со мной ему слаще дышать, так что случилось? Послышались шаги в мою сторону, и я зажмурила глаза, впившись руками за полку стеллажа, замерла в ожидании. Грубые ворсинки щетины осторожно коснулись моей щеки, и я отстранилась от них. Но Максим снова касается кистью моего лица, теперь уже подбородка. Он хочет намочить мне лицо? Совсем с ума сошел?

— Максим! Что ты делаешь? — раздраженно спрашиваю я, поворачиваясь к нему и тут замечаю, что его кисть не просто сырая, она в краске!

— У меня с недавних пор появилось новое увлечение: боди — арт, слышала о таком? — Усмехаясь, говорит он, увидев мою реакцию, и переходит на шепот: — Очень увлекательное занятие.

— Ах, ты! — Выдыхаю я и тут же беру первую попавшуюся кисть, макаю ее в одну из банок с краской, которые очевидно были открыты Максимом, и резким движением провожу по лицу Максима, умудряясь при этом задеть и его белую футболку. И пусть поспешно выбранный мною цвет оказался белым, что выглядело на фоне его светлой одежды не особенно заметно, мне доставило странное удовольствие видеть, как он ровно ложится на нем. А вот Максим рисовал на мне желтым, и я теперь, наверное, похожа на разукрашенного

индейца. — Действительно очень увлекательно! — так же растягивая слова, прошептала я. — Но, думаю, тебе нужно добавить цвета!

— Больше цвета говоришь? — Максим хищно улыбается, и внутри все сладко сжимается от предвкушения продолжения этой странной игры. Он окунает кисть в другой цвет, теперь красный, и медленно проводит ею по моей груди, нарочно задевая самые ее чувствительные зоны. — Да, так гораздо лучше, — его хриплый голос обволакивает меня, наполняя тягучим непреодолимым желанием. Мне вдруг страстно захотелось стянуть с него всю одежду и разукрасить его всего всеми цветами радуги, расписать его точно холст, а потом любоваться этой всепоглощающей мощью яркости цвета и силы его мужественного тела. И только я хотела потянуться к новой баночке с краской, как Максим резко притягивает меня к себе и прожигающим взглядом всматривается в мое лицо:

— Тебе очень идет желтый цвет, — тихо говорит он, — но красный... — его взгляд опускается ниже, туда, где прямо на уровне жаждущей до прикосновения груди, была проведена им яркая полоса краски.

— Хочешь заниматься этим прямо сейчас? — слабо шепчу я, чувствуя, как начинают дрожать колени. — Хочешь испортить мое платье?

— Прямо сейчас я хочу тебя, — его рука вместе с кистью опускается к краю моего платья, медленно приподнимая подол. А я больше не хотела медлить, притягиваю его к себе, жадно впиваясь в его губы, запускаю руки в его густые и мягкие волосы. Кисти выпадают из наших рук. Со всем отчаянием я прижимаюсь к его крепкому телу, наслаждаясь его силой и твердостью мышц. И не только мышц, мой страстный любовник уже был полностью готов к тому, чтобы дать мне то, в чем я так сильно нуждаюсь! Из меня вырвался радостный стон, когда я поняла, что и Максим больше не желает ни малейшего промедления. Я даже не заметила, как мое платье было задрано до самой талии, а его брюки вместе с бельем спущены вниз.

— Мы же не можем делать это прямо здесь, — задыхаясь, я пыталась слабо протестовать.

— Бабочка моя, — его нежное обращение ко мне вызвало новый трепет в груди. — Мы можем все, поверь мне.

Мои трусики были резко сдвинуты в бок, а сама я уже сидела на столе. Максим, удобно устроившись между моих ног, нежно прикоснулся к моей возбужденной чувствительной плоти, заставляя вскрикивать и впиваться в его плечи ногтями.

— Максим, — мой голос был едва различимым шепотом, — нас могут услышать, дверь даже не заперта.

И в самом деле, дверь была закрыта, но не заперта на ключ, и кто угодно мог войти сюда прямо сейчас. Осознание этого принесло мощный взрыв адреналина в мою кровь.

— Тогда ты должна будешь стонать очень тихо, — его жадные губы прошлись по моей щеке до его излюбленного местечка под ухом. — Разрешаю тебе даже кусаться, когда станет невмоготу.

И я кусалась и царапалась точно дикая кошка, стараясь изо всех сил продлить это мучительное удовольствие от ощущения горячего мужского естества, не перестающего быстро двигаться во мне. Мы были ненормальными, сошедшими с ума дикарями, занимающимися сексом в этом месте, за стенами которого было полно людей. Я вся дрожала и изнывала от желания кричать, но все, что могла себе позволить, так это с новой силой впиваться ногтями в плечи Максима.

Я была рада, что решила начать принимать таблетки, теперь мы могли свободно обходиться без презервативов. И пусть времени с момента их принятия прошло совсем мало, и риск забеременеть еще был, я была уверена, что все будет в порядке. Мне казалось, что я почувствую, если что-то будет не так. Сейчас мое решение было очень кстати, с ним все случилось так спонтанно, ведь наш секс был всегда так непредсказуем, что подобные вещи должны были быть обязательны.

Мы не поехали к Максиму, мы отправились ко мне, я сама на этом настояла. Мне хотелось покончить со всеми недомолвками между нами раз и навсегда. Я хотела быть с ним, так хотела, что была готова пойти на главный решающий шаг — рассказать о себе все. И это должно было произойти как можно скорее. Я хотела этого так сильно, что второпях свалила пару коробок с краской, пока мы тщетно пытались устранить весь урон в комнате, причинённый нашими сексуальными страстями. Мы разлили несколько банок с гуашью, перепачкали кисти и коробки, а сами были разукрашены точно первобытные охотники, собравшиеся на войну. Это было так смешно, так дико и ненормально, и я горела краской стыда, пока мы добирались до стоянки, ведь все люди вокруг глазели на нас как на сумасшедших. Мне казалось, они догадываются, чем именно мы занимались с Максимом совсем не давно, а запах секса пропитал нас насквозь.

— Нам нужно проветрить комнату, — сказала я, когда комната перестала быть похожей на место военных действий.

— Да, сегодня жарко, — согласился Максим, обнимая меня за плечи, его хриплый шепот щекотал мое ухо. — Но с тобой становится еще жарче.

— Я не об этом, — с улыбкой, я прильнула к нему, наслаждаясь его теплом и нежностью. — Здесь слишком пахнет нами, не находишь?

Я заглянула в его светлые глаза, в которых читалась такая нежность, что у меня перехватило дыхание. Это была не обычная нежность, в ней было столько необузданной страсти, которой он накрывал меня, точно одеялом, и я жаждала его с новой силой. Хотелось обладать им и отдаваться ему навстречу. Все время, не переставая ни на секунду.

— Нам нужно уходить! — я потянула его за руку, хотелось уже оказаться с ним действительно наедине, не боясь, что нам могут помешать в любой момент. — О, черт! — на мгновение я остановилась. — Я снова уйду, не поговорив с Марией Алексеевной! Я приехала сюда именно за этим.

— Еще поговоришь, — заверил меня Максим. — И заодно расскажешь, как вы с ней познакомились.

— Расскажу, — пообещала я.

До моего дома мы поехали каждый на своей машине. Максим неотступно следовал за мной, а я поглядывала на него в зеркало дальнего вида и кусала губы, начиная нервничать с каждой минутой все сильнее. «Только бы хватило смелости, только бы хватило», — шептала я самой себе. Он так много раскрыл о себе, он всегда был открыт со мной, никогда не обманывал и так тонко чувствовал меня все это время, и я хотела дать ему то же самое взамен. Я хотела переступить черту прошлого окончательно, раз и навсегда, я верила, Максим все поймет и не осудит меня за прошлые ошибки. Я бросила взгляд на свои часы,

которые к счастью избежали участи быть перепачканными краской. Времени оставалось не так много до моей поездки на турбазу, а нам так о многом нужно было поговорить! Да о чем я думаю! Боже! Мы занимались сексом в общественном месте! Там рядом были даже дети! Ну, пусть не совсем дети, подростки, но это почти то же самое! Что если нас кто — то услышал? Я очень старалась быть тихой, но не уверена, что у меня это хорошо получалось. Разве в такие моменты можно себя полностью контролировать? Это, конечно, все безумно возбуждает и заставляет так кипеть кровь в жилах, да что и говорить, это было просто неопишимо, просто улет! Это было великолепно, потрясающе и дико первобытно. Не могу поверить что я, в самом деле, это делала. Ой, поправка — мы это делали. Я снова закусил губу, а яркий румянец еще сильнее залил мое лицо, посылая жар всему телу. Кондиционер в машине был включен на полную мощность, а мне все равно было жарко, и только пальцы рук начинали замерзать, от чего стали менее поворотливыми. В итоге я отключила кондиционер и полностью опустила окна в машине. Стало немного лучше, а вот волосы мои растрепались так, что теперь я точно была похожа на какую-то племенную девку после брачной ночи. От этих мыслей я хихикнула, и наконец, притормозила возле своего дома.

Взявшись за руки, мы с Максимом как влюбленные школьники, прогуливающие уроки, прячась от любопытных глаз соседей, побежали к подъезду. Мы целовались в лифте на протяжении всех этих коротких секунд подъема, и я снова таяла в его руках. Кое — как открыв дверь в квартиру, мы ввалились в нее, с трудом размыкая объятия.

— Нам нужно в душ, — прохрипел Макс.

— Я потру тебе спинку, — многообещающе подмигнула ему я, трусливо понимая, что это еще ненадолго оттянет трудный для меня разговор.

Встав под теплый поток воды, мы принялись намыливать друг друга, любовно прикасаясь и целуясь.

— Тебе повезло, что это не акрил, — вдруг серьезно сказала я, отмывая с лица Макса белую полосу.

— Я же знал, что делаю, — его довольная усмешка подействовала на меня обезоруживающе, и я улыбнулась в ответ. — Значит, в центре ты искала не меня?

Моя рука замерла на его груди, я подняла на него глаза и поняла, что вот он — момент истины, пора!

— Я хотела приехать к тебе сразу же после центра.

— В самом деле?

— Да.

Я продолжила намыливать его грудь, уже более медленно, задумавшись, как лучше и с чего вообще мне стоит начать, постепенно опускаясь ниже.

— Бабочка моя, если ты хочешь поговорить, то лучше дальше я сам, — озорные искорки мелькали в его глазах, и я, опустив взгляд ниже, восторженно вздохнула. Его член стоял в полной боевой готовности. Облизнув губы, я почувствовала, как мое тело начинает откликаться на зов его тела.

— У нас есть еще несколько минут.

— Если ты так настаиваешь, — он подхватил меня за попку, а я быстро обхватила ногами его за талию, теснее прижимаясь к нему, чувствуя силу его желания. — Один раз, — шепчет он.

— Один раз, — согласно кивнула я. — Боже! Как хорошо!

— Милая, я еще даже не начал!

Я, улыбаясь, замотала головой. — Я радуюсь, что теперь мне можно кричать!

— Кричи, моя хорошая, кричи! — и его ловкие пальцы точно нашли нужную точку, нежно поглаживая самую сердцевину, заставляя трепетать меня и снова впиваться ногтями в его плечи.

— Войди в меня! — умоляла я в отчаянии. — Хочу тебя внутри себя!

Он вошел резко, и я вскрикнула, прижатая к скользкой стене прохладного кафеля ванной, забыла обо всем. Мои бедра двигались ему навстречу, быстро подхватив ритм. Казалось, я была в другой реальности, и парила где-то наверху, купаясь в небывалом наслаждении. Я могла стонать и кричать, могла не сдерживать себя. Максим ласкал мою грудь, каждый мой сосок был вылизан и искусан, от чего грудь сладостно ныла, добавляя остроты к удовольствию от трения наших тел.

— Ты так сильно сводишь меня с ума, — через неистовые толчки грубо шипел Максим, выделяя каждое слово.

Я тихонько застонала в ответ, не в силах ответить что-то еще. Он тоже сводил меня с ума, в голове набатом стучало: «Мой! Только мой!» Я откинула голову назад, и волна освобождения прокатилась по мне, содрогая все мое тело.

Еще несколько минут мы стояли, тяжело дыша. Максим выключил воду и, закутав меня в большое полотенце, отнес в мою спальню. Сам он лишь прикрыл свои бедра полотенцем и выглядел божественно в лучах яркого солнца, пробивавшегося через шторы, висящие на моем окне. Он уложил меня на кровать и подарил ласковый поцелуй в губы. Я с призывом ответила на него, но Максим рассмеялся, отстраняясь.

— Моя Бабочка, вечно желающая упорхнуть от меня! — он провел рукой по моим плечам, опускаясь вниз, и взял за руку. — Но сегодняшней способ уйти от разговора мне, конечно, нравится.

— Я не пыталась уйти от разговора, — скривив губы, виновато запротестовала я. — Ну если только самую малость.

— Хорошо, я понял — ты не готова, — понимающе кивнул Макс.

— Нет! — я замотала головой, ну же, Оксана! Ты сможешь! Не будь такой трусихой! — Я готова.

Мы замолчали, Максим выжидающе смотрел на меня, и когда прошла еще одна минута тишины, сказал:

— От нашего разговора ничего не изменится, я только хочу чуть больше узнать о своей девушке.

Его девушка! Эти слова придали мне сил. Я вздохнула и, обхватив свои колени руками, посмотрела прямо на Макса:

— Скажи мне одну вещь, Максим. Ты видел рисунки под моей подушкой?

Он запустил руку в свои влажные волосы, другой бы на его месте почувствовал себя неуверенно или виновато, но только не Макс. Это был жест всего лишь говорящий, что он готов слушать, но переживает за меня и за нас, и только.

— Видел. Это вышло случайно, я не хотел влезать в твою жизнь вот так, без разрешения. По крайней мере, не таким способом.

— Хорошо, — я поднялась с постели. Я верила ему, Максим не стал бы нарочно рыться в моих вещах, ему стоило лишь запустить руку под подушку, когда я говорила с мамой по телефону, чтобы найти мои рисунки. Подойдя к окну, я взяла с подоконника те самые злосчастные листы бумаги. — Думаю, тогда ты многое уже понял.

— Если не хочешь говорить об этом прямо сейчас, не говори. Я больше не буду давить, — снова напомнил мне Макс.

— Нет, все нормально, — я обернулась к нему, тщательно рассматривая его всего. Но его такой полуобнаженный вид немного отвлекал, и я опустила глаза, снова села рядом.

— Тебе все еще больно? — тихо прошептал Макс.

— Уже нет, — так же тихо отозвалась я.

Максим как то странно прочистил горло и более хрипло спросил:

— Любишь?

— Что? — я подняла на него удивленные глаза, в голове мелькнула мысль, как он мог понять? Как увидел?

— Ты его любишь? — снова спросил Максим уже с нажимом, и я с облегчением позволила расслабиться своему телу. Вот глупая! Он спрашивает меня про Стаса!

— Конечно, нет, — быстро и с облегчением ответила я. — Думаю и не любила никогда на самом деле. — равнодушно пожала плечами, а затем испуганно посмотрела на него — От этого мой поступок только хуже, да?

— Но ты думала, что любишь? — снова спросил Макс.

— Да, думала, — кивнула я.

Максим замолчал, и, забрав листы из моих рук, начал их медленно перебирать. Я старалась не смотреть, на каких именно моментах он особенно заострял внимание, и нервно кусала губы.

— Как же долго ты себя мучила, — он отбросил листы в стороны и прижал меня к себе. — Обещай больше так не делать!

Я согласно кивнула, но Максим все же требовал от меня основательного ответа:

— Обещай — больше никогда!

— Обещаю, — прошептала я, благодарно прижимаясь к нему, — а теперь поцелуй меня, покажи, что не осуждаешь меня.

— Я не осуждаю.

— Покажи, что не считаешь меня дрянью!

— Никогда, — яростно прорычал он и притянул меня к себе, чтобы снова впиться в мои губы своими.

— Целуй меня, — шептала я, — целуй сильнее!

И он целовал меня именно так, как я хотела, как я нуждалась. Он давал мне именно то, что мне было так необходимо, он отдавал мне себя! Я чувствовала это в каждом его жарком поцелуе, а в том, как он нежно и страстно ласкал мое тело, я видела поклонение к себе. Он не презирал меня! И это было самым сладким осознанием правды в моей жизни. Максим наклонил меня, заставляя лечь на постель, накрыв меня своим крепким телом. Его глаза лихорадочно блестели, он смотрел на меня так, словно я была сосредоточением его мира. Своей ладонью он провел по моей щеке, опускаясь ниже к шее, туда, где яростно билась жилка, он провел по ней одним пальцем, а затем, наклонившись, поцеловал ее.

— Я никогда не считал и не стану считать тебя дрянью. Я хочу, чтобы ты это запомнила, Оксана, — прошептал Максим.

— Я запомню.

— Умница, Бабочка, — его пальцы продолжали гладить мою шею, успокаивая меня. — Ты не обязана рассказывать мне все, что было, это твое право. Но если тебе необходимо этим поделиться, то я готов слушать.

Я кивнула с благодарностью и, нервно сглотнув, потянулась к своим листам, хранящим мои секреты. Но они были так далеко, разбросанные по всей постели, после того как Максим отбросил их, а часть из листков улетела на пол. Он помог собрать мне их все до последнего, и медленно, не торопясь, чтобы собраться с мыслями, я сложила их в нужном мне хронологическом порядке.

— Моя подруга Лена, — я протянула первый рисунок, где мы с ней сидели в кафе, а между нами была прочерчена широкая линия, изображающая трещину, увидев ее, я себя поправила. — Моя бывшая подруга Лена.

И снова меня удивила собственная реакция на все происходящее, не было слезливых содроганий по всему телу, тошноты, как первого признака моего сильного волнения. Не было ничего. Я даже отчасти попыталась вызвать в себе то мучительное состояние тревоги и боли, что обычно приходило ко мне при воспоминании о прошлом, но ничего. Это было так странно и непривычно, что создавало ощущение сна. Единственное, что еще указывало на то, что я все еще переживаю, это были мои трясущиеся руки.

Максим слушал внимательно, а я не поднимала на него глаз, чтобы увиденное в них не сбilo меня с толку. Я все еще боялась увидеть в них осуждение и только поэтому рассказывала, не отрывая взгляда от рисунков, словно именно они подсказывали мне, что нужно говорить дальше. Самым сложным для меня, как ни странно, стал момент окончания, где в моей руке оказалась бритва. На этом месте Максим, до этого сидевший спокойно и никак не выказывающий своих чувств, вдруг резко схватил меня за руку, и я поневоле подняла на него глаза.

— Ты бы все равно не смогла, — та твердая уверенность, с которой он это произнес, даже смутила меня. Да, я не стала бы этого делать, но откуда это известно Максиму?

— Почему ты так думаешь? — спросила я, даже не подумав, как этот вопрос может звучать со стороны, словно я хочу доказать обратное.

— Ты бы никогда этого не сделала, — все так же твердо повторил Макс, — слишком

много в тебе огня, моя Бабочка, чтобы вот так его легко погасить.

И только теперь он мягко улыбнулся, нежно, без своей обычной сексуальной ухмылки, и это все переворачивает внутри меня. Он всегда так действует на меня — переворачивает мой внутренний мир, а теперь еще и внешний.

— Да, не стала бы, не смогла, — я облегченно вздохнула. — Знаю, что моему поступку нет оправдания, и я очень о нем сожалею.

— Не стоит, — оборвал меня Максим, — ты сполна себя измучила. Мы все совершаем ошибки, и поверь мне, твой не самый ужасный.

— В самом деле? — я удивленно приподняла брови, интересно Максим говорит об этом, исходя из собственного опыта? И его следующие слова подтверждают мою догадку.

— Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

— Ты делал что-то ужасное?

— Парней своих подруг не уводил, — на его лице, наконец, появилась знакомая мне усмешка, но она нисколько не обидела меня, хотя и могла показаться неуместной. — Просто будь уверена, Оксана, я не ангел.

— Вот в этом я уверена, — фыркнула я, толкая его в плечо. — Ангелы не занимаются сексом в общественных местах.

— Это ты про реацентр? — невинно спросил Максим.

— И про него, и про лес, и... про музей, — вспоминая все это, я всякий раз краснею, хотя пора бы уже избавиться от излишней скромности, рядом с Максимом она каждый раз проигрывает необузданной страсти и силе наших желаний.

— Ты смущена, это так мило. И я не думаю, что ангелы вообще могут заниматься сексом. Они ведь существа бестелесные, бесполое, — прохладные пальцы коснулись моей пылающей щеки, провели по губам, приоткрывая их. Его хриплый шепот гипнотизирует меня. — Но тебе же это все нравится, признайся. Тебя возбуждают одни только воспоминания о нашем сексе.

— Максим, это конечно все очень необычно, — промямлила я, пытаюсь скинуть с себя наваждение, — но нам ведь не нужно делать это постоянно.

— О чем ты?

— Я о том, что произошло сегодня, к примеру, — я выдохнула, собираясь с силами, заставляя тело воспрянуть, а то оно у меня словно превратилось в масло от певучих речей этого сексуального соблазителя. — Мы не должны были делать это там.

— Не должны были заниматься сексом в центре?

— Да, это неправильно. Представляешь, чтобы случилось, если бы нас поймали?

В его глазах мелькнула мимолетная вспышка, так быстро, и я даже не смогла понять, что она могла означать.

— Что ты чувствуешь, когда думаешь об этом? — все так же хрипло растягивая слова, спросил Максим.

— Я не знаю, — и это правда, — но секс на публике — это неправильно.

— Но ведь нас никто не видел! — возразил Максим. Это не был секс на публике.

— Да, но нас могли увидеть!

— Подумай, — его похотливые речи ласкают слух, а мои щеки пылают от его разговоров, — Только вспомни, как тебя это все заводило. Как ты стонала, вливаясь в меня своими пальчиками, стараясь быть тихой. Ты была такой страстной, необузданной! Думаю, ты даже могла оставить на моей спине отметины своими ногтями.

— Прости, я не хотела делать тебе больно, — поспешно сказала я. Но Максим отрицательно покачал головой.

— Нет, моя Бабочка, мне было так же хорошо, как и тебе.

Острое желание пронзило меня так, что я охнула. Между ног возникла такая сильная пульсация, что я невольно сдвинула ноги, чтобы облегчить эту ноющую боль.

— Вот, видишь, — довольно улыбнулся Максим, — только одни разговоры об этом, а ты уже вся пылаешь. А я даже к тебе еще не прикоснулся!

И в подтверждении своих слов он вскинул руки.

— Ты такая страстная, такая горячая. Уверен, между ног у тебя уже совсем мокро, и все это для меня — О, Боже он облизнулся! Предвкушая, как начнет пробовать меня на вкус! Я растекаюсь от его слов лужицей и из последних сил пытаюсь вернуть разговор в более спокойное русло. Но разве это возможно, когда перед тобой самый сексуальный и обольстительный мужчина с чувственным хриплым голосом?

— Как мы дошли до такого? — спросила я, и мой голос был не менее хриплым, чем у Максима, выдавая мое и без того явное возбуждение. — Я рассказала тебе столько личного, такого неприятного и мерзкого о себе, а ты все еще хочешь меня?

— Твое прошлое лишний раз доказывает всю силу страстности твоей натуры, — я хмурюсь, не понимая, как воспринимать его слова, и он продолжает. — Ты была смелой, чтобы взять то, что хотела, и ты взяла это. И не следует себя за это осуждать, ты не одна была виновата, у вас треугольник, вина на всех лежит равная, а люди вообще по своей природе склонны к ошибкам. Так почему мучаешь себя только ты? Почему не мучается твоя бывшая подруга или этот гнилой ублюдок? Клянусь, что если встречу его, то заставлю его за все ответить! — Яростный всплеск, с которым он произносит эти слова, дает понять, что так оно и будет. Тот же взгляд и напряженность тела, что вижу в нем сейчас, напоминает мне момент, когда я увидела его на ринге. Тогда по моей вине Максим пропустил сильный удар со стороны Вадима, после которого он словно обезумел.

— Я верю тебе.

— Конечно, веришь, — ничуть не сомневаясь, ответил Макс. — Отныне ты под моей защитой. И теперь, когда ты со мной, я помогу тебе раскрыться, покажу всю полноту твоей страстной натуры.

— Что ты имеешь в виду?

— О, моя маленькая, я все тебе покажу, — довольно улыбнулся Максим. — А вот это, — он снова собрал листы с рисунками в кучу, не обращая внимания на то, как сильно сминает их, — порви и выброси. Просто отпусти себя.

— Кажется, уже отпустила.

А в голове сигналили маленькие звоночки, на которые я должна обратить внимание. Что имел в виду Максим, говоря, что поможет мне раскрыть всю страстность своей натуры? Что может быть более безумным, чем сексуальные утехи в публичных местах, или я чего — то не понимаю?

До турбазы «Тихая гавань», в которой уже должны были собраться все наши, я решила добраться на такси. Никакого желания торчать в пробках, будучи за рулем у меня не было, да и после не самого простого разговора с Максом, следить за дорогой не хотелось. И вот я, облачившись в удобные легкие джинсы и свободный тёмно-синий свитер и закинув на плечо небольшую спортивную сумку со всем необходимым, собралась туда, куда еще совсем недавно ехать ни за что бы ни согласилась. Попрощавшись с Максимом, который проводил меня до самого такси, и, получив от него напоследок многообещающий поцелуй, я удобно устроилась на заднем сиденье авто. Назвав адрес водителю, я вставляю в уши наушники и включаю свой плей-лист на телефоне. Я нервничаю с непривычки, ведь я так давно не отдыхала с девочками с группы и теперь переживаю, может ли быть у меня с ними все по-прежнему? Очень надеюсь, что уродливое прошлое не высунет своей мерзкой головы, и все пройдет весело, как и должно быть на всех студенческих сходках. Да, я переживала, но мне помогал открытый разговор с Максимом. Я не потеряла его, а кажется даже, только еще больше с ним сблизилась. Еще меня грело желание Максима не отпускать меня, он так хотел, чтобы я осталась, но я твердо решила ехать на турбазу. Мне это было необходимо, это был еще один шаг к восстановлению прежней себя. А именно весёлой и жизнерадостной девушки, всегда желающей провести выходные на природе в шумной дружеской компании. Боже мой, я и в самом деле загоняла себя все это время в угол! Все боялась косых взглядов и перешептываний у себя за спиной. Мне было проще спрятать голову в песок, закрыться в себе и заниматься самобичеванием. Но отныне этого не будет! Теперь я жалела о том потерянном времени, что отдавала на никому ненужные переживания.

Сама дорога должна была занять у меня около получаса, и я решила посвятить это время на возможность разложить в своей голове все по полочкам. Старательно прислушавшись к чувствам внутри себя, я искала остатки болезненных узелков, которые должны были там остаться. По телу пробежала мелкая дрожь — я все-таки смогла! До сих пор не верилось, что я это сделала — рассказала все Максиму. И как же я была права, он видел мои рисунки, потому и повел себя в тот день так странно! Возможно моя дрожь это частички адреналина, бегущего по венам, и состояние мое было довольно возбужденным. Все это перемешивалось с переживаниями о проведении почти всех выходных с людьми, которые были свидетелями моего прошлого позора.

Я вдруг стала взвинченной и начала щелкать на телефоне песню за песней, даже не вслушиваясь в их текст. В итоге мне это надело, и я убрала телефон вместе с наушниками в сумку. Просунув ладони между коленей и плотно сжав их, снова задумалась над словами Максима. Он сказал, что хочет раскрыть страстную сторону моей натуры, а я так и не поняла, что он имел в виду. Его слова настораживали меня, но и возбуждали. «- Ты ничего не знаешь о моих сексуальных предпочтениях» — эти слова он сказал мне еще в самом начале наших с ним таких не простых отношений. Что это могло значить? И как эти его предпочтения могут отразиться на мне самой? А вдруг Вадим был частично прав, говоря, что Максиму нужно, что то особенное, чтобы не надоест ему? На что мне придется пойти, что бы оставаться желанной для него? Ладно, Оксана, прекрати! Вадим гнилой человек, это было видно сразу, от него веет неприятностями за версту, и не стоит верить его словам. Я знаю —

Максим хочет меня так же сильно, как и я его. А Лена еще пожалеет, что связалась с Вадимом, но это уже не моя проблема.

Я так глубоко погрузилась в свои мысли и даже не заметила, как мы выехали за город. Мы уже приближались к главным воротам, над которыми большими буквами гласило название турбазы: «Тихая гавань». Здесь я еще не была ни разу, но первое впечатление было довольно приятным. Кованные железные ворота и высокие кустарники, растущие вдоль них, скрывали от постороннего глаза все, что находилось на внутренней территории. Все выглядело довольно ухоженным или же попросту новым — это еще предстояло выяснить. Я уже хотела расплатиться с таксистом и потянулась за кошельком, но он остановил меня, сказав, что поездка уже оплачена. Я удивилась и, недоуменно пожав плечами, закинула сумку на плечо, вылезла из машины и тут же достала свой телефон и набрала номер Макса.

— Когда ты успел заплатить за мое такси? — спросила я, не дав ему ответить первому.

— Моя Бабочка уже соскучилась, — промурлыкал он в трубку. — Хочешь, чтобы я забрал тебя к себе?

Я рассмеялась на его забавные попытки вернуть меня.

— Максим, не стоило этого делать. Ты же знаешь, в деньгах я не нуждаюсь.

— Деньги здесь ни при чем, — возразил он серьезно. — Но признайся, ты позвонила мне не из-за оплаченной поездки. Ты позвонила, потому что хотела меня услышать. Быть может, ты поняла, что уезжать не было смысла, и теперь ждешь, когда я за тобой приеду?

— Мечтать не вредно, к тому же признаний сегодня было достаточно, не находишь? — парировала я и мягко добавила: - До встречи в воскресенье.

Улыбаясь, я отключилась и не успела убрать телефон обратно, как он пискнул, известив меня о пришедшем сообщении. Ничего особенного в нем не было, только три восклицательных знака от Макса. Предполагаю, это означало сильное его желание поскорее снова меня увидеть. Счастливо хмыкнув, я пробормотала себе под нос:

— И общались они исключительно знаками препинания, ведь слова были не нужны.

— Оксана! Привет! — знакомые голоса окликнули меня, и, обернувшись, я увидела как из только что подъехавшей машины стали выбираться девчонки с моей группы. — Ты помнишь какой у нас домик?

— Привет! — откликнулась я и помахала им рукой. — Кажется, мне приходило смс от Тани с номером. А вам разве нет?

Девчонки выглядели довольно забавно, нагруженные пакетами и сумками.

— Одна растяпа оставила свой телефона дома, — ответила мне Лиля, кивнув раздраженно головой в сторону подруги Лиды.

— Ага, а другая растяпа вообще удалила это смс! — не осталась в долгу Лида. — Уф! Тяжело! Ну, давай звони Таньке или кому-то еще, пусть выйдут мальчишки и помогут нам все донести!

— А что, кто-то еще будет с нами? — удивилась я, как ни странно в нашей группе были одни только девушки, хотя я и предполагала, что кто-то пригласит с собой из друзей к нам для компании.

— С Танькой ее брат, ты его вроде видела. Еще Лариса кого-то хотела позвать, — ответила мне Лиля, набирая чей-то номер на телефоне.

— Отлично! — с не очень большим энтузиазмом отозвалась я. Большая компания, это, конечно, всегда весело. К тому же не думаю, что посторонних будет действительно много.

Уже через пару минут за воротами показались двое парней. Одного из них я узнала, это

и был родной брат Тани, который учился, если я не ошибаюсь, на физфаке, и был младше нас на год. Высокий и привлекательный, он запомнился мне как довольно веселый и общительный парень. С ним рядом шел, полагаю, его сокурсник, так как он был тоже довольно крепкого телосложения, но не такой высокий и явно, моложе нас. Мы быстро обменялись приветствиями, и мальчишки забрав пакеты, не преминув при этом заглянуть в них и довольно присвистнув, потащились к нашему домику.

— Ой, девочки! Как тут красиво! — восхищенно воскликнула Лида, проходя мимо домиков в густой заросли деревьев.

— Да, а возле реки еще лучше, мы уже спускались вниз, идеальное место для пленэра! — крикнула выбегающая нам на встречу Танька, как всегда ее голова была сплошь увешана всевозможными заколками. Только у нее одной это выходило не нелепо, а смотрелось даже симпатично и мило. Наш домик был двухэтажным, и по размерам выходило, что он вполне может вместить в себя всю нашу большую компанию. — Оксана, ты тоже приехала! — как-то нервно заметила она, глянув в мою сторону, а я нахмурилась.

— Я складывалась вместе со всеми, помнишь?

— Конечно! Просто...хм... ну пойдете в дом! — Таня ловко сменила тему. Неужели они все думали, что я снова останусь на отшибе как и раньше? Нет уж, не дождетесь! — подумала я, — буду веселиться и зажигать как и раньше, а может еще и больше.

— Жаль, что купаться еще нельзя, я бы с удовольствием! — довольно потянулась Лиля.

— Подожди, может, еще напьешься и гольшом пойдешь?! — засмеялся, подстрекая ее, брат Тани, я вспомнила его имя — Илья.

— Вы только посмотрите, какая антропометрия! — с восхищением восклицает кто-то из девчонок, заходя внутрь дома.

— Ой, а эргономика просто зашкаливает! — отвечает другая, тут же заваливаясь на удобное кресло.

— Да, девочки, вы явно перезанимались в этом году, — засмеялись парни,

— Давайте договоримся — сегодня все, что связано с учебой мы не обсуждаем, — грозно погрозила пальцем Таня.

— А у нас получится? — с сомнением спросила я, мы настолько привыкли говорить про учебу, что это выходило само собой.

— Что-то я сомневаюсь, — покачала головой Лида.

— И о чем будем говорить?

— Ну, мало ли тем может быть! О мальчиках, например, — предложила Лиля, озираясь по сторонам и высматривая остальных.

— Ага, о погоде, политике, спорте.

— О пиве! — подхватили Илья и его друг Леша, который, как оказалось, в самом деле учился вместе с ним.

— Точно!

— А где же все?

— На заднем дворе, идемте, — командным тоном сказала Таня. — Илья, уберите пиво в холодильник. Хотя пару бутылок можете захватить с собой.

— Слушаюсь, командир, — отозвался Илья, и они с Лешкой унесли пакеты вглубь дома.

Мы вышли на задний двор, где прямо на улице стоял обеденный стол, заваленный мисками с недорезанными закусками и салатами. Вокруг суетились наши девчонки, а еще несколько незнакомых мне парней ходили рядом и пытались урвать со стола кусочки чего-

нибудь съестного, за что тут же получали по рукам. Еще двое стояли возле костра, попеременно перемешивая содержимое большого котла, висевшего над ним, в котором, как я предполагала, готовился плов. Запах оттуда исходил изумительный.

— А почему ребята не помогают? — спросила Лида, и откусила кусок от тонко нарезанного огурца, причем ее по рукам бить никто не стал. Дискриминация мужского пола — подумалось мне.

— Знаем мы, как они нарезать будут, лишь бы побыстрее! — отозвались с другого конца стола. — А мы все красиво сделаем.

— Да ладно вам, девчонки! — воскликнул какой-то парень со стаканом пива в руке, лениво прислонившись к дереву. — Внутри оно все равно все перемешается.

Он встретился со мной взглядом и вдруг подмигнул мне, а я даже не сообразила, как на это отреагировать. Это он вроде заигрывает со мной или просто так приветствует? Недолго об этом задумываясь, быстро подхваченная всеобщей суматохой и не теряя времени, мое настроение начинает подниматься вверх. Я уселась за стол, и, взяв в руки нож, принялась помогать нарезать овощи. Рядом со мной тут же нарисовался стакан с пивом, и я благодарно кивнула незнакомому парню, налившему мне его, тому самому, что до этого стоял у дерева и стрелял глазками. Я сделала свой первый глоток. Пиво оказалось прохладным и довольно легким, в самый раз для меня. Весело болтая, мы довольно быстро справились со всем, что было на столе, и теперь парни стали двигать другие скамейки к столу, а мы с девчонками убирали со стола все лишнее. Начинало темнеть, и потому все дружно решили перенести стол чуть поближе к дому, и включили в нем свет. Так мы могли дольше оставаться на открытом воздухе и не наткаться друг на друга в темноте. И хотя воздух уже становился чуть более прохладным, мой свитер еще хорошо согревал меня, и я была рада, что одела именно его. Уже раззадоренные и голодные, нам не терпелось приняться за еду и выпивку в полной мере, благо плов тоже был готов. Все это время я в основном общалась с парнем, что наливал мне пиво. Его звали Андреем, но я не особо обратила внимание на его внешность, хотя он и понравился мне своей непосредственностью, веселым нравом, и довольно ненавязчивым обществом, которым практически отгородил меня от остальных. Похоже, вечер действительно будет удачным. Я так же отметила, что пока нигде не было видно Ларисы, и мое настроение поднялось еще на пару градусов выше.

Прежде чем начнется основное веселье, я решила зайти в дом и забросить свою сумку наверх в одну из комнат. Но, направляясь к дому, я замерла на полпути, тут же пожелав провалиться сквозь землю или оказаться где угодно, но только не здесь. Грозовые тучи сгустились над моей головой, и причина ей шла мне навстречу в лице Ларисы, в глазах которой засветился триумф. Рядом с ней шел Стас.

Теперь я точно знаю, почему не хотела вспоминать о своих ошибках, потому что как только начинаешь перебирать свое прошлое, а тем более говорить о нем, оно обязательно всплывет в твоём настоящем. И вот оно настигло меня во всем своём уродстве. А ведь я так хотела распрощаться с ним раз и навсегда, но неужели судьбе не было достаточно моей встречи с Леной и моего откровения с Максом? Конечно же нет! Ей нужно заставить меня пройти весь путь до конца, и я должна была понимать, что встреча со Стасом, все равно когда-нибудь, должна была произойти. Хотя никто не мог запретить мне надеяться на иной исход. Например, его мог переехать поезд, или ему на голову мог упасть кирпич — столько вариантов, чтобы не видеть вновь его отвратительной рожи! Первое, что я хочу сделать, так это развернуться и уйти прочь, но каким-то чудом вовремя понимаю, что это будет

выглядеть именно так, как и хотела бы того Лариса. Уверена, она жаждала увидеть сейчас мой трусливый побег. «Значит, решила заставить меня понервничать, стерва? — мысленно обращаюсь к ней, — что ж, я принимаю этот бой!» И не обращая на скрученные до предела нервы, продолжила свой путь, направляясь прямо к ним.

— Неожиданная встреча! — пропел своим гнусавым голосом Стас, как только мы поравнялись. Боже, неужели он всегда был у него таким мерзким? Почему я раньше этого не замечала? Потому что ты была влюблена в него, дура! — Тут же одернула саму себя. — Отличный вечер для возобновления старый дружбы.

Я смерила его безразличным взглядом, отметив, как противно мне становится от одной его фальшивой улыбки, и выдала первую нелепость, что пришла на ум:

— Больше похоже на рецидив рака, — я гордо вскинула голову и продолжила свое движение к дому. Ух, как я зла! Как я сильно зла сейчас! Меня буквально колотит и хочется разбить что-то очень хрупкое или быть может даже сломать что — то очень твердое. Сжимаю руки в кулаки и, зайдя в дом, нахожу свою маленькую дорожную сумку и быстро поднимаюсь наверх. Нахожу свободную комнату и в сердцах бросаю там ее на кровать. Ну какого черта эта глупая Лариска привела сюда Стаса? Конечно, я знаю, что она меня ненавидит, и хотя я до сих пор не понимаю причины этой ненависти, как можно было пойти на такое? Зачем? Нужно было окатить ее презрительным взглядом, чтобы ей стало не по себе, дать ей понять, что это не сойдет ей с рук, и пусть я еще пока не знаю, что именно ей сделаю, но обязательно придумаю! К сожалению моей выдержки хватило только на не очень умную фразу и безразличный взгляд в сторону этого подонка Стаса, но, как говорится, еще не вечер. Вот Максим смог бы убить обоих одним только взглядом, он бы никогда не стал даже мыслить о побеге, но и я теперь не стану.

Я достала из сумки свою косметичку. Как хорошо, что я ее взяла с собой! Мне хотелось чувствовать себя как можно более уверенно, а моя мама всегда говорила, что женщина с хорошим макияжем, это женщина, вооруженная до зубов. Я, конечно, не собиралась делать боевой раскрас, лишь ограничилась подведением глаз и убрала волосы в высокий хвост, а на губы нанесла светлый блеск, и даже вопреки своему обыкновению нанесла румяна на щеки. Эти обычные знакомые вещи привели мои расшатанные нервы немного в порядок. Итак, каковы мои дальнейшие действия? Спускаюсь вниз и буду делать вид, что все в порядке? Исходя из опыта, могу сказать, что это точно не выход, я только что сама приняла решение принять бой, и я его принимаю.

Однако осуществить задуманное, было несколько труднее, чем казалось в мыслях, но я себя заставила. Через окна я увидела, как Стас расположился рядом с Андреем, моим недавним новым знакомым, и вел с ним непринужденную беседу. Официально заявляю, что Андрей мне больше не нравится. Я решила найти кухню, куда ранее брат Тани с другом отнесли пиво, и налить себе бокал, перед выходом градусы мне не помешают. Но, услышав голоса за дверью, притормозила. Не то чтобы у меня стало входить в привычку подслушивать, но иногда и эта вещь бывает очень полезной.

— О чем ты думала, Лариса! — недовольно воскликнула Таня. — Ну что тебе все неймется? Почему вы не можете с Оксаной просто общаться или лучше не общаться совсем, что в вашем случае было бы еще лучше?

— А что такого? По-моему, это даже забавно, — ответила Лариска, постепенно напуская яду в голос. — Меня просто раздражает это ее вечное стремление казаться лучше всех! Особенно в учебе! — Она недовольно фыркнула, затем загремела посудой и

продолжила. — Строит из себя этакую невинность, а сама бегала за парнем лучшей подруги! Стас мне все рассказал, и поверь мне, жертва тут не Оксана!

Что-о-о-о? Вот подлец! Нет, он еще хуже! Этот гаденыш рассказывает всем направо и налево, что я за ним бегала? Когда на самом деле все было с точностью до наоборот. Моя вина только в том, что я сдалась, ведь была тогда им очарована. Какой же глупой я была! И когда это я строила из себя невинность? И я никогда не делала вид, что лучше всех!

— Пусть даже и так, — нерешительно согласилась с подругой Таня, — но это не повод для подобных гадостей! Ты обещала, что он только привезет тебя сюда! И потом, то, что сказал Стас, я бы не стала брать на веру. Лично мне он большого доверия не внушает. Ты вообще можешь себе представить бегающую за кем-то Оксану?

— А почему нет? — раздражаясь, возразила Лариса. — По-твоему, она, в самом деле, вся такая очаровашка?

— Я не знаю, что там было у них со Стасом и не желаю знать, мне плевать на это! — отрезала Таня. — Но если вечер будет испорчен, я тебе этого не прощу!

И не дожидаясь ответа, она направилась к выходу, где в дверях столкнулась со мной.

— Ой, Оксана!

— Ой! И снова я! — не удержалась я от сарказма и при этом мило ей улыбнулась. Так значит, вы все считаете меня такой вот высокомерной, выставляющей себя лучше всех? Потрясающе! А то, что я, в самом деле, занимаюсь чуть ли не вдвое больше остальных студентов это не в счет? Обычная зависть, не более того, мелкая и гнусная.

— А там только Лариса осталась, — кивнув в сторону кухни, сказала мне Таня, не обращая внимания на мой тон. Она, наивная, полагала, что я, узнав об этом, развернусь и уйду?

— А я знаю, — и решительно вошла к своему врагу.

Щеки Ларисы зарделись, когда она меня заметила, я буквально видела, как в ее голове роятся мерзкие и трусливые мыслишки. Наверное, пытается понять, слышала я их разговор с Таней или нет. Несколько секунд мы рассматривали друг друга, словно каждая из нас ожидала, кто нападет первой. Наконец, полагаю, Лариса не выдержала моего гневного взгляда, ибо в нем было столько ненависти к ней, что будь он осязаем, то уже давно билась в адской агонии. Она отвела в сторону глаза и, взяв в руки салатницу, собиралась прошествовать мимо меня, но я ее остановила, схватив за рукав.

— Ты что творишь? — возмутилась она, словно это я привела сюда потенциального насильника и просто морального уродца. — Не смогла убить взглядом, решила теперь сделать это физически?

— Поговорить надо, — я гордилась своим ровным тоном и собиралась продолжать в том же духе, хотя гнев закипал во мне и уже готов был дойти до самого края. А тогда уж, простите, будет взрыв. — Значит, тебе все это кажется забавным?

— Ты подслушивала? — округлив глаза, возмутилась Лариса — Вот не ожидала, даже от тебя!

Она фыркнула, словно была не удивлена увидеть во мне еще один изъян.

— Это иногда полезно, и давай кое-что проясним! — зашипела я, — ты влезла туда, куда не следовало влезать.

— Что, ревнуешь меня к Стасу, все еще хочешь его? — прищурился глаза, позлорадствовала Лариса в ответ. — И отпусти мою руку! Быстро!

— А вот это легко! — я отпустила ее и брезгливо вытерла ладонь о джинсы. Вот же она

гадюка! — Послушай, ты подружка в кавычках, ты и понятия не имеешь, какое отвращение я испытываю к человеку, которого ты додумалась сюда привести! И раз тебе так интересен этот кусок моей жизни, позволь открыть тебе глаза на некоторые вещи.

— Да ничего не надо мне открывать, я и так все знаю!

— Нет, не знаешь! — резко оборвала я ее, — в тот вечер, в тот самый, когда вы все решили, что я бегаю за этим ублюдком, он приставал ко мне, а я сопротивлялась. — На этом моменте мой голос дрогнул, а лицо Ларисы вытянулось в недоверии. — Да, — подтвердила я, желая стереть остатки сомнений с ее лица. — Он уже практически меня раздел, когда так вовремя его прервали. — Этот момент не был виден даже на моих рисунках — таким ужасным он был для меня, и, конечно, Макс тоже ничего не знал о нем. Я так хотела обойти хотя бы это стороной, но похоже, у меня просто нет выбора. Это как тот самый рвотный позыв, который рано или поздно сопровождается рвотой. Это отравление организма — пока ты не вывернешься наизнанку, легче не станет. — Я просила его остановиться, но он меня не слушал. Я пережила все это и старалась забыть, надеясь, что больше мне не придется видеть морду этого ублюдка снова. Но, конечно, тут влезла ты со своим тупым желанием насолить мне!

— Вот черт! — прошептала Лариса. — Но ты же с ним...

— То, что было у меня с ним, и то, как я поступила, не вашего долбаного ума дело! — меня трясло, я едва не переходила на крик, а на глазах выступили предательские слезы. Я открывалась своему главному врагу, потому что устала от того, что все думают обо мне невесть что. Так пусть это будет, по крайней мере, правдой, а не лживым враньем от Стаса! — Никто не вправе судить меня, мы все совершаем ошибки, и я всего лишь человек! Я была тогда влюблена в него, только и всего, да и глупа к тому же. А вот ты, Лариса, поступила подло преднамеренно, и тебе с этим жить.

Я выдохнула, сотрясаясь всем телом, по щекам текли тонкие ручейки слез, но, несмотря на это, я чувствовала триумф. Вытерев тыльной стороной руки влажное лицо, я посмотрела на свои дрожащие руки, которые блестели от слез и следов стертых румян. Снова глянув на Ларису, которая стояла предо мной, не шевелясь, я видела, как на ее лице сменилось недоверие на испуг и ужас. Она поняла. Теперь даже она поняла, что, позвав сюда Стаса и поверив ему, оказалась в дураках не меньше, чем я когда-то.

— Я... — она даже не знала, что теперь мне сказать. Я горько усмехнулась. Слова мне были не нужны, я все ей рассказала, окончательно сбросив с себя этот груз. И пусть все дальше шепчутся и говорят за моей спиной. По крайней мере, это будет уже истиной, которую я приняла сама и смогла себя простить.

— Одно могу посоветовать тебе чисто по-дружески, хотя мы никогда и близко не были друзьями. — Сейчас я начинала ей даже сочувствовать, ведь это ей предстояло сегодня общаться со Стасом, но и не предупредить ее я не могла, даже не смотря на все, что она сделала. — Не оставайся с ним наедине, и, если что, бей коленом между ног. — Горько усмехнувшись, я дернула плечами — Я тогда, к сожалению, не догадалась.

Теперь я разворачиваюсь и ухожу, оставляя Ларису в одиночестве переваривать все, ею услышанное. И пусть я не так хотела провести весь разговор и совсем не хотела пускать слезы перед этой стервой, я знала, что этот раунд был за мной.

Мне захотелось поскорее умыться и привести себя в порядок, поэтому я поспешила наверх. Как же хорошо, что все сидят за столом, и мне никто не может сейчас помешать! Сидят себе внизу, веселятся и выпивают. Как наивно было полагать, что все может вернуться

на круги своя, и что я вдруг стану прежней. Этого уже никогда не будет, я изменилась, да и весь мир меняется вокруг каждую секунду. Поэтому не стоит жалеть о прошлом, и я не жалею. Теперь смело только вперед, и, главное, голову держать высоко поднятой. Я отправляю назад в сумку свою косметичку, больше мне не нужно быть во всеоружии, да и сам ритуал наведения макияжа был не более, чем способом успокоиться и привести в норму расшатанные нервы. Я делаю пару глубоких вдохов и выдохов, чтобы расслабиться, сбросить с себя оцепенение после напряжённого монолога. Уже почти окончательно начинаю приходить в себя, как начинает звонить мой телефон, и я, не глядя, отвечаю, всей душой чувствуя, кто именно мне сейчас звонит:

— Привет, уже соскучился? — прошептала я, надеясь, что мой голос не выдаст внутренние остатки дрожи.

— Хотел узнать, как там твои дела? — Максим всего лишь позвонил, тем самым, уже действуя на меня как утешение, и мое тело окончательно расслабляется. Все, что мне нужно сейчас — это хотя бы его слышать.

— Переживаешь?

— А есть о чем?

— Хочешь забрать меня? — вдруг выпаливаю я, ясно осознав, что мне здесь больше нечего делать.

— Что случилось? — я ощутила, как в голосе Максима появились нотки напряжения, еще бы, после всех этих признаний!

— Так ты хочешь? — снова спросила я, не желая ничего объяснять.

— Я всегда хочу, ты же знаешь, — его тонкий намек на сексуальное желание вызывает улыбку. — Дай мне двадцать минут.

— Не торопись, я в норме, — попыталась я его успокоить, не желая давать повода для беспокойства. Еще не решила, стану ли рассказывать о случившемся, боюсь, у меня просто не хватит сил. — Просто мне стало здесь скучно.

— Бабочка, — довольно хмыкнул Максим, — так и скажи, что тебе стало скучно без меня.

— Самодовольный и озабоченный маньяк, — прошептала я, улыбаясь в трубку, — впрочем, как и всегда.

— Всего лишь влюбленный в свою женщину мужчина, — с жаром ответил он, а мое сердце сделало такой резкий кульбит, что, казалось, вот-вот остановится, и я перестану дышать.

О, Боже мой! Что это сейчас было? Максим имел в виду именно то, что сказал, или это было что-то другое? Конечно, это не в его правилах раскидываться впустую словами, но мне все еще нужно было подтверждение услышанных слов. Я хотела видеть его светлые пронзительные глаза, когда он мне это повторит, мне необходимо было увидеть в них ту страсть, что была в его голосе.

— Повтори еще раз, что ты только что сейчас сказал, — тихо попросила я.

— Повторить, что я тебя всегда хочу? — засмеялся он в ответ.

— Нет, не это, — ох, он еще и дразнится! — Повтори свои последние слова.

— Последние, — доля секунды молчания и... — Похоже, все становится очень серьезно, Оксана. Я влюблен.

Я закрываю глаза, чтобы до конца прочувствовать эти желанные слова, которые бальзамом ложатся на мою душу.

— У тебя двадцать минут.

Сердце стучало в груди словно тысячи барабанов, кровь кипела и стучала в ушах, оглушая. Я была в предвкушении от скорой встречи с ним. Мне было слишком долго ждать двадцать минут, хотя я и знала — добраться сюда можно только за полчаса, не меньше. Но я так же знала, что раз Максим сказал, что будет здесь через двадцать минут, значит, он будет именно через двадцать. Быстро закинув сумку на плечо, и я даже не собираюсь прощаться со всеми, выхожу из дома с обратной стороны, не желая никого видеть. Но не тут-то было, внизу я сталкиваюсь с Лилей и Таней.

— Оксана, ты уходишь? — странно разочарованно протянула Лиля.

— Да, за мной сейчас придет мой парень, — гордо и с удовольствием объясняю я.

— Парень? — удивленно переспросила меня Лиля.

— Да, а что?

— Нет, ничего, — замялась Лиля, — просто...

— Просто ты была такая замкнутая в последнее время, и мы не подозревали, что ты с кем-то встречаешься, — развела руками Таня. В этом она была права, я была замкнутой, потерянной, спрятавшей голову в песок трусихой. Мне нечего было сказать ей в ответ, и я лишь неопределенно пожала плечами.

— Андрей расстроится, — лукаво подмигнула Лиля — ты ему, кажется, понравилась.

Ха! Андрей! У него не было шансов в любом случае.

— Я думаю, он переживет, — мне не терпелось поскорее уйти, там за воротами меня в скором времени должен будет ждать Максим, а тут совсем рядом ошивается Стас. Столкнуться с ним снова в мои планы не входило. — Хорошего вам вечера, девчонки!

Я махнула им рукой и вышла, но Таня меня окликнула, заставляя задержаться.

— Оксана! Подожди!

— Что? — спросила я, обернувшись, внутри уже зарождалось нетерпение. Я была в нескольких минутах от своего счастья и от человека, с которым хотело быть мое сердце. Но в силу того, что совсем недавно услышала нежное признание от Максима, решила не быть сильно колючей, хотя мне стоило бы злиться на Таню за то, что она позволила Ларисе привести сюда Стаса. И пусть она не знала всего произошедшего между нами до конца, но

могла хотя бы предупредить меня о нем!

— Прости, что все так вышло, — виновато сказала Таня. — Стас должен был сразу же уехать после того, как подбросит Ларису, честное слово.

— Да ничего страшного, Тань, — я смотрела на эту девушку, на ее забавно украшенную голову заколками, и думала о подслушанном мною ее разговоре с Ларисой. Интересно, она тоже считает, что я задаюсь и ставлю себя выше других? Впрочем, уже не важно. — Не бери в голову, я уезжаю не из-за Стаса, за мной, правда, сейчас придет мой парень.

— Хорошо, — облегченно вздохнув, Таня и улыбнулась. — Ну хотя бы скажи, кто он, твой парень? Он с нашего университета? Давно встречаетесь?

— Нет, — я рассмеялась, — он даже не студент.

Поправив сумку на плече, я разворачиваюсь, чтобы уйти, но тут сам черт дергает меня за язык:

— Он художник, довольно известный в нашем городе, — удивленное вытянутое лицо Тани ласкает мое самолюбие, и я довольно усмехаюсь. — Увидимся на парах!

— Пока! — ее изумление так забавляет, что я готова рассмеяться в голос, но лишь тихо хмыкаю и начинаю продвигаться в сторону ворот. Вот вам и новый повод почесать языком — чешите на здоровье, мне плевать!

Уже стемнело, но видимость была пока еще хорошей, и это, несмотря на почти отсутствующие фонари вокруг. Хорошо, что я решила выйти сразу же после звонка Максима, а то бы пришлось включать фонарик на телефоне, чтобы освещать себе путь. Я прибавляю темп, хочу успеть подойти к воротам, пока не стемнело окончательно. Прохожу мимо двух таких же домов, как и наш, делаю поворот. Но вместо ворот предо мной встает еще один дом, один в один, как и все остальные. Так, так, так, я растерянно останавливаюсь, я была уверена, что шла правильно, мы ведь свернули только один раз возле двух высоких деревьев, верно? Да и шли мы не долго. Ничего не понимаю. Оглянувшись по сторонам, вижу, что эта дорога мне знакомой не кажется. Чертыхнувшись, решаю пройтись немного назад, чтобы понять, где я могла неправильно завернуть. Ну вот два дерева, все верно, мы повернули и потом прошли еще немного, и нас встретила Таня. Я снова подхожу к снятому нами дому и осматриваюсь по сторонам. Может мне идти в противоположную сторону? Дважды черт! Соберись, Оксана! Там тебя уже, наверное, ждет Макс, а ты тут копаешься на месте, точно клуша! Нет, мы точно шли с той стороны, откуда я только что пришла сама. Может за деревьями есть еще один поворот, которой я пропустила из-за темноты? По спине предательски начинают ползти капельки пота, я начинаю волноваться. Как же это смешно, заблудиться в трех шагах от выхода! В голове возникает трусливая мысль вернуться в дом и попросить кого-нибудь указать мне дорогу, но я ее быстро отметаю в сторону, не стану я никуда возвращаться, я взрослый человек и сама в состоянии дойти до ворот. Вот сейчас дойду до деревьев и увижу нужную мне дорогу. И я, в самом деле, ее вижу! Облегченно выдыхаю, слава Богу! Вот и вокруг знакомые дома, причем они явно пустуют. «Неужели нельзя было снять домик поближе к воротам?» — раздраженно подумалось мне, но все же радуюсь, что удалось так быстро найти путь к выходу. Я почти перехожу на легкий бег, хочу поскорее выбраться отсюда, кажется, я даже вижу калитку ворот. Вот они ворота, а за ними я уже представляю, как ждет меня Максим, и я брошусь в его объятия, и он поцелует меня так, как умеет только он один, и я даже скажу ему... Меня буквально сбивает с дороги что-то огромное и тяжелое, и я оказываюсь припечатанной к забору рядом стоящего закрытого здания. Я вскрикиваю от испуга и боли, которая обрушивается на мою спину от

соприкосновения с твердой поверхностью.

— Куда-то торопишься, малышка? — едкий запах алкоголя врывается в мои ноздри. Десять тысяч раз черт! Стас! Откуда он здесь взялся?

— Пусти! — мною начинает овладевать паника, я чувствую себя пойманной в ловушку, и это, когда выход так близко!

— Ну-ка, скажи мне, — он только крепче прижимает меня к забору, и я отворачиваюсь от отвращения и страха, что его губы могут прикоснуться к моим. — Что ты нам наплела про меня Ларисе?

— Всего лишь правду! — смело выкрикнула я и со всей ненавистью и отвращением посмотрела ему в лицо.

— Нарываешься, — тихо и злобно прошептал Стас. Мои ноги немеют, а в горле пересыхает, его саднит, мне хочется закричать, и я даже открываю для этого рот, но рука Стаса быстро накрывает его своей ладонью. Я пытаюсь его укусить, но у меня ничего не выходит, а Стас лишь мерзко смеется на мои жалкие потуги вырваться. Ну почему, почему!! Я была уже у самой цели! Мысленно я зову Макса, с отчаянием пытаюсь побороть панику, а в голове мелькают мысли, что он хочет совершить то, в чем ему когда-то помешали Лена и Сашка. И вот уже одна рука Стаса начинает шарить по моему телу, подтверждая мои догадки. Борись! — крикнула я сама себе, и, мотнув головой в сторону, чтобы хоть как-то отвлечь его от давления на мои прижатые бедра его ногами. Я уже ощущала, как его возбуждение начинает упираться мне в живот, совсем как тогда. Гонимая отчаянием и страхом, я чудом изловчилась, освободила колено, и что есть силы, бью его прямо между ног. Удар был слабее, чем хотелось бы, от парализующего страха я не смогла вложить в него всю силу. Но этого было достаточно, чтобы Стас отстранился, и я смогла вырваться. И я бросилась бежать. Сумка ужасно мне мешала, болтаясь на плече, стучая по бедру, и я сбросила ее на землю. За спиной раздалось гневное ругательство, и послышалась возня. Возможно, сброшенная мною сумка полетела прямо под ноги Стасу, подарив мне тем самым фору в несколько секунд, за что я возблагодарила небо. Ноги от страха были непослушными, они путались между собой, но я с усилием заставляла их двигаться дальше. «Ворота, — бешено крутилось у меня в голове, — главное, выбежать за ворота!» Если он меня догонит, то тогда... Я уже почти дотянулась руками до калитки, как Стас резко дернул меня назад, и я закричала, отчаянно надеясь, что Максим уже ждет меня там, что он не сидит в машине и сможет меня услышать:

— Макс!

Стас дернул меня еще сильнее к себе, и я упала прямо на него. Он ловко перекатился, и придавил своим телом. Грудь сдавило, стало тяжело дышать, я была побеждена! На глазах брызнули слезы — Макса нет, или он просто не услышал меня! Я представляла, как он сидит там в своей машине и ждет меня, а я в это время лежу на земле уже почти не в силах бороться.

— Ну что ты, Оксана! — с победным тоном запыхтел Стас — Помню, как тебе это раньше нравилось, — быть подо мной.

Я зажмурилась в поисках остатков сил, собираясь дать последний решительный отпор... Но, вдруг давление на меня исчезло, и я услышала глухой удар и странный треск, словно кому-то только что сломали нос. Я вдохнула свежий ночной воздух и перекатилась на бок. Макс! Он услышал меня и пришел мне на помощь. Я видела, как он наносит удар за ударом по лицу Стаса, желая превратить его в кровавое месиво. Он держал его за грудки одной

рукой, а другая, похоже, была готова его убить. Это зрелище меня заворожило на несколько секунд, я словно видела возмездие за себя и даже с удовольствием отметила, как тело Стаса корчится от боли, а лицо окрашивается кровью. Удар, и еще удар, я поднялась на локтях, желая остановить Максима, и вдруг испугалась, что он и не собирается останавливаться. Я видела, каким было его выражение лица, сосредоточенное, точно вымеряющее удары. И тут он хватает моего обидчика за шею, подводит его к воротам и с силой ударяет о них. Меня передергивает, Максим будто превратился в дикого зверя. Не знаю как, но я умудрилась подняться на ноги и ковыляя подойти к ним ближе:

— Макс, хватит! — я попыталась закричать, но из меня вышел только хрип. — Остановись!

Но Максим снова бьет Стаса в грудь, тот нагибается и получает еще один удар коленом в живот. Теперь я уже действительно испугана, я бросилась на Максима, пытаюсь оторвать его от почти бездыханного тела Стаса.

— Не надо, прошу, — я вцепилась в его спину что есть сил, надеясь, остановить. Его тело было таким напряженным, излучающим такую яростную силу, какой я никогда еще видела. — Пожалуйста, для меня, — прошептала я снова, и Максим, наконец, ослабил хватку, а Стас безвольно осел на землю.

Максим схватил мои руки и прижал к своей груди, я слышала, как бешено стучит его сердце, как тяжело он дышит, как яростно вздымается его грудь от переполняющей его ненависти.

— Хватит с него, — повторила я, боясь, что Максим снова может наброситься на Стаса. — Ты здесь, — я сказала это с таким облегчением, а Максим развернулся ко мне и резко прижал к себе, запуская руки в мои волосы. Он прощупывал меня всю, желая убедиться тактильным способом, что я в порядке. Его руки гладили меня нежно, но напряженно, а я уже не могла вымолвить ни слова, хотя должна была сказать ему, что все теперь хорошо, Стас не успел причинить мне вреда, но я не могла произнести ни слова. Слишком сладкими были объятия Макса, слишком сильно я нуждалась в его сильных руках. Я всхлипнула и, не выдержав, разрыдалась. Максим поднял меня на руки, прижимая к себе все так же крепко, и, пытаюсь успокоить, хрипло прошептал:

— Я здесь.

Не было сил даже кивнуть ему. Я понимаю, знаю, что все закончилось, и что теперь я в безопасности. Я могла только снова и снова вдыхать его мужской запах, пропитанный адреналином и яростью, прятать лицо на его груди, от чего его футболка стала совсем мокрой от моих слез. Макс опустил вместе со мной на колени и продолжал убаюкивать меня на своих руках, тихо шепча нежные слова. Я не вслушивалась в них, мне было достаточно слышать его хриплый, израненный когда-то в детстве голос, чтобы потихоньку начать приходить в себя. Вся его внутренняя сила переходила ко мне, тоненькой струйкой просачиваясь мне под кожу. Я должна была быть сильной, сейчас не время для слез. Нам нужно решить, что делать дальше со Стасом, который уже несколько минут лежит там возле ворот. Я посмотрела туда, где он лежал, оставаясь все в той же позе. Он даже не шевелился, было темно, но мне казалось, я отчетливо вижу багровые синяки на его лице. Один его глаз уже заплывал, но второй смотрел прямо на меня, не мигая. Мне стало страшно, и я спрятала лицо, уткнувшись в шею Максима, и впиалась ногтями в его плечи, ища защиту.

— Что здесь происходит? — посторонний голос вывел меня из состояния ступора. Я обернулась и увидела, как прямо на нас с Максом какой-то мужчина направляет лучом света

от фонарика. Сощурившись от неприятного давления на глаза, я прикрыла их рукой.

— Нам нужна помощь! — закричал Максим, а я вся сжалась, и он, почувствовав это, ободряюще погладил по спине.

— Я спрашиваю, что происходит? — настойчиво повторил вопрос мужчина, подходя ближе. Он был в форме, похоже, это кто-то из охраны! Сейчас он позвонит в полицию, или нажмет на кнопку для вызова группы быстрого реагирования, и тогда Максима заберут, и обвинят его в том, что он избил Стаса! И все это из-за меня! Свет фонаря быстро переместился от нас к Стасу, затем обратно.

— Сейчас я все объясню, — голос Максима был уверенным и спокойным, как и всегда, ничто не говорило о том, что он как-то причастен к избитому человеку возле ворот.

— Похоже, нужно вызвать скорую, — голос охранника звучал скорее безразлично, чем напугано или обеспокоенно. Я украдкой разглядывала его, пытаюсь понять, насколько он может быть решительно настроен против нас. — Выглядит парень неважно.

— Согласен, — хмыкнул Макс, точно они говорили о погоде. — Моей девушке стало плохо при виде этого ужаса.

— Впечатлительная она у тебя, — хохотнул охранник, снова осматривая Стаса.

— Моя машина здесь за воротами, я отнесу ее, а потом вернусь и помогу вам здесь, — Максим помог мне подняться и крепко сжал мою руку. — Пойдем любимая, все хорошо.

Он развернул меня к воротам точно куклу и повел в сторону машины, я оглянулась назад и увидела, как охранник пристально продолжает за нами наблюдать. Затем он поднял руку с рацией ко рту, нажал на ней кнопку и что-то быстро в нее проговорил.

Оказавшись возле машины Максима, его черного лексуса, он открыл переднюю дверь и усадил меня на пассажирское сидение. Затем опустился передо мной на одно колено, и твердо произнес:

— Я сейчас разберусь со всем и вернусь. Ты можешь побыть одна несколько минут?

Сначала я согласилась, но потом в ту же секунду меня обуяла новая паника, и я вцепилась в рукав его футболки:

— Максим, может не надо туда ходить? — я готова была даже умолять его остаться, казалось, что если Макс сейчас уйдет, то я могу его потерять. — Пожалуйста!

— Оксана, любимая моя Бабочка, — прошептал Максим, наклоняясь ко мне нежно и твердо целуя в губы, стирая с них соленую воду от слез. — Я вернусь через несколько минут. Обещаю. Мне нужно со всем разобраться, понимаешь? Я не оставлю тебя одну! Слышишь?

— Не оставишь, — повторила я, продолжая держать его за рукав. Максим аккуратно разжал мои пальцы, и положил мои руки мне на колени.

— Я постараюсь вернуться как можно быстрее, — он захлопнул дверь машины и скрылся за калиткой ворот.

И я осталась одна сидеть в машине, а рядом стоял глухой лес, и только пара пустующих машин на темной дороге указывали, что рядом где-то могут быть люди. Было тихо, так тихо, что я решила включить радио. Громкая музыка ворвалась в салон машины, заставив сердце подпрыгнуть от испуга, я тут же сделала тише, оставив только ее слабый фон. Я провела вспотевшими ладонями о ткань джинсов, попыталась рукавом вытереть мокрое лицо. Мне нужны салфетки. Вот черт! Что за черт! Салфетки, которые находятся в сумке, а сумка валяется на дороге! Мне нужно ее забрать! Что, если ее увидит охранник? И догадается, что она моя? Сопоставит все факты и поймет, что это Макс избил Стаса? Я открыла дверь машины, силясь выйти наружу, мне нужно было предупредить Макса о сумке. Срочно!

Неуверенно ступив одной ногой на землю, я быстро выдохнула и вылезла наружу, быстро захлопнув дверь. Подойдя к калитке, я прислушалась. Было тихо, больше всего мне хотелось вернуться в теплый и безопасный салон машины, но я должна была забрать сумку. Ворота скрипнули, и я вошла на территорию турбазы. Первым, кого я увидела, был Макс, он стоял рядом со все еще лежавшим на земле постанывающим Стасом и разговаривал по телефону, он обернулся на скрип и, увидев меня, нахмурился. Охранника рядом не было и можно было только гадать, куда он подевался.

— Буду признателен тебе за помощь... Объясню все позже... Спасибо, — договорив, он подошел ко мне вплотную, я ожидала, что он будет меня ругать или злиться, но он только устало покачал головой:

— Ты все хочешь делать по-своему, да?

— Максим, я оставила сумку прямо на дороге, — прошептала я, стараясь не смотреть в сторону Стаса и надеясь, что охранник не выпрыгнет от куда-то из-за угла и не начнет расспрашивать про мою сумку, и почему она осталась на дороге. Макс снова нахмурился:

— Где именно?

— Вон там, — я указала направление, и Максим пообещал мне, что найдет ее, но я должна снова вернуться в машину.

— Я ее найду, Оксана, — твердо прохрипел Макс, его терпение сходило на «нет». — Вернись в машину, пожалуйста.

Я послушно кивнула и сделала так, как он просил. Через пару минут рядом со мной остановилась машина группы быстрого реагирования. Трое высоких парней в форме вышли из нее, и у одного из них был автомат. Я вжалась в кресло, навстречу им вышел Макс с моей сумкой в руке, он легко перебросился парой слов с парнями, они пожали руки и он двинулся дальше к машине. Забросив мою сумку на заднее сиденье, Макс завел двигатель и вырулил на дорогу.

Внешне полное спокойствие, а внутри бушует ураган. Я уже хорошо знаю тебя, Максим! Я тоже могу чувствовать твоё настроение, как и ты мое. Его руки так сильно сжимают руль, и, кажется ещё немного, он разломает его надвое. Я облизала сухие губы, ужасно хотелось пить. Где-то в моей сумке должна была быть бутылка с водой, но сейчас любое лишнее телодвижение казалось мне недопустимым. Я закрыла глаза и решила, что вдоволь напьюсь, как только мы приедем на место.

— У тебя ничего не болит? — хриплый голос нарушил тишину. Рядом пронеслась встречная машина, ослепив меня светом фар, напоминая об охраннике с фонарем.

— Что? — спросила я, хотя и поняла его вопрос, но мой мозг отказывался сразу давать вразумительные ответы. — Вроде нет.

Да я понятия не имела, болит у меня что-то или нет, меня волновало совсем другое.

— Что теперь будет? Тебя могут... — я сглотнула, — могут забрать? — слова дались с трудом, и я боялась услышать ответ.

Максим сильнее сжал руль до побелевших костяшек на пальцах, и только сейчас я заметила, что на правой руке они были ободраны.

— Нет, Оксана, ничего мне не будет, — он метнул в мою сторону взгляд, словно хотел убедиться, что я его внимательно слушаю. — Запомни — ты для всех спокойно уехала домой на такси. Ты ничего не видела и не слышала. Поняла?

— Поняла, — быстро я закивала в ответ, — в смысле не совсем поняла. Почему тебе ничего не будет?

Максим злорадно хохотнул, и я вся сжалась, но быстро поняла, что эта злость направлена не на меня, и мысленно дала себе команду расслабиться.

— А ты разве хочешь, чтобы было?

— Конечно, нет! Как ты можешь так говорить? Ты спас меня, если бы не ты... я бы... то есть он бы... — я тяжело задышала, пытаюсь подавить подступающие слезы паники.

— Эй! Эй! Не надо, Бабочка моя, — вот он мой любимый нежный сиплый голос, который всегда меня успокаивает. — Все прошло, все закончилось, слышишь?

Он повернулся ко мне, продолжая держать руль одной рукой, а второй, той, что была поранена, взял меня за руку. Я нежно погладила по его ободраным пальцам, поднесла к губам и поцеловала, тихонечко подув на ранки. Максим вздрогнул и даже почти притормозил, желая съехать с дороги, но все же вывернул обратно в ряд, нажав на педаль газа. И мы поехали дальше.

— Тебе очень больно?

— Это пустяки, — отозвался Максим, но руки своей не убрал, а я продолжала нежно гладить ее, стараясь обходить израненную кожу.

— Нет, не пустяки, нужно будет обработать, у тебя же кожа содрана.

— Оксана, там даже крови нет, — раздраженно возразил Макс, — легче, чем царапина.

— Нет, не легче! — настаиваю я. Мне очень хотелось ухаживать за ним, показать, как я могу о нем заботиться. Ведь он мне так дорог! — Я обработаю тебе руку, и не спорь со мной.

Максим тихо засмеялся, уже по-доброму, и я тоже улыбнулась. «Все будет хорошо, — повторяла я себе как мантру. — Максим рядом, все хорошо».

— Знаешь, — медленно сказала я, — я не смогу сказать, что просто уехала на такси.

— Почему? — быстро спросил Макс, он словно весь подобрался, готовясь к новому бою.

— Я сказала подругам, что за мной приедет мой парень.

— Хм, — на лице появилось едва уловимое изменение выражения полной невозмутимости на приятное удивление, но оно тут же исчезло. Я закусила нижнюю губу, он казался таким милым сейчас. Такой всегда невозмутимый, уверенный Макс готов был растаять от одного моего признания перед другими, что он есть в моей жизни. Но ведь мы убрали все наши правила, верно? Значит, все идет так, как и должно идти у обычных и нормальных влюбленных пар. Влюбленные. Какое красивое слово. Моя голова вдруг поплыла точно в тумане, мысли начинают путаться, на меня наваливается такая тяжесть, а глаза слипаются, я хотела прикрыть их всего на пару секунд, но... когда снова их открыла, мы уже были возле подъезда дома, где жил Максим.

— Я разве заснула? — еле ворочая языком, спросила я. Было темно, я едва видела очертания лица Максима. Почему здесь так темно?

— Это последствия пережитого тобой стресса. Тебе нужен отдых, — объяснил Максим, и я согласно кивнула.

Он помог мне выбраться из машины, и мы зашли в дом. Всю поездку на лифте он обнимал меня, повисшую на его плече. Мы ехали молча и так же в полной тишине разулись, войдя в студию. Максим, не терпя моих возражений, повел меня в ванную, где помог раздеться и поставил под теплые струи душа. Он раздевал меня осторожно, трепетно прикасаясь, словно я могла разбиться от одного неверного движения. А его нежные прикосновения рук, когда он намыливал мое тело, вызывали непередаваемое ощущение блаженства и покоя. Никакой эротики, почти... разве что вид его обнаженного тела, когда он встал под душ вместе со мной, вызвал во мне знакомое чувство нарастающего томления, которое медленно поднималось от низа живота и застряло где-то на уровне груди.

— Максим, — я положила свою руку ему на грудь, погладила ее, затронув правый сосок. Его учащенное дыхание отозвалось во мне скручивающей спиралью, так сильно, что едва не подкосились ноги.

— Оксана, — он дышит тяжело, сопротивляется. Он думает, что мне сейчас нужен покой и отдых. Но это не так, мне нужен только он. Я сделала шаг к нему, а он не сдвинулся с места, продолжая наблюдать за моими действиями. Еще шаг — и вот я уже могу соприкоснуться с его телом своим. Мокрые, скользкие от пены и такие пылающие тела.

— Поцелуй меня, — я не прошу, я требую.

— Оксана, — его голос звучит почти побежденно, как много людей могут похвастаться, что смогли его победить?

— Поцелуй меня вот сюда, — я указываю пальчиком на свою шею. — Мне это нужно, Максим.

Он наклоняется медленно, и я могу прочувствовать каждую секундочку этого томительного ожидания. Максим откидывает полностью мои волосы назад и едва уловимо касается моей шеи губами.

— Ах, — я не могу сдержаться от стона, так приятно это легкое прикосновение. — Еще сюда — я веду пальчиком от шеи к подбородку, и он следует за ним, затем щека, мочка уха. Я уже вся пылаю, я ощущаю его каждой клеточкой своего тела. Я хочу его так сильно, хочу медленно и долго. Пока все мысли в моей голове не начнут кружить только вокруг него

одного. Я сосредотачиваюсь на этом ощущении близости, вдыхаю влажный аромат наших горячих тел, пробую на вкус его кожу языком, медленно лаская его плечи руками.

— Ты уверена? — шепотом спрашивает Максим, а я веду его губы дальше вниз, хочу, чтобы он целовал меня еще. Моя грудь, налитая от желания, стала такой тяжелой, соски твердые как горошины, жаждут его ласк, трутся о его твердую грудь

— Как никогда, — шепчу я в ответ. — Ласкай меня, Максим, ласкай меня.

Легкое касание зубов на сосках вырывает из меня еще один сладостный стон. Максим ласкает меня руками, губами и своим языком, и я уже готова умереть, только бы не дать ему остановиться. Он опускается ниже и встает передо мной на колени, продолжая ласкать мой живот. Максим целует его, и я, чтобы не упасть, упираюсь руками о скользкие стены душа. Он берет меня за колено и быстро запрокидывает себе на плечо. Поднимает свою голову вверх и смотрит на меня своими горящими от желания глазами. Нет ничего более эротичного, чем видеть, как тебе поклоняется мужчина вот так, как это делает Максим сейчас.

— Ты готова?

— Да.

— Тогда держись, Бабочка, — и его губы нежно касаются моей трепещущей, жадной и такой чувствительной плоти между ног.

— Макси-и-м! — задыхаясь, простонала я. И все мысли мои закружились только вокруг этого наслаждения, которое он мне дарил.

Я должна была остаться без сил, после всего, что произошло на турбазе, но вместо этого мой разум работал сейчас более, чем активно, а тело все никак не могло расслабиться, даже после удивительного испытанного мною оргазма. Это было удивительно, учитывая, что совсем недавно я буквально валилась с ног. Я лежала на постели, укутанная в лёгкое одеяло, а Максим лежал рядом со мной практически обнаженный. Только небольшое полотенце, обернутое вокруг его бедер, скрывало его наготу. Подперев голову одной рукой, он смотрел на меня сверху вниз. В комнате было темно. Мы не включали свет, это казалось лишним, но, не смотря на это, я хорошо видела, как мысли Максима витали где-то очень далеко. Казалось, он пытался принять какое-то трудное решение, но никак не мог этого сделать.

— Кому ты звонил там, на турбазе, когда я вернулась за сумкой? — спросила я, старясь отвлечь его от этих тяжелых мыслей. Почему-то мне не хотелось расспрашивать о них.

— Другу, — и черты его лица разгладились.

— Зачем?

— Мой друг начальник ЧОПа, который охраняет эту турбазу. Я попросил его об услуге.

— Ох, — выдохнула я, теперь все стало более — менее проясняться. — Ты попросил чтобы, тебя не трогали?

В темноте я увидела, как Максим усмехнулся, и, погладив меня по плечу, укрытому тонкой тканью, объяснил:

— Группа должна была приехать обязательно, это их работа. Но дело замнут довольно быстро, вызовут скорую, занесут в протокол все как полагается. Но дальше хода не будет.

— Один из тех парней был с автоматом, — заметила я. — Я так испугалась.

— Они обязаны быть с оружием, Оксана, — хмыкнул Макс, приподняв брови. — Ты же не думала, что меня могут пристрелить за избиение какого-то подонка?

— Ничего я не думала, — смущенно буркнула я, и, спрятав лицо на его груди, теснее прижалась к нему. Да, я испугалась, в тот момент мой мозг был готов представить мне

только самые страшные картинки.

— Это был он, да? — и снова его голос стал более хриплым, чем обычно, — верный признак внутренних переживаний Макса. Я знала, что он понял, кто пытался меня... даже не хочу думать об этом. Боже, это было так ужасно, и меня начинает колотить только от одного воспоминания об этом!

— Да, — тихо подтвердила я.

Максим напрягся всем телом и так сильно стиснул мое плечо, что я невольно пискнула.

— Прости, — виновато пробормотал он, поглаживая невольно сжатое место.

— Но, что если Стас напишет теперь на тебя заявление? — вдруг встрепенулась я, этот вопрос волновал меня больше всего. Слишком много грязи могло повлечь за собой разбирательство этого дела.

— Не напишет, — уверенно ответил Макс, — обещаю, он ничего не сможет сделать. Этот трус был в сознании все время и уверен, что, если бы не трясся от страха, то давно бы уполз сам в свою крысиную нору. Но я заставил его выслушать все, что он должен будет говорить, когда его спросят о случившемся. Он ничего никому не расскажет, он будет молчать.

Я даже похолодела от его ледяного тона, я примерно представляла, что именно велел ему говорить Максим. Я знаю, каким он может быть убедительным.

— Если, конечно, ты хочешь, — добавил он мягче, — мы можем сделать все наоборот. Ты можешь заявить на него. У нас еще есть время, я все сделаю, как ты скажешь.

Он давал мне выбор, возможность отодрать старую болячку, чтобы мой обидчик понес наказание перед законом. Но я этого не хотела, не только потому что мне бы пришлось рассказывать в подробностях обо всем незнакомым людям, но и потому что из-за этого проблемы могли быть у Максима, даже если он меня защищал. К тому же, наверняка, от этого случая могут пойти и другие вопросы, которые могут привести к открытию этой истории с самого начала. О его первой попытке овладеть мной. Изнасилование... А я не хотела, чтобы все это вылезало наружу и размусоливалось чужими людьми. И я не хотела неприятностей для Макса. Он и так слишком много для меня сделал и не должен проходить через все это из-за меня одной.

— Нет, не хочу, — уверенно произнесла я. — Единственное, чего я хочу — это больше никогда его не видеть.

— Какого черта он там вообще делал? — с ненавистью спросил Максим.

— Ну, — я помедлила с ответом, решая, как ему ответить. Соврать, что встретила его случайно или рассказать правду? Я решила выбрать золотую середину. Лариса должна быть мне благодарна за это, иначе Максим вырвал бы у нее все ее идеальные волосы с корнем. И пусть подобная картина в моей голове выглядела довольно заманчиво, я все же была уверена, знай Лариса всю правду, она не стала бы приводить Стаса к нам. — Он знаком с одним человеком из компании, что собрались вместе с нашими девчонками и приехал вместе с ними.

— Ты поэтому захотела, чтобы я тебя забрал? Потому что узнала, что он тоже там будет?

Я задумалась, какова была реальная причина того, что я, в самом деле, захотела уехать? Испугалась? Нет, я не боялась Стаса настолько, чтобы сбежать даже после всего, что было на Сашкиной даче.

— Нет, — наконец ответила я, — это скорее из-за тебя. Я хотела тебя видеть. Я вдруг

поняла, что мне там уже нечего делать, не только из-за...него. А просто, потому что все мои мысли были слишком далеко от друзей, и мне не обязательно ходить на студенческие тусовки, только для того чтобы быть частью нормальной студенческой жизни. Все это не главное. Причина, чтобы уехать была не одна. Но главная из них — это ты.

— Оксана-а-а! — со стоном Максим обхватил меня руками и прижал к себе так, что у меня закружилась голова. Я вдохнула полной грудью его запах, от него все еще пахло нашим сексом, агрессией и неумемной мужской силой. Он завладел моими губами яростно, словно говоря, я принадлежу ему, я та, кто нужна ему. Только его поцелуи могут быть такими требовательными, но нежными, только его губы могут дарить покой в душе, а сердце заставлять биться чаще. В эти моменты я теряюсь в нем, растворяясь без остатка, но когда выныриваю вновь в реальность, то нахожу себя полноценную, точно обновленную.

— Я был готов его убить, — прошептал он с яростью, все еще касаясь своими губами моих, — ты должна была позвонить мне, как только этот урод замаячил на горизонте.

— Прости, я понимаю. Думала, что справлюсь сама, но ничего не вышло. Я все поняла, клянусь!

— Я знал, что должен остановиться, но не мог, — он будто от усталости медленно закрыл глаза, но тут же снова распахнул их, обжигая своим горящим взглядом. — Будь у меня еще одна возможность, я бы не остановился.

— Не говори так! Ты остановился! — попыталась я его успокоить, переживая за Максима. Я не хотела, чтобы он думал о подобных вещах.

— Только благодаря тебе, — он слабо улыбнулся и, покачав головой, поцеловал меня в нос. — Разве я смогу когда-нибудь тебя отпустить?

Этот вопрос Максим словно задавал самому себе.

— Так не отпускай, ты же обещал мне, помнишь?

— Помню, — он тяжело вздохнул. — Неужели Бабочка теперь не хочет от меня упорхнуть?

— Слишком яркий цветочек она нашла, — улыбнулась я. — Его нектар такой сладкий.

Максим недовольно сморщил нос.

— Ты называешь меня... цветочком?

— Ой, прости! — я даже рассмеялась, мой смех мог показаться неуместным, но с Максимом так легко быть счастливой! — Скорее, ты мое пламя, мой огонь. Меня манит к тебе, и я не могу этому сопротивляться.

Я смотрела в его удивительные глаза, и даже темнота не могла скрыть, как они горели от страсти и нежности.

— Да, Максим, все стало так серьезно. Я... я влюблена.

Это было самым волнительным признанием в моей жизни, и легкость, что я с ним ощутила, не передать словами. Я купалась в этом чувстве словно в мягком облаке, а ласки Максима доставляли мне еще большую долю радости и полноту счастья.

Мы заснули почти под самое утро, утомленные и обессиленные от ночных признаний и наслаждений друг другом. Мы больше не занимались любовью, нет, лишь одни прикосновения и поцелуи. Я даже не заметила, как провалилась в сон, обнимаемая Максимом, с чувством абсолютной защищенности и спокойствия, и даже маленькая тень страха, что наш рай, может быть разрушен превратностями судьбы, не смогла ворваться в мои безмятежные сновидения.

Я проснулась первой. Максим продолжал тихо спать рядом со мной, все так же обнимая меня за талию. Медленно потянувшись к нему, я оставила легкий след губами на его щеке. Понятия не имею, сколько времени мы проспали, но за окном уже ярко светило солнце, и мне захотелось открыть окно, чтобы впустить в комнату немного прохладного воздуха. Было жарко от тесно прижатого ко мне тела Максима, и я попыталась убрать его руку, чтобы выскользнуть из кровати и сходить на кухню выпить воды. Но Максим на мои попытки среагировал мгновенно, прижав к себе еще сильнее. Я вздохнула, от жары пить хотелось невыносимо, но и будить Макса мне не хотелось. Его лицо было таким безмятежным и открытым, когда он спал, и я невольно им залюбовалась. Он действительно был очень красив. Но пить хотелось тоже сильно, поэтому я, перестав лицезреть своего возлюбленного, попробовала убрать его руку снова, сперва осторожно отодвинувшись от него. Со второй попытки у меня получилось, и теперь Максим слегка нахмурившись, был вынужден обнимать мою подушку вместе с одеялом, которое пришлось с себя снять, пока я выбиралась из его оков.

— Ух! — тихонько прошептала я, почувствовав свободу, а вместе с ней и как мое тело приятно стало охлаждаться от температуры комнатного воздуха. Немного пошатываясь, от еще не ушедшего до конца сонного состояния, я огляделась по сторонам в поисках какой-нибудь футболки, которую Максим мог оставить на виду, ведь теперь я оказалась полностью обнаженной. Но ничего не нашла. Как и всегда у него царил полный порядок. Можно было заглянуть в шкафы, но я решила пока этого не делать, а быстро сбегать на кухню, выпить воды и вернуться обратно в постель к Максиму. Мое тело, так же как и разум, ещё не были готовы встречать новый день. События прошедшего вечера казались мне сном с иллюстрациями картин Сальвадора Дали, таких как «Сон вызванный полетом пчелы» или «Атавизм сумерек». Я видела в них себя спящей Галой, а Стас определенно был одним из рычащих львов, свирепо мчавшихся прямо на меня. Ну, а пробитая в спину вилами крестьянка была моей прошлой жизнью без Макса — печальной и трудной, но уже насыщенной яркими красками с его появлением. Я трянула головой, желая прогнать эти мысли, насквозь пропитанные сюрреализмом, и двинулась в сторону кухни. Стараясь не шуметь, когда выходила из комнаты, я добралась до кухни и нашла на столе высокий кувшин с водой. Жадно выпив прямо из него почти половину, я, наконец, открыла окно, впуская свежий и по-летнему теплый воздух. Сев на стул, я выпила еще воды, и мое тело начало просыпаться, а вместе с ним и все подробности прошлого вечера. Я содрогнулась, пытаюсь хотя бы на пару часов отбросить не дающие покоя страхи. Несмотря на то, что Макс не один раз за ночь уверял меня, что все теперь закончилось и никто не придет за ним, дабы потребовать ответа за избиения Стаса, я все равно очень за него боялась. Не знаю, насколько хорошим другом был тот начальник охраны Максу, но то, что теперь он был у него в долгу это точно. И чем больше я об этом думала, тем сильнее портилось мое настроение, а внутри все окрашивалось черно-серым цветом, окутывая неприятным и липким чувством страха, подправленным ощущением полной беспомощности. Пора вернуться в постель к Максиму, обнять его и пусть мне снова станет жарко, но с ним, по крайней мере, я чувствую себя спокойней. Однако, ноги повели меня в другом направлении, мне вдруг захотелось заглянуть

в его мастерскую, вдохнуть запах новых творения Максима, провести по шершавому холсту рукой или хотя бы просто подержать в руках кисточки. Это всегда меня успокаивало. Ведь именно к искусству я обращалась всякий раз, как только эмоции во мне начинали зашкаливать. Зайдя в комнату, такую светлую и чистую, я снова поразились, как Максу это удается — у него всегда так все аккуратно сложено. Я еще не видела, чтобы у него что-то лежало не на месте. Перед глазами возник рисунок, который я видела в центре реабилитации. Там Максим был в темной грязной комнате, и, казалось, можно ощутить запах пыли и неприятную тяжесть затхлого воздуха. Уже тогда на этом маленьком рисунке было видно, как он талантлив. И тот рисунок был удивительным и ужасным одновременно, пронизанный страхом, безысходностью и печалью. Я обхватила себя руками, словно хотела успокоить саму себя. Сейчас Максу не может угрожать его отец, он... кстати я так и не знаю, что с его отцом? Жив ли он? Хотелось расспросить о нем Максима и, конечно, о его матери, я хотела знать каждую тайну его души, чтобы разделить с ним все грустное и печальное, как и его радости и восторги. Я вспоминаю наш первый разговор, когда он заговорил о родителях, тогда он лишь сказал, что его мама умерла уже очень давно. Выходит, его отец еще жив, но сомневаюсь, что они могут как-то контактировать. Подойдя к стеллажу с красками и кистями, которые, конечно же, были сложены аккуратно, как будто только что вынуты из коробки. У меня так никогда не бывает. Мои баночки с краской всегда заляпаны, иногда я даже забываю их закрыть, а кисти тщательно вымыть. Боком ко мне стоит мольберт, все так же накрытый белой тканью, что-то мне подсказывает, что это все та же работа, над которой трудился Максим, когда сказал, что я его вдохновила. У меня снова зачесались руки, так захотелось сбросить покрывало с его очередного шедевра, но что, если я ошибаюсь? И Максим пока не хочет, чтобы я его видела или, быть может, он так и не успел его закончить, потому что примчался ко мне на выручку? Меня тянуло к этому закрытому полотну как магнитом, я встала перед ним и коснулась рукой выступающей части мольберта, где за тканью все еще стояли банки с краской. Я представляла себе, как Максим воодушевленно работает, окуная кисть в яркую тягучую массу и проводит ею по холсту, его лицо должно было быть особенно прекрасным и одухотворенным в этот момент. Точно по волшебству белая ткань падает к моим ногам от моего неловкого прикосновения и открывает мне невиданной красоты картину. Я ахнула. На картине была изображена я. Обнаженная и такая... красивая. Раскинув руки в стороны, мое тело покоилось на нежных крыльях сотен бабочек. Работа была все так же выполнена в его обычном стиле фотореализм, от чего я словно попала в удивительную чувственную сказку, это было непередаваемо прекрасно, удивительно. Это был шедевр. Каждая бабочка была живой и такой яркой, казалось, ни одна из них не повторялась, они все были разные как по форме, так и по цвету своих крыльев. А я, покоившаяся на них с лицом бескрайнего наслаждения, была полна сил, но и казалась пресыщенной после интимных ласк. Мои щеки покраснелись, так вот какой меня видит Максим после испытанного мною оргазма. Картина была такой интимной, и я вдруг испугалась, что ее может увидеть кто-то посторонний, и даже то, что моя голова была откинута в сторону, скрывая половину лица, узнать меня по ней было довольно легко. Но я была такой прекрасной и одухотворенной и... счастливой на ней. Я никогда не думала, что мое тело может быть таким женственным и нежным, неся в себе столько сексуальности. Неужели Максим все это видит во мне?

— Тебе нравится? — знакомый хриплый голос, послышавшийся за моей спиной, заставил меня вздрогнуть, а щеки запылать сильнее. Я обернулась, застигнутая врасплох, не

зная, как теперьотреагирует Максим на мое бесцеремонное вторжение на его работу, пусть она и была посвящена мне.

— Очень, — ответила я, глядя в его глаза, в которых видела волнение и напряженность. Максим стоял ко мне очень близко, обнаженный, так же как и я, и мое тело мгновенноотреагировало на эту близость. Я была смущена, ведь он застал меня за подсматриванием. Будучи поглощена созерцанием картины, я не заметила, как он появился в комнате и подобрался ко мне со спины. — Извини, я не хотела смотреть без разрешения...

— Это для тебя, — прервал мои комканые объяснения Макс. — Это подарок, помнишь?

Он действительно говорил о каком-то сюрпризе, который хотел мне сделать после моего возвращения с турбазы. Сердце поднялось вверх, готовое выскочить из груди, кажется, я полюбила его еще сильнее.

— Это так прекрасно, — прошептала я, мой голос срывался от переполнявших меня эмоций, еще никто и никогда не делал для меня ничего подобного. — Спасибо, спасибо, — снова и снова повторяла я, начиная осыпать его лицо поцелуями, пока истома в моем теле не превратилась в пожар желаний.

— Тогда почему у тебя слезы? — Максим нежно убрал пальцем мокрую дорожку с моей щеки, а я даже не заметила что плачу.

— Наверное, это от счастья.

— Правда? — все еще ища признаки расстройства на моем лице, спросил Максим.

— Правда, — подтвердила я. Да, я была счастлива и любила его так сильно, что было больно. Оказывается, даже абсолютная любовь и счастье могут причинять боль и такое сильное волнение. Раньше мне не были знакомы такие яркие чувства, которые так легко дарил мне Максим.

— Я не могла и представить, что ты видишь меня такой, — тихо добавила я.

Максим развернул меня обратно, взяв мои руки в свои, расставляя их в стороны, точно так же, как он изобразил это на полотне.

— Нет, Оксана, — Максим опустил ладони, скользя ими по моим рукам, оставляя их в нужном положении, затем обхватил мои груди, которые уже окончательно налились желанием, заставляя вырвать из меня первый стон. — Смотри внимательно, ведь это твое отражение.

Откинув голову, я положила ее к нему на плечо. Теперь мне тоже так кажется. Максим поглаживает мою грудь, дразня соски кончиками пальцев, от чего мое дыхание учащается. Эта нежная прелюдия вызывает дрожь во всем теле, заставляя поджимать пальчики на ногах от предвкушения продолжения. Я купаюсь в этой чувственной неге до тех пор, пока его умелые руки не доходят до низа живота, и пальцы осторожно проникают через налитые желанием складочки, касаются моего клитора и я, вздрогнув, издаю тихий стон. Его ласки напористые и умелые, а я вся дрожу, извиваюсь и трусь спиной о его тело, чувствую его возбуждение, упирающееся мне прямо в поясницу. Я наклоняюсь вперед и ухватываюсь за края мольберта, а Максим резко приподнимает меня за талию и насаживает меня на свой твердый член и сразу начинает быстрые движения внутри меня. Я снова хрипло постанываю, едва доставая кончиками пальцев до пола. Адреналин врывается в мою кровь, сердце бешено стучит, мне страшно, что я могу опрокинуть мольберт и упасть, и я с трудом пытаюсь удержать равновесие. От нежности Макса не осталось и следа, он так напорист и резок, двигается во мне как сумасшедший, точно пытаюсь заклеить. Оргазм подкатывает так неожиданно, что я почти теряю сознание, готовая сдаться силе притяжения и грохнуться на

пол. Но Максим чудом удерживает меня на весу, и последний его толчок во мне, сопровождающий его освобождение, постепенно возвращает меня на землю...

* * *

Впервые мне действительно страшно появляться на занятиях в университете. Словно стоит только войти в класс, как меня тут же повяжет полиция как опасного преступника и начнет допрашивать про Максима. Но, конечно, ничего подобного не происходит, и в кабинете истории дизайна царит обычный гул голосов, и я незаметно проскальзываю в конец всей аудитории и кидаю сумку на стол. Преподавателя пока нет, но занятия должны начаться уже через пару минут.

— Оксана! — зовет меня Таня, вокруг которой собралась обычная группа наших студенток. Незаметно? Я? Глупое и наивное предположение. У нас невозможно проскользнуть в класс, будучи незамеченной.

— Привет, всем! — я здороваюсь и начинаю раскладывать необходимые мне вещи для занятия.

— Ты уже слышала, что случилось?

Меня бросает в мелкую дрожь, но я заставляю себя выглядеть абсолютно равнодушной, спокойно спрашиваю:

— Что я должна была слышать?

— Стаса избili прямо возле турбазы! Ему сломали нос и, кажется, челюсть тоже, и, вообще, очень сильно избili! — задыхаясь, то ли от волнения, то ли от желания побыстрее выразить всю важную информацию, протараторила Таня.

— Ммм, — бессвязно пробормотала я.

— Они с Ларисой поругались, и он захотел уехать. А возле ворот на него кто-то напал.

— И вы знаете кто? — вырвалось у меня против воли. Я внимательно оглядела всех девчонок и увидела, что Ларисы с ними не было, что меня сильно удивило, но и расспрашивать, куда она пропала, мне не захотелось.

— В том то и дело никто не знает! — объяснила Таня не совсем связно, — Лариса говорит, что Стас говорит, их было трое, и он ничего не смог сделать.

Из меня вырвался нервный смешок. Трое? Ну, Стас, ты и трусливый урод! Решил выставить себя невинной жертвой? Что ж, лучше так, чем заявление на моего художника.

— Какие-то отморозки! — презрительно бросил кто-то из девчонок, а я не заметно покачала головой, отморозком являлся как раз таки сам Стас.

— Говорят, он даже не хочет заявлять в полицию, потому что все равно толком их не разглядел, — сокрушенно сказала Лиля, сидящая прямо на парте.

— Кто говорит? — спросила я, уставившись на нее.

— Ну, Лариса, конечно, кто же еще! — разъяснила Таня.

— Ага, значит Лариса, — я снова залезла в сумку и задумалась. Значит, Лариса и Стас все равно общаются. И это, несмотря на то, что я ей все рассказала. Не совершила ли я большую ошибку, открывшись ей? Хотя, теперь меня это уже мало волнует. Неужели Максим сломал Стасу челюсть? Зная, как наши девочки любят преувеличивать, возможно, что и нос у Стаса был в порядке. Всего лишь разукрашенное синяками лицо. Но я тут же вспомнила лицо Вадима после драки с Максом и подумала, что на этот раз, возможно, все и в самом деле так, как они говорят. Да и Стас лежал точно убитый, я вспомнила, как он смотрел на меня своим единственным нетронутым глазом, и вздрогнула.

— Добрый день, девочки! — громко поздоровалась с нами вошедшая Эльмира

Вениаминовна. И все сразу рассыпались по своим местам. Начался урок, и я свободно вздохнула. Значит, Максим был прав, у этого дела не будет хода. Он был в безопасности, и это главное.

Позже на переменах я смогла выяснить еще несколько подробностей. Лариса поехала к Стасу в больницу, его должны были сегодня выписать. О том, что произошло, толком никто больше ничего не знал. Знали только, что напавших на него было трое, и они избили Стаса прямо возле турбазы, но ничего у него не украли, телефон и деньги остались при нем. Меня спрашивали, не видела ли я его, потому что Стас ушел почти сразу после моего ухода. Я отвечала, что никого не видела и спокойно уехала домой и, вообще, была не в курсе всего произошедшего. На этом разговоры почти прекратились, перекрытые всеобщим волнением перед приближением первых экзаменов. Многим нужно было подчистить хвосты, провести не одну пару бессонных ночей за рисованием и изучением нужного материала. Я уже полностью расслабилась и в конце учебного дня решила послать смс-ку Максиму с поцелуйчиком, но увидела в телефоне сообщение, которое, оказывается, пришло мне еще сегодня утром, но я его не заметила по причине утренних волнений. «Привет! Не хочешь сходить со мной в кафе по старой дружбе? Есть, что тебе рассказать. Это важно». Я удивленно уставилась на текст, перечитывая его дважды, словно от этого смысл его мог поменяться. Я недоумевала, зачем Лена хочет со мной встретиться?

Шли дни и, несмотря на все еще таящиеся во мне тревоги, в жизни, наконец, наступило затишье. Все было спокойно и размеренно, я продолжала ходить на занятия, готовилась к экзаменам. И даже Лариса, появившаяся на следующий день в институте, такая спокойная, не выдавшая не единой колкости в мой адрес, была тихой и дружелюбной, что я волей неволей расслабилась. На вопросы подруг о Стасе, Лариса отвечала односложно: «Нет, челюсть не сломали, только нос. Кто на него напал, разглядеть не сумел. Лежит дома и поправляется, приходит в себя». И главное, что дало мне окончательно свободно вдохнуть грудью, заявления он никуда не подавал. Не видит в этом смысла. Все разговоры о Стасе постепенно сошли на «нет», всех гораздо больше заботили предстоящие экзамены да и другие личные проблемы. Единственное, чем меня доставали в институте, это вопросы, кто же мой таинственный возлюбленный. Всем ужасно было любопытно узнать, кто же этот художник, с которым я встречалась. Я бросила осторожный взгляд в сторону Ларисы, проклиная себя за длинный язык, ведь если бы я не ляпнула тогда о своем парне, меня бы никто не мучил с вопросами. Я боялась, что, зная теперь о нем, Лариса могла сложить дважды два и решить, что это Макс избил Стаса по моему наставлению. Подобные мысли могли легко прийти ее в голову. Но та сидела за партой, будучи абсолютно безразличной, делая вид полного погружения в конспекты. Пару раз я ловила на себе ее задумчивые взгляды, и многое бы отдала, что бы понять, о чем она думает.

Однажды по чистой случайности мы оказались наедине в классе живописи, куда я залетела второпях после всех пар, забыв там свою репродукцию «Мадонны с младенцем». Лариса сидела перед мольбертом в гордом одиночестве, попивая сок прямо из пакета. От неожиданности встретить ее здесь, я даже слегка опешила и замедлила шаг.

— Привет, — отозвалась Лариса, точно мы не виделись друг с другом всего пару часов назад.

— Привет, — глухо отозвалась я.

— Прошлые выходные выдались жуткими, да?

Я напряглась, вроде бы в голосе не было ни грамма ехидства или злорадства, но я так привыкла к ее колючим словечкам, и по-другому просто не могла реагировать, даже после ее абсолютного дружелюбия в последние дни. Пробубнив что-то невнятное, я быстро нашла свою репродукцию и, запихнув ее в сумку, собралась уходить, но Лариса снова заговорила, будто сама с собой:

— Думаю, Стас еще легко отделался, — и презрительно фыркнув, громко отставила пакет с соком в сторону. — Таким ублюдкам надо вправлять мозги чаще.

— А я думала, вы с ним друзья, — развернувшись, я приняла воинственную позу, всем видом давая понять, что думаю про их союз.

— Я, может, и вправду бываю стервой, — поднялась Лариса, закидывая сумку на плечо с каменным лицом, — но я не больная на всю голову сука.

— Но ты его даже с больницы встречала, — попыталась я прощупать почву до конца, мне хотелось убедиться, что белый флаг мне не померещился. — И ты так много знаешь о его нынешнем состоянии.

— Это я Тане сказала, что была в больнице, — фыркнула та, сморщив нос, — а на

самом деле всего лишь прогуляла. Хотелось отдохнуть, ну, ты думаю, понимаешь. А Стас мне сам названивает, хочет надавить на жалость, наверное, или еще что.

Она пожала плечами, показывая, что ее это мало волнует. Я согласно кивнула на ее слова о давлении. Уж что умел делать Стас, так это давить.

— О, ясно, — ответила я, еще не зная, верить ей или нет.

— А твой художник молодец, — сказала Лариса, чуть прищурив глаза, — теперь Стас будет обходить тебя за километры.

Я почувствовала, как воздух покинул мои легкие. Она все поняла и хочет подловить меня?

— Ты извини меня, ладно, — вдруг тихо произнесла Лариса, — Стас подонок, а я была дурой. Теперь я это понимаю, а тот, кто избил Стаса... — она еще помолчала и многозначительно добавила, — в общем, поделом ему.

Я снова кивнула, соглашаясь и с этим. Стараясь успокоить все еще клокочущее сердце, я покинула класс. Она сказала, что мой художник молодец. Лариса явно хотела увидеть мою реакцию на эти слова. Если она и не была до конца уверена в своих догадках, то была на верном пути. Однако, не похоже, что она собирается делиться догадками со всеми остальными. Если бы хотела, то уже давно бы это сделала.

После института я хотела сразу ехать к Макс, у нас была запланирована совместная прогулка, мы хотели зайти в Центр, повидать Марию Алексеевну. Я уже поняла, что Макс относится к ней с особым трепетом и уважением. Как оказалось, это именно она впервые заговорила с ним, когда он там появился в первый раз, еще будучи мальчишкой. Она помогала ему справляться с тем ужасом, что происходил у него в семье, и просто всегда была рядом. С каждым разом Мария Алексеевна нравилась мне все больше, и я была рада снова выпить с ней чаю и просто поговорить.

Я уже дошла до стоянки к месту, где стояла моя машина, и тут заметила рядом знакомый силуэт. Лена. И снова я поразились ее внешнему изменению. Короткая стрижка, яркий макияж, да, ко всему прочему, еще и пирсинг в носу. На этот раз одета она была не так вызывающе, как в последнюю нашу встречу, но все равно более откровенно, чем могла себе позволить старая Лена.

— Привет, подруга, — она улыбнулась, но эта улыбка не показалась мне дружелюбной.

— Привет, — бросила я, удивляясь ее появлению здесь.

— Ты получала мое смс?

— Да, — коротко ответила я.

— Ты ничего не ответила, — она как-то странно надула губки, очевидно, еще одна новая черта обновленной Лены, и мне стало уж совсем не по себе.

— Сейчас напряженное время — экзамены и все такое, — попыталась я объяснить, мне совсем не хотелось ссориться или выяснять отношения. Я даже не думала ей звонить. Лена была олицетворением моих прошлых ошибок, и пусть я смогла их принять и отпустить, это еще не значило, что мне хотелось напоминать себе о них слишком часто.

— Да брось! — воскликнула она нетерпеливо. — Уверена, ты сдашь их все, не моргнув глазом.

— Ты слишком высокого обо мне мнения, — ответила я и запнулась. Да уж, представляю, какого обо мне мнения Лена.

— Я тут пешком, не подбросишь до набережной? У меня там встреча, — заискивающе попросила Лена. — Заодно поболтаем?

Я даже растерялась от ее просьбы. Я вполне могла ее подкинуть, это факт, ведь я собиралась к Макс, а он как раз жил не так далеко от самой набережной.

— Ммм... ладно садись, — все же согласилась я.

Первые минуты прошли в молчании, краем глаза я видела, как Лена теребит в руках лямки своей мини сумочки.

— Знаешь, я рада, что мы можем поболтать, — неожиданно весело нарушила Лена молчание. — Прямо как раньше.

Я скривила губы, но промолчала. Как раньше ничего не могло быть, и мы обе это знали.

— Не представляешь, как я удивилась, когда узнала что ты новая любовница Макса Агапова! — вдруг рассмеялась Лена, а меня передернуло от ее определения наших с Максимом отношений. — Я даже представить себе не могла, что ты так изменишься. Не то что бы я думала о тебе постоянно, — небрежно бросила она. «Да куда уж мне моими изменениями до тебя!» — подумалось мне. — Но ведь, в самом деле, Макс не стал бы встречаться с девушками типа тебя прежней. Особенно, учитывая все его пристрастия.

И тут я не выдержала, и резко остановила машину у тротуара:

— Выметайся!

— Что? — опешила Лена.

— Я сказала, выметайся из моей машины! — повышая голос, повторила я. — И впредь изволь больше не строить из себя мою подругу! Мне нет дела до твоих сплетен.

Я поняла, чего она хотела добиться от нашей встречи, она хотела вбить кол в наши отношения с Максом, и уж это было, наверняка, с легкой руки Вадима, главного ненавистника Макса, ведь именно его словами говорила сейчас Лена. Но я не хотела давать ей возможности посеять во мне сомнения, я верила Максиму.

— Вот черт! — чуть ли не заикаясь, пролепетала Лена, отстегивая ремень. — Ты и вправду изменилась. Теперь я вижу, что вы друг друга стоите.

Я пропустила ее последнюю фразу, не желая ничего больше знать. Как она смела говорить гнусными намеками о Максиме, человеке, которого я любила, и который любил меня? Он единственный, кто всегда был на моей стороне, он защитил меня от Стаса, он так многое давал мне только одним своим присутствием!

Лена вылезла из машины, но дверь закрывать не торопилась:

— Я должна была тебе рассказать о нем все. Должна открыть тебе глаза на то, какой он извращенец, пока не стало поздно.

— Закрой эту чертову дверь! — заорала я, теряя терпение.

— Ты знаешь, что он любит трахаться в общественных местах? Что его заводит только это? По-другому он просто не умеет!

Лена удовлетворенно улыбнулась, видя, как побледнело мое лицо.

— О, вижу, что знаешь! — ее слова походили на яд, сочившийся из пасти змеи. — И вы даже это делали? Ну конечно делали!

— Закрой дверь и убери руки от моей машины, — прошипела я, отчаянно стараясь держать себя в руках.

— А ты в курсе, чем он еще любит заниматься? — Лена, очевидно довольная моей реакцией, ехидно улыбнулась. — Слышала про отель «Ренессанс»?

Мои ноги приросли к полу машины, хотелось выйти из нее и задать Лене трепку. Но я не могла пошевелиться, словно окаменела. Чертов «Ренессанс»! Уже не в первый раз я слышу о нем, именно там мне назначал свидание Максим после нашего... нашего первого

знакомства.

— Он приводит туда разных шлюх и заставляет их ласкать себя прямо при нем. А он сидит в кресле и наблюдает.

Я вцепилась руками в руль, стараясь не задохнуться от ярости, переполнившей мои легкие.

— Он приводит их туда до сих пор, — словно безразлично добавила эта змея, и оцепенение, наконец, покинуло мое тело. Я рывком вылетела из машины и угрожающе двинулась в ее сторону. Лена отскочила, в ее глазах промелькнул испуг.

— Ты все врешь! — закричала я. Прохожие резко обернулись на нас, но я не обратила на это внимания. Мне хотелось раздавить эту стерву, закрыть ее наглухо пахабную пасть. Она все врет, Максим не мог так поступить со мной. Он сам говорил, что если у нас отношения, то других у него не будет.

— Не веришь мне! Позвони в отель и попроси позвать Макса, его номер седьмой! — нервно усмехнулась Лена. Я напугала ее своими резкими движениями, она нервничала и озиралась по сторонам, словно заранее ища помощи, если я накинусь на нее с кулаками.

— Зачем ты это делаешь? — Спросила я, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ей в волосы.

— Ты открыла мне глаза на моего парня, а я открыла тебе на твоего. Хотела, чтобы мы были квиты, — злобно кинула Лена, ее губы скривились, выдавая очередную порцию яда. — Да, Оксана, он продолжает их туда водить. Я не знаю как часто, но он это делает. Они прямо перед ним раскидывают ноги и...

И тут я вцепилась ей по щеку. Лена взвизгнула и ухватилась обеими руками за мгновенно покрасневшую щеку.

— Вот теперь мы действительно квиты! — выплюнула я. Тяжело дыша, я развернулась к машине и едва справилась с ней, так тряслись мои руки, тронулась с места.

— Позвони в отель, сука! И все поймешь! — крикнула она мне в открытое окно, а я сделала вид, что не услышала ее и быстро умчалась.

Меня всю трясло, я была так зла и обескуражена! Я не собиралась звонить в отель, таким образом, Лена бы добилась своего. Остановившись на парковке возле какого-то магазинчика, я попыталась прийти в себя. Максим уже наверняка меня заждался, и в подтверждении этого мой телефон разразился трелью входящего звонка.

— Да, — бесцветным голосом ответила я.

— Бабочка, я жду тебя, — хриплый и сексуальный голос Максима, такой родной и любимый, прозвучал в трубке, и внутри все сжалось. Я не должна была сомневаться в нем, не после всего, что было. Да, я знала, что его заводит секс, когда рядом за стеной есть люди. Но это еще ничего не значит. Это не значит, что он таскается в отель со шлюхами. К тому же у нас был секс помимо общественных мест и не один раз. И Максим всегда был на высоте, его возбуждение, то с каким наслаждением он двигался во мне, как ласкал меня, я даже не могла предположить, что подобное его заводит меньше. Но я была так расстроена, я все еще боялась, что все пойдет не так, как мне хотелось. Ведь все то время, пока было спокойно, я ждала бури. И она произошла. Мне захотелось сказать Максиму, что я не смогу сейчас приехать, соврать, сказать что угодно, и побыть одной, чтобы привести в порядок взъерошенные чувства. Но я преодолела себя:

— Скоро буду.

— Ты в порядке? — в голосе Макса послышались нотки тревоги.

— Да, я в порядке, — ответила я. Он всегда был таким, он чувствовал мое настроение даже через расстояние.

— Ты врешь, — мягко возразил Максим.

— Я приеду и все расскажу. Но я в порядке, правда.

Я не была в порядке. И я не была уверена, что сразу стану рассказывать Максиму о встрече с Леной и ее грязных рассказах. Но мы должны были поговорить, это очевидно. Я и в самом деле так мало знала о нем, когда он знал обо мне, казалось, абсолютно все. Я отключила телефон и посмотрела на свои руки. Убедившись, что они больше не дрожали, я медленно направилась к Максиму.

Так трудно научиться мыслить по-другому, но я стараюсь. Еще месяц назад я бы бежала без оглядки от одного только страха услышать неприглядную правду. Но кто сказал, что правда мне не понравится? Лена? Вадим? Теперь я предпочитала верить только Максиму, он заслужил это. Мы оба заслужили. Единственное сомнение, терзавшее меня больше всего, это уверенность Лены, что Максим все еще снимает номер в отеле. Она не могла говорить так уверенно об этом, не зная этого наверняка. Или могла? Как бы то ни было, я собиралась все выяснить.

Максим предстал передо мной с голым торсом и в потертых джинсах. Глянув на его руки, сжимавшие мягкую ткань для кистей, я поняла, что он сегодня работал. Вид у него был взволнованный, он смотрел на меня внимательно, словно без слов хотел понять, что со мной случилось.

— Пишешь? — задала я первый пришедший мне в голову нейтральный вопрос.

— Уже нет. — Максим отшвырнул тряпку в сторону, а я прошла в комнату и села на диван, пытаясь успокоить вновь появившееся клокочущее желание сбежать. — Расскажешь, чем ты так расстроена?

Я бегло осмотрела мастерскую, новая работа покоилась на мольберте, развернутая к стене. Несколько красок было открыто. В остальном все вокруг было так же привычно убрано и чисто.

Я закусила губу и опустила взгляд вниз.

— Максим, — ох, нелегко же дастся мне этот разговор, — мне нужно узнать кое-что.

— Что именно? — Максим сложил руки на груди и откинулся спиной на стену, я даже глазами захлопала. Ну почему он такой притягательный, такой желанный, даже когда я в таком сумбурном состоянии? Я потрясла головой, сбрасывая с себя это наваждение, и решила продолжить. Если не сейчас, то... потом возможно будет поздно.

— Почему ты приглашал меня в отель «Ренессанс»?

Может мне и показалось, но плечи Максима напряглись, а лицо приняло свое обычное, непроницаемое выражение. Точнее, оно таким было в самом начале наших отношений, я вдруг поняла насколько открыто и свободно он со мной вел себя в последнее время. А сейчас он словно снова захотел надеть маску, ту, что носил до встречи со мной. Это была маска хищного животного, стремящегося завоевать все, что ему только приглянется. Маска человека, которому на все наплевать.

— Я приглашал тебя в ресторан, если ты не помнишь, — возразил Максим, все так же оставаясь стоять у стены.

— Хм, — это действительно было так, — но ты предполагал, что потом я пойду с тобой в номер?

— К чему эти вопросы? — вдруг разозлился Макс.

— К тому, что я так мало о тебе знаю. А я хочу знать о тебе все! — тоже вспыхнула я, понимая, что он пытается уйти от ответов.

Максим лениво оттолкнулся от стены, не спеша подошел ко мне, а я смотрела на него как загипнотизированная. Он медленно наклонился, заставляя прижаться к спинке дивана, и расставил руки вокруг меня, точно захватывая в плен.

— Оксана, поверь, никто не знает меня так, как знаешь ты, — прошептал он своим хриплым голосом.

— Но я хочу большего, — умоляюще попросила я.

— А именно...

— А именно, почему каждый раз, когда речь заходит о тебе, я слышу странные намеки о твоих предпочтениях, и что я не смогу им соответствовать? Почему все кругом знает что-то, что связано с этим чертовым отелем? Все кроме меня?

— Кто тебе говорил про «Ренессанс»? — Несмотря на тихий голос, в нем явно нарастал гнев, и хотя я была уверена, что эта злость обращена не на меня, мне все равно стало не по себе.

— Вадим, — тихо ответила я. — Он упомянул об этом, когда я его случайно встретила возле твоего дома. Еще об этом болтали какие-то вертихвостки в клубе, где ты с ним дрался. А сегодня я встретила Лену...

— Кого?

Я вздохнула, вспомнив, что про встречу с Леной я ничего ему не рассказывала.

— Лена, это та самая подруга, с которой встречался Стас, — я запнулась, неприятно было говорить обо всем этом. — Я виделась с ней недавно, и мы немного поговорили, а потом за ней приехал Вадим. У них роман.

— Вот как? — задумчиво произнес Максим точно себе самому.

— А сегодня она сама пришла ко мне и говорила странные вещи о тебе, совсем как Вадим, и я... не знаю, я разозлилась и... ударила ее.

— Ты ее ударила? — брови Максима взлетели вверх.

— Знаю, гордится тут нечем, но я правда разозлилась! Сама не понимаю, как это произошло!

— Ты просто выплеснула все, что у тебя накопилось, — мягко объяснил Макс, — это не значит, что ты теперь плохая.

Я покачала головой, это было не так важно. То, что произошло между мной и Леной, поставило окончательную точку в наших отношениях. И пусть это вышло именно таким образом, в том была не только моя вина.

— Объясни мне все, Максим. Расскажи мне о себе, что для тебя значит этот отель?

— Ты, правда, хочешь знать?

— Да.

Максим устало уселся на диван рядом со мной, упершись локтями в колени.

— Ты всегда говорил мне, что нужно быть открытым, что скрывая правду о себе, ты делаешь себя уязвимым, и я тебе поверила! Я стала открытой для тебя, я впустила тебя туда, куда не впускала никого другого! И я хочу того же от тебя.

Максим молчал, и я тоже умолкла. Я надеялась, что он вот-вот заговорит и скажет мне, что все, что они говорили — это полная чушь. Но он продолжал молчать. Потом повернул ко мне голову, и в его глазах было столько решимости, что я даже перестала дышать, понимая, что вот сейчас я все узнаю.

— Хорошо, но сначала... — Он придвинулся ближе, притянул к себе и впился в меня в жадном поцелуе. Так он меня еще никогда не целовал, так жаростно и всепоглощающе. Его руки прошлись по моему телу, словно вбирая в память ладоней каждый мой изгиб. Я задрожала, мне вдруг почудилось, что он со мной прощается. Всхлипнув, я обняла его за шею, прошлась по сильной спине, лаская, наслаждаясь его обнаженным телом. Мне не хотелось прерывать этот поцелуй, я уже знала — за ним ничего хорошего не последует. Но поцелуй закончился слишком быстро, и Максим отстранился.

— Я расскажу, но не уверен, что тебе это понравится.

— Это не тебе решать, что мне понравится, — дрожащим голосом возразила я.

Он снова отодвинулся и внимательно на меня посмотрел, на губах появилась его обычная усмешка, но она была такой печальной, что у меня защемило сердце.

— Когда я жил с отцом, — начал Максим, усмехнувшись, — это было не очень весело. Больше всего мне хотелось сбежать, уйти куда угодно, лишь бы не видеть его. Но я не знал, куда мне можно было уйти. Я жил в постоянном страхе. Особенно меня пугали моменты, когда он, напившись, возвращался домой. Это было особенно тяжело для меня... Когда он начал пить особенно часто, мамы не было уже около года, она умерла, врачи сказали, что у нее было слабое сердце. Я очень по ней тосковал. Мне не хватало ее рук, ее защиты. Она одна могла умирять отца, с ней он пил гораздо меньше, даже работал сносно. Но как только ее не стало, он стал уходить в запой все чаще и чаще. В нашей квартире стали появляться его новые друзья. Может они и раньше у него были, я не знаю, при маме он их никогда не приводил... Потом он начал водить и женщин.

Я задержала дыхание, даже не представляя, что последует за этим признанием дальше.

— Он уединялся с очередной подругой в комнате, а я только в эти моменты чувствовал себя дома в безопасности. Сначала я не понимал, что там у них происходит, я испугался, когда услышал, что женщина за дверью стонет и кричит. Я думал, что отец ее бьет или мучает. Но когда они выходили из нее через какое-то время, то оба казались довольными. Ничего не понимая, я прятался в ванной комнате и прислушивался к их разговорам и смеху. И ничего не указывало на то, что той женщине было плохо или ее обидели. Так повторялось несколько раз. Со временем я начал понимать, что отец их там не мучает, он трахал их на той кровати, на которой спала моя мать. — Максим сжал руки в кулаки, до побелевших костяшек, но тут же заставил себя расслабиться. — Когда это происходило, я не понимал, что должен чувствовать. Иногда я ненавидел отца, за то, что он впускает в комнату моей матери других женщин. Но в те самые моменты я мог быть уверен, что меня никто не тронет, я мог делать все, что захочу, и тогда я полюбил это время. Я доставал свои краски, брал лист бумаги и рисовал. Каждый раз я тщательно прислушивался к тому, что происходит за закрытыми дверями, чтобы быть уверенным, что вовремя спрячу акварель. Мне не хотелось, чтобы отец отнял ее у меня снова. — Максим прервался, вздохнул и, проведя рукой по волосам, продолжил, — А потом стало происходить что — то совсем непонятное... Когда я снова начинал слышать стоны, то начинал почему-то краснеть, у меня внутри все словно сжималось в комок, такой тягучий и мучительный. Я понял, что стал возбуждаться от этих звуков! Тогда я больше не пытался прислушиваться к тому, когда они закончат. Иногда я сбегал из дому сразу, как только это начиналось, а иногда ждал с нетерпением, чтобы... Я стал мастурбировать, Оксана! — Прорычал Максим, и тем самым напугав меня, он схватил меня за плечи и смотрел мне в глаза, и слова его полились с бесперебойной силой. — Я возбуждался от этих звуков, я был измотан и плохо понимал, что со мной происходит.

Одновременно с этим во мне кипела такая ненависть к отцу! Я считал, что это он виноват в том, что со мной происходит. Я ненавидел в нем все, его отношение к жизни, его пьянки, ту грязь, что он разводил, ведь наш дом раньше был таким чистым! Я презирал его запах, перемешанный перегар с дешевым одеколоном, его вечную небритую морду и его мерзкий голос. Когда мне было четырнадцать, а может тринадцать, точно не уверен, я начал пропадать из дома на целые сутки. Я тогда нашел спортивную секцию и занимался до одури на тренажерах, старясь стать сильным, чтобы научиться давать отпор отцу... Впервые я смог остановить его побои, ты бы видела его лицо, когда я в первый раз сумел не дать ему избить себя. Это был мой самый главный триумф. Я стал смелее, я даже позволил себе запретить ему водить к нам своих собутыльников и своих подруг. И он меня испугался! — Максим закрывает глаза, наслаждаясь этим воспоминанием — Меня! Какого-то жалкого сосунка, который ничего не может, кроме как разводить мазню. Он испугался! Он стал тише, теперь пришел его черед прятаться. Это было победой, за которой последовала другая проблема, — он улыбнулся, обнажая свои белые зубы, и мне показалось, что это не просто улыбка, а оскал раненого зверя. — Мне вдруг стало не хватать чего-то. Сильно. Я был раздражителен, срывался на всех по пустякам. Знаешь, у меня появилась тогда девушка, она всячески тогда старалась меня успокоить, пыталась поддерживать, понимать, и тогда я предложил ей эксперимент. Я попросил ее уйти в другую комнату и сделать вид, что она стонет. Она смутилась, обозвала меня дураком и извращенцем, но потом все же попробовала... Сначала этого было достаточно, но быстро наскучило мне, я стал просить большего, чтобы она ласкала себя и стонала громче. Так продолжалась какое-то время, но в итоге девушка не выдержала и ушла. Я понял, что так просто мне с этим не справиться, что не смогу строить нормальные отношения. Тогда я стал цеплять случайных женщин в клубах и барах, я водил их домой и просил сделать мне приятное одолжение. Не поверишь, но многие соглашались! Мне даже стало казаться все это нормальным, пока... В общем, в гостинице «Ренессанс» у меня действительно есть номер. И туда я в самом деле водил женщин, чтобы они удовлетворяли себя прямо при мне. Иногда я присоединялся к этим женщинам, иногда это действовало на меня успокаивающе, и я даже делал какие — то зарисовки, наброски, так же как и когда подслушивал за отцом и его женщинами. Это было для меня чем-то вроде отвлечения от всего. Необходимым... Вот что для меня значит номер в отеле.

Максим снова замолчал, он смотрел мне в глаза и ждал, что я отвечу. Нужно было хоть что-то ему сказать, но я не знала что. Все это было ужасно и даже мерзко. Облизнув пересохшие губы, я выдавила из себя вопрос:

— Как звали твоего отца?

Максим удивленно посмотрел на меня, явно не ожидая подобного вопроса:

— Зачем тебе это знать?

— У тебя его имя, как ни крути, — робко объяснила я, на самом деле я просто была не готова принять все то, что он мне рассказал.

— У меня отчество матери и ее же фамилия. Сменил, как только получил паспорт.

— Ясно, — мой дорогой, мой несчастный мужчина, сколько же ему пришлось перенести! Теперь я хорошо понимала, что рассказать про возможную потерю голоса было для него гораздо легче и проще, чем это. Но меня терзал еще один самый важный вопрос.

— Когда ты был в «Ренессансе» в последний раз?

— С тех пор как встретил тебя ни разу.

Я выдохнула, хвала небесам! Лена соврала мне!

— А ты, — я робко придвинулась к нему и коснулась плеча — Хочешь этого снова?

Максим сжал губы и хрипло процедил:

— Иногда.

— О!

— Тебе противно?

Я молчала, нельзя огорчить человека подобными вещами и ждать мгновенной адекватной реакции от него. Мне было сложно представить себе Максима рядом с другой женщиной, которая ласкала бы себя для него, даже если бы он просто на нее смотрел. Это слишком тяжело.

— Скажи, Оксана, я тебе противен? — не унимался Макс — Когда ты знаешь обо мне все, сможешь ли ты быть со мной?

— Максим, я очень хочу быть с тобой! Ты столько для меня сделал!

— Только потому, что я для тебя что-то сделал? — Сощурился презрительно глаза, спросил Максим.

— Нет! Нет, не только поэтому. Точнее совсем не поэтому, а потому что ты мне нужен! — быстро прокричала я, видя, как он начинает закрываться от меня. — Просто я немного в шоке, я не ожидала, что услышу такое. Пожалуйста, пойми меня правильно.

— Не ожидала услышать, что твой новый парень извращенец?

— Не говори так! — Глаза предательски зашипало, я должна была найти нужные слова, я обняла его, пытаюсь утешить, хоть как-то унять всю боль что все это время была сокрыта. — Не надо! Это все не важно. Ты и я — вот что главное!

— Оксана! — Максим остановил мое нервное лепетание и рывком поднялся с места. Он начал судорожно мерить комнату шагами. — Ты не понимаешь, да и я не понимал! Глупец! Какой же я идиот!

— Максим, мне все равно...

— Нет! Замолчи! — Максим грубо прервал меня, окинув меня взглядом, холодным как никогда. — Я вижу все по твоим глазам.

— Ты видишь в них шок, Макс! Мне просто нужно время!

— Хорошо, опять нужно время, — он вскинул руки вверх так театрально, это так не похоже на него, всегда собранного и уверенного в себе. — Я дам его тебе.

— Спасибо, — я подалась вперед, чтобы встать и снова обнять его, но последние слова меня точно ударили:

— Уходи... прямо сейчас.

— Что?

— Уходи, Оксана, я даю тебе время. Где-то в глубине души я знал, что ничего у нас не выйдет, а я так хотел. Впервые в жизни, я так сильно этого хотел. — Он прикрыл глаза, отрешенный, выбившийся из сил. Он сдавался. — Уходи.

— Но я не хочу уходить, — я кинулась к нему и вцепилась в него, что было сил — Слышишь? Я нужна тебе сейчас, а ты нужен мне! Ты меня не оставил, когда мне было плохо, и я тебя не оставлю!

— Не нужно быть со мной из жалости или из чувства долга!

— Но это не так!

— Оксана, — он нежно провел рукой по моим волосам, коснулся лица, — ты сказала, тебе нужно время, чтобы прийти в себя. Уходи.

— Нет, — решительно ответила я. — Я знаю, что нужна тебе! Я помогу тебе все это

преодолеть, мы вместе сможем! Я могу отвлечь тебя прямо сейчас, хочешь? Я могу быть такой, как ты хочешь! Могу делать то же самое, что делали для тебя эти женщины!

Я потянулась к краю его джинсов, но Макс грубо меня остановил, он схватил меня за руки, и мне стало больно, я вскрикнула.

— Я сказал тебе уходить, — зарычал он и силой потащил меня к выходу. Он открыл дверь и вытолкнул меня наружу. — Очень часто верное решение не всегда бывает приятным. Просто поверь мне. В последний раз. — И с шумом захлопнул дверь.

Я не могла поверить. Он выставил меня, оттолкнул. Я смотрела на закрытую дверь и не верила тому, что происходит. Вот сейчас он должен открыть ее и впустить меня обратно к себе, впустить снова в свою жизнь. Мое дыхание было тяжелым и неровным, я стояла перед дверью Максима и рыдала без единого звука, пряча каждый всхлип в кулак, которым пыталась закрыть себе рот, чтобы не закричать.

Он не открыл, не стал впускать обратно.

Наступила полная тишина, сколько прошло времени, я не знаю, минуты, может часы? Мое тело перестало трястись, а рыдания прекратились. И тут тишину нарушил сильный грохот, словно Максим с силой ударил чем-то тяжелым о стену. Затем это произошло снова и снова. Я вздрагивала от каждого удара, мне было больно, словно это меня сейчас швыряли через всю комнату и били о стену, я бросилась вниз по ступенькам, не желая оглядываться.

Почему для счастья нужно пройти через столько преград, мучений и стен отчуждения? Я не знала ответа, но чувствовала, он где-то рядом.

Уже несколько раз пытаюсь набрать сообщение, тщательно подбирая слова, перечитываю их, и все равно они кажутся мне недостаточно верными. И я снова стираю текст, чтобы набрать его вновь. В итоге, я пишу в последний раз и, уже не перечитывая, отправляю адресату. Ох, Максим, как же сложно все теперь стало! Мне мучительно больно было узнать, через что ему пришлось пройти. Отчасти я понимала его, понимала, почему он решил меня выгнать. Я и сама была такой же. Проще оставаться одному, чем видеть, как люди разочаровываются в тебе, как они видят в тебе темные пятна, которых ты стыдишься. Но Максим казался таким уверенным и сильным все это время. Я не могла и представить, что его могут терзать сомнения на счет нас и моего отношения к его тайне. Нет, это не было тайной, скорее чем-то таким, чем можно было делиться только с самым родным человеком, которому можно было доверять безоговорочно. Я надеялась, что я была таким человеком для Макса, очень надеялась. Иначе все мои попытки вернуть его будут напрасными.

Я ждала ответа, хоть какого — то, самого маленького, но телефон молчал. Возможно, Максиму тоже нужно было время. И я решила ему его дать. Мне нужно было быть стойкой, не только потому, что я хотела соответствовать силе и стойкости Макса, это было необходимо и мне самой в первую очередь. И я с двойным усилием принялась к подготовке к экзаменам.

В день просмотра живописи я нервничала так сильно, что тряслись коленки. И это, несмотря на то, что мои работы были близки к идеалу, я все равно очень переживала. В этот момент я особенно хотела, чтобы рядом был Макс. Всего пара его слов могли бы придать мне сил и уверенности.

Мы выставлялись в большом зале института, все сразу. Наброски, эскизы, натюрморты, все тщательно оформленные в паспарту, выкладывали мы сами. При поступлении этим занимаются ассистенты, и только теперь я поняла, насколько это было легче и проще для натянутых до предела нервов студентов. Конечно, мы уже проходили предварительный осмотр, и Вероника Владимировна дала нам четкие рекомендации того, как более выгодно подать свои работы, но все равно в помещении ощущалась тихая паника. Все переживали, ведь это был последний смотр работ, в следующем году такого уже не будет, все силы будут отданы на защиту диплома. Наконец нас выгнали из зала, и мы всей группой, держа руки в кулачках, вышли на улицу ожидать решения судьей.

— Черт, да что же такое?! — гневно разразилась Таня, швыряя телефон в сумку.

— Что такое, ты что-то не успела? — спросила я, нервно кусая губы.

— Лариса! Она так и не появилась! Телефон не отвечает, и я понятия не имею, куда она пропала! — расстроено ответила мне Таня.

За всей этой суматохой я и не заметила, что не видела сегодня Ларису. Это было очень странно, она, конечно, могла прогуливать лекции и, порой, могла сжульничать на экзаменах, но чтобы пропустить смотр, это было что — то из ряда вон.

— У нее ничего не могло случиться? — предположила я. — Может телефон сел, может она в зале, а мы не заметили?

— Мы разговаривали перед самым ее выходом, она собиралась приехать и даже не опаздывала! — Таня была на взводе, и ее слова заставили переживать и меня тоже. Она снова попробовала дозвониться до Ларисы и отправила ей несколько сообщений, пока мы ждали свои зачетки с уже проставленными в них оценками, но ни ответа, ни самой Ларисы так и не было.

В итоге, уже получая зачетки, Таня, опустив голову, поплелась домой, заявив, что прежде обязательно заедет к подруге. Я согласно кивнула, сказав, что это отличная идея. Открыв зачетку, я увидела, что мне поставили отлично, и с облегчением вздохнула, другой оценки я бы не приняла. Жаль, конечно, было расставаться со своими работами, мне даже не дали попрощаться с ними. Каждый эскиз, каждая работа были моим детищем. Но теперь им предстояло пылиться вместе с остальными работами студентов в подсобных помещениях института.

— Оксана, — мягкий голос Вероники Владимировны прервал мои раздумья, и я обернулась.

— Да?

— Зайди в класс живописи, там, на столе под ватманами, найдешь свою Мадонну, — заговорщическим шепотом сказала она.

От удивления я раскрыла рот.

— Но...

— Знаю, знаю! Это против правил, но эта копия настолько прекрасна, что будет жаль оставить ее здесь, — тихо ответила мне преподаватель. — И не забудь отнести ключ на вахту.

— Спасибо, — выдохнула я. Эта копия стала для меня одной из самых любимых моих работ. Я даже не подозревала, что так привяжусь к этому нежному мягкому женскому образу и спокойным чертам младенца.

— Не знаю, как тебе это удалось, но ты смогла передать столько нежности и доброты в образе. Хочу, чтобы у тебя всегда была возможность вспомнить, что именно тобой двигало, когда ты писала эту копию.

Она мягко пожала мне руку, вложив в нее ключи, и удалилась. А я стремглав понеслась в класс живописи. На столе за бумагой, как и говорила Вероника Владимировна, лежала моя копия. Я бережно провела по ней кончиками пальцев. Говорят, когда ты смотришь на свои рисунки, и неважно как давно они были сделаны, то ты легко можешь вспомнить те чувства, что были внутри тебя, пока ты над ними работала. И воспоминания нахлынули, я вспомнила, какой была счастливой, несмотря ни на что, пока была с Максом. Вспомнила, как он в первый раз появился здесь, в этой мастерской, а я пряталась от него за мольбертом, а он все равно меня узнал. Как он явился в класс и в первый раз поцеловал меня, прижав к стене, желая обладать мною. На мгновение я даже ощутила его сильные руки и крепкое тело, жар поцелуев и непреодолимое желание... Где-то в коридоре загрохотали железными ведрами уборщицы, и мое наваждение пропало. Закрыв глаза, я сдержала всхлип, рвущийся наружу. Он не пришел, он не звонил. И никак не ответил на мое сообщение, он просто исчез, словно его никогда и не было в моей жизни. Неужели это конец?

Вечером позвонила мама, затем папа. В итоге они оба напросились ко мне в гости, желая отметить успешно прошедший смотр по живописи.

В готовке я не заморачивалась, заказала еду из ресторана. Только прибралась немного в комнатах. Родители приехали вместе, но что больше всего меня удивило, это то, что с ними

приехала Алина.

Мы все вместе сели на моей маленькой кухне за стол, а я внимательно следила за ними всеми, ожидая, что вдруг взорвется бомба.

— Надо было пойти в кафе, — сказала мама, подставляя свой бокал для вина, который ей наливал папа.

— Так это же не я все готовила! — обиженно ответила я. — Не отравишься.

— Валя имеет в виду, что в кафе было бы более празднично, — подсказал папа.

— А мне нравится и так, уютно и по-семейному, — отозвалась Алина, а мама быстро стрельнула в нее глазами. У меня даже дыхание перехватило. Но мама лишь улыбнулась и сделала маленький глоток.

— Праздновать рано, сессия только началась, — пробормотала я, пытаюсь понять, что именно я упустила во всей этой истории своих родителей. Они сидели такие спокойные, как никогда за столько лет. Точнее, за много лет я вообще не видела, чтобы они сидели вместе за одним столом.

— Оксана, как на счет хорошего отдыха этим летом? Например, в Испании? — спросила вдруг мама.

— Только не в июле, — вставил слово папа. — В это время там особенно жарко и сухо. И почему именно Испания? Почему не отправиться на острова, например, на Мальдивы?

— Оксана говорила, что в Испании есть музей Сальвадора Дали, в котором она мечтала побывать, мы могли бы посмотреть его вместе.

— Я вообще-то здесь, — помахав ложкой, сказала я. Некоторые вещи никогда не меняются. — И я не говорила, что хочу куда-то ехать.

— Ладно, — быстро согласилась мама, подмигнув мне. — Мы поговорим об этом позже.

— Алина, — обратилась она, пожалуй впервые за этот вечер, к любовнице отца, — У тебя наверняка много знакомых мужского пола, одного с вами с Оксаной возраста. Может, познакомишь, кого-нибудь с ней, чтобы был из хорошей семьи, обеспеченный. Есть такие?

— Мама! — не выдержала я. Ну почему она всегда влезает туда, куда не следует? — У меня есть парень.

— Что? Парень? — три пары глаз уставились на меня, словно впервые увидели.

— Да, есть, — более спокойно сказала я, делая внушительный глоток вина. — Поэтому меня не надо с кем-то знакомить.

— Тогда почему его сейчас нет с нами? — спросил папа.

— Почему мы о нем ничего не знаем? — спросила мама. — Он из хорошей семьи?

Я скривилась, столько вопросов и ни один честный ответ не пришелся бы им по душе.

— Он сейчас немного занят, он художник и у него дела, — быстро придумала я что ответить, искренне надеясь, что Максим все еще считает меня своей девушкой.

— О, ясно, — ответила мама, ковыряясь вилкой в салате. — Ты нас скоро познакомишь? У вас это серьезно?

— Да, надеюсь, — ответила я, давая им возможность самим решить, к какой части вопроса относился мой ответ.

Спокойно поужинав, все наконец отправились домой, оставив меня одну. Я отправила сообщение Максиму, попробовала снова ему позвонить, но абонент был не доступен...

На следующий день были выходные. Я и папа встретились в парке и за прогулочным шагом мирно беседовали.

— Как так вышло, что вы приехали все вместе? — спросила я, сгорая от любопытства.

— Рано или поздно это должно было произойти, — пожал плечами, ответил папа. —

Алина теперь часть моей жизни, и ни тебе, ни твоей маме от этого никуда не деться.

— А как мама к этому отнеслась? Она была довольно спокойной.

— Она взрослый человек, Оксана, и мудрая женщина. Она все понимает. Я знаю, тебе не нравится, что она порой пытается решать все за тебя, да и за других тоже. Но это ее проявление любви и заботы.

— Поэтому ты ей ничего не рассказывал про меня и про дачу?

— Да, — ответил папа. — Совсем недавно, еще до того случая, ты плакала мне, что не хочешь, чтобы она лезла в твою жизнь. Что ты задыхаешься от ее вопросов и требований.

— Я помню, когда это было, — мама случайно подслушала мой разговор со Стасом и решила узнать, что между нами происходит. Тогда я, в самом деле, попросила папу сделать хоть что-нибудь, чтобы вразумить ее и не лезть ко мне. Что момент игры в дочки матери был упущен, еще когда я от нее съехала. На самом деле я боялась, что она может узнать правду обо мне, что ее дочь уводит парня у лучшей подруги. Мне было стыдно. Моя мама была особым человеком, так редко проводившая со мной время, но так решительно уверенная, что всегда знает, как будет для меня лучше. — Спасибо, что ничего не говорил ей. Наверное.

— Да, и в итоге ты была на нее в обиде долгое время. Если бы я знал, я бы все рассказал ей. Так бы вы смогли больше общаться, — расстроено ответил папа. — И ты бы не считала, что твоя мать безразлично к тебе относится и к твоим проблемам тоже.

— Если бы она знала правду в самом начале, то упекла бы меня в психушку, — фыркнула я. Она и так просила сходить на прием к врачу.

— Я тоже просил, мы волновались за тебя.

— Я знаю, — я остановилась, повернулась к нему и крепко обняла. Папа сжал меня в своих медвежьих объятиях, и мне стало так спокойно. — Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, дочка.

Хорошо было вот так стоять с отцом и обниматься. Для полноты счастья мне недоставало только одного, но очень важного элемента. Мне не хватало присутствия в моей жизни Максима.

Все, что мне было нужно, это хоть какой — то самый маленький ответ от него! Но ничего, тишина. Неужели не понимает, как я мучаюсь, изгрызаю себя сотнями сомнений, представляя тысячи вариантов, почему он вдруг исчез, ничего толком не объяснив. Со злостью врезаюсь канцелярским ножом в деревянную плоть. Точу с остервенением вот уже, наверное, сотый карандаш. Еще немного и примусь за черный уголь, потому что не точеные карандаши у меня заканчиваются. Вокруг меня на полу разбросаны миллионы мелких стружек, а мои пальца перепачканы черным грифелем. Так не может больше продолжаться, пора это прекращать! Либо он поговорит со мной как нормальный здравомыслящий человек, либо... пускай катится к черту! Я так больше не могу, мне нужно знать, что между нами происходит! Вот только не знаю, смогу ли я дышать, если он меня оставит.

На улице жарко, и на мне сегодня легкое платье и босоножки, на плече сумка, а на голове солнечные очки. Волосы я убрала в высокий хвост, чтобы не взмокла от жары шеи. Вхожу в прохладное помещение университета, чтобы сдать последнюю работу по ландшафтному дизайну, а затем отправиться к Максиму. Возле кабинета столпились все наши девчонки, они, как всегда, что — то оживленно обсуждают.

— Привет всем! — я помахала им рукой и сразу потянулась в сумку за флешкой,

которую собиралась отдать преподавателю.

— Ой, Оксана, ты же ничего не знаешь! Это такой ужас! — посыпались кругом ахи и вздохи.

— А что случилось? — усмехнулась я, но, увидев, какие у всех встревоженные лица, улыбка моментально сошла с моего лица.

— Лариса попала под машину!

— Это Стас ее толкнул прямо на дорогу!

— Они ссорились!

— Он встретил ее у самого дома, когда она шла на экзамен!

Поток информации лился из каждого рта, и мне захотелось заложить уши, чтобы прекратить это. Слишком много слов, словно гул пчелиного улья.

— Стоп! Стоп! — попыталась я их успокоить — Можно, кто-то будет говорить один, я ничего не понимаю!

Это было слишком, даже для Стаса. Все еще плохо воспринимая случившееся, я слушала девочек и холодела от ужаса. Лариса шла на экзамен, а Стас караулил ее возле дома, у них завязалась крупная ссора, о причине которой я могла только догадываться. Когда они подошли к дороге, Стас толкнул Ларису, и она упала прямо на проезжую часть. Все это казалось слишком нереальным. Мне стало так страшно за Ларису и жаль, что я познакомила ее со Стасом, жаль, что вообще, когда то связалась с ним. И хотя я уже знала что Ларисе еще крупно повезло из — за того, что водитель, который ехал прямо на нее, успел вовремя среагировать и попытался ее объехать, но все равно ее задел. Серьезных травм не было, только сильный ушиб и вывих плеча, но и этого было достаточно для того, чтобы против Стаса завели уголовное дело.

— У Ларисы папа в суде работает, брат в полиции. Так просто Стас не отделается. Пойдет по самой строгой статье, вот увидите, — уверенно сказал кто-то из девчонок.

Возможно, теперь призрак Стаса покинет меня навсегда, и он получит по заслугам? Мне было бы гораздо спокойнее, знай я наверняка, что он больше не сможет причинить кому-то вред.

Узнав номер телефона и домашний адрес Ларисы, я отправилась к ней сразу после института. Она открыла мне сразу же после первого звонка в дверь. Впервые я видела ее такой: с убранными в пучок волосами и без макияжа. И в пижаме, розовой, с огромным плюшевым зайцем на груди. Признаться, выглядела она довольно мило. Ее вид портила только фиксирующая повязка на левом плече.

— Проходи, надеюсь ты приехала не для того, чтобы добить меня? — Она дерзит, значит с ней все буде в порядке, подбодрила себя я. По крайней мере шок после случившегося точно прошел.

— Привет, хотела лично узнать как ты.

— Терпимо. Пойдем ко мне в комнату.

Я молча последовала за ней. Ее комната оказалась просторной и девчачьей до скрежета в зубах. Все кругом было молочно — розовое, ее постель вся в рюшах. Аккуратный туалетный столик в тон стоял возле окна, весь заставленный косметикой, а вот мольберт, похоже, в основном пылился в углу у шкафа и доставался только при крайней необходимости. Наверное, его пытаются запрятать из — за несоответствия его цветовой гаммы, так сильно отличавшейся ото всего остального.

— Присаживайся, — Лариса осторожно присела на кровать и скривилась, очевидно, это

движение отозвалось болью у нее в плече. — Что нового в универе?

— Все только о тебе и говорят, — я села рядом и посмотрела на нее. На левой скуле красовался синяк, наверное, от падения. — Ты теперь новость номер один.

— Отстойно, — скривилась Лариса. — Так зачем ты пришла?

— Сказать, что мне жаль, что все так вышло. И узнать как твои дела.

— Да в целом нормально, все могло быть хуже.

— Да, знаю. Но я не могу понять, как это произошло?

— Сама не знаю. — Лариса вздохнула и отвела взгляд в сторону. — Стас все время хотел со мной встретиться, а я велела ему проваливать. После того, что я от тебя узнала, он стал мне противен, о чем ему и сообщила, еще когда мы были на турбазе. Он тогда сильно разозлился и ушел, а потом я узнала, что его избили. — Она замолчала, а я подумала, к каким последствиям для меня привели ее разговор со Стасом. — Я не ожидала его увидеть возле своего дома в тот день. Когда он меня толкнул... у меня перед глазами, словно вся жизнь пронеслась. Было так страшно, и даже не больно, я и не поняла сразу, что вывихнула плечо, больше удивлялась, что осталась жива. Врачи говорят, это из — за шока. Знаешь, а ведь Стас хотел сбежать, но ему не дали.

— Это хорошо, — отозвалась я. — Что не дали.

— Он не скоро выйдет, можешь мне поверить — глаза Ларисы недобро блеснули. Он заплатит за все в полной мере. За нас обеих.

— Спасибо — прошептала я.

Впервые мы с Ларисой понимали друг друга. Оказывается, мы могли спокойно разговаривать без этих вечных подколов. Это было странно, но приятно.

— Что будешь делать с экзаменами? — спросила я, чтобы немного развеять мрачные мысли.

— Мне дали отсрочку в связи с этим, — здоровой рукой она указала на больную.

— Понимаю, — кивнула я, — здесь есть небольшой плюс, ты сможешь лучше к ним подготовиться.

— Да уж, экзамены, это первое, о чем я сейчас хочу думать, — Лариса приняла страдальческий вид, и я поняла, что с ней, в самом деле, все будет нормально. — У тебя, кстати, наверняка есть все лекции, дашь переписать? А то у меня нет и половины.

— Конечно, дам, — я улыбнулась, и мы беспричинно рассмеялись.

Домой от Ларисы я отправилась уже поздно вечером, хотелось принять душ, выпить сладкого чаю, и еще мне ужасно хотелось есть. В голове было столько разных мыслей, что я на какое — то время даже забыла о Максиме. А когда вспомнила, то развернула машину и сразу отправилась к нему. Но дверь мне никто не открыл, я простояла у подъезда несколько минут, и решила поехать в центр реабилитации, в надежде если не встретить там Макса, то хотя бы поговорить с Марией Алексеевной. Но никого из них там не было. Самое смешное, что я так мало знала о Максиме, что больше не имела не малейшего понятия, где еще его можно искать. Кроме «Подвала». Я отправилась туда, но и там мои поиски не увенчались успехом. Можно было бы расспросить бармена Дэна, был ли сегодня здесь Макс, но за барной стойкой стоял незнакомый мне парень. И тут я разозлилась. Да что же я делаю? Бегаю в поисках человека, телефон которого до сих пор отключен. Человека, который не удосужился перезвонить мне или хотя бы написать короткое смс! А вдруг он попал под машину? Или с ним еще что-то случилось? Я постаралась прогнать от себя эти страшные мысли, но на смену им пришли другие. Возможно, он просто не хочет меня видеть.

Задумавшись, я решила на последний шаг.

— Добрый вечер, отель «Ренессанс», — ответил мне бодрый женский голос

— Добрый вечер, вы не могли бы соединить меня с Максимом Агаповым из седьмого номера?

— Одну минуту, — прозвучало на другом конце провода, послышался легкий шорох и быстрый ответ. — К сожалению, Максим Агапов только что покинул номер нашего отеля. Но я могу оставить для него от вас сообщение.

— Не нужно, спасибо, — еле слышно ответила я и выпустила телефон из рук. Тот с глухим стуком упал куда — то вниз.

Перед глазами все поплыло. Он был сегодня в отеле, все это время, пока я его искала, он был в номере и, возможно, не один! Губы задрожали, а предательские слезы брызнули из глаз. Испугавшись, что могу попасть в аварию, я свернула с дороги и, остановившись у обочины, окончательно разревелась. Меня, наконец, прорвало, все это время я держалась, верила, что все у нас образуется. Как же я была слепа! Теперь все было понятно. Он меня бросил. Возможно, Лена была права, и он не прекращал водить туда женщин. А я дура, поверила ему. Я судорожно всхлипывала, сердце разрывалось от тоски по человеку, который меня обманывал. Все кончено... Все кончено!

Наверное, я была готова просидеть вот так в машине всю ночь, реветь и жалеть себя и свои несбывшиеся надежды, пока кто-то не постучал в боковое стекло. С трудом утерев слезы, я увидела стоящего рядом со мной полицейского. Я опустила окно, и он, представившись, попросил предъявить права, а затем спросил, почему я остановилась в неполюженном месте.

— Простите, я только что узнала, что моя подруга попала под машину и чудом выжила, вот и расстроилась.

— Очень жаль вашу подругу, но впредь постарайтесь не нарушать, — сухо проговорил полицейский и отдал мне права назад. — Вы в состоянии сейчас ехать домой?

— Да, мне здесь близко. Спасибо.

Он попрощался, а я поехала домой. Меня словно сковало. Чувствовала себя деревянной. Я смотрела на мир через окна машины и удивлялась тому, каким все вдруг стало тусклым и блеклым. Блеклые машины проносятся мимо меня с раскрытыми окнами, с гремящей в них бестолковой музыкой, люди с тусклыми лицами торопятся домой. Все потеряло смысл. Не было больше красок. Словно кто-то взял огромную клячку** и растер ею весь этот мир, превратив в однообразную серую массу. Еле осилив простые движения, чтобы припарковаться, я вылезла из машины и медленно поплелась к подъезду, глядя себе под ноги, которые будучи ватными, отказывались меня слушаться. Нужно достать ключи, шарю по карманам. Прядь волос, выбившаяся из хвоста, падает мне прямо на лицо, и я резким движением головы откидываю ее назад и едва не спотыкаюсь, когда вижу того, кто стоит напротив меня всего в нескольких шагах.

— Тебя не было дома, и я решил подождать тебя здесь.

Макс! О Боже! Его хриплый голос точно живительная влага проносится по моим венам.

— Не думал, что ты любишь гулять допоздна, — продолжает он, медленно двигаясь ко мне на встречу. У него такой несчастный вид, волосы взъерошены, словно он не один раз запускал в них руку, мое сердце тянется к нему против сил разума. — Вижу, ты немного растеряна, я это понимаю, но я все могу объяснить. Конечно, если ты захочешь.

Растеряна? Я? Да он понятия не имеет, какой потерянной я себя ощущала все это время!

Сама не замечаю, как делаю первые нерешительные шаги к нему. Шаг, еще один, и Максим идет ко мне. Вижу, как он протягивает ко мне руки. Наши шаги ускоряются, и вот я уже лечу в его объятия и сжимаю его так крепко, как только могу.

— Где ты был? А?! — всхлипываю, стискиваю пальцами, впиваясь ногтями в его широкие плечи. Боже! Как мне не хватало этого тепла, которое исходит от его тела! Утыкаюсь носом в его шею, вдыхаю его запах. О, этот запах! Его запах сногсшибательный, сексуальный, дикий, такой мужской и крепкий. — Где ты был?

Его грудь тяжело вздымается судорожно, словно что — то мешает ему дышать нормально.

— Прости.

— За что ты просишь прощения? — шепчу я. — За то, что оставил меня или за то, что обманывал?

— Обманывал?

Поднимаю к нему голову, осознавая, какая я сейчас жалкая. Ведь совсем недавно он был с другой женщиной, и пусть он к ней, возможно, даже не прикасался, это все равно было для меня равноценно измене. Я могла делать для него все, что он только хотел, все, что ему было нужно, но он выбрал другую. И зная правду, я все равно кинулась к нему на шею!

Отстранившись, я отошла на шаг назад, нужно было оставить от гордости хоть какие то крохи.

— Зачем ты приехал? — скрестив руки, спросила я.

— Оксана, почему ты сказала, что я тебя обманывал? — потребовал Максим ответа.

— Да брось, я все знаю! Я звонила в отель, знаю, что ты был там сегодня. Я искала тебя как полная дура, а ты развлекался там с какой-то шлюхой!

— Ты решила, что я занимался там этим?

— А что я могла подумать? — заорала я, во мне вдруг проснулись силы, хотелось крушить все кругом, устроить хаос, выплеснуть всю боль наружу. — Прошла почти неделя! Неделя, Макс! А ты не удостоил меня ни единым ответом, а я писала тебе. Звонила! Чего ты добивался?! Хотел меня унижить? Поздравляю, у тебя получилось!

Не выдержав, я кинулась на него с кулаками, чтобы он почувствовал хотя бы каплю той боли, что причинил мне. Максим грубо схватил меня за руки, прижав к своей груди

— Я был в отеле, и да, я был не один. Но я не был там с женщиной!

— С мужчиной? Извращенец! — я была так зла на него, хотелось оскорблять его самыми последними словами. И я знала, что извращенец было для него самым болезненным..

— Оксана, послушай меня! — его голос стал вдруг резким и холодным. — Этот мужчина отец моей матери. Мой дед. И часть этого отеля принадлежит мне. Только поэтому тот номер всегда был в моем распоряжении!

— Что? — я заморгала, пытаюсь понять смысл его слов.

— Я все тебе могу объяснить, только прошу, выслушай меня спокойно!

Я застыла, а Максим, успокоившись, вдруг бережно провел по моей щеке рукой. Его взгляд перестал быть холодным, смягчился

— Ты плакала, моя бедная Бабочка, я заставил тебя страдать. Я так этого не хотел! — хрипло прошептал он.

— Тогда расскажи мне все, Максим, объясни! Иначе я сойду с ума!

— Отель «Ренессанс» принадлежит мне, — снова повторил он. — Точнее его часть. Я

был там, чтобы подписать некоторые документы и встретиться с дедом.

— Почему раньше мне об этом не говорил?

— Не хотел говорить про отель, потому что знал, за всем остальным пойдут другие вопросы, — устало объяснил Максим, — но ты все равно их задала. Это единственное, что я скрывал, не хотел видеть в твоих глазах разочарование во мне.

— Ничего не понимаю! — покачивая головой, я пыталась сложить все факты, — если у тебя есть родной дед, то почему ты не жил с ним? Почему он не забирал тебя к себе, почему допускал, чтобы ты жил с таким отцом? Он же мог!

— Вкратце отец моей матери, мой дед, не хотел, чтобы его дочь выходила за моего отца замуж. Он отвернулся от нее, как только узнал, что они все равно втайне от него поженились. Позже он простил ее, а вот она его нет. Я узнал об этом, только когда вырос. Дед нашел меня и сказал, что мне принадлежит часть его состояния. Так же, как и его отель. Сначала я ему не поверил, не хотел его знать, даже не стал его до конца слушать, считая его предателем. Я ненавидел его за то, что мне пришлось пережить. Ненавидел за то, что так рано ушла из жизни моя мама. Но он не отставал от меня, вымаливая прощение, и я, наконец, выслушал его. Оказалось, моя мать скрывала факт моего рождения от всей своей семьи, она решила порвать с ними всяческие отношения. И я уже никогда не пойму, почему она не смогла найти в себе силы, чтобы простить отца и дать нам возможность жить нормально. Она могла уйти от него, но предпочла остаться. Иногда мне кажется, что она недостаточно сильно любила меня, иначе как объяснить, что она позволяла все это время жить нам впроголодь, когда у нас могло быть все?

— Максим, это не может быть правдой, — прошептала я, а мое сердце обливалось кровью за него. Как можно его не любить? Я не понимала этого.

— Нам уже никогда не узнать правды, — грустно ответил Максим, — но я никогда тебя не обманывал. В отеле я не появлялся уже довольно давно, и сегодня я лишь встречался со своим дедом. Мы разговаривали. Об отеле, о тебе.

— Обо мне?

— Да. Он сказал, что мы оба заслуживаем счастья и должны перестать вести себя как идиоты. Точнее я перестану.

— Ты и правда идиот! — в сердцах выкрикнула я, все еще злясь на него за свои мучительные переживания. — Почему ты меня прогнал?

— Нелегко было признаться тебе, что я не совсем нормальный, — горько хмыкнул Макс. — Рядом с тобой должен быть другой мужчина, без подобных заморочек. Я не верил, что ты сможешь быть со мной, зная обо мне все, — и тихо добавил, — не верил, что сможешь полюбить, так же как я тебя!

Я смотрела на этого мужчину, такого сильного и смелого, чтобы признаться в таких необычных желаниях любимой женщине, и вдруг испугавшегося того, что она не сумеет его принять. А все потому, что он всегда давал мне выбор. Поэтому он признался. Он давал мне выбор быть с ним или уйти. Волна нежной грусти к нему накрыла меня.

— Но я люблю тебя!

— Пожалуйста, повтори, — он закрыл глаза и прижался своим лбом к моему, бережно обнимая.

— Я люблю тебя! — повторила я еще громче, взяв его лицо в свои ладони и глядя прямо в глаза.

— А я люблю тебя, — он сжал меня так сильно, что казалось, хрустнут кости, но я была

рада этим объятиям. — Так сильно люблю! Кажется, будет проще тебя отпустить, и не портить тебя своими извращенными мыслями, такую милую, нежную, но я не мог. Поверь, если бы я хотел тебя прогнать, я бы прогнал навсегда. Но жить без тебя уже выше моих сил. Рядом с тобой воздух для меня не просто слаще. Я не могу без тебя дышать.

— Тогда будь со мной!

— Я с тобой. Всегда, пока ты этого хочешь.

— Максим, любимый, я так переживала. Почему ты мне ничего не отвечал? Я написала тебе, что принимаю тебя любого, и для меня не важно прошлое. Главное, это наше будущее. Я не считаю тебя извращенцем или ненормальным! И никогда не считала! Это глупо! Ты лучший мужчина в моей жизни!

— Прости, прости меня! Я даже не читал твое сообщение. Боялся, что ты мне скажешь, что все кончено. Собирался с духом, сотни раз пытался открыть это сообщение и не мог. В итоге разозлился на собственную трусость, и телефон полетел в сторону, разбившись вдребезги.

Как же это было нелепо! Максим разбил телефон, а я считала, что он просто недоступен, страшилась каждой новой мысли, что с ним могло случиться несчастье, или он решил оставить меня. Мы оба боялись потерять друг друга. Но в итоге все равно притянулись точно магниты. Потому что не могли жить друг без друга.

— А я думала, ты ничего не боишься, — я ласково улыбнулась и прижалась губами к его губам. И готова поклясться, что нет слаще поцелуя, чем тот, которого так долго ждешь.

— Я тоже так думал, пока не понял, что могу тебя потерять, — Максим улыбнулся в ответ, и мое сердце запело от того, какой нежной и любимой мною была эта улыбка.

— Ты не потеряешь. Пока ты хочешь быть рядом со мной, я не уйду от тебя и не сбегу! И даже, если разлюбишь...

— Не разлюблю и не дам убежать! Никогда! — прорычал он, наклоняясь ко мне. Он поцеловал меня властно и нежно, смакуя каждый миллиметр моих губ. Его губы были такие горячие, сладкие и желанные. Вот, чего я хотела. Всегда. Как воздух, как саму жизнь. Мне становилось слишком мало этой нежности, я хотела большего. Мои руки жадно гладили его спину, остановившись на его упругих ягодицах, и я сжала их, прижимая к себе. Кровь закипела, дыхание сбилось, желание с силой ударило в низ живота.

— Сейчас, — требовательно прошептала я. Мы двинулись к скамейке, стоящей у подъезда, ни на секунду не отрываясь друг от друга. Рывком Максим усаживает меня верхом на себя, забравшись одной рукой мне под платье, которое благодаря широкой юбке, ловко могло скрывать все, что творится между нашими телами, а пышные деревья вокруг легко могли скрыть нас самих от загулявших допоздна зевак.

— Мокрая, — со стоном выдохнул Макс, как только проник в мои трусики, едва касаясь клитора.

— Всегда. Для тебя, — я двигаю бедрами, желая усилить трение. Руки тянутся под юбку, чтобы добраться до его брюк, расстегнуть молнию и прикоснуться к его уже твердому, готовому вырваться наружу члену. Я такая жадная до него, такая нетерпеливая! Писк открывающегося домофона заставляет меня вздрогнуть, и я резко прекращаю движения. Я вся взмокла с распахнутыми от ужаса глазами, что нас почти застали за занятием сексом прямо на улице, смотрю на хищную улыбку Макса.

— Смотри на меня, — шепчет он, понимая мое смятение, — можешь не двигаться, я все сделаю сам.

И его пальцы закружили во мне, надавливая и потирая, глубоко проникая внутрь, заставляя сжиматься вокруг них. Я едва сдерживала себя, чтобы не начать скакать прямо на ловких пальцах. Боковым зрением вижу силуэт человека, стоящего у подъезда. Мне нужно быть тихой, осторожной, но я не могу. С отчаянием я впиваюсь в шею Максима, подавляя в укусе свой стон. Я вся дрожу и молюсь, чтобы этого не заметил незнакомец. Блеснув фарами в темноте, у подъезда остановилась машина. Мой разум, все еще способный воспринимать звуки, творящиеся вокруг, помогает понять, что незнакомый человек направился к машине и, громко хлопнув дверью, уезжает. И я позволяю себе, наконец, застонать, откинув голову назад. Мои бедра задвигались в бешеном танце, желая получить все наслаждение до конца. Вспышка! И я рассыпаюсь, растекаюсь вокруг Максима, утратив последние остатки разума.

Раньше я боялась подпускать к себе людей слишком близко. Так часто они приносили мне разочарование. И только Максиму удалось пробить брешь в этой стене отчуждения, а затем и разломить ее окончательно. Нет, я не стала до конца открытой и доверчивой, но я поверила, что иногда люди, в самом деле, хотят меня понять, услышать мои истинные мысли. Я смогла так много сделать за эти месяцы, что просто удивительно. Стала более терпимой, перестала переживать за прошлое и легче стала смотреть в будущее. И все это, благодаря встрече с ним. Уверена, скажи я ему об этом, Максим возразил бы мне. Он сказал бы, что в этом целиком только моя заслуга. Но я так не считаю. Он многое дал мне, помимо своей любви и заботы. Но я рада, что тоже многое смогла ему дать. Он поверил в то, что его любят, искренне, без осуждений и сомнений. Каждый раз, когда я думаю о том, как этот сильный, такой смелый мужчина, вдруг стал таким неуверенным в себе, напуганным только от одной мысли потерять меня, мое сердце болезненно сжимается. Он тот человек, который сумел пройти через ад, еще когда был ребенком, и смог выжить. Максим не позволил тяготам судьбы поставить себя на колени, сделать из себя нелюдимого монстра, каким мог бы стать, видя перед собой наглядный пример отца. Он был прекрасным, любящим, но глубоко израненным в душе человеком. Его сила духа всегда будет вдохновлять меня. Единственной его слабой стороной оказалась я. Будь он чуточку слабее или неуверенней, я бы его потеряла. Максим мог закрыться от меня, только от одного страха увидеть осуждение в моих глазах. Признаться по совести, прошлая я так бы и поступила. Да, я знала, что поделиться со мной подобным прошлым, как самоудовлетворение во время звуков секса из родительской спальни, были для него равносильны признанием своей слабости. Но то, что он потакал своим желанием, не отвернуло меня от него, скорее наоборот. Я счастлива, что он потом смог найти в странном занятии наблюдения за женщинами крупицу спокойствия. Но как любой другой человек, влюбленный без меры, на меня порой накатывало чувство жгучей ревности:

— Максим, та картина, возле которой мы познакомились. Она была написана с натуры?

— Нет, — Максим, крепко сжимавший мою руку, непонимающе посмотрел на меня. —

Скорее собирательный образ. Почему ты вдруг спросила?

Стало неловко признаваться в своем стремлении выведать, кого Максим изображал на своих холстах до меня.

— Мне стало интересно, как много женщин ты изображал до меня.

— Живых, реальных ни одну.

— Правда? — стало тепло от его слов, и я крепче сжала его руку.

— Я сначала делаю эскизы, выбираю, что особенно приглянулось, затронуло: фигуру, волосы, движения. Затем получается единый образ, и я его воплощаю.

Щеки вспыхнули, я была так счастлива знать, что первым реальным человеком, которого изобразил Макс, была я.

— А куда мы идем? — спросила я, делая вид, что, в самом деле, в вопросе не было никакого скрытого интереса. Максим усмехнулся, казалось, он снова все понял. Интересно, он когда-нибудь перестанет так на меня действовать?

— Скоро увидишь, мы почти пришли.

— Было бы хорошо, — вздохнула я. Мне было приятно идти с Максимом за руку, но мы прошли уже так много, вышли за пределы набережной, на которую вместе приехали, и теперь взбирались на гору, и мои ноги уже совсем устали от непривычной долгой ходьбы. Максим вывел меня за поворот между деревьев и остановился.

— Пришли.

Мы оказались на вершине высокой горы, а прямо под ней простиралась длинная река. Оказавшись почти у самого обрыва, у меня захватило дух. Это был самый прекрасный вид, которой я когда — либо видела. Должно быть, мы обогнули весь пляж, чтобы оказаться здесь.

— Как ты нашел это место? Оно изумительно!

Я вглядывалась в темноту сгущающихся сумерек на набережную нашего города и видела яркие огоньки вдалеке, которые казались такими маленькими, словно волшебные разноцветные светлячки.

— Когда то у меня было много времени, чтобы исследовать все эти места.

— Оно чудесно! — я повернулась к нему, прижавшись к твердой груди. — Спасибо.

Мы постояли еще несколько минут у обрыва, любуясь очарованием тихой темноты, а затем Максим потянул меня в сторону.

— Это еще не все.

Пройдя несколько шагов, мы оказались на удобной полянке, на которой кто — то бережно расстелил мягкое покрывало. Рядом с ним стояли незажженные свечи в огромных стеклянных бокалах. Максим опустил на колени и зажег каждую из них.

— Как ты это все успел, когда? — я была поражена, обескуражена и безумно счастлива.

— Хотелось сделать тебе приятно, — Максим был немного смущен, и только человек, так хорошо знающий его как я, мог это увидеть. Для остальных он мог казаться абсолютно невозмутимым и спокойным.

— Тебе это удалось, даже более чем, — я счастливо улыбнулась, подошла к нему, обняла и поцеловала. Наши губы всегда жадные, ненасытные друг другом в этот раз действовали медленнее, чем обычно. Мы наслаждались каждой секундой, каждым мгновением, что дарила нам судьба. Больше не нужно было спешить насытиться. Ведь мы оба знали, что впереди у нас много таких поцелуев и ласк, и никто из нас больше не боялся, что все это рано или поздно закончится.

— Максим Агапов, официально заявляю — ты романтик! — сказала я, нехотя отрываясь от его губ, чтобы перевести дыхание.

— Человек, посвятивший свою жизнь творчеству, не может им не быть, — ответил Макс, хищно улыбаясь.

— Если ты сейчас скажешь что-то про сухую констатацию факта, я тебя укушу, — я игриво щелкнула зубами и, быстро захватив мочку его уха, втянула в рот, посасывая.

— Ты можешь кусать, — пробормотал Макс хрипло, а я, тем временем, перешла к чувствительному месту за ушком и лизнула его. — Ты можешь целовать и лизать, — я снова обхватила мочку уха губами. — Да, и ты можешь сосать меня сколько твоей душе угодно.

Шутливо толкнув его, я рассмеялась, а Максим потянул меня на покрывало. Ловко повалив на спину, приподнявшись на локтях, он пристально посмотрел на меня:

— Люблю, — сказал он.

— Люблю, — повторила я тихим эхом.

Я закрыла глаза, притянув его к себе, чтобы ощутить тяжесть его тела, а когда снова их

открыла, то увидела, как на темном небе зажигаются звезды, и о чудо! Одна из них упала, и я успела загадать желание: «Вместе навсегда».

— Навсегда, — отозвался Макс, словно сумел почувствовать падающую звезду и тоже захотел загадать желание. Или он в очередной раз сумел прочитать мои мысли?

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От Автора: Буду очень рада увидеть ваши отзывы о своем романе)

*Ба́ухаус (нем. Bauhaus, Hochschule für Bau und Gestaltung — Высшая школа строительства и художественного конструирования, или Staatliches Bauhaus) — учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919 по 1933 годы, а также художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения, и соответствующее направление в архитектуре.

**Клячка — это мягкая резина, применяющаяся при осветлении тонов, когда рисунок выполняется с помощью карандаша.